Russ. Karamsin

75 i - 5

<36621841220015

<36621841220015

Bayer. Staatsbibliothek

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА

РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ V.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА

РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ V.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Иждивеніемъ книгопродавца Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи вдовы Плюшаръ съ сыномъ.

1834.

Печатано

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.
ТОМЪ V.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ ІОАННОВИЧЬ, ПРОЗВАНІЕМЪ ДОНСКІЙ.

Г. 1363 – 1389.

Гнѣвъ Ханскій. Стѣсненіе Князей Удѣльныхъ. Договоръ. Усмиреніе Князя Нижегородскаго. Язва. Великій пожаръ. Каменный Кремль. Частныя побѣды надъ Моголами. Разбои Новогородской вольницы. Междоусобіе Тверскихъ Князей. Запустѣніе Херсона. Нашествіе Литвы. Война съ Орденомъ. Сила Мамая. Вторичное нашествіе Ольгерда. Благоразуміе Михаила Тверскаго. Любовь народная къ Димитрію. Знаменія. Возвращеніе Великаго Князя изъ Орды. Война съ Олегомъ. Новое впаденіе Литвы. Междоусобіе. Третіе нашествіе Ольгерда. Избіеніе Татаръ въ Нижнемъ. Послѣдній Тысячскій въ Москвѣ. Война съ Тверскимъ Княземъ. Первая смертная казнь въ Москвѣ. Походъ въ Болгарію. Начало Казани. Нашествіе Моголовъ. Пословица. Побѣда надъ Моголами. Успѣхи въ войнѣ съ Литвою. Дѣла церковныя. Нашествіе Мамаево. Измѣна Олегова. Славная битва Куликовская. Тамерланъ. Нашествіе Тохтамыша. Мужественный Князь Остей. Приступъ къ столицѣ. Вѣроломство Тохтамыша. Взятіе и разрушеніе Москвы. Скорбь Димитрія. Изгнаніе Олега. Возстановленіе Москвы. Изгнаніе Митрополита. Ненависть Князя Тверскаго къ Димитрію. Сынъ Димитріевъ въ Ордѣ. Тяжкая дань. Миръ съ Олегомъ. Ссора и миръ съ Новымгородомъ. Крещеніе Литвы. Жестокость Князя Смоленскаго. Бѣгство сына Димитріева изъ Орды. Смерть Князя Нижегородскаго. Вражда между Вел. Княземъ и

Владиміромъ. Ихъ примиреніе. Новый порядокъ наслѣдства. Кончина Вел. Князя. Свойства Димитріевы. Строеніе городовъ и монастырей. Дѣла церковныя. Ересь Стригольниковъ. Крещеніе Перми. Сношеніе съ Греціею. Путешествіе Пимена. Италіанцы въ нашей службѣ. Деньги вмѣсто кунъ. Огнестрѣльное искусство въ Россіи. Кометы. Зима до 20 Апрѣля.

г. 1363. Калита и Симеонъ готовили свободу нашу болѣе умомъ, нежели силою: настало время обнажить мечь. Увидимъ битвы кровопролитныя, горестныя для человѣчества, но благословенныя Геніемъ Россіи: ибо громъ ихъ пробудилъ ея спящую славу, и народу уничиженному возвратилъ благородство духа. Сіе важное дѣло не могло совершиться вдругъ и съ непрерывными успѣхами: Судьба испытываетъ людей и Государства многими неудачами на пути къ великой цѣли, и мы заслуживаемъ счастіе мужественною твердостію въ противностяхъ онаго.

Димитрій Іоанновичь, удостоенный Великокняжескаго сана Мурутомъ, желая господствовать безопаснѣе, искалъ благосклонности и въ другомъ Царѣ, Авдулѣ, сильномъ Мамаевою Ордою: Посолъ сего Хана явился съ милостивою грамотою, и Димитрій долженствовалъ вторично ѣхать въ Владиміръ, чтобы принять оную согласно съ древними обрядами. Хитрость безполезная: угождая обоимъ Ханамъ, Великій Князь оскорблялъ того и другаго; по крайней мѣрѣ утратилъ милость Сарайскаго, и возвратясь въ Мо-

скву, свѣдалъ, что Димитрій Константиновичь опять занялъ Владиміръ: ибо Муруть прислалъ ему съ сыномъ бывшаго Владѣтеля Бѣлозерскаго, Іоанномъ Ѳеодоровичемъ, и съ тридцатью слугами Ханскими ярлыкъ на Великое Княженіе. Но гнѣвъ Царскій уже не казался гнѣвомъ Небеснымъ: юный внукъ Калитинъ осмѣлился презрѣть оный, выступилъ съ полками, чрезъ недѣлю изгналъ Димитрія Константиновича изъ Владиміра, осадилъ его въ Суздалѣ, и въ доказательство великодушія позволилъ ему тамъ властвовать какъ своему присяжнику. Гнѣвъ Ханскій.

Мысль Великаго Князя или умныхъ Бояръ его, мало по малу искоренить систему Удѣловъ, оказалась ясно: онъ выслалъ Князей Стародубскаго и Галицкаго изъ ихъ наслѣдственныхъ городовъ, обязавъ Константина Ростовскаго быть въ точной и совершенной зависимости отъ Главы Россіи[1]. Изумленные рѣшительною волею отрока господствовать единодержавно, вопреки обыкновенію древнему и закону отцевъ ихъ, они жаловались, но повиновались: первые отъѣхали къ Князю Андрею Нижегородскому, а Константинъ въ Устюгъ. Стѣсненіе Князей Удѣльныхъ. Г. 1364.

Въ сіе время Димитрій Іоанновичь лишился брата и матери. Тогда онъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Владиміромъ Андреевичемъ, заключилъ договоръ, выгодный для обоихъ[2]. Митрополитъ Алексій былъ свидѣтелемъ и держалъ въ рукахъ святый Договоръ.

г. 1364. крестъ; юные Князья, окруженные Боярами, приложились къ оному, давъ клятву вѣрно исполнять условія, которыя состояли въ слѣдующемъ: «Мы клянемся жить «подобно нашимъ родителямъ: мнѣ, Князю «Владиміру, уважать тебя, Великаго Князя, «какъ отца, и повиноваться твоей верховной «власти; а мнѣ, Димитрію, не обижать те«бя и любить, какъ меньшаго брата. Ка«ждый изъ насъ да владѣетъ своею отчи«ною безспорно: я, Димитрій, частію моего «родителя и Симеоновою; ты Удѣломъ сво«его отца. Пріятели и враги да будутъ у «насъ общіе. Узнаемъ ли какое злоумышле«ніе? объявимъ его немедленно другъ другу. «Бояре наши могутъ свободно переходить, «мои къ тебѣ, твои ко мнѣ, возвративъ «жалованье, имъ данное. Ни мнѣ въ твоемъ, «ни тебѣ въ моихъ Удѣлахъ не покупать «селъ, не брать людей въ кабалу, не судить «и не требовать дани. Но я, Владиміръ, «обязанъ доставлять тебѣ, Великому Кня«зю, съ Удѣла моего извѣстную дань Хан«скую. Сборы въ волостяхъ Княгини Іуліа«ніи принадлежатъ намъ обоимъ. Людей «черныхъ, записанныхъ въ сотни, мы не «должны принимать къ себѣ въ службу, ни «свободныхъ землѣдельцевъ, мнѣ и тебѣ во«обще подвѣдомыхъ. Выходцамъ Ординскимъ «отправлять свою службу, какъ въ стари«ну бывало» (симъ именемъ означались Татары, коимъ наши Князья дозволяли селить-

ся въ Россійскихъ городахъ). «Если буду г. 1364.
«чего искать на твоемъ Бояринѣ или ты
«на моемъ, то судить его моему и твоему
«чиновнику вмѣстѣ; а въ случаѣ несогласія
«между ими, рѣшить тяжбу судомъ Третей-
«скимъ. Ты, меньшій братъ, участвуй въ
«моихъ походахъ воинскихъ, имѣя подъ Кня-
«жескими знаменами всѣхъ Бояръ и слугъ
«своихъ: за что во время службы твоей
«будешь получать отъ меня жалованье.» —
Отнимая Удѣлы свойственниковъ дальнихъ,
Великій Князь не хотѣлъ поступить такъ
съ ближнимъ, и Княженіе Московское оста-
валось еще раздробленнымъ.

Между тѣмъ въ Сараѣ одинъ Ханъ смѣ-
нялъ другаго: преемникъ Мурутовъ, Азисъ,
думалъ также низвергнуть Калитина внука,
и Димитрій Константиновичь снова полу-
чилъ Ханскую грамоту на Великое Княже-
ніе, привезенную къ нему изъ Орды весною
сыномъ его, Василіемъ, и Татарскимъ Вель-
можею Урусмандомъ; но сей Князь, видя сла-
бость свою, далъ знать Димитрію Москов-
скому, что онъ предпочитаетъ его дружбу
милости Азиса, и на вѣки отказывается
отъ достоинства Великокняжескаго. Умѣрен-
ность, вынужденная обстоятельствами, не
есть добродѣтель; однакожь Димитрій Іоан- г. 1365.
новичь изъявилъ ему за то благодарность.
Андрей Константиновичь преставился въ
Нижнемъ[3]: желая наслѣдовать сію область,
и свѣдавъ, что она уже занята меньшимъ

г. 1365. братомъ его, Борисомъ, Князь Суздальскій прибѣгнулъ къ Московскому. Древнее обыкновеніе употреблять людей духовныхъ въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ, еще не перемѣнилось: Св. Сергій, Игуменъ пустынной Троицкой Обители, былъ вызванъ изъ глубины лѣсовъ и посланъ объявить Владѣтелю Нижегородскому, чтобы онъ ѣхалъ судиться съ братомъ къ Димитрію Іоанновичу. Борисъ, утвержденный между тѣмъ на престолѣ Ханскою грамотою, отвѣтствовалъ, что Князей судитъ Богъ. Исполняя данное ему отъ Митрополита повелѣніе, Сергій затворилъ всѣ церкви въ Нижнемъ; но и сія духовная казнь не имѣла

Усмиреніе Князя Нижегородскаго. дѣйствія. Надлежало привести въ движеніе сильную рать Московскую: Димитрій Суздальскій предводительствовалъ ею. Тогда Борисъ увидѣлъ необходимость повиноваться: выѣхалъ на встрѣчу къ брату, уступилъ ему Нижній и согласился взять одинъ Городецъ; а Великій Князь, благодѣяніемъ привязавъ къ себѣ Димитрія Константиновича, женился послѣ на его дочери, Евдокіи:

г. 1365. — 67. свадьбу праздновали въ Коломнѣ со всѣми пышными обрядами тогдашняго времени.

Сіе происшествіе случилось въ годъ ужасный для Москвы.

Язва. Язва, описанная нами въ княженіе Симеоново, вторично посѣтила Россію. Во Псковѣ она возобновилась чрезъ 8 лѣтъ (и Князь Изборскій, Евстафій, съ двумя сыновьями былъ ея жертвою); а

въ 1364 году купцы и путешественники завезли оную изъ Бездежа въ Нижній Новгородъ, въ Коломну, въ Переславль, гдѣ умирало въ день отъ 20 до 100 человѣкъ[1]. Лѣтописцы говорятъ о свойствѣ и признакахъ болѣзни такимъ образомъ: «Вдругъ ударитъ «какъ ножемъ въ сердце, въ лопатку, или «между плечами; огонь пылаетъ внутри; «кровь течетъ горломъ; выступаетъ силь-«ный потъ и начинается дрожь. У другихъ «дѣлаются железы на шеѣ, бедрѣ, подъ «скулою, пазухою, или за лопаткою. Слѣд-«ствіе одно: смерть неизбѣжная, скорая, но «мучительная. Не успѣвали хоронить тѣлъ; «едва десять здоровыхъ приходилось на сто «больныхъ; несчастные издыхали безъ вся-«кой помощи. Въ одну могилу зарывали семь, «восемь и болѣе труповъ. Многіе домы со-«всѣмъ опустѣли; въ иныхъ оставалось по «одному младенцу.» Въ 1365 году зараза открылась въ Ростовѣ, Твери, Торжкѣ: въ первомъ городѣ скончались въ одно время Князь Константинъ Васильевичь, его супруга, Епископъ Петръ, а во второмъ вдовствующая Княгиня Александра Михайловича съ тремя сыновьями, Всеволодомъ Холмскимъ, Андреемъ, Владиміромъ, — ихъ жены, также супруга и сынъ Константина Михайловича, Симеонъ, множество Вельможъ и купцевъ. Въ 1366 году и Москва испытала то же бѣдствіе. Сія жестокая язва нѣсколько разъ проходила и возвращалась. Въ

Г. 1365 — 67.

г. 1365. —67. Смоленскѣ она свирѣпствовала три раза: наконецъ (въ 1387 году) осталось въ немъ только пять человѣкъ, которые, по словамъ лѣтописи, вышли и затворили городъ, наполненный трупами.

Москва не задолго до язвы претерпѣла и другое несчастіе: пожаръ, какого еще не бывало, и которой слыветъ въ лѣтописяхъ

Великій пожаръ. *великимъ пожаромъ Всесвятскимъ*, ибо начался церковію Всѣхъ Святыхъ[5]. Сей городъ раздѣлялся тогда на *Кремль*, *Посадъ*, *Загородье* и *Зарѣчье*: въ два часа или менѣе огонь, развѣваемый ужасною бурею, истребилъ ихъ совершенно. Многіе Бояре и купцы не спасли ничего изъ своего имѣнія. — Видя, сколь деревянныя укрѣпленія ненадежны, Великій Князь въ общемъ совѣтѣ съ братомъ, Владиміромъ Андреевичемъ, и съ Боярами, рѣ-

Каменный Крем. шился построить *каменный Кремль*, и заложилъ его весною въ 1367 году. Надлежало, не упуская времени, брать мѣры для безопасности отечества и столицы, когда Россія уже явно дѣйствовала противъ своихъ тирановъ: могли ли они добровольно отказаться отъ господства надъ нею и простить ей великодушную смѣлость? Мурза Ординскій, Тагай, властвуя въ землѣ Мор-

Частныя побѣды надъ Моголами. довской или въ окрестностяхъ Наровчата, выжегъ нынѣшнюю Рязань: Олегъ соединился съ Владиміромъ Димитріевичемъ Пронскимъ и съ Княземъ Титомъ Козельскимъ (однимъ изъ потомковъ Св. Михаила Черниго-

скаго), настигъ и разбилъ Тагая въ сраженіи кровопролитномъ. Столь же счастливо Димитрій Нижегородскій съ братомъ своимъ, Борисомъ, наказалъ другаго сильнаго Могольскаго хищника, Булатъ-Темира. Сей Мурза, овладѣвъ теченіемъ Волги, разорилъ Борисовы села въ ея окрестностяхъ, но бѣжалъ отъ нашихъ Князей за рѣку Пьяну; многіе Татары утонули въ ней или были истреблены Россіянами; а самъ Булатъ-Темиръ ушелъ въ Орду, гдѣ Ханъ Азисъ велѣлъ его умертвить[6]. — Сіи ратныя дѣйствія предвѣщали важнѣйшія. Г. 1367.

Великій Князь, готовясь къ рѣшительной борьбѣ съ Ордою многоглавою, старался утвердить порядокъ внутри отечества. Своевольство Новогородцевъ возбудило его негодованіе: многіе изъ нихъ, подъ названіемъ охотниковъ, составляли тогда цѣлые полки, и, безъ всякаго сношенія съ Правительствомъ, ѣздили на добычу въ мѣста отдаленныя. Такъ они (въ 1364 году) ходили по рѣкѣ Оби до самаго моря съ молодымъ Вождемъ Александромъ Обакуновичемъ и сражались не только съ иноплеменными Сибирскими народами, но и съ своими Двинянами. Сей же Александръ и другіе смѣльчаки отправились внизъ по Волгѣ на 150 лодкахъ[7]; умертвили въ Нижнемъ великое число Татаръ, Армянъ, Хивинцевъ, Бухарцевъ; взяли ихъ имѣніе, женъ, дѣтей; вошли въ Каму, ограбили многія селенія въ Болгаріи Разбои Новогородской вольницы.

г. 1367. и возвратились въ отчизну, хвалясь успѣхомъ и добычею. Узнавъ о томъ, Великій Князь объявилъ гнѣвъ Новогородцамъ; велѣлъ захватить ихъ чиновника въ Вологдѣ, ѣхавшаго изъ Двинской области, и сказать имъ, что они поступаютъ какъ разбойники, и что купцы иноземные находятся въ Россіи подъ защитою Государя. Правительство, извиняясь невѣдѣніемъ, нашло способъ умилостивить Димитрія.

Междоусобія Тверскихъ Князей. Самая язва не прекратила междоусобія Тверскихъ Князей. Василій Михайловичь Кашинскій, долговременный непріятель Всеволода Холмскаго, ссорился и съ братомъ его, Михаиломъ Александровичемъ (княжившимъ прежде въ Микулинѣ) за область умершаго Симеона Константиновича. Дядя хотѣлъ быть Главою Княженія; а племянникъ доказывалъ, что онъ, будучи сыномъ брата старшаго, есть наслѣдникъ его правъ и властелинъ всѣхъ частныхъ Удѣловъ[8]. Они хотѣли рѣшить тяжбу судомъ духовнымъ: уполномоченный для того Митрополитомъ, Тверскій Епископъ обвинялъ дядю, но долженствовалъ самъ ѣхать въ Москву для отвѣта: ибо Василій и братъ Симеоновъ, Іеремій Константиновичь, жаловались на его несправедливость Святому Алексію. Сіе дѣло казалось неважнымъ: открылись слѣдствія несчастныя для Твери и Москвы. Юноша Михаилъ имѣлъ достоинства, властолюбіе и сильнаго покровителя въ знаме-

нитомъ Ольгердѣ Литовскомъ, женатомъ г.
на его сестрѣ. Зная, что Великій Князь и 1367.
Митрополитъ держатъ сторону Василіеву – зная также намѣреніе перваго господствовать самодержавно надъ всею Россіею – Михаилъ уѣхалъ въ Литву. Пользуясь его отсутствіемъ, Василій и Іеремій гнали усердныхъ къ нему Бояръ, и предводительствуя данною имъ отъ Димитрія Московскою ратію, опустошили Михаилову область въ надеждѣ, что онъ не дерзнетъ возвратиться. Но Михаилъ спѣшилъ отмстить дядѣ и брату, ведя съ собою войско Литовское: взялъ Тверь, плѣнилъ свою тетку, и думалъ осадить Кашинъ, гдѣ заключился Василій; однакожь Епископъ примирилъ ихъ, съ условіемъ, что дядя уступитъ старѣйшинство племяннику, и будетъ довольствоваться областію Кашинскою.

Князь Московскій участвовалъ въ семъ мірѣ и подтвердилъ его. Но прозорливые совѣтники Димитріевы, боясь замысловъ Михаила – который назвался *Великимъ Княземъ Тверскимъ*[9], и хотѣлъ возстановить независимость своей области – употребили хитрость: ими, какъ вѣроятно, наученный, Іеремій Константиновичь пріѣхалъ къ Димитрію съ новыми жалобами, требуя, чтобы онъ взялъ на себя распорядить Удѣлы въ Твери. Михаила позвали въ Москву дружелюбно и ласково: самъ Св. Алексій обнадежилъ его въ безопасности, увѣряя, что судъ

Великаго Князя навсегда утвердить тишину въ Тверскихъ владѣніяхъ. Слово Митрополита и святость гостепріимства не дозволяли страшиться обмана. Михаилъ желалъ видѣть столицу Димитрія (уже славную тогда въ Россіи), узнать его лично, бесѣдовать съ благоразумными Вельможами Московскими: онъ въѣхалъ гостемъ, но сдѣлался невольникомъ. Нарядили Третейскій судъ; хотѣли предписывать законы Михаилу; удалили отъ него Бояръ Тверскихъ,
г. 1368. и содержали ихъ какъ плѣнниковъ въ разныхъ домахъ съ Княземъ. Обманъ недостойный Правителей мудрыхъ! и виновники не воспользовались онымъ. Лѣтописцы говорятъ, что прибытіе Ханскаго Вельможи, Карача, заставило совѣтниковъ Димитріевыхъ освободить утѣсненнаго Князя: сей Мурза, какъ вѣроятно, вступился за него; вѣроятно и то, что Св. Алексій, невольно вовлеченный въ дѣло противное совѣсти, удержалъ ихъ отъ дальнѣйшаго насилія. Михаилъ спѣшилъ удалиться, громогласно обвиняя Димитрія и Митрополита, хотя они клятвою обязали его быть довольнымъ и не жаловаться! Онъ уступилъ, безъ сомнѣнія также невольно, Городокъ или область Симеона Константиновича, Князю Іеремію, съ коимъ отправился туда чиновникъ Московскій.

Надлежало довершить оружіемъ, что начали коварствомъ. Василій Кашинскій умеръ[10]:

Великій Князь, какъ бы желая только защитить сына его, Михаила, отъ притѣсненій, послалъ войско въ Тверь; а Михаилъ Александровичь ушелъ къ Ольгерду. Сей Литовскій Государь, болѣе двадцати лѣтъ воюя непрестанно съ Нѣмецкимъ Орденомъ, съ Поляками, Россіянами, купилъ славу Героя кровію безчисленнаго множества людей и пепломъ городовъ: равнодушно смотрѣлъ на изнуреніе своихъ подданныхъ, и бодрый въ лѣтахъ старости, все еще искалъ новыхъ пріобрѣтеній. Въ 1363 году онъ ходилъ съ войскомъ къ Синимъ Водамъ, или въ Подолію, и къ устью Днѣпра, гдѣ кочевали три Орды Могольскія[11]; разбивъ ихъ, гнался за ними до самой Тавриды; опустошилъ Херсонъ, умертвилъ большую часть его жителей, и похитилъ церковныя сокровища: съ того времени, какъ вѣроятно, опустѣлъ сей древній городъ, и Татары Заднѣпровскіе находились въ нѣкоторой зависимости отъ Литвы. Походъ къ берегамъ Чернаго Моря не препятствовалъ Ольгерду безпокоить Россію: Военачальники его взяли Ржевъ, а сынъ, Андрей Полоцкій (въ 1368 году) старался овладѣть другими пограничными мѣстами нашими. Россіяне также дѣйствовали наступательно, и юный Князь Владиміръ Андреевичь ознаменовалъ свое мужество счастливымъ успѣхомъ, изгнавъ Литву изъ города Ржева. Въ сихъ обстоятельствахъ Ольгердъ долженъ былъ ревностно вступиться за шурина, ко-

Г. 1368.

Запустѣніе Херсона.

г. 1368. Нашествіе Литвы.

торый предлагалъ ему итти прямо къ Москвѣ и смирить дерзкаго юношу, уже столь рѣшительнаго въ замыслахъ самовластія. Собравъ многочисленные полки, онъ выступилъ къ предѣламъ Россіи съ братомъ Кестутіемъ, также посѣдѣвшимъ въ битвахъ, и съ сыномъ его, отрокомъ Витовтомъ, будущимъ Героемъ, грознымъ для всѣхъ народовъ сосѣдственныхъ. Лѣтописцы разсказываютъ, что Кестутій, возвращаясь однажды съ войскомъ изъ Пруссіи, увидѣлъ въ Полонгѣ красавицу, именемъ Бириту, и влюбился въ нее: давъ идоламъ своимъ обѣтъ вѣчно сохранить дѣвство и за то слывя богинею въ народѣ, она не хотѣла быть женою храбраго Князя; но Кестутій насильно сочетался съ нею бракомъ. Отъ сей Бириты родился знаменитый Витовтъ.

Князь Смоленскій, добровольно или принужденно, соединилъ дружину свою съ полками Литовскими, которые шли, не зная, куда: ибо Ольгердъ умѣлъ хранить тайну въ важныхъ предпріятіяхъ, чтобы нападать внезапно, и любилъ побѣждать хитростію еще болѣе, нежели силою. Онъ былъ окруженъ Россіянами и купцами иноземными; но цѣль его похода оставалась неизвѣстною въ Москвѣ до самаго того времени, какъ сей завоеватель приблизился къ нашимъ границамъ. Изумленный Великій Князь отправилъ гонцевъ во всѣ области для собранія войска, и желая остановить стремленіе не-

пріятеля, велѣлъ Боярину, Димитрію Минину, итти впередъ съ одними полками Московскими, Коломенскими и Дмитровскими. Вторымъ начальникомъ былъ Воевода Князя Владиміра Андреевича, именемъ Іакинѳъ Шуба. Уже Ольгердъ какъ левъ свирѣпствовалъ въ Россійскихъ владѣніяхъ: не уступая Моголамъ въ жестокости, хваталъ безоружныхъ въ плѣнъ, жегъ города; убилъ Князя Стародубскаго, Симеона Димитріевича Кропиву, а въ Оболенскѣ Князя Константина Юрьевича, происшедшаго отъ Св. Михаила Черниговскаго[12], и близъ Тростенскаго озера ударилъ всѣми силами на Воеводу Минина. Многіе наши Князья, Бояре легли на мѣстѣ, и полки Московскіе были истреблены совершенно. Ольгердъ, истязая плѣнниковъ, спрашивалъ: гдѣ Великій Князь? и есть ли у него войско? Всѣ отвѣтствовали единогласно, что Димитрій въ столицѣ и еще не успѣлъ соединить силъ своихъ. Побѣдитель спѣшилъ къ Москвѣ, гдѣ Великій Князь съ братомъ, Владиміромъ Андреевичемъ, съ Митрополитомъ Алексіемъ, со всѣми знаменитѣйшими людьми затворился въ Кремлѣ, велѣвъ обратить въ пепелъ окрестныя зданія[13]. Три дни Ольгердъ стоялъ подъ стѣнами, грабилъ церкви, монастыри, не приступая къ городу: каменныя стѣны и башни устрашали его; а зимніе морозы не позволяли ему заняться трудною осадою. Довольный корыстію и множествомъ

Г. 1368.

Нояб. 21

Г. 1368. плѣнниковъ, онъ удалился, гоня передъ собою стада и табуны, отнятые у земледѣльцевъ и городскихъ жителей; вышелъ изъ Россіи, и хвалился тѣмъ, что она долго не забудетъ сдѣланныхъ имъ въ ней опустошеній. Въ самомъ дѣлѣ Великое Княжество не видало подобныхъ ужасовъ въ теченіе сорока лѣтъ, или со временъ Калиты, и свѣдало, что не одни Татары могутъ разрушать Государства.

Война съ Орденомъ. Какъ скоро сія буря миновалась, Великій Князь отправилъ брата, Владиміра Андреевича, защитить Псковитянъ отъ Нѣмцевъ. Оскорбленные убіеніемъ нѣкоторыхъ Россіянъ на границахъ Ливоніи въ мирное время, Псковитяне (въ 1362 году) остановили у себя гостей Нѣмецкихъ, а жители Дерпта Новогородскихъ[14]. Были съѣзды и переговоры. Новгородъ посылалъ Бояръ своихъ въ Дерптъ: наконецъ съ обѣихъ сторонъ задержаннымъ купцамъ дали свободу; однакожъ Псковитяне взяли съ Нѣмцевъ не мало серебра за ихъ вѣроломство, и не могли долго ужиться съ ними въ мирѣ. Открылась новая ссора за границы: Посолъ отъ Великаго Князя ѣздилъ въ Дерптъ, и не успѣлъ ни въ чемъ. Въ слѣдъ за нимъ явилось войско Нѣмецкое, предводимое Магистромъ Вильгельмомъ Фреймерзеномъ, Архіепископомъ Фромгольдомъ и многими Коммандорами; выжгло окрестности Пскова, стояло сутки подъ его стѣнами и ночью

ушло. «Къ несчастію» (говоритъ тамошній Лѣтописецъ) «Князь Александръ и главные чиновники наши были въ разъѣздѣ по «селамъ, а мы ссорились съ Новымгородомъ.» Прибытіе Князя Владиміра Андреевича возстановило согласіе между ими; съ того времени Новогородцы дѣйствовали за одно съ своими братьями, Псковитянами: принудили Нѣмцевъ бѣжать отъ Изборска и вторично отъ Пскова; но сами тщетно осаждали Нейгаузенъ, и (въ 1371 году) заключили съ Орденомъ миръ. Г. 1369.

Потрясенная нашествіемъ Литвы Москва имѣла нужду въ отдохновеніи: Великій Князь возвратилъ Михаилу спорную область Симеона Константиновича; но не замедлилъ снова объявить ему войну: принудилъ его вторично бѣжать въ Литву, взялъ Зубцевъ, Микулинъ, и плѣнилъ множество людей, чтобы ослабить Державу опаснаго противника. Раздраженный бѣдствіемъ своего невиннаго народа, Михаилъ вздумалъ свергнуть Димитрія посредствомъ Татаръ. Уже Мамай силою или хитростію соединилъ такъ называемую *Золотую* или Сарайскую Орду, гдѣ царствовалъ Азисъ, и свою Волжскую; объявилъ Ханомъ Мамантъ-Салтана и господствовалъ подъ его именемъ[15]. Вѣроятно, что онъ былъ недоволенъ Димитріемъ, или, находясь въ дружелюбномъ сношеніи съ Ольгердомъ, хотѣлъ угодить ему; по крайней мѣрѣ, выслушавъ благосклонно Г. 1370—71. Сила Мамая.

г. 1370 — 71. Михаила, далъ ему грамоту на санъ Великаго Князя: Посолъ Ханскій долженствовалъ ѣхать съ нимъ въ Владиміръ. Но времена безмолвнаго повиновенія миновались: конные отряды Московскіе спѣшили занять всѣ пути, чтобы схватить Тверскаго Князя, и Михаилъ, ими гонимый изъ мѣста въ мѣсто, едва могъ пробраться въ Вильну.

Одержавъ побѣду надъ Крестоносцами Нѣмецкими, сѣдый Ольгердъ наслаждался или скучалъ тогда миромъ. Жена его, сестра Михаилова, усердно ходатайствовала за брата; а Димитрій сдѣлалъ Литвѣ новую, чувствительную досаду, посылавъ Воеводъ Московскихъ осаждать Брянскъ и тревожить владѣнія союзника ея, Князя Смоленскаго[16]. Ольгердъ рѣшился вторично итти къ Москвѣ, какъ скоро болота и рѣки замерзли отъ перваго холода зимняго. Нѣсколько тысячь земледѣльцевъ шли впереди, прокладывая прямыя дороги. Войско не останавливалось почти ни днемъ, ни ночью; не смѣло ни грабить, ни жечь селеній, чтобы не тратить времени, и въ исходѣ Ноября приступило къ Волоку Ламскому, гдѣ начальствовалъ храбрый, опытный мужъ, Василій Ивановичь Березуйскій, одинъ изъ Князей Смоленскихъ, вѣрный слуга Димитріевъ. Три дни бились подъ стѣнами, и рать многочисленная не могла одолѣть упорства осажденныхъ, такъ, что Ольгердъ, потерявъ терпѣніе, съ досадою удалился отъ ничтож-

Вторичное нашествіе Ольгерда.

ной деревянной крѣпости: ибо время казалось ему дорого. Но Россіяне оплакивали своего знаменитаго начальника: непріятельскій воинъ скрылся во рву, и видя Князя Березуйскаго стоящаго передъ городскими воротами, ударилъ его сквозь мостъ копіемъ. Сей вѣрный сынъ отечества, довольный спасеніемъ города, посвятилъ Небу послѣднія минуты жизни: онъ скончался Монахомъ. г. 1370 — 71.

6 Декабря Ольгердъ и правая рука его, мужественный Кестутій, расположились станомъ близъ Москвы; съ ними былъ и Князь Смоленскій Святославъ. Они 8 дней разоряли окрестности, сожгли Загородье, часть Посада, и вторично не дерзнули приступить къ Кремлю, гдѣ самъ Димитрій начальствовалъ: Митрополитъ Алексій находился тогда въ Нижнемъ Новѣгородѣ, къ сожалѣнію народа, всегда ободряемаго въ опасностяхъ присутствіемъ Святителя. Но Великій Князь и Бояре, предвидя слѣдствіе взятыхъ ими мѣръ, спокойно ожидали онаго. Братъ Димитріевъ, Владиміръ Андреевичь, стоялъ въ Перемышлѣ съ сильными полками, готовый ударить на Литовцевъ съ тылу; а Князь Владиміръ Димитріевичь Пронскій велъ къ Москвѣ Рязанское войско. Ольгердъ устрашился, и требовалъ мира; увѣрялъ, что не любя кровопролитія, желаетъ быть *вѣчно* нашимъ другомъ, и въ залогъ искренности вызвался отдать дочь свою, Елену, за Князя Владиміра Андреевича. Великій Князь

г. охотно заключилъ съ нимъ *перемиріе* до
1370 Іюля мѣсяца[17]. Не смотря на то, сей ко-
— 71. варный старецъ шелъ назадъ съ величайшею осторожностію, боясь тайныхъ засадъ и погони: столь мало вѣрилъ онъ святости государственныхъ договоровъ и чести народа, имѣвшаго причину ненавидѣть его, какъ жестокаго злодѣя Россіи!

Не только страхъ быть окруженнымъ полками Россійскими, но и другія обстоятельства вселяли въ Ольгерда сіе нетерпѣливое желаніе мира: а именно, новые непріятельскіе замыслы Нѣмецкаго Ордена, о коихъ слегка упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ, и самая необыкновенная зима тогдашняя, которая наступила весьма рано и не дала земледѣльцамъ убрать хлѣба; въ Декабрѣ и Генварѣ было удивительное тепло: въ началѣ же Февраля поля открылись совершенно и крестьяне сжали хлѣбъ, осенью засыпанный снѣгомъ. Сія оттепель, испорченныя дороги, разлитіе рѣкъ и трудность доставать съѣстные припасы могли имѣть гибельныя слѣдствія для войска въ землѣ непріятельской. — Однимъ словомъ, Ольгердъ, думая только о себѣ, забылъ пользу своего шурина и не включилъ его въ договоръ мирный.

Оставленный зятемъ, Михаилъ вторично
г. обратился къ Мамаю и выѣхалъ изъ Орды
1371. съ новымъ ярлыкомъ на Великое Княженіе Владимірское. Ханъ предлагалъ ему даже

Благоразуміе Михаила Тверскаго.

войско; но сей Князь не хотѣлъ онаго, боясь подвергнуть Россію бѣдствіямъ опустошенія и заслужить справедливую ненависть народа: онъ взялъ только Ханскаго Посла, именемъ Сарыхожу, съ собою[18]. Узнавъ о томъ, Димитрій во всѣхъ городахъ Великаго Княжества обязалъ Бояръ и чернь клятвою быть ему вѣрными, и вступилъ съ войскомъ въ Переславль Залѣскій. Тщетно врагъ его надѣялся преклонить къ себѣ гражданъ Владимірскихъ; они единодушно сказали ему: «у насъ есть Государь законный; «инаго не вѣдаемъ.» Тщетно Сарыхожа звалъ Димитрія въ Владиміръ слушать грамоту Хана: Великій Князь отвѣтствовалъ: «къ «ярлыку не ѣду, Михаила въ столицу не «впускаю, а тебѣ, Послу, даю путь сво«бодный.» Наконецъ сей Вельможа Татарскій, вручивъ ярлыкъ Михаилу, уѣхалъ въ Москву, гдѣ, осыпанный дарами и честію, пируя съ Князьями, съ Боярами, славилъ Димитріево благонравіе. Михаилъ же, видя свое безсиліе, возвратился съ Мологи въ Тверь и разорилъ часть сосѣдственныхъ областей Великокняжескихъ.

Между тѣмъ грамота Ханская оставалась еще въ его рукахъ: сильный Мамай не могъ простить Димитрію двукратное ослушаніе, имѣя тогда войско готовое ко впаденію въ Россію, къ убійствамъ и грабежу. Великій Князь долго совѣтовался съ Боярами и съ Митрополитомъ; надлежало или немедленно

г. 1371. возстать на Татаръ, или прибѣгнуть къ старинному уничиженію, къ дарамъ и лести. Успѣхъ великодушной смѣлости казался еще сомнительнымъ: избрали второе средство, и Димитрій — безъ сомнѣнія зная расположеніе Мамаево — рѣшился ѣхать въ Орду, утвержденный въ семъ намѣреніи Моголомъ Сарыхожею, который взялся предупредить Хана въ его пользу. Народъ ужаснулся, воображая, что сей юный, любимый Государь будетъ имѣть въ Ордѣ участь Михаила Ярославича Тверскаго, и что коварный Сарыхожа, подобно злодѣю Кавгадыю, готовитъ ему вѣрную гибель. По крайней мѣрѣ никто не могъ безъ умиленія видѣть, сколь Димитрій предпочитаетъ безопасность народную своей собственной, и любовь общая къ нему удвоилась въ сердцахъ благодарныхъ. Митрополитъ Алексій провожалъ его до береговъ Оки: тамъ усердно молился Всевышнему, благословилъ Димитрія, Бояръ, воиновъ, всѣхъ Княжескихъ спутниковъ, и торжественно поручилъ имъ блюсти драгоцѣнную жизнь Государя добраго[19]; онъ самъ желалъ раздѣлить съ нимъ опасности: но присутствіе его было нужно въ Москвѣ, гдѣ оставался Совѣтъ Боярскій, который уже по отбытіи Димитрія заключилъ миръ съ Литовскими Послами, въ слѣдствіе торжественнаго обрученія Елены, Ольгердовой дочери, за Князя Владиміра

Любовь народная къ Димитрію.

Іюня 15.

Андреевича: свадьба совершилась чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Г. 1371.

Съ нетерпѣніемъ ожидали вѣстей изъ Орды; суевѣріе, устрашенное необыкновенными явленіями естественными, предвѣщало народу государственное бѣдствіе. Въ солнцѣ видны были черныя мѣста, подобныя гвоздямъ, и долговременная засуха произвела туманы, столь густые, что днемъ въ двухъ саженяхъ не льзя было разглядѣть лица человѣческаго; птицы, не смѣя летать, станицами ходили по землѣ[20]. Сія тьма продолжалась около двухъ мѣсяцевъ. Луга и поля совершенно изсохли; скотъ умиралъ; бѣдные люди не могли за дороговизною купить хлѣба. Печальное уныніе царствовало въ областяхъ Великокняжескихъ: думая воспользоваться онымъ, Михаилъ Тверскій хотѣлъ завоевать Кострому; однакожъ взялъ одну Мологу, обративъ въ пепелъ Угличь и Бѣжецкъ. Знаменія.

Въ исходѣ осени усердные Москвитяне были обрадованы счастливымъ возвращеніемъ своего Князя: Ханъ, Царицы, Вельможи Ординскіе и въ особенности Темникъ Мамай, не предвидя въ немъ будущаго грознаго соперника, приняли Димитрія съ ласкою; утвердили его на Великомъ Княженіи, согласились брать съ онаго дань гораздо умѣреннѣйшую прежней и велѣли сказать Михаилу: «Мы хотѣли силою оружія возвести «тебя на престолъ Владимірскій; но ты Возвращеніе Великаго Князя изъ Орды.

г. 1371. «отвергнулъ наше предложеніе, въ надеждѣ «на собственное могущество: ищи же по-«кровителей, гдѣ хочешь»[21]! Милость удивительная; но варвары уже чувствовали силу Князей Московскихъ и тѣмъ дороже цѣнили покорность Димитрія. Въ Ордѣ находился сынъ Михаиловъ, Іоаннъ, удержанный тамъ за 10,000 рублей, коими Михаилъ былъ долженъ Царю. Димитрій, желая имѣть столь важный залогъ въ рукахъ своихъ, выкупилъ Іоанна и привезъ съ собою въ Москву, гдѣ сей юный Князь жилъ нѣсколько времени въ домѣ у Митрополита; но, согласно съ правилами чести, былъ освобожденъ, какъ скоро отецъ заплатилъ Димитрію означенное количество серебра; Михаилъ же оставался непріятелемъ Великаго Князя: Воеводы Московскіе, убивъ въ Бѣжецкѣ Намѣстника Михаилова, опустошили границы Тверскія.

Тогда явился новый непріятель, который хотя и не думалъ свергнуть Димитрія съ престола Владимірскаго, однакожъ всѣми силами противоборствовалъ его системѣ Единовластія, ненавистной для Удѣльныхъ Князей: то былъ смѣлый Олегъ Рязанскій, который еще въ государствованіе Іоанна Іоанновича показалъ себя врагомъ Москвы. Озабоченный иными дѣлами, Димитрій таилъ свое намѣреніе унизить гордость сего Князя, и жилъ съ нимъ мирно: мы видѣли, что Рязанцы ходили даже помогать Москвѣ,

Война съ Олегомъ.

тѣснимой Ольгердомъ. Не опасаясь уже ни Литвы, ни Татаръ, Великій Князь скоро нашелъ причину объявить войну Олегу, неуступчивому сосѣду, всегда готовому спорить о неясныхъ границахъ между ихъ владѣніями. Воевода, Димитрій Михайловичь Волынскій, съ сильною ратію Московскою вступилъ въ Олегову землю, и встрѣтился съ полками сего Князя, не менѣе многочисленными, и столь увѣренными въ побѣдѣ, что они съ презрѣніемъ смотрѣли на своихъ противниковъ. «Друзья!» говорили Рязанцы между собою: «намъ нужны не щиты «и не копья, а только однѣ веревки, что- «бы вязать плѣнниковъ, слабыхъ, боязли- «выхъ Москвитянъ.» *Рязанцы*, прибавляетъ Лѣтописецъ, *бывали искони горды и суровы*: суровость не есть мужество, и *смиренные, набожные* Москвитяне, устроенные Вождемъ искуснымъ, побили ихъ на голову[22]. Олегъ едва ушелъ. Великій Князь отдалъ Рязань Владиміру Димитрієвичу Пронскому, согласному зависѣть отъ его верховной власти. Но симъ не кончилась исторія Олегова: любимый народомъ, онъ скоро изгналъ Владиміра и снова завоевалъ всѣ свои области; а Димитрій, встревоженный иными, опаснѣйшими врагами, примирился съ нимъ до времени. г. 1371. г. 1372.

Михаилъ, все еще имѣя тѣсную связь съ Литвою, всячески убѣждалъ Ольгерда дѣйствовать съ нимъ за-одно противъ Вели-

г. 1372. каго Князя, безъ сомнѣнія представляя ему, что время укрѣпитъ Димитрія въ мужествѣ и властолюбіи; что сей Государь, столь еще юный, рано или поздно отмститъ ему за двукратную осаду Москвы, и захочетъ возвратить отечеству прекрасныя земли, отторженныя Литвою отъ Россіи; что надобно низвергнуть опаснаго непріятеля или по крайней мѣрѣ частыми нападеніями ослаблять его силу. *Вѣчный міръ*, клятвенно утвержденный въ Москвѣ Литовскими Послами, и новый брачный союзъ съ Домомъ ея Князей произвели единственно то, что Ольгердъ не захотѣлъ самъ предводительствовать войскомъ, а послалъ Кестутія, Витовта, Андрея, сына своего, и Князя Димитрія Друцкаго разорять наше отечество. Не уступая брату ни въ скорости, ни въ тайнѣ воинскихъ замысловъ, Кестутій весною осадилъ Переславль, столь внезапно, что схватилъ многихъ земледѣльцевъ на поляхъ и Бояръ, выѣхавшихъ въ села для хозяйственныхъ распоряженій. Въ такое время, когда едва сошелъ снѣгъ и глубокія рѣки находились въ полномъ разливѣ, никто не ожидалъ непріятеля внутри Россіи. Впрочемъ сіе Литовское впаденіе было однимъ быстрымъ набѣгомъ: Кестутій выжегъ предмѣстіе, но снялъ осаду и соединился съ войскомъ Михаила, который опустошилъ села вокругъ Дмитрова, взявъ окупъ съ города[23]. Обѣ ра-

Новое впаденіе Литвы.

Апрѣля 6.

ти двинулись къ Кашину; истребили селенія вокругъ его и также взяли дань съ гражданъ, а Князя Михаила Василіевича, преданнаго Димитрію, обязали клятвою быть подвластнымъ Тверскому. На возвратномъ пути Литовцы злодѣйствовали и въ самыхъ владѣніяхъ ихъ союзника; Михаилъ же, оставивъ Намѣстниковъ въ Торжкѣ, величалъ себя побѣдителемъ. г. 1372.

Но побѣда еще ожидала его. Не зная, кто останется Главою Россіи, Михаилъ или Димитрій, Новогородцы (въ 1370 году) дали на себя грамоту первому, обѣщая ему повиноваться какъ своему законному Властителю, *если* Ханъ утвердитъ его въ Великокняжескомъ достоинствѣ. Когда же Димитрій возвратился изъ Орды съ Царскою милостію, тогда они заключили съ нимъ договоръ противиться общими силами Михаилу, Литвѣ и Рижскимъ Нѣмцамъ: Великій Князь обязывался самолично предводительствовать войскомъ или прислать къ нимъ брата, Владиміра Андреевича[24]. Свѣдавъ, что Михаилъ занялъ Торжекъ, Новогородцы спѣшили выгнать оттуда его Намѣстниковъ, ограбили всѣхъ купцевъ Тверскихъ и взяли съ жителей клятву быть вѣрными ихъ древнему Правительству. Немедленно обступивъ Торжекъ, Михаилъ требовалъ, чтобы виновники сего насилія и грабежа были ему выданы, и чтобы жители снова приняли къ себѣ Тверскаго На- Междоусобіе. Маія 31.

Г. 1372. мѣстника. Бояре Новогородскіе отвѣтствовали надменно; сѣли на коней и выѣхали въ поле съ гражданами. Мужество и число Тверитянъ рѣшили битву: смѣлый Воевода Новогородскій, Александръ Абакумовичь, побѣдитель Сибирскихъ народовъ, и знаменитые товарищи его пали мертвые въ первой схваткѣ; другіе бѣжали, и не спаслися: конница Михаилова топтала ихъ трупы, и Князь, озлобленный жителями, велѣлъ зажечь городъ съ конца по вѣтру. Въ нѣсколько часовъ всѣ зданія обратились въ пепелъ, монастыри и церкви, кромѣ трехъ каменныхъ; множество людей сгорѣло или утонуло въ Тверцѣ, и побѣдители не знали мѣры въ свирѣпости: обдирали до-нага женъ, дѣвицъ, монахинь; не оставили на образахъ ни одного золотаго, ни серебрянаго оклада, и съ толпами плѣнныхъ удалились отъ горестнаго пепелища, наполнивъ 5 скудельницъ мертвыми тѣлами. Лѣтописцы говорятъ, что злодѣйства Батыевы въ Торжкѣ не были такъ памятны, какъ Михаиловы.

Третіе нашествіе Ольгерда. Іюля 12.

Совершивъ сей подвигъ, Тверскій Князь готовился къ важнѣйшему. Набѣгъ Кестутіевъ, прервавъ мирную связь между Литвою и Россіею, долженствовалъ имѣть слѣдствіе, и старецъ Ольгердъ хотѣлъ предупредить Димитрія: зная твердо путь къ его столицѣ, со многочисленнымъ войскомъ устремился къ оной; шелъ, по своему обыкновенію, безъ отдыха, и соединясь съ Ми-

хапиломъ близъ Калуги[28], думалъ, что Мос- г.
квитяне увидятъ его только на Поклонной 1372.
горѣ. Но знамена Великаго Князя уже развѣвались въ полѣ: передовый отрядъ Московскій, быстро ударивъ на Ольгердовъ, гналъ бѣгущихъ до самаго ихъ главнаго войска. Россійское стало противъ Литовскаго, готовое къ бою; числомъ одно не уступало другому: надлежало одолѣть искусствомъ или храбростію. Между двумя станами находился крутый оврагъ и глубокая дебрь: ни тѣ, ни другіе не хотѣли сойти внизъ, чтобы начать битву, и нѣсколько дней миновало въ бездѣйствіи, коимъ воспользовался Ольгердъ для предложенія мира. Съ обѣихъ сторонъ желали онаго: если бы Россіяне одержали верхъ, то Литовцы, удаленные отъ своихъ границъ, могли быть истреблены совершенно; если бы Ольгердъ побѣдилъ, то Димитрій предалъ бы ему Россію въ жертву. Первый имѣлъ выгоду опытности; но самая сія опытность не позволяла ему вѣрить слѣпому случаю, отъ коего не рѣдко зависитъ успѣхъ или бѣдствіе на войнѣ. Зная же, что такъ называемый *вѣчный* миръ есть пустое слово, они заключили единственно перемиріе отъ 1 Августа до 26 Октября, и Вельможи Литовскіе именемъ Ольгерда, Кестутія и союзника ихъ, Святослава Смоленскаго, а Бояре Россійскіе именемъ Великаго Князя и брата его, Владиміра Андреевича, написали дого-

Г. 1372. воръ, включивъ въ него съ одной стороны Князей Тверскаго и Брянскаго, съ другой же Рязанскихъ, названныхъ *Великими*[2c]. Главныя условія были таковы: «Нѣтъ войны между «нами. Путь нашимъ Посламъ и купцамъ «вездѣ свободенъ. Князь Михаилъ долженъ «возвратить все похищенное имъ въ обла- «стяхъ Великаго Княженія во время трехъ «бывшихъ перемирій и вывести оттуда «своихъ Намѣстниковъ; а буде они не вы- «ѣдутъ, то Димитрій можетъ ихъ взять «подъ стражу, и самъ управиться съ Ми- «хаиломъ въ случаѣ новыхъ его насилій: «Ольгерду же въ такомъ случаѣ не всту- «паться за шурина. Когда люди Московскіе, «посланные въ Орду жаловаться на Князя «Тверскаго, успѣютъ въ своемъ дѣлѣ, то «Димитрій поступитъ, какъ угодно Богу «и Царю: чего Ольгердъ не долженъ ста- «вить ему въ вину. Михаилу нѣтъ дѣла «до Великаго Княженія, а Димитрію до Тве- «ри; они вѣдаются только чрезъ Пословъ. — «Князь Литовскій обязанъ возвратить Ди- «митрію сію договорную грамоту, буде «вздумаетъ по истеченіи срока возобновить «непріятельскія дѣйствія.»

Такимъ образомъ старецъ Ольгердъ заключилъ свои впаденія въ Россію, которыя могли бы имѣть гораздо вреднѣйшее слѣдствіе для ея цѣлости, если бы онъ нашелъ въ Димитріи менѣе бодрости и неустрашимости. Историкъ Литовскій, вмѣсто

трехъ походовъ, описываетъ только одинъ, разсказывая слѣдующія обстоятельства, несогласныя съ извѣстіями нашихъ современныхъ Лѣтописцевъ: «Димитрій, надменный «успѣхами своего оружія, хотѣлъ отнять «у Литвы Витебскъ, Полоцкъ и Кіевъ; «прислалъ Ольгерду *кремень, огниву, саблю,* «и велѣлъ объявить, что Россіяне намѣрены въ Свѣтлую Недѣлю похристосоваться «съ нимъ въ Вильнѣ огнемъ и желѣзомъ. «Ольгердъ немедленно выступилъ съ вой«скомъ въ срединѣ Великаго поста и велъ «съ собою Пословъ Димитріевыхъ до Мо«жайска; тамъ отпустилъ ихъ, и давъ имъ «зажженный фитиль, сказалъ: *Отвезите его «къ вашему Князю. Ему не нужно искать «меня въ Вильнѣ: я буду въ Москвѣ съ «краснымъ яицемъ прежде, нежели этотъ «фитиль угаснетъ. Истинный воинъ не лю«битъ откладывать: вздумалъ и сдѣлалъ.* — «Послы спѣшили увѣдомить Димитрія о «предстоящей опасности, и нашли его въ «день Пасхи идущаго къ Заутренѣ; а вос«ходящее солнце озарило на Поклонной горѣ «станъ Литовскій. Изумленный Великій «Князь требовалъ мира: Ольгердъ благо«разумно согласился на оный, взявъ съ Рос«сіянъ много серебра и всѣ ихъ владѣнія до «рѣки Угры. Онъ вошелъ съ Боярами Ли«товскими въ Кремль, ударилъ копьемъ въ «стѣну на память Москвѣ, и вручилъ *крас«ное яицо* Димитрію»[27]. — Не говоря о хро- г. 1372.

Г. 1372. нологическихъ ошибкахъ сего Историка, замѣтимъ только, что Угра не могла быть границею между Ольгердовымъ Государствомъ и Россіею, пока Смоленскъ оставался еще Княжествомъ особеннымъ или неприсоединеннымъ къ Литвѣ.

Ольгердъ не разсудилъ за благо нарушить перемирія, и года два не безпокоилъ Россіи. Иныя опасности явились; медленно, но грозно восходила туча надъ Великимъ Княженіемъ отъ береговъ Волги. Еще Димитрій соглашался быть данникомъ Моголовъ, однакожь не хотѣлъ терпѣть насилія съ ихъ стороны. Вопреки, можетъ быть, слову, данному Ханомъ, Послы Мамаевы, пріѣхавъ въ Нижній съ воинскою дружиною, нагло оскорбили тамошняго Князя, Димитрія Константиновича, и гражданъ: сей Князь, исполняя, какъ вѣроятно, предписаніе Московскаго, велѣлъ или дозволилъ народу умертвить Пословъ, съ коими находилось болѣе

Г. 1374. Избіеніе Татаръ въ Нижнемъ.

тысячи Мамаевыхъ воиновъ: главнаго изъ нихъ, Мурзу Сарайку, заключили въ крѣпости съ его особенною дружиною. Прошло

Г. 1375. около года: объявили Сарайкѣ, что онъ долженъ проститься съ товарищами, и что ихъ будутъ содержать въ разныхъ домахъ. Испуганный сею вѣстію, Мурза ушелъ отъ приставовъ, вбѣжалъ въ домъ Епископскій, зажегъ оный и съ помощію слугъ своихъ оборонялся: они пустили нѣсколько стрѣлъ и едва не ранили самого Суздальскаго Епи-

скопа, Діонисія; но скоро были всѣ жертвою народной злобы[28]. г. 1375.

Неизвѣстно, старался ли Димитрій Константиновичь или Великій Князь оправдать сіе дѣло предъ судилищемъ Ханскимъ: по крайней мѣрѣ гордый Мамай не стерпѣлъ такой явной дерзости, и послалъ войско опустошить предѣлы Нижегородскіе, берега Киши и Пьяны, гдѣ начальствовалъ Бояринъ Парѳеній, и гдѣ чрезъ нѣсколько дней не осталось ничего, кромѣ пепла и труповъ.

Сія месть не могла удовлетворить гнѣву Мамаеву: онъ клялся погубить Димитрія, и Россійскіе мятежники взялись ему въ томъ способствовать. Мы упоминали о знаменитости Московскихъ чиновниковъ, называемыхъ Тысячскими, которые, подобно Князьямъ, имѣли особенную благородную дружину и были, кажется, избираемы гражданами, согласно съ древнимъ обычаемъ, чтобы предводительствовать ихъ людьми военными[29]. Димитрій уничтожилъ сей важный санъ, непріятный для самовластія Государей и для Бояръ, обязанныхъ уступать первенство чиновнику народному. Послѣдній Московскій Тысячскій, Василій Васильевичь Вельяминовъ, умершій Схимникомъ, оставилъ сына, именемъ Ивана, хотѣвшаго, можетъ быть, заступить мѣсто отца: недовольный Великимъ Княземъ, онъ вмѣстѣ съ богатымъ купцемъ Некоматомъ ушелъ къ Михаилу

Послѣдній Тысячскій въ Москвѣ.

г. 1375. Тверскому, и представилъ ему случай воспользоваться злобою Мамая на Димитрія, чтобы отнять Владиміръ у Московскаго Князя. Отправивъ коварнаго Вельяминова и Некомата къ Хану, Михаилъ самъ ѣздилъ въ Литву, и возвратясь въ Тверь, получилъ изъ Орды грамоту на Великое Княженіе. Мамай обѣщалъ ему войско: Ольгердъ также. Не давъ имъ времени исполнить столь нужное обѣщаніе, легкомысленный Князь Тверскій объявилъ войну Димитрію, послалъ своихъ Намѣстниковъ въ Торжекъ и сильный отрядъ къ Угличу.

Война съ Тверскимъ Княземъ. Великій Князь оказалъ дѣятельность необыкновенную, предвидя, что онъ въ одно время можетъ имѣть дѣло и съ Тверитянами, и съ Литвою, и съ Моголами: гонцы его скакали изъ области въ область; полки въ слѣдъ за ними выступали. Собралось войско, многочисленное, прекрасное, на равнинахъ Волока. — Всѣ Князья Удѣльные, или служащіе Московскому, находились подъ его знаменами: Владиміръ Андреевичь, внукъ Калитинъ; Димитрій Константиновичь Суздальскій[30] съ двумя братьями и сыномъ; Князья Ростовскіе, Василій и Александръ Константиновичи, съ двоюроднымъ ихъ братомъ, Андреемъ Ѳеодоровичемъ; Іоаннъ Смоленскій, Василій Ярославскій, Ѳеодоръ Михайловичь Моложскій, Ѳеодоръ Романовичь Бѣлозерскій, Василій Михайловичь Кашинскій (сынъ умершаго Ми-

хаила Васильевича), Андрей Стародубскій, г. Романъ Михайловичь Брянскій, Романъ Си- 1375. меоновичь Новосильскій, Симеонъ Константиновичь Оболенскій и братъ его, Іоаннъ Торусскій. Нѣкоторые изъ сихъ Князей — на примѣръ, Смоленскій и Брянскій — не были Владѣтельными: ибо въ Смоленскѣ господствовалъ Святославъ, дядя сего Іоанна, а въ Брянскѣ сынъ Ольгердовъ. Въ Стародубѣ и Бѣлозерскѣ уже властвовали Намѣстники Московскіе[31]. Оболенскъ, Торусса и Новосиль, древніе Удѣлы Черниговскіе въ землѣ Вятичей, подобно Ярославлю, Мологѣ и Ростову, зависѣли тогда отъ Великаго Княженія; однакожь имѣли своихъ особенныхъ Владѣтелей, потомковъ Св. Михаила Черниговскаго.

Димитрій, взявъ Микулинъ, 5 Августа осадилъ Тверь. Онъ велѣлъ сдѣлать два моста чрезъ Волгу, и весь городъ окружить тыномъ. Начались приступы кровопролитные. Вѣрные Тверитяне никогда не измѣняли Князьямъ своимъ: говѣли, пѣли молебны, и бились съ утра до вечера: гасили огонь, коимъ непріятель хотѣлъ обратить ихъ стѣны въ пепелъ, и разрушили множество туровъ, защиту осаждающихъ. Всѣ Михаиловы области были разорены Московскими Воеводами, города взяты, люди отведены въ плѣнъ, скотъ истребленъ, хлѣбъ потоптанъ; ни церкви, ни монастыри не уцѣлѣли: но Тверитяне мужественно умирали на

г. стѣнахъ, повинуясь Князю и надѣясь на Бога.
1375. Осада продолжалась три недѣли: Димитрій съ нетерпѣніемъ ждалъ Новогородцевъ, которые явились наконецъ въ его станѣ, пылая ревностью отплатить Михаилу за бѣдствіе Торжка. Еще сей Князь, видя изнеможеніе своихъ воиновъ отъ ранъ и голода, ободрялъ себя мыслію, что Ольгердъ и Кестутій избавятъ его въ крайности: Литовцы дѣйствительно шли къ нему въ помощь; но узнавъ о силѣ Димитріевой, возвратились съ пути. Тогда оставалось Михаилу умереть или смириться: онъ избралъ послѣднее средство, и Владыка Евфимій со всѣми знатнѣйшими Тверскими Боярами пришелъ въ станъ къ Димитрію, требуя милости и спасенія.

Великій Князь показалъ достохвальную умѣренность, предписавъ Михаилу условія не тягостныя, согласныя съ благоразумною Политикою. Главныя изъ оныхъ были слѣдующія[32]: «По благословенію отца нашего, «Алексія Митрополита всея Руси, ты, «Князь Тверскій, дай клятву за себя и за «наслѣдниковъ своихъ признавать меня *ста-«рѣйшимъ* братомъ, никогда не искать Ве-«ликаго Княженія Владимірскаго, нашея от-«чины, и не принимать онаго отъ Хановъ, «также и Новагорода Великаго; а мы обѣ-«щаемся не отнимать у тебя наслѣдствен-«ной Тверской области. Не вступайся въ «Кашинъ, отчину Князя Василія Михайловича;

«отпусти захваченныхъ Бояръ его и слугъ, г.
«также и всѣхъ нашихъ, съ ихъ достояніемъ. 1375.
«Возврати колокола, книги церковныя, оклады «и сосуды, взятые въ Торжкѣ, вмѣстѣ съ «имѣніемъ гражданъ, нынѣ свободныхъ отъ «данной имъ тебѣ присяги: да будутъ свобод-«ны и тѣ, кого ты закабалилъ изъ нихъ гра-«мотами. Но предаемъ забвенію всѣ дѣйствія «нынѣшней Тверской осады: ни тебѣ, ни мнѣ «не требовать возмездія за убытки, понесен-«ные нами въ сей мѣсяцъ. — Князья Ростовскіе «и Ярославскіе *со мною одинъ человѣкъ*: не «обижай ихъ, или мы за нихъ вступимся. — «Откажись отъ союза съ Ольгердомъ: ко-«гда Литва объявитъ войну Смоленскому» — тогда уже союзнику Димитріеву — «или дру-«гимъ Князьямъ, нашимъ братьямъ: мы обя-«заны защитить ихъ, равно какъ и тебя. — «Въ разсужденіи Татаръ поступай согласно «съ нами: рѣшимся ли воевать, и ты врагъ «ихъ; рѣшимся ли платить имъ дань, и ты «плати оную. — Когда я и братъ мой, Князь «Владиміръ Андреевичь, сядемъ на коней, будь «намъ товарищъ въ полѣ; когда пошлемъ «Воеводъ, да соединятся съ ними и твои.»

Въ другихъ статьяхъ сей договорной грамоты сказано, что Михаилъ, въ исполненіе прежнихъ условій, освободитъ всѣхъ людей Великокняжескихъ, задержанныхъ въ Твери имъ или его Боярами по долгамъ, искамъ и ручательству; что Бояре вольны отъѣхать для службы отъ Московскаго Князя къ Твер-

г. 1375. скому, или отъ Тверскаго къ Московскому, но лишаются въ такомъ случаѣ своихъ жалованныхъ помѣстьевъ; что села измѣнниковъ Ивана Вельяминова и Некомата принадлежатъ Димитрію; что земли и воды Новогородцевъ, изъ чести служащихъ Михаилу, остаются подъ вѣдѣніемъ Новагорода; что тамошніе купцы могутъ безопасно ѣздить чрезъ области Тверскія; что гражданинъ свободный обязанъ платить дань Князю той области, гдѣ живетъ: хотя бы и находился въ службѣ другаго, но подсуденъ единственно своему Государю; что въ дѣлахъ спорныхъ Бояре Московскіе и Тверскіе съѣзжаются для суда на границѣ, а въ случаѣ несогласія избираютъ Князя Олега Рязанскаго въ посредники; что бѣглые рабы, воры и душегубцы должны быть выдаваемы руками; что торговые Московскіе люди не платятъ въ Твери ничего, кромѣ законныхъ, издавна уставленныхъ пошлинъ; что всякой насильственный переводъ жителей изъ одной земли въ другую воспрещается, и пр. Довольный смиреніемъ гордаго соперника, Димитрій оставилъ ему всѣ права Князя независимаго и названіе *Великаго*, подобно Смоленскимъ и Рязанскимъ Князьямъ. Новогородцы же заключили особенный договоръ съ Михаиломъ, который обязался дать свободу ихъ плѣнникамъ, *Житымъ* (или нарочитымъ) и простымъ людямъ; возвратить товары, отнятые у купцевъ Новогород-

скихъ, возстановить древнія границы между обѣими землями, наблюдать правила добраго сосѣдства, не стоять за бѣглыхъ рабовъ, должниковъ[33], и проч. — Сія междоусобная война, счастливая для Великаго Князя, была долгое время оплакиваема въ Тверскихъ областяхъ, разоренныхъ безъ милосердія: ибо воевать значило тогда свирѣпствовать, жечь и грабить. Димитрій, руководствуясь обычаемъ, какъ уставомъ народнымъ, не заслужилъ упрековъ отъ современниковъ, которые напротивъ того славили его великодушіе: ибо онъ не захотѣлъ совершенно истребить Твери и свергнуть Михаила съ наслѣдственнаго престола. Лѣтописцы тѣмъ болѣе клянутъ истинныхъ виновниковъ сего бѣдствія, Ивана Вельяминова и Некомата, которые, дерзнувъ чрезъ нѣсколько лѣтъ возвратиться въ Великое Княженіе, были казнены всенародно, къ устрашенію подобныхъ имъ злодѣевъ. Народъ Московскій, долго уважавъ и любивъ отца Иванова, чиновника столь знаменитаго, съ горестью смотрѣлъ на казнь сего несчастнаго сына, прекраснаго лицемъ, благороднаго видомъ; она совершилась на древнемъ *Кучковѣ полѣ*, гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій[34].

Г. 1375.

Первая смертная казнь въ Москвѣ.

Великій Князь, распустивъ часть войска, послалъ другую на Болгаровъ съ Воеводою, Княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Волынскимъ, женатымъ на его сестрѣ, Аннѣ[35].

Г. 1376.

г. 1376. Сей Князь — одинъ изъ потомковъ Святополка II, какъ вѣроятно, или Романа Галицкаго — выѣхавъ изъ Волыніи служить Государю Московскому, усердствовалъ отличаться подвигами мужества. Казанская Болгарія, еще прежде Россіи покоренная Батыемъ, съ того времени зависѣла отъ Хановъ, и жители смѣшались съ Моголами. Мурза Булактемиръ, какъ мы упоминали, овладѣлъ ею въ 1361 году: послѣ властвовалъ тамъ Осанъ, непріятель Димитрія Константиновича Суздальскаго, сверженный имъ въ 1370 году. Взявъ съ собою Посла Ханскаго — слѣдственно дѣйствуя съ согласія Мамаева — сынъ Димитріевъ, Василій, и братъ, Князь Городецкій, ходили съ войскомъ въ Болгарію: приняли дары отъ Осана, но возвели на его мѣсто другаго Князя. Новый походъ Россіянъ въ сію землю имѣлъ важнѣйшую цѣль: Великій Князь, уже явный врагъ Моголовъ, хотѣлъ подчинить себѣ Болгарію. Сыновья Димитрія Суздальскаго соединились съ полками Московскими и приближились къ *Казани*, городу славному въ нашей Исторіи: сообщимъ любопытное преданіе о началѣ его. «Сынъ Батыевъ» — такъ говоритъ одинъ Лѣтописецъ XVI вѣка, бывшій любимымъ слугою Царя Казанскаго[36] — «сынъ Батыевъ, «именемъ Саинъ, шелъ воевать Россію, но «обезоруженный смиреніемъ и дарами ея Князей, остановился: тутъ онъ вздумалъ за«вести селеніе, гдѣ бы чиновники Татар-

Походъ въ Болгарію.

Марта 16.

Начало Казани.

«скіе, посылаемые для собранія дани въ наше г.
«отечество, могли имѣть отдохновеніе. Мѣ- 1376.
«сто было изобильно, *пчелисто* и *пажитно*, «но страшные змѣи обитали въ ономъ: сы«скался волхвъ, который обратилъ ихъ въ «пепелъ. Ханъ основалъ городъ *Казань* (что значитъ *котелъ* или *золотое дно*) и населилъ «его Болгарами, Черемисами, Вотяками, Мор«двою, ушедшими изъ областей Ростов«скихъ во время крещенія земли Русской; «любилъ сіе мѣсто, гдѣ сближаются ея «предѣлы съ Болгаріею, Вяткою, Пермію, «и часто самъ пріѣзжалъ туда изъ Сарая: «оно долгое время называлось еще *Саино«вымъ Юртомъ.*» Сей Ханъ *Саинъ* былъ или Сартакъ, единственный Батыевъ сынъ, извѣстный по лѣтописямъ, или самъ Батый, коего Историкъ Татарскій, Абульгази, обыкновенно именуетъ *Сагинымъ*[57].

Казанцы встрѣтили Россіянъ въ полѣ: многіе изъ нихъ выѣхали на вельблюдахъ, думая видомъ и голосомъ сихъ животныхъ испугать нашихъ коней, другіе надѣялись произвести тоже дѣйствіе стукомъ и громомъ: но видя неустрашимость Россіянъ, побѣжали назадъ. Войско Россійское, истребивъ огнемъ села ихъ, зимовища, суда, заставило двухъ Болгарскихъ Владѣтелей, Осана и Махматъ-Салтана, покориться Великому Князю. Они дали ему и Димитрію Суздальскому 2000, а на воиновъ 3000 рублей, и приняли въ свой городъ Московскаго чиновника или таможен-

ника[38]: слѣдственно обязались быть данниками Россіи. Ободренная симъ успѣхомъ, она готовилась къ дальнѣйшимъ подвигамъ.

Еще Мамай отлагалъ до удобнѣйшаго времени дѣйствовать всѣми силами противъ Великаго Князя (ибо въ Ордѣ свирѣпствовала тогда язва), однакожь не упускалъ случая вредить Россіянамъ. Сосѣды Нижегородской области, Мордва, взялись указать Моголамъ безопасный путь въ ея предѣлы, и Царевичь, именемъ Арапша, съ береговъ Синяго или Аральскаго моря пришедши служить Мамаю, выступилъ съ Ханскими полками. Димитрій Суздальскій извѣстилъ о томъ Великаго Князя, который немедленно собралъ войско защитить тестя, но долго ждалъ Моголовъ, и надѣясь, что они раздумали итти къ Нижнему, послалъ Воеводъ своихъ гнаться за ними, а самъ возвратился въ столицу. Сіе ополченіе состояло изъ ратниковъ Переславскихъ, Юрьевскихъ, Муромскихъ и Ярославскихъ: Князь Димитрій Константиновичь присоединилъ къ нимъ Суздальцевъ подъ начальствомъ сына, Іоанна, и другаго Князя, Симеона Михайловича[39]. Къ несчастію, умъ предводителей не отвѣтствовалъ числу воиновъ. Повѣривъ слухамъ, что Арапша далеко, они вздумали за рѣкою Пьяною, на степи Перевозской, тѣшиться ловлею звѣрей какъ дома въ мирное время. Воины слѣдовали сему примѣру безпечности: утомленные зноемъ, сняли съ себя латы и нагрузили

Г. 1377. Нашествіе Моголовъ.

ими шелеги; спусшивъ одежду съ плечъ, искали прохлады; другіе разсѣялись по окресшнымъ селеніямъ, чтобы пишь крѣпкій медъ или пиво. Знамена стояли уединенно; копья, щиты лежали грудами на травѣ. Однимъ словомъ, вездѣ представлялась глазамъ веселая картина охоты, пиршества, гульбища: скоро представилась иная. Князья Мордовскіе тайно подвели Арапшу, о коемъ говорятъ Лѣтописцы, что онъ былъ карла станомъ, но великанъ мужествомъ, хитръ на войнѣ и свирѣпъ до крайности[40]. Арапша съ пяти сторонъ ударилъ на Россіянъ, столь внезапно и быстро, что они не могли ни изготовиться, ни соединиться, и въ общемъ смятеніи бѣжали къ рѣкѣ Пьянѣ, устилая путь своими трупами, и неся непріятеля на плечахъ. Погибло множество воиновъ и Бояръ: Князь Симеонъ Михайловичь былъ изрубленъ, Князь Іоаннъ Димитріевичь утонулъ въ рѣкѣ, которая прославилась симъ несчастіемъ (осуждая безразсудность Воеводъ Димитріевыхъ, древніе Россіяне говорили въ пословицу: за *Пьяною люди пьяны*). — Татары, одержавъ совершенную побѣду, оставили за собою плѣнниковъ съ добычею, и на третій день явились подъ стѣнами Нижняго Новагорода, гдѣ царствовалъ ужасъ: ни кто не думалъ обороняться. Князь Димитрій Константиновичь ушелъ въ Суздаль; а жители спасались въ лодкахъ вверхъ по Волгѣ. Непріятель умертвилъ всѣхъ, кого могъ захватить;

Г. 1377.

Августа 2.

Пословица.

Г. 1377. сжегъ городъ, и такимъ образомъ наказавъ его за убіеніе Пословъ Мамаевыхъ, удалился обремененный корыстію. Сынъ Димитрія Константиновича, чрезъ нѣсколько дней пріѣхавъ на сіе горестное пепелище, старался прежде всего возобновить обгорѣлую каменную церковь Св. Спаса, чтобы схоронить въ ней тѣло своего несчастнаго брата, Іоанна, утонувшаго въ рѣкѣ.

Въ то же время Моголы взяли нынѣшнюю Рязань: Князь Олегъ, изстрѣленный, обагренный кровію, едва могъ спастися. Впрочемъ они желали единственно грабить и жечь: мгновенно приходили, мгновенно и скрывались. Области Рязанская, Нижегородская были усыпаны пепломъ, въ особенности берега Суры, гдѣ Арапша не оставилъ въ цѣлости ни одного селенія[41]. Многіе Бояре и купцы лишились всего имѣнія; въ томъ числѣ Лѣтописцы именуютъ одного знаменитаго гостя Тараса Петрова: Моголы разорили шесть его цвѣтущихъ многолюдныхъ селъ, купленныхъ имъ у Князя за рѣкою Кудимою; видя, что собственность въ сихъ мѣстахъ ненадежна, онъ навсегда переѣхалъ въ Москву. — Чтобы довершить бѣдствіе Нижняго Новагорода, Мордовскіе хищники по слѣдамъ Татаръ разсѣялись злодѣйствовать въ его Уѣздѣ; но Князь Борисъ Константиновичь настигъ ихъ, когда они уже возвращались съ добычею, и потопилъ въ рѣкѣ Пьянѣ, гдѣ еще плавали трупы Россіянъ. Сей Князь Городецкій

вмѣстѣ съ племянникомъ, Симеономъ Димитріевичемъ, и съ Воеводою Великаго Князя, Ѳеодоромъ Свибломъ, въ слѣдующую зиму опустошилъ безъ битвы всю землю Мордовскую, истребляя жилища и жителей. Онъ взялъ въ плѣнъ женъ и дѣтей, также нѣкоторыхъ людей чиновныхъ, казненныхъ послѣ въ Нижнемъ. Народъ въ злобномъ остервененіи влачилъ ихъ по льду рѣки Волги и травилъ псами. Г. 1377.

Сія безчеловѣчная месть снова возбудила гнѣвъ Мамаевъ на Россіянъ: ибо земля Мордовская находилась подъ властію Хана. Нижній Новгородъ, едва возникнувъ изъ пепла, вторично былъ взятъ Татарами: жители бѣжали за Волгу. — Князь Димитрій Константиновичь, будучи тогда въ Городцѣ, прислалъ объявить Мамаевымъ Воеводамъ, чтобы они удовольствовались окупомъ и не дѣлали зла его Княженію. Но исполняя въ точности данное имъ повелѣніе, они хотѣли крови и развалинъ: сожгли городъ, опустошили Уѣздъ, и выходя изъ нашихъ предѣловъ, соединились еще съ сильнѣйшимъ войскомъ, посланнымъ отъ Мамая на самаго Великаго Князя. Г. 1378. Іюля 24.

Димитрій Іоанновичь, свѣдавъ заблаговременно о замыслахъ непріятеля, имѣлъ время собрать полки и встрѣтилъ Татаръ въ области Рязанской, на берегахъ Вожи. Мурза Бегичь предводительствовалъ ими. Они сами начали битву: перешли за рѣку

г. 1378. Августа 11. Побѣда надъ Моголами.

и съ воплемъ поскакали на Россіянъ; видя же ихъ твердость, удержали своихъ коней: пускали стрѣлы; ѣхали впередъ легкою рысью. Великій Князь стоялъ въ срединѣ, поручивъ одно крыло Князю Даніилу Пронскому, а другое *Окольничему*, или ближнему Княжескому чиновнику, Тимоѳею[42]. По данному знаку все наше войско устремилось противъ непріятеля, и дружнымъ, быстрымъ нападеніемъ рѣшило дѣло: Моголы обратили тылъ; бросая копья, бѣжали за рѣку. Россіяне кололи, рубили и топили ихъ въ Вожѣ цѣлыми тысячами. Нѣсколько именитыхъ Мурзъ находилось въ числѣ убитыхъ. Ночь и густая мгла слѣдующаго утра спасла остатокъ Мамаевыхъ полковъ. На другой день Великій Князь уже тщетно искалъ бѣгущаго непріятеля: нашелъ только разбросанные въ степяхъ шатры, юрты, кибитки и телеги, наполненныя всякими товарами. Довольный столь блестящимъ успѣхомъ, онъ возвратился въ Москву. Сія побѣда достопамятна тѣмъ, что была первою, одержанною Россіянами надъ Татарами съ 1224 года, и не стоила имъ ничего, кромѣ труда убивать людей: столь измѣнился воинственный характеръ Чингисханова потомства! Юный Герой Димитрій, торжествуя оную вмѣстѣ со всѣми добрыми подданными, могъ сказать имъ словами Библіи: *Отступило время отъ нихъ: Господь же съ нами*[43]!

Мамай — истинный Властелинъ Орды, во

всемъ повелѣвая Ханомъ — затрепеталъ отъ гнѣва, услышавъ о гибели своего войска; собралъ новое, и столь быстро двинулся къ Рязани, что тамошній Князь, Олегъ, не имѣлъ времени ни ждать вспоможенія отъ Великаго Князя, ни приготовиться къ отпору; бѣжалъ изъ столицы за Оку, и предалъ отечество въ жертву варварамъ. Но Мамай, кровопролитіемъ и разрушеніями удовлетворивъ первому порыву мести, не хотѣлъ итти далѣе Рязани и возвратился къ берегамъ Волги, отложивъ рѣшительный ударъ до инаго времени. г. 1378.

Димитрій успѣлъ между тѣмъ смирить Литву. Славный Ольгердъ умеръ въ 1377 году не только Христіаниномъ, но и Схимникомъ по убѣжденію его супруги, Іуліаніи, и Печерскаго Архимандрита Давида, принявъ въ крещеніи имя Александра, а въ монашествѣ Алексія, чтобы загладить свое прежнее отступленіе отъ Вѣры Іисусовой. Нѣкоторые Лѣтописцы повѣствуютъ, что онъ гналъ Христіанъ и замучилъ въ Вильнѣ трехъ усердныхъ исповѣдниковъ Спасителя, включенныхъ нашею Церковію въ ликъ Святыхъ[44]; но Литовскій Историкъ славитъ его терпимость, сказывая, что Ольгердъ казнилъ 500 Виленскихъ гражданъ за насильственное убіеніе семи Францисканскихъ Монаховъ и торжественно объявилъ свободу Вѣры. Смерть сего опаснаго властолюбца обѣщала спокойствіе нашимъ юго-западнымъ

Успѣхи въ войнѣ съ Литвою.

границамъ, тѣмъ болѣе, что она произвела въ Литвѣ междоусобіе. Любимый сынъ и преемникъ Ольгердовъ, Ягайло, злодѣйски умертвивъ старца Кестутія, принудилъ сына его, младаго Витовта, искать убѣжища въ Пруссіи. Андрей Ольгердовичь Полоцкій, державъ сторону дяди, ушелъ во Псковъ, далъ клятву быть вѣрнымъ другомъ Россіянъ и пріѣхалъ въ Москву служить Великому Князю. Перемиріе, заключенное съ Литвою въ 1373 году, было давно нарушено: ибо Москвитяне еще при жизни Ольгерда ходили осаждать Ржевъ. Пользуясь раздоромъ его сыновей, Димитрій въ началѣ зимы
г. 1379. Декабря 9. отрядилъ своего брата, Владиміра Андреевича, Князей Волынскаго[45] и Полоцкаго, Андрея Ольгердовича, съ сильнымъ войскомъ къ Стародубу и Трубчевску, чтобы сію древнюю собственность нашего отечества снова присоединить къ Россіи. Оба города сдалися; но Полководцы Димитріевы, какъ бы уже не признавая тамошнихъ обитателей единокровными братьями, дозволяли воинамъ плѣнять и грабить. Въ Трубчевскѣ княжилъ братъ Андреевъ, Димитрій Ольгердовичь: ненавидя Ягайла, онъ не хотѣлъ обнажить меча на Россіянъ, дружелюбно встрѣтилъ ихъ съ женою, съ дѣтьми, со всѣми Боярами, и предложилъ свои услуги Великому Князю, который, въ благодарность за то, отдалъ ему Переславль Залѣсскій *съ судомъ и съ пошлиною*[46];

— Такимъ образомъ Димитрій могъ надѣяться въ одно время свергнуть иго Татаръ, и возвратить отечеству прекрасныя земли, отнятыя у насъ Литвою. Сія великая мысль занимала его благородную душу, когда онъ свѣдалъ о новыхъ грозныхъ движеніяхъ Орды, и долженствовалъ остановить успѣхи своего оружія въ Литвѣ, чтобы противоборствовать Мамаю. г. 1379.

Но прежде описанія знаменитѣйшаго изъ воинскихъ подвиговъ древней Россіи предложимъ Читателю церковныя дѣла сего времени, коими Димитрій, не смотря на величайшую государственную опасность, занимался съ особенною ревностію.

Дѣла церковныя.

Еще въ 1376 году Патріархъ Филоѳей самъ собою поставилъ Кипріана, ученаго Сербина, въ Митрополиты для Россіи; но Великій Князь, негодуя на то, объявилъ, что Церковь наша, пока живъ Св. Алексій, не можетъ имѣть другаго пастыря[47]. Кипріанъ хотѣлъ преклонить къ себѣ Новогородцевъ, и сообщилъ имъ избирательную грамоту Филоѳееву: Архіепископъ и народъ отвѣтствовали, что воля Государя Московскаго въ семъ случаѣ должна быть для нихъ закономъ. Отверженный Россіянами, Кипріанъ жилъ въ Кіевѣ и повелѣвалъ Литовскимъ Духовенствомъ, въ надеждѣ скоро заступить мѣсто Св. Алексія: ибо сей добродѣтельный старецъ уже стоялъ на прагѣ смерти. Но

г. 1379. Великій Князь въ мысляхъ своихъ назначилъ ему инаго преемника.

Между всѣми Московскими Іереями отличался тогда Священникъ села Коломенскаго, Митяй, умомъ, знаніями, краснорѣчіемъ, острою памятію, пріятнымъ голосомъ, красотою лица, величественною наружностію и благородными поступками, такъ, что Димитрій избралъ его къ себѣ въ отцы Духовные и въ *Печатники*, то есть, ввѣрилъ ему храненіе Великокняжеской печати: санъ важный по тогдашнему обычаю! Со дня на день возрастала милость Государева къ сему человѣку, наставнику, Духовнику всѣхъ Бояръ, равно свѣдущему въ дѣлахъ мірскихъ и церковныхъ. Онъ величался какъ Царь, по словамъ Лѣтописцевъ: жилъ пышно, носилъ одежды драгоцѣнныя, имѣлъ множество слугъ и Отроковъ. Прошло нѣсколько лѣтъ. Димитрій, желая возвести его на степень еще знаменитѣйшую, предложилъ ему заступить мѣсто Спасскаго Архимандрита, Іоанна, который въ глубокой старости посвятилъ себя тишинѣ безмолвія. Хитрый Митяй не соглашался, и былъ силою введенъ въ монастырь, гдѣ надѣли на него клобукъ Инока вмѣстѣ съ мантіею Архимандрита, къ удивленію народа, особенно къ неудовольствію Духовныхъ. «Быть до «обѣда бѣльцемъ» (говорили они), «а послѣ «обѣда Старѣйшиною Монаховъ есть дѣло «безпримѣрное.»

Сей новый санъ открывалъ путь къ важнѣйшему. Великій Князь, предвидя близкую кончину Св. Алексія, хотѣлъ, чтобы онъ благословилъ Митяя на Митрополію. Алексій, искренній другъ смиренія, давно мыслилъ вручить Пастырскій жезлъ свой кроткому Игумену Сергію, основателю Троицкой Лавры[48]: хотя Сергій, думая единственно о постѣ и молитвѣ, рѣшительно отвѣтствовалъ, что никогда не оставитъ своего мирнаго уединенія, но святый старецъ, или въ надеждѣ склонить его къ тому, или не любя гордаго Митяя (названнаго въ Иночествѣ Михаиломъ) отрекся исполнить волю Димитріеву, доказывая, что сей Архимандритъ еще *новоукъ* въ Монашествѣ. Великій Князь просилъ, убѣждалъ Митрополита: посылалъ къ нему Бояръ и Князя Владиміра Андреевича; наконецъ успѣлъ столько, что Алексій благословилъ Митяя, какъ своего Намѣстника, прибавивъ: «если Богъ, Патрі«архъ и Вселенскій Соборъ удостоятъ его «править Россійскою Церковью.» г. 1379.

Св. Алексій (въ 1378 году) скончался[49], и Митяй, къ изумленію Духовенства, самовольно возложилъ на себя *бѣлый* клобукъ; надѣлъ мантію съ источниками и скрижалями; взялъ посохъ, печать, казну, ризницу Митрополита; въѣхалъ въ его домъ и началъ судить дѣла церковныя самовластно. Бояре, Отроки служили ему (ибо Митрополиты имѣли тогда своихъ особенныхъ свѣтскихъ

г. 1379. чиновниковъ), а Священники присылали въ его казну извѣстные оброки и дани[80]. Онъ медленно готовился къ путешествію въ Царьградъ, желая, чтобы Димитрій велѣлъ прежде Святителямъ Россійскимъ поставить его въ Епископы, согласно съ уставомъ Апостольскимъ или Номоканономъ. Великій Князь призвалъ для того всѣхъ Архіереевъ въ Москву: никто изъ нихъ не смѣлъ ослушаться, кромѣ Діонисія Суздальскаго, съ твердостію объявившаго, что въ Россіи одинъ Митрополитъ законно ставитъ Епископовъ. Великій Князь спорилъ, и наконецъ уступилъ, къ досадѣ Митяя.

Скоро обнаружилась явная ссора между симъ нареченнымъ Митрополитомъ и Діонисіемъ, ибо они имѣли наушниковъ, которые старались усилить ихъ вражду. «Для чего« — сказалъ первый Архіерею Суздальскому — «ты до сего времени не былъ у «меня и не принялъ моего благословенія?» Діонисій отвѣтствовалъ: «Я Епископъ, а «ты Попъ: и такъ можешь ли благословлять «меня?» Митяй затрепеталъ отъ гнѣва; грозилъ, что не оставитъ Діонисія и *Попомъ*, когда возвратится изъ Царяграда, и что собственными руками споретъ скрижали съ его мантіи. Епископъ Суздальскій хотѣлъ предупредить врага своего и ѣхать къ Патріарху; но Великій Князь приставилъ къ нему стражу. Тогда Діонисій рѣшился на безчестный обманъ: далъ клятву не думать

о путешествіи въ Константинополь, и представилъ за себя порукою мужа славнаго добродѣтелію, Троицкаго Игумена Сергія; получивъ же свободу, тайно уѣхалъ въ Грецію, и ввелъ невиннаго Сергія въ стыдъ. Сей случай ускорилъ отъѣздъ Митяя, который уже 18 мѣсяцевъ управлялъ Церковію, именуясь Намѣстникомъ. Въ знакъ особенной довѣренности Великій Князь далъ ему нѣсколько бѣлыхъ хартій, запечатанныхъ его печатію, дабы онъ воспользовался ими въ Константинополѣ сообразно съ обстоятельствами, или для написанія грамотъ отъ имени Димитріева, или для нужнаго займа денегъ[31]. Самъ Государь, всѣ Бояре старѣйшіе, Епископы, проводили Митяя до Оки; въ Грецію же отправились съ нимъ 3 Архимандрита, Московскій Протопопъ Александръ, нѣсколько Игуменовъ, 6 Бояръ Митрополитскихъ, 2 переводчика и *цѣлый полкъ*, какъ говорятъ Лѣтописцы, всякаго рода людей, подъ главнымъ начальствомъ *Большаго* Великокняжескаго Боярина, Юрья Васильевича Кочевина-Олешинскаго, собственнаго Посла Димитріева. Казну и ризницу везли на телегахъ. Г. 1379.

За предѣлами Рязанскими, въ степяхъ Половецкихъ, Митяй былъ остановленъ Татарами, и не испугался, зная уваженіе ихъ къ сану духовному. Приведенный къ Мамаю, онъ умѣлъ хитрою лестію снискать его благоволеніе, получилъ отъ новаго тогдашняго

г. 1379 Хана Тюлюбека, Мамаева племянника, милостивый ярлыкъ[52], — достигъ Тавриды, и въ Генуэзской Кафѣ сѣлъ на корабль. Уже Царьградъ открылся глазамъ Россійскихъ плавателей; но Митяй, какъ вторый Моисей (по выраженію Лѣтописца), долженствовалъ только издали видѣть цѣль своего путешествія и честолюбія: занемогъ и внезапно умеръ, можетъ быть весьма естественно; но въ такихъ случаяхъ обыкновенно раждается подозрѣніе: онъ былъ окруженъ тайными непріятелями, ибо, увѣренный въ особенной любви Великаго Князя, излишнею своею гордостію оскорблялъ и духовныхъ и свѣтскихъ чиновниковъ. Тѣло его свезли на берегъ и погребли въ Галатѣ.

Вмѣсто того, чтобы увѣдомить Великаго Князя о происшедшемъ и ждать отъ него новой грамоты, спутники Митяевы вздумали самовольно посвятить въ Митрополиты кого нибудь изъ бывшихъ съ ними Духовныхъ: одни хотѣли Іоанна, Архимандрита Петровскаго, который первый учредилъ въ Москвѣ общее житіе братское; а другіе Пимена, Архимандрита Переславскаго. Долго спорили: наконецъ Бояре избрали Пимена, и будучи озлоблены укоризнами Іоанна, грозившаго обличить ихъ несправедливость предъ Великимъ Княземъ, дерзнули оковать сего старца. Честолюбивый Пименъ торжествовалъ, и нашедши въ ризницѣ Митяевой бѣлую хартію Димитрія, написалъ на оной

письмо отъ Государя Московскаго къ Импе- г.
ратору и Патріарху такого содержанія: 1379.
«Посылая къ вамъ Архимандрита Пимена,
«молю, да удостоите его быть Митрополи-
«томъ Россійскимъ: ибо не знаю лучшаго.»
Царь и Патріархъ Нилъ изъявили сомнѣніе.
«Для чего (говорили они) Князь вашъ тре-
«буетъ новаго Митрополита, имѣя Кипрі-
«ана, поставленнаго Филоѳеемъ?» Но Пи-
менъ и Бояре достигли своей цѣли щедры-
ми дарами, посредствомъ другихъ бѣлыхъ
хартій Димитріевыхъ занявъ у купцевъ
Италіянскихъ и Восточныхъ столь великое
количество серебра, что сей Государь дол-
го не могъ выплатить онаго. Смягченный
корыстію, Патріархъ сказалъ: «не знаю,
«вѣрить ли Посламъ Россійскимъ; но совѣсть
«наша чиста» и посвятилъ Пимена въ Со-
фійскомъ храмѣ.

Оскорбленный вѣстію о кончинѣ Митяе-
вой, Великій Князь едва вѣрилъ самоволь-
ству Пословъ своихъ; объявилъ Пимена на-
глымъ хищникомъ Святительства, и при-
звавъ въ Москву Кипріана заступить мѣсто
Св. Алексія, встрѣтилъ его съ великими по-
честями, съ колокольнымъ звономъ, со всѣми
знаками искренняго удовольствія[53]; а Пиме-
на велѣлъ остановить на возвратномъ пу-
ти, въ Коломнѣ, и за крѣпкою стражею
отвезти въ Чухлому. Съ него торжествен-
но сняли бѣлый клобукъ: столь власть Кня-
жеская первенствовала у насъ въ дѣлахъ

церковныхъ! Главный Бояринъ, Юрій Олешинскій, и всѣ сообщники Пименовы были наказаны заточеніемъ. Сіе случилось уже въ 1381 году, то есть, послѣ славной Донской битвы, которую мы теперь должны описывать.

Нашествіе Мамаево. Мамай пылалъ яростію и нетерпѣніемъ отмстить Димитрію за разбитіе Ханскихъ полковъ на берегахъ Вожи; но видя, что Россіяне уже не трепещутъ имени Могольскаго и великодушно рѣшились противоборствовать силѣ силою, онъ долго медлилъ, набирая войско изъ Татаръ, Половцевъ, Харазскихъ Турковъ, Черкесовъ, Ясовъ, Буртановъ или Жидовъ Кавказскихъ, Армянъ и самыхъ Крымскихъ Генуэзцевъ[84]: одни служили ему какъ подданные, другіе какъ наемники. Наконецъ, ободренный многочисленностію своей рати, Мамай призвалъ на совѣтъ всѣхъ Князей Ординскихъ и торжественно объявилъ имъ, что идетъ, по древнимъ слѣдамъ Батыя, истребить Государство Россійское. «Казнимъ рабовъ строптивыхъ!» сказалъ онъ въ гнѣвѣ: «да будутъ пепломъ грады ихъ, «веси и церкви Христіанскія! Обогатимся «Русскимъ золотомъ!» Желая еще болѣе обнадежить себя въ успѣхѣ, Мамай вступилъ въ тѣсный союзъ съ Ягайломъ Литовскимъ, который условился дѣйствовать съ нимъ за-одно. Къ симъ двумъ главнымъ утѣснителямъ и врагамъ нашего отечества присоединился внутренній измѣнникъ, менѣе

опасный могуществомъ, но зловреднѣйшій коварствомъ: Олегъ Рязанскій, воспитанный въ ненависти къ Московскимъ Князьямъ, жестокосердый въ юности, и зрѣлымъ умомъ мужескихъ лѣтъ наученный лукавству. Испытавъ въ полѣ превосходную силу Димитрія, онъ началъ искать его благоволенія; будучи хитръ, уменъ, *велерѣчивъ*, сдѣлался ему другомъ, совѣтникомъ въ общихъ дѣлахъ государственныхъ и посредникомъ — какъ мы видѣли — въ гражданскихъ дѣлахъ Великаго Княженія съ Тверскимъ[55]. Думая, что грозное ополченіе Мамаево, усиленное Ягайловымъ, должно необходимо сокрушить Россію — страшась быть первою жертвою онаго и надѣясь хитрымъ предательствомъ не только спасти свое Княжество, но и распространить его владѣнія паденіемъ Московскаго, Олегъ вошелъ въ переговоры съ Моголами и съ Литвою чрезъ Боярина Рязанскаго, Епифана Кореева; заключилъ съ ними союзъ и тайно условился ждать ихъ въ началѣ Сентября мѣсяца на берегахъ Оки. Мамай обѣщалъ ему и Ягайлу всѣ будущія завоеванія въ Великомъ Княженіи, съ тѣмъ, чтобы они, получивъ сію награду, были вѣрными данниками Ханскими.

г. 1380.

Измѣна Олегова.

Димитрій въ исходѣ лѣта свѣдалъ о походѣ Мамаевомъ, и самъ Олегъ, желая скрыть свою измѣну, далъ ему знать, что надобно готовиться къ войнѣ[56]. «Мамай *со всѣмъ* «*царствомъ* идетъ въ землю Рязанскую про-

г. 1380. «тивъ меня и тебя» писалъ онъ къ Великому Князю: «Ягайло также; *но еще рука «наша высока:* бодрствуй и мужайся!» Въ обстоятельствахъ столь важныхъ, рѣшительныхъ, первою мыслію Димитрія было спѣшить въ храмъ Богоматери и молить Всевышняго о заступленіи. Облегчивъ сердце изліяніемъ набожныхъ чувствъ, онъ разослалъ гонцевъ по всѣмъ областямъ Великаго Княженія, чтобы собирать войско и немедленно вести оное въ Москву. Повелѣніе его было исполнено съ рѣдкимъ усердіемъ: цѣлые города вооружились въ нѣсколько дней; ратники тысячами стремились отовсюду къ столицѣ. Князья Ростовскіе, Бѣлозерскіе, Ярославскіе, съ своими слугами, — Бояре Владимірскіе, Суздальскіе, Переславскіе, Костромскіе, Муромскіе, Дмитровскіе, Можайскіе, Звенигородскіе, Углицкіе, Серпуховскіе съ *Дѣтьми Боярскими*[87] или съ воинскими дружинами составили полки многочисленные, которые одни за другими вступали въ ворота Кремлевскія. Стукъ оружія не умолкалъ въ городѣ, и народъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на бодрыхъ воиновъ, готовыхъ умереть за отечество и Вѣру. Казалось, что Россіяне пробудились отъ глубокаго сна: долговременный ужасъ имени Татарскаго, какъ бы отъ дѣйствія сверхъестественной силы, исчезъ въ ихъ сердцѣ. Они напоминали другъ другу славную побѣду Вожскую; исчисляли всѣ бѣдствія пре-

терпѣнныя ими отъ варваровъ въ теченіе г.
сто-пятидесяти лѣтъ, и дивились постыд- 1380.
ному терпѣнію своихъ отцевъ. Князья, Бояре, граждане, земледѣльцы были воспламенены равнымъ усердіемъ, ибо тиранство Хановъ равно всѣхъ угнетало, отъ престола до хижины. Какая война была праведнѣе сей? Счастливъ Государь, обнажая мечь по движенію столь добродѣтельному и столь единодушному! Народъ до временъ Калиты и Симеона оглушаемый непрестанными ударами Моголовъ, въ бѣдности, въ отчаяніи, не смѣлъ и думать о свободѣ: отдохнувъ подъ умнымъ правленіемъ Князей Московскихъ, онъ вспомнилъ древнюю независимость Россіянъ, и менѣе страдая отъ ига иноплеменниковъ, тѣмъ болѣе хотѣлъ свергнуть оное совершенно. Облегченіе цѣпей не миритъ насъ съ рабствомъ, но усиливаетъ желаніе прервать оныя.

Каждый ревновалъ служить отечеству: одни мечемъ, другіе молитвою и дѣлами Христіанскими. Между тѣмъ, какъ юноши и мужи блистали оружіемъ на стогнахъ Москвы, жены и старцы преклоняли колѣна въ святыхъ храмахъ; богатые раздавали милостыню, особенно Великая Княгиня, супруга нѣжная и чувствительная[58]; а Димитрій, устроивъ полки къ выступленію, желалъ съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, со всѣми Князьями и Воеводами, принять благословеніе Сергія, Игумена уединенной

г. 1380. Троицкой Обители, уже знаменитой добродѣтелями своего основателя. Сей святый старецъ, отвергнувъ міръ, еще любилъ Россію, ея славу и благоденствіе: Лѣтописцы говорятъ, что онъ предсказалъ Димитрію кровопролитіе ужасное, но побѣду – смерть многихъ Героевъ православныхъ, но спасеніе Великаго Князя[59]; упросилъ его обѣдать въ монастырѣ, окропилъ святою водою всѣхъ бывшихъ съ нимъ Военачальниковъ и далъ ему двухъ Иноковъ въ сподвижники, именемъ Александра Пересвѣта и Ослябю, изъ коихъ первый былъ нѣкогда Бояриномъ Брянскимъ и витяземъ мужественнымъ[60]. Сергій вручилъ имъ знаменіе креста на Схимахъ и сказалъ: «вотъ оружіе нетлѣнное! да служитъ оно «вамъ вмѣсто шлемовъ!» Димитрій выѣхалъ изъ Обители съ новою и еще сильнѣйшею надеждою на помощь Небесную.

Въ тотъ часъ, когда полки съ распущенными знаменами уже шли изъ Кремля въ ворота Флоровскія, Никольскія и Константино-Еленскія[61], будучи провождаемы Духовенствомъ съ крестами и чудотворными иконами, Великій Князь молился надъ прахомъ своихъ предмѣстниковъ, Государей Московскихъ, въ церкви Михаила Архангела, воспоминая ихъ подвиги и добродѣтели. Онъ нѣжно обнялъ горестную супругу, но удержалъ слезы, окруженный свидѣтелями, и сказавъ ей: «Богъ нашъ заступникъ!» сѣлъ на коня. Однѣ жены плакали. Народъ спре-

мился въ слѣдъ за воинствомъ, громогласно г.
желая ему побѣды. Утро было ясное и ти- 1380.
хое: оно казалось счастливымъ предзнаменованіемъ. — Въ Москвѣ остался Воеводою Ѳеодоръ Андреевичь, блюсти столицу и семейство Княжеское.

Въ Коломнѣ соединились съ Димитріемъ вѣрные ему сыновья Ольгердовы, Андрей и Димитрій, предводительствуя сильною дружиною Полоцкою и Брянскою[62]. Великій Князь хотѣлъ осмотрѣть все войско; никогда еще Россія не имѣла подобнаго, даже въ самыя счастливыя времена ея независимости и цѣлости: *болѣе ста-пятидесяти тысячь* всадниковъ и пѣщихъ стало въ ряды, и Димитрій, выѣхавъ на обширное поле Дѣвичье, съ душевною радостію видѣлъ ополченіе столь многочисленное, собранное его Монаршимъ словомъ въ городахъ одного древняго Суздальскаго Княженія, нѣкогда презираемаго Князьями и народомъ южной Россіи. Скоро пришла вѣсть, что Мамай, совокупивъ всю Орду, уже три недѣли стоитъ за Дономъ и ждетъ Ягайла Литовскаго. Въ то же время явился въ Коломнѣ Посолъ Ханскій, требуя, чтобы Димитрій заплатилъ Моголамъ ту самую дань, какую бралъ съ его предковъ Царь Чанибекъ. Еще не довѣряя силамъ своимъ и боясь излишнею надменностію погубить отечество, Димитрій отвѣтствовалъ, что онъ желаетъ мира, и не отказывается отъ дани *умѣренной*, соглас-

г. 1380. но съ прежними условіями, заключенными между имъ и Мамаемъ; но не хочетъ разорить земли своей налогами тягостными въ удовлетвореніе корыстолюбивому тиранству. Сей отвѣтъ казался Мамаю дерзкимъ и коварнымъ. Съ обѣихъ сторонъ видѣли необходимость рѣшить дѣло мечемъ.

Димитрій свѣдалъ тогда измѣну Олега Рязанскаго и тайныя сношенія его съ Моголами и съ Литвою; не ужаснулся, но съ видомъ горести сказалъ: «Олегъ хочетъ «быть новымъ Святополкомъ[63]!» и принявъ благословеніе отъ Коломенскаго Епископа, Герасима, 20 Августа выступилъ къ устью рѣки Лопасни. Тамъ настигъ его Князь Владиміръ Андреевичь, внукъ Калитинъ, и Великій Воевода Тимоѳей Васильевичь, со всѣми остальными полками Московскими. 26 Августа войско переправилось за Оку, въ землю Рязанскую, а на другой день самъ Димитрій и *Дворъ* Княжескій, къ изумленію Олега, увѣрившаго своихъ союзниковъ, что Великій Князь не дерзнетъ имъ противоборствовать, и захочетъ спастися бѣгствомъ въ Новгородъ или въ пустыни Двинскія[64]. Слыша о силахъ Димитрія, равно боясь его и Мамая, Князь Рязанскій не зналъ, что ему дѣлать; скакалъ изъ мѣста въ мѣсто; отправлялъ гонцевъ къ Татарамъ, къ Ягайлу, уже стоявшему близъ Одоева; трепеталъ будущаго и раскаевался въ своей измѣнѣ; чувствуя, сколь ужасенъ страхъ

въ злодѣйствѣ, онъ завидовалъ опасностямъ Димитрія, ободряемаго чистою совѣстію, Вѣрою и любовію всѣхъ добрыхъ Россіянъ. г. 1380.

6 Сентября войско наше приблизилось къ Дону, и Князья разсуждали съ Боярами, тамъ ли ожидать Моголовъ, или итти далѣе? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, Князья Литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій Шведовъ[65]. Еще и другое, важнѣйшее обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій Князь рѣшился — и, къ ободренію своему, получилъ отъ Св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ Татарскими, и гнали ихъ. Димитрій собралъ Воеводъ, и сказавъ имъ: «часъ суда Божія наступаетъ,» 7 Сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго броду для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густый туманъ, но скоро разсѣялся: войско Сент. 8. перешло за Донъ, и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Димитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ. Въ срединѣ находились Князья Литовскіе, Андрей и Димитрій Ольгердо-

Славная битва Куликовская.

вичи, Феодоръ Романовичь Бѣлозерскій и Бояринъ Николай Васильевичь; въ собственномъ же полку Великокняжескомъ Бояре Іоаннъ Родіоновичь Квашня, Михаилъ Брянокъ, Князь Іоаннъ Васильевичь Смоленскій; на правомъ крылѣ Князь Андрей Феодоровичь Ростовскій, Князь Стародубскій того же имени и Бояринъ Феодоръ Грунка; на лѣвомъ Князь Василій Васильевичь Ярославскій, Феодоръ Михайловичь Моложскій и Бояринъ Левъ Морозовъ; въ Сторожевомъ полку Бояринъ Михаилъ Іоанновичь, внукъ Акинѳовъ, Князь Симеонъ Константиновичь Оболенскій, братъ его Князь Іоаннъ Торусскій и Андрей Серкизъ; а въ засадѣ Князь Владиміръ Андреевичь, внукъ Калитинъ, Димитрій Михайловичь Волынскій[66], побѣдитель Олега и Болгаровъ, мужъ славный доблестію и разумомъ, — Романъ Михайловичь Брянскій, Василій Михайловичь Кашинскій и сынъ Романа Новосильскаго. Димитрій, стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, — слыша всеобщія громогласныя восклицанія: «Боже! даруй побѣду «Государю нашему!» и вообразивъ, что многія тысячи сихъ бодрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна, и простирая руки

къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на *черномъ знамени* Великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за Христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами *и милыми братьями,* утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцемъ мученическимъ за гробомъ[67]. г. 1380.

Войско тронулось, и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ, Вожди наблюдали другъ друга, и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила Татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные Бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. «Долгъ Кня-«зя» — говорили они — «смотрѣть на бит-«ву, видѣть подвиги Воеводъ и награждать «достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть; «а ты, Государь любимый, живи и предай «нашу память временамъ будущимъ. Безъ «тебя нѣтъ побѣды[68].» Но Димитрій отвѣтствовалъ: «Гдѣ вы, тамъ и я. Скры-«ваясь назади, могу ли сказать вамъ: *братья!* «*умремъ за отечество?* Слово мое да бу-«детъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: ста-«ну впереди и хочу положить свою голову

г. 1380. «въ примѣръ другимъ.» Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію: громогласно читая Псаломъ: *Богъ намъ прибѣжище и сила*, первый ударилъ на враговъ, и бился мужественно какъ рядовый воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилася кровь Христіанъ и невѣрныхъ[69]. Ряды смѣшались: индѣ Россіяне тѣснили Моголовъ, индѣ Моголы Россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые Московскіе неопытные юноши — думая, что все погибло — обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ Большимъ или Княжескимъ знаменамъ, и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще Князь Владиміръ Андреевичь, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы, и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ девятый часъ дня: сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечь, и сказалъ Владиміру: «теперь «наше время.» Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на Моголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги изумленные, разсѣянные не могли противиться новому строю

войска свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго г.
кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ 1380.
общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: «великъ Богъ Христіанскій!» и бѣжалъ въ слѣдъ за другими. Полки Россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телегъ, коней, вельблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями.

Мужественный Князь Владиміръ, Герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ *на костяхъ* или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ Княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему Князья и Полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: «гдѣ «братъ мой и *первоначальникъ* нашей сла«вы?» Никто не могъ дать объ немъ вѣсти[70]. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ Воеводы разсѣялись искать его, живаго или мертваго; долго не находили: наконецъ два воина увидѣли Великаго Князя лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, Князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: «Государь! ты побѣдилъ вра«говъ!» Димитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и

г. 1380. знамена Христіанскія надъ трупами Моголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ, и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа, и не чувствуя изнуренія силъ. — Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего Князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостію подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, провождаемый Князьями и Боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество Россіянъ, но въ четверо болѣе непріятелей[71], такъ, что, по сказанію нѣкоторыхъ Историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухъ сотъ тысячь. Князья Бѣлозерскіе, Ѳеодоръ и сынъ его Іоаннъ, Торусскіе Ѳеодоръ и Мстиславъ, Дорогобужскій Димитрій Монастыревъ, первостепенные Бояре Симеонъ Михайловичь, сынъ Тысячскаго Николай Васильевичь, внукъ Акинѳовъ Михаилъ, Андрей Серкизъ, Волуй, Бренко, Левъ Морозовъ и многіе другіе положили головы за отечество: а въ числѣ ихъ и Сергіевъ Инокъ Александръ Пересвѣтъ, о коемъ пишутъ, что онъ еще до начала битвы палъ въ единоборствѣ съ Печенѣгомъ, богатыремъ Мамаевымъ, сразивъ его съ коня и вмѣстѣ съ нимъ испустивъ духъ; кости сего и другаго Сергіева

Священновитязя, Осляби, покоятся донынѣ Г.
близъ монастыря Симонова[72]. Останавлива- 1380.
ясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, Великій Князь платилъ имъ дань слезами умиленія и хвалою; наконецъ, окруженный Воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество, обѣщая наградить каждаго по достоинству, и велѣлъ хоронить тѣла Россіянъ. Послѣ, въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ Субботу Дмитровскую[73], доколѣ существуетъ Россія.

Ягайло въ день битвы находился не болѣе какъ въ 30 или въ 40 верстахъ отъ Мамая: узнавъ ея слѣдствіе, онъ пришелъ въ ужасъ и думалъ только о скоромъ бѣгствѣ, такъ, что легкіе наши отряды нигдѣ не могли его настигнуть. Со всѣхъ сторонъ счастливый Димитрій, однимъ ударомъ освободивъ Россію отъ двухъ грозныхъ непріятелей, послалъ гонцевъ въ Москву, въ Переславль, Кострому, Владиміръ, Ростовъ и другіе города, гдѣ народъ, свѣдавъ о переходѣ войска за Оку, денно и нощно молился въ храмахъ. Извѣстіе о побѣдѣ столь рѣшительной произвело восхищеніе неописанное. Казалось, что независимость, слава и благоденствіе нашего отечества утверждены ею навѣки; что Орда пала и не возстанетъ; что кровь Христіанъ, обагрившая берега Дона, была послѣднею жертвою

г. 1380. для Россіи, и совершенно умилостивила Небо. Всѣ поздравляли другъ друга, радуясь, что дожили до временъ столь счастливыхъ, и славили Димитрія, какъ втораго Ярослава Великаго и новаго Александра, единогласно назвавъ его *Донскимъ*, а Владиміра Андреевича *Храбрымъ*[74], и ставя Мамаево побоище выше Альтскаго и Невскаго. Увидимъ, что оно, къ сожалѣнію, не имѣло тѣхъ важныхъ, прямыхъ слѣдствій, какихъ Димитрій и народъ его ожидали; но считалось знаменитѣйшимъ въ преданіяхъ нашей Исторіи до самыхъ временъ Петра Великаго, или до битвы Полтавской: еще не прекратило бѣдствій Россіи, но доказало возрожденіе силъ ея, и въ несомнительной связи дѣйствій съ причинами отдаленными служило основаніемъ успѣховъ Іоанна III, коему судьба назначила совершить дѣло предковъ, менѣе счастливыхъ, но равно великихъ.

Для чего Димитрій не хотѣлъ воспользоваться побѣдою, гнать Мамая до береговъ Ахтубы и разрушить гнѣздо тиранства? Не будемъ обвинять Великаго Князя въ оплошности. Татары бѣжали, однакожь все еще сильные числомъ, и могли въ Волжскихъ Улусахъ собрать полки новые; надлежало итти въ слѣдъ за ними съ войскомъ многолюднымъ: какимъ образомъ продовольствовать оное въ степяхъ и пустыняхъ? Народу кочующему нужна только паства

для скота его, а Россіяне долженствовали г.
бы везти хлѣбъ съ собою, видя впереди 1380.
глубокую осень и зиму, имѣя лошадей не пріученныхъ питаться одною изсохшею травою. Множество раненыхъ требовало призрѣнія, и побѣдители чувствовали нужду въ отдохновеніи. Думая, что Мамай никогда уже не дерзнетъ возстать на Россію, Димитрій не хотѣлъ безъ крайней необходимости подвергать судьбу Государства дальнѣйшимъ опасностямъ войны, и въ надеждѣ заслужить счастіе умѣренностію, возвратился въ столицу. Шествіе его отъ поля Куликова до вратъ Кремлевскихъ было торжествомъ непрерывнымъ[75]. Вездѣ народъ встрѣчалъ побѣдителя съ веселіемъ, любовію и благодарностію; вездѣ гремѣла хвала Богу и Государю. Народъ смотрѣлъ на Димитрія какъ на Ангела-хранителя, ознаменованнаго печатію Небеснаго благоволенія. Сіе блаженное время казалось истиннымъ очарованіемъ для добрыхъ Россіянъ: оно не продолжалось!

Уже зная всю черноту души Олеговой, и свѣдавъ еще, что сей измѣнникъ старался вредить Московскимъ полкамъ на возвратномъ ихъ пути чрезъ области Рязанскія, истреблялъ мосты, даже захватывалъ и грабилъ слугъ Великокняжескихъ, Димитрій готовился наказать его. Тогда именитѣйшіе Бояре Рязанскіе пріѣхали въ Москву объявить, что Князь ихъ ушелъ съ своимъ семействомъ и Дворомъ въ Литву; что Ря-

г. 1380. зань поддается Герою Донскому и молитъ его о милосердіи. Димитрій отправилъ туда Московскихъ Намѣстниковъ; но хитрый Олегъ, бывъ нѣсколько мѣсяцевъ изгнанникомъ, умѣлъ тронуть его чувствительность знаками раскаянія и возвратился на престолъ, съ обѣщаніемъ отказаться отъ Ягайловой дружбы, считать Великаго Князя старшимъ братомъ и быть съ нимъ за-одно въ случаѣ войны или мира съ Литвою и Татарами. Въ семѣ письменномъ договорѣ сказано, что Ока и Цна служатъ границею между Княженіями Московскимъ и Рязанскимъ; что мѣста, отнятыя у Татаръ, безспорно принадлежатъ тому, кто ихъ отнялъ; что городъ *Тула*, названный именемъ Царицы *Тайдулы*, жены Чанибековой, и нѣкогда управляемый ея Баскаками, остается собственностію Димитрія, равно какъ и бывшая Мордовская область, Мещера, купленная имъ у тамошняго крещенаго Князя, именемъ Александра Уковича[76]. Великодушіе дѣйствуетъ только на великодушныхъ: суровый Олегъ могъ помнить обиды, а не благотворенія; скоро забылъ милость Димитрія, и воспользовался первымъ случаемъ нанести ему вредъ.

Уничиженный, поруганный Мамай, достигнувъ своихъ Улусовъ въ видѣ робкаго бѣглеца, скрежеталъ зубами и хотѣлъ еще отвѣдать силъ противъ Димитрія; но судьба послала ему инаго непріятеля. Тохтамышъ,

одинъ изъ потомковъ Чингисхановыхъ, изгнанный изъ Орды Капчакской Ханомъ Урусомъ[77], снискалъ дружбу славнаго Тамерлана, который, смиренно называясь Эміромъ или Княземъ Моголовъ Чагатайскихъ, уже властвовалъ надъ обѣими Бухаріями. Съ помощію сего втораго Чингиса Тохтамышъ, объявивъ себя наслѣдникомъ Батыева престола, шелъ къ морю Азовскому. Мамай встрѣтилъ его близъ нынѣшняго Маріуполя, и на томъ мѣстѣ, гдѣ Моголы въ 1224 году истребили войско нашихъ соединенныхъ Князей, былъ разбитъ на голову; оставленный невѣрными Мурзами, бѣжалъ въ Кафу, и тамъ кончилъ жизнь свою: Генуэзцы обѣщали ему безопасность, но коварно умертвили его, чтобы угодить побѣдителю или завладѣть Мамаевою казною. Тохтамышъ воцарился въ Ордѣ и дружелюбно далъ знать всѣмъ Князьямъ Россійскимъ, что онъ побѣдилъ *ихъ врага общаго*. Димитрій принялъ Ханскихъ Пословъ съ ласкою, отпустилъ съ честію, и въ слѣдъ за ними отправилъ собственныхъ съ богатыми дарами для Хана; то же сдѣлали и другіе Князья. Но дары не дань, и ласки не рабство: надменный, честолюбивый Тохтамышъ не могъ удовольствоваться привѣтствіями: онъ хотѣлъ властвовать какъ Батый или Узбекъ надъ Россіею. Тамерланъ.

Въ слѣдующее лѣто Ханъ послалъ къ Димитрію Царевича Акхозю и съ нимъ 700 г. 1381.

воиновъ, требовать, чтобы всѣ Князья наши, какъ древніе подданные Моголовъ, немедленно явились въ Ордѣ. Россіяне содрогнулись. «Давно ли» — говорили они — «мы одержали побѣду на берегахъ Дона? не «ужели кровь Христіанская лилась тщетно?» Государь думалъ согласно съ народомъ, и Царевичу къ Нижнемъ Новѣгородѣ сказали, что Великій Князь не отвѣтствуетъ за его безопасность, если онъ пріѣдетъ въ столицу съ воинскою дружиною[78]. Акхозя возвратился къ Хану, отправивъ въ Москву нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей. Даже и сіи люди, устрашенные знаками народной ненависти Россіянъ къ Моголамъ, не посмѣли туда ѣхать; а Димитрій, излишно надѣясь на слабость Орды, спокойно занимался дѣлами внутренняго правленія.

Г. 1382. Прошло около года: Ханъ молчалъ, но въ тишинѣ готовился дѣйствовать. Вдругъ услышали въ Москвѣ, что Татары захватили всѣхъ нашихъ купцевъ въ землѣ Болгарской и взяли у нихъ суда для перевоза войска Ханскаго чрезъ Волгу; что Тохтамышъ идетъ на Россію; что вѣроломный Олегъ встрѣтилъ его близъ границы, и служитъ ему путеводителемъ, указывая на Окѣ безопасные броды[79]. Сія вѣсть, привезенная изъ Улусовъ нѣкоторыми искренними доброхотами Россіянъ, изумила народъ: еще великодушная рѣшимость Правителей могла бы воспламенить

Нашествіе Тохтамыша.

его ревность, и Герой Донскій съ муже- г.
ственнымъ братомъ своимъ, Владиміромъ 1382.
Андреевичемъ, спѣшили выступить въ поле; но другіе Князья измѣнили чести и славѣ. Самъ тесть Великаго Князя, Димитрій Нижегородскій, свѣдавъ о быстромъ стремленіи непріятеля, послалъ къ Хану двухъ сыновей съ дарами. Одни увеличивали силу Тохтамышеву; иные говорили, что отъ важнаго урона, претерпѣннаго Россіянами въ битвѣ Донской, столь кровопролитной, хотя и счастливой, города оскудѣли людьми военными: наконецъ совѣтники Димитріевы только спорили о лучшихъ мѣрахъ для спасенія отечества, и Великій Князь, потерявъ бодрость духа, вздумалъ, что лучше обороняться въ крѣпостяхъ, нежели искать гибели въ полѣ. Онъ удалился въ Кострому съ супругою и съ дѣтьми, желая собрать тамъ болѣе войска, и надѣясь, что Бояре, оставленные имъ въ столицѣ, могутъ долго противиться непріятелю.

Тохтамышъ взялъ Серпуховъ и шелъ прямо къ Москвѣ, гдѣ господствовало мятежное безначаліе. Народъ не слушался ни Бояръ, ни Митрополита, и при звукѣ колоколовъ стекался на Вѣче[80], вспомнивъ древнее право гражданъ Россійскихъ, въ важныхъ случаяхъ рѣшить судьбу свою большинствомъ голосовъ. Смѣлые хотѣли умереть въ осадѣ, робкіе спасаться бѣгствомъ; первые стали на стѣнахъ, на башняхъ, и бросали камнями

Г. 1382. въ тѣхъ, которые думали уйти изъ города; другіе, вооруженные мечами и копьями, никого не пускали къ городскимъ воротамъ; наконецъ, убѣжденные представленіями людей благоразумныхъ, что въ Москвѣ останется еще не мало воиновъ отважныхъ, и что въ долговременной осадѣ всего страшнѣе голодъ, позволили многимъ удалиться, но въ наказаніе отняли у нихъ все имущество. Самъ Митрополитъ Кипріянъ выѣхалъ изъ столицы въ Тверь, предпочитая собственную безопасность долгу церковнаго Пастыря: онъ былъ иноплеменникъ! Волненіе продолжалось: народъ, оставленный Государемъ и Митрополитомъ, тратилъ время въ шумныхъ спорахъ, и не имѣлъ довѣренности къ Боярамъ.

Мужественный Князь Остей. Въ сіе время явился достойный Воевода, юный Князь Литовскій, именемъ Остей, внукъ Ольгердовъ, посланный, какъ вѣроятно, Димитріемъ. Умомъ своимъ и великодушіемъ, столь сильно дѣйствующимъ въ опасностяхъ, онъ возстановилъ порядокъ, успокоилъ сердца, ободрилъ слабыхъ. Купцы, земледѣльцы окрестныхъ селеній, пришедшіе въ Москву съ дѣтьми и съ драгоцѣннѣйшею собственностію, — Иноки, Священники требовали оружія. Немедленно образовались полки; каждый занялъ свое мѣсто, въ тишинѣ и благоустройствѣ. Дымъ и пламя вдали означили приближеніе Моголовъ, которые, слѣдуя обыкновенію, жгли на пу-

ни всѣ деревни, и 23 Августа обступили городъ. Нѣкоторые ихъ чиновники подъѣхали къ стѣнѣ, и зная Русской языкъ, спрашивали, гдѣ Великій Князь Димитрій? Имъ отвѣтствовали, что его нѣтъ въ Москвѣ. Татары, не пустивъ ни одной стрѣлы, ѣздили вокругъ Кремля, осматривали глубину рвовъ, башни, всѣ укрѣпленія, и выбирали мѣста для приступовъ; а Москвитяне, въ ожиданіи битвы, молились въ церквахъ; другіе же, менѣе набожные, веселились на улицахъ; выносили изъ домовъ чаши крѣпкаго меду и пили съ друзьями, разсуждая: «Можемъ ли бояться нашествія по-«ганыхъ, имѣя городъ твердый и стѣны «каменныя съ желѣзными воротами? Непрія-«тели скроются, когда испытаютъ нашу «бодрость, и свѣдаютъ, что Великій Князь «съ сильными полками заходитъ имъ въ «тылъ.» Сіи храбрецы, всходя на стѣну и видя малое число Татаръ, смѣялись надъ ними; а Татары издали грозили имъ обнаженными саблями, и ввечеру, къ преждевременной радости Москвитянъ, удалились отъ города. Г. 1382.

Сіе войско было только легкимъ отрядомъ: въ слѣдующій день явилась главная рать, столь многочисленная, что осажденные ужаснулись. Самъ Тохтамышъ предводительствовалъ ею. Онъ велѣлъ немедленно начать приступъ. Москвитяне, пустивъ нѣсколько стрѣлъ, были осыпаны непрія- Приступъ къ столицѣ.

г. 1382. тельскими. Татары стрѣляли съ удивительною мѣткостію, пѣшіе и конные, стоя неподвижно или на всемъ скаку, въ обѣ стороны, взадъ и впередъ[81]. Они приставили къ стѣнѣ лѣсницы; но Россіяне обливали ихъ кипящею водою, били камнями, толстыми бревнами, и къ вечеру отразили. Три дни продолжалась битва; осажденные теряли многихъ людей, а непріятель еще болѣе: ибо, не имѣя стѣнобитныхъ орудій, онъ упорствовалъ взять городъ силою. И воины и граждане Московскіе, одушевляемые примѣромъ Князя Остея, старались отличить себя мужествомъ. Въ числѣ Героевъ Лѣтописцы называютъ одного суконника, именемъ Адама, который съ воротъ Флоровскихъ застрѣлилъ любимаго Мурзу Ханскаго. Видя неудачу, Тохтамышъ употребилъ коварство, достойное варвара.

26 Августа. Вѣроломство Тохтамыша. Въ четвертый день осады непріятель изъявилъ желаніе вступить въ мирные переговоры. Знаменитые чиновники Тохтамышевы, подъѣхавъ къ стѣнамъ, сказали Москвитянамъ, что Ханъ любитъ ихъ какъ *своихъ* добрыхъ *подданныхъ*, и не хочетъ воевать съ ними, будучи только личнымъ врагомъ Великаго Князя; что онъ немедленно удалится отъ Москвы, буде жители выдутъ къ нему съ дарами, и впустятъ его въ сію столицу, осмотрѣть ея достопамятности. Такое предложеніе не могло обольстить людей благоразумныхъ; но съ

Послами находились два сына Димитрія Нижегородскаго, Василій и Симеонъ: обманутые увѣреніями Тохтамыша, или единственно исполняя волю его, они какъ Россіяне и Христіане дали клятву, что Ханъ сдержитъ слово и не сдѣлаетъ ни малѣйшаго зла Москвитянамъ[82]. Храбрый Остей совѣтовался съ Боярами, съ Духовенствомъ и народомъ: всѣ думали, что ручательство Нижегородскихъ Князей надежно; что излишняя недовѣрчивость можетъ быть пагубна въ семъ случаѣ, и что безразсудно подвергать столицу дальнѣйшимъ бѣдствіямъ осады, когда есть способъ прекратить ихъ. Отворили ворота: Князь Липовскій вышелъ первый изъ города и несъ дары; за нимъ Духовенство съ крестами, Бояре и граждане. Остея повели въ станъ Ханскій — и тамъ умертвили. Сіе злодѣйство было началомъ ужаса: по данному знаку обнаживъ мечи, тысячи Моголовъ въ одно мгновеніе обагрились кровію Россіянъ безоружныхъ, напрасно хотѣвшихъ спастися бѣгствомъ въ Кремль: варвары захватили путь, и вломились въ ворота; другіе, приставивъ лѣсницы, взошли на стѣну. Еще довольно ратниковъ оставалось въ городѣ, но безъ вождей и безъ всякаго устройства: люди бѣгали толпами по улицамъ, вопили какъ слабыя жены и терзали на себѣ волосы, не думая обороняться. Непріятель въ остервененіи своемъ убивалъ всѣхъ безъ разбора,

г. 1382.

Взятіе и разрушеніе Москвы.

г. 1382 граждан и Монаховъ, женъ и Священниковъ, юныхъ дѣвицъ и дряхлыхъ старцевъ; опускалъ мечь единственно для отдохновенія и снова начиналъ кровопролитіе. Многіе укрывались въ церквахъ каменныхъ: Татары отбивали двери, и вездѣ находили сокровища, свезенныя въ Москву изъ другихъ, менѣе укрѣпленныхъ городовъ. Кромѣ богатыхъ иконъ и сосудовъ, они взяли, по сказанію Лѣтописцевъ, несмѣтное количество золота и серебра въ Казнѣ Великокняжеской, у Бояръ старѣйшихъ, у купцевъ знаменитыхъ, наслѣдіе ихъ отцевъ и дѣдовъ, плодъ бережливости и трудовъ долговременныхъ. Къ вѣчному сожалѣнію потомства, сіи грабители, обнаживъ церкви и домы, предали огню множество древнихъ книгъ и рукописей, тамъ хранимыхъ, и лишили нашу Исторію, можетъ быть, весьма любопытныхъ памятниковъ[83].

Не будемъ подробно описывать всѣхъ ужасовъ сего несчастнаго для Россіи дня: легко представить себѣ оные. И въ наше время, когда непріятель, раздраженный упорствомъ осажденныхъ, силою входитъ въ городъ, что можетъ превзойти бѣдствіе жителей? ни язва, ни землетрясеніе. А Татары со временъ Батыевыхъ не смягчились сердцемъ, и въ своей Азовской роскоши утративъ отчасти прежнюю неустрашимость, сохранили всю дикую свирѣпость народа степнаго. Обремененные добычею, утружденные

злодѣйствами, наполнивъ трупами городъ, они зажгли его и вышли отдыхать въ поле, гоня передъ собою толпы юныхъ Россіянъ, избранныхъ ими въ невольники. — «Какими словами» — говорятъ Лѣтописцы — «изобразимъ тогдашній видъ Москвы? Сія «многолюдная столица *кипѣла* прежде *бо-* «*гатствомъ и славою*[84]: въ одинъ день по- «гибла ея красота; остались только дымъ, «пепелъ, земля окровавленная, трупы и пу- «стыя, обгорѣлыя церкви. Ужасное безмол- «віе смерти прерывалось однимъ глухимъ «стономъ нѣкоторыхъ страдальцевъ, изсѣ- «ченныхъ саблями Татаръ, но еще не ли- «шенныхъ жизни и чувства.» г. 1382.

Войско Тохтамышево разсыпалось по всему Великому Княженію. Владиміръ, Звенигородъ, Юрьевъ, Можайскъ, Дмитровъ, имѣли участь Москвы. Жители Переславля бросились въ лодки, отплыли на средину озера, и тѣмъ спаслися отъ погибели; а городъ былъ сожженъ непріятелемъ. Близъ Волока стоялъ съ дружиною смѣлый братъ Димитріевъ, Князь Владиміръ Андреевичь: отпустивъ мать и супругу въ Торжекъ, онъ внезапно ударилъ на сильный отрядъ Моголовъ и разбилъ его совершенно[85]. Извѣщенный о томъ бѣглецами, Ханъ началъ отступать отъ Москвы; взялъ еще Коломну и перешелъ за Оку. Тутъ вѣроломный Князь Рязанскій увидѣлъ, сколь милость Татаръ, купленная гнусною измѣною, нена-

Г. 1382. дежна: они поступали въ его земле какъ въ неприятельской; жгли, убивали, пленили жителей, и заставили самого Олега скрыться. Тохтамышъ оставилъ наконецъ Россію, отправивъ шурина своего, именемъ Шихомата, Посломъ къ Князю Суздальскому.

Скорб. Димитрія. Съ какою скорбію Димитрій и Князь Владиміръ Андреевичь, пріѣхавъ съ своими Боярами въ Москву, увидѣли ея хладное пепелище и свѣдали всѣ бѣдствія, претерпѣнныя отечествомъ, и столь неожидаемыя послѣ счастливой Донской битвы! «Отцы наши» — говорили они, проливая слезы[86], — «не побѣ-«ждали Татаръ, но были *менње* насъ злополуч-«ны!» Дѣйствительно *менње* со временъ Калиты, памятныхъ началомъ устройства, безопасности, и малодушные могли винить Димитрія въ томъ, что онъ не слѣдовалъ правиламъ Іоанна I и Симеона, которые искали милости въ Ханахъ для пользы государственной; но Великій Князь, чистый въ совѣсти предъ Богомъ и народомъ, не боялся ни жалобы современниковъ, ни суда потомковъ; хотя скорбѣлъ, однакожь не терялъ бодрости, и надѣялся умилостивить Небо своимъ великодушіемъ въ несчастіи.

Онъ велѣлъ немедленно погребать мертвыхъ и давалъ гробокопателямъ по рублю за 80 тѣлъ: что составило 300 рублей[87]; слѣдственно въ Москвѣ погибло тогда 24,000 человѣкъ, кромѣ сгорѣвшихъ и потонувшихъ: ибо многіе, чтобы спастись отъ

убійцъ, бросались въ рѣку. Еще не успѣли совершить сего печальнаго обряда, когда Димитрій послалъ Воеводъ Московскихъ наказать Олега, приписывая ему успѣхъ Тохтамышевъ и бѣдствіе Великаго Княженія. Подданные должны были отвѣтствовать за своего Князя: онъ ушелъ, предавъ ихъ въ жертву мстителямъ, и войско Димитріево, остервененное злобою, въ конецъ опустошило Рязань, считая оную гнѣздомъ измѣны и ставя жителямъ въ вину усердіе ихъ къ Олегу. — Вторымъ попеченіемъ Димитрія было возобновленіе Москвы; стѣны и башни Кремлевскія стояли въ цѣлости: Ханъ не имѣлъ времени разрушить оныя. Скоро кучи пепла исчезли, и новыя зданія явились на ихъ мѣстѣ; но прежнее многолюдство въ столицѣ и въ другихъ взятыхъ Татарами городахъ уменшилось на-долго. Г. 1382. Изгнаніе Олега. Возстановленіе Москвы.

Въ то время, когда надлежало дать Церкви новыхъ Іереевъ вмѣсто убіенныхъ Моголами, святить оскверненные злодѣйствами храмы, утѣшать, ободрять народъ Пастырскими наставленіями, Митрополитъ Кипріанъ спокойно жилъ въ Твери. Великій Князь послалъ за нимъ Бояръ своихъ[88], но объявилъ его, какъ малодушнаго бѣглеца, недостойнымъ управлять Церковію, и возвративъ изъ ссылки Пимена, поручилъ ему Россійскую Митрополію; а Кипріанъ съ горестію и стыдомъ уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ господствовалъ сынъ Ольгердовъ, Влади- Изгнаніе Митрополита.

Г. 1382. міръ, Христіанинъ Греческой Вѣры. Столь рѣшительно поступалъ Димитрій въ дѣлахъ церковныхъ, живо чувствуя достоинство Государя, любя отечество, и желая, чтобы Духовенство служило примѣромъ сей любви для гражданъ! Онъ могъ досадовать на Кипріана и за дружескую связь его съ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ, который, вопреки торжественному обѣту и письменному договору 1375 года, не хотѣлъ участвовать ни въ славѣ, ни въ бѣдствіяхъ Московскаго Княженія, и тѣмъ изъявилъ холодность къ общей пользѣ Россіянъ. Скоро обнаружилась и личная, давнишняя ненависть его къ Димитрію: какъ бы обрадованный несчастіемъ Москвы и въ надеждѣ воспользоваться злобою Тохтамыша на Великаго Князя, онъ съ сыномъ своимъ, Александромъ, уѣхалъ въ Орду, чтобы снискать милость Хана и съ помощію Моголовъ свергнуть Донскаго съ престола.

Ненависть Князя Тверскаго къ Димитрію.

Не время было презирать Тохтамыша и думать о битвахъ: разоренное Великое Княженіе требовало мирнаго спокойствія, и народъ унылъ. Великодушный Димитрій, скрѣпивъ сердце, съ честію принялъ въ Москвѣ
1383, Апрѣля 23. Ханскаго Мурзу, Карача, объявившаго ему, что Тохтамышъ, страшный во гнѣвѣ, умѣетъ и миловать преступниковъ въ раскаяніи. Сынъ Великаго Князя, Василій, со многими Боярами поѣхавъ Волгою на судахъ въ Орду, знаками смиренія столь угодилъ

Сынъ Димитріевъ въ Ордѣ.

Хану, что Михаилъ Тверскій не могъ успѣть въ своихъ проискахъ, и съ досадою возвратился въ Россію. Но милость Тохтамышева дорого стоила Великому Княженію: кровопійцы Ординскіе, называемые Послами, начали снова являться въ его предѣлахъ, и возложили на оное весьма тягостную дань, въ особенности для земледѣльцевъ: всякая деревня, состоящая изъ двухъ и трехъ дво- Г.
ровъ, обязывалась платить полтину сере- 1384.
бромъ[89]; города давали и *золото*. Сверхъ Тяжкая
того, къ огорченію Государя и народа, Ханъ дань.
въ залогъ вѣрности и осьми тысячь рублей долгу удержалъ при себѣ юнаго Князя Василія Димитріевича, вмѣстѣ съ сыновьями Князей Нижегородскаго и Тверскаго. Однимъ словомъ, казалось, что Россіяне долженствовали проститься съ мыслію о государственной независимости какъ съ мечтою; но Димитрій надѣялся вмѣстѣ съ народомъ, что сіе рабство будетъ недолговременно; что паденіе мятежной Орды неминуемо, и что онъ воспользуется первымъ случаемъ освободить себя отъ тиранства[90].

Для того Великій Князь хотѣлъ мира и благоустройства внутри отечества; не мстилъ Князю Тверскому за его вражду, и предлагалъ свою дружбу самому вѣроломному Олегу. Сей послѣдній неожидаемо разгра- Г.
билъ Коломну, плѣнивъ тамошняго Намѣ- 1385.
стника, Александра Остея, со многими Боярами: Димитрій послалъ туда войско подъ

Г. 1385. начальствомъ Князя Владиміра Андреевича, но желалъ усовѣстить Олега, зная, что сей Князь любимъ Рязанцами и могъ быть своимъ умомъ полезенъ отечеству. Мужъ, знаменитый святостію, Игуменъ Сергій, взялъ на себя дѣло миротворца: ѣздилъ къ Олегу, говорилъ ему именемъ Вѣры, земли Русской, и смягчилъ его сердце, такъ, что онъ заключилъ съ Димитріемъ искренній, вѣчный союзъ, утвержденный послѣ семейственнымъ: Ѳеодоръ, сынъ Олеговъ, (въ 1387 году) женился на Княжнѣ Московской, Софіи Димитріевнѣ.

Миръ съ Олегомъ.

Ссора и миръ съ Новымгородомъ.

Великій Князь долженствовалъ еще усмирить Новогородцевъ. Они (въ 1384 году) дали Князю Литовскому, Патрикію Наримантовичу, бывшій Удѣлъ отца его: Орѣховъ, Кексгольмъ и половину Копорья; но тамошніе жители изъявили негодованіе. Сдѣлался мятежъ въ Новѣгородѣ: Славянскій Конецъ, обольщенный дарами Патрикія, стоялъ за сего Князя на Вѣчѣ Двора Ярославова; другіе Концы взяли противную сторону на Вѣчѣ Софійскомъ. Вооружались; шумѣли, писали разныя грамоты или опредѣленія и наконецъ согласились, вмѣсто упомянутыхъ городовъ, отдать Патрикію Ладогу, Русу и берегъ Наровскій, не считая нужнымъ требовать на то Великокняжескаго соизволенія[91]. Сіе дѣло могло оскорбить Димитрія: онъ имѣлъ еще важнѣйшія причины быть недовольнымъ. Въ теченіе десяти лѣтъ оставляемые въ покоѣ сосѣдами, Новогородцы,

какъ бы скучая тишиною и мирною торговлею, полюбили разбои, украшая оные именемъ *молодечества*, и многочисленными толпами ѣздили грабить купцевъ, селенія и города по Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ. Въ 1371 году они завоевали Кострому и Ярославль, а въ 1375 вторично явились подъ стѣнами первой, гдѣ начальствовалъ Воевода Плещей: ихъ было 2000, а вооруженныхъ Костромскихъ гражданъ 5000; но малодушный Плещей, съ двухъ сторонъ обойденный непріятелемъ, бѣжалъ: разбойники взяли городъ, и цѣлую недѣлю въ немъ злодѣйствовали; плѣнили людей, опустошили домы, купеческія лавки, и бросивъ въ Волгу, чего не могли увезти съ собою, отправились къ Нижнему; захватили и тамъ многихъ Россіянъ, и продали ихъ какъ невольниковъ Восточнымъ купцамъ въ Болгарахъ. Еще недовольные богатою добычею, сіи храбрецы, предводительствуемые какимъ-то Прокопіемъ и другимъ Смоленскимъ Атаманомъ, пустились далѣе внизъ по Волгѣ, къ Сараю, и грабили безъ сопротивленія до самаго *Хазиторокана* или Астрахани[92], древняго города Козаровъ; наконецъ, обманутые лестію тамошняго Князя Могольскаго, именемъ Сальчея, были всѣ побиты; а Вятчане (въ 1379 году) истребили другую шайку такихъ разбойниковъ близъ Казани. Занятый опасностями и войнами, Димитрій терпѣлъ сію дерзость Новогородцевъ и видѣлъ, что она возрастала: Правительство ихъ захватывало даже его соб-

г. 1385.

г. 1385. ственность, или доходы Великокняжескіе, и (въ 1385 году) отложилось отъ церковнаго суда Московской Митрополіи: Посадникъ, Бояре, *Житые* (именитые) и черные люди всѣхъ пяти Концевъ торжественно присягнули на Вѣчѣ, чтобы ни въ какихъ тяжбахъ, подсудныхъ Церкви, не относиться къ Митрополиту, но рѣшить оныя самому Архіепископу Новогородскому по Греческому Номоканону или Кормчей Книгѣ, вмѣстѣ съ Посадникомъ, Тысячскимъ и четырьмя посредниками, избираемыми съ обѣихъ сторонъ изъ Бояръ и людей Житыхъ. Испытавъ безполезность дружелюбныхъ представленій и самыхъ угрозъ, огорчаемый строптивостію Новогородцевъ и явнымъ ихъ намѣреніемъ быть независимыми отъ Великаго Княженія, Димитрій прибѣгнулъ къ оружію, чтобы утвердить власть свою надъ сею знаменитою областію и со временемъ воспользоваться ея силами для общаго блага или освобожденія Россіи.

г. 1386. Двадцать-шесть областей соединили своихъ ратниковъ подъ знаменами Великокняжескими: Москва, Коломна, Звенигородъ, Можайскъ, Волокъ Ламскій, Ржевъ, Серпуховъ, Боровскъ, Дмитровъ, Переславль, Владиміръ, Юрьевъ, Муромъ, Мещера, Стародубъ, Суздаль, Городецъ, Нижній, Кострома, Угличь, Ростовъ, Ярославль, Молога, Галичь, Бѣлозерскъ, Устюгъ. Самые подданные Новагорода, жители Вологды, Бѣжецка,

Торжка (кромѣ знатнѣйшихъ Бояръ сего последняго) взяли сторону Димитрія. Зимою предъ самымъ Рождествомъ Христовымъ, онъ съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ и другими Князьями выступилъ изъ Москвы; не хотѣлъ слушать Пословъ Новогородскихъ, и въ день Богоявленія расположился станомъ въ тридцати верстахъ отъ береговъ Волхова, обративъ въ пепелъ множество селеній. Тамъ встрѣтилъ его Архіепископъ, старецъ Алексій, съ убѣдительнымъ моленіемъ простить вину Новогородцевъ, готовыхъ заплатить ему 8000 рублей. Великій Князь не согласился, и Новогородцы, извѣщенные о томъ, готовились къ сильному отпору, подъ начальствомъ Патрикія и другихъ Князей, намъ неизвѣстныхъ[93]; оградили валъ тыномъ, сожгли предмѣстія, двадцать четыре монастыря въ окрестностяхъ и всѣ домы за рвомъ въ трехъ Концахъ города, въ Плотинскомъ, въ Людинѣ и въ Неревскомъ; два раза выходили въ поле для битвы, ожидая непріятеля, и возвращались, не находя его. Имѣя войско довольно многочисленное, готовое сразиться усердно, и не пожалѣвъ ни домовъ, ни церквей для лучшей защиты города, они еще хотѣли отвратить кровопролитіе, и послали двухъ Архимандритовъ, 7 Іереевъ и 5 гражданъ, отъ имени пяти Концевъ, чтобы склонить Димитрія къ миру. Съ одной стороны знаки раскаянія и смиренія, съ другой твердость, но г. 1386.

4**

г. 1386. соединенная съ умѣренностію, произвели наконецъ желаемое дѣйствіе. Великій Князь подписалъ мирную грамоту, съ условіемъ, чтобы Новгородъ всегда повиновался ему какъ Государю верховному, платилъ ежегодно такъ называемый *черный боръ*, или дань, собираемую съ чернаго народа, и внесъ въ казну Княжескую 8000 рублей за долговременныя наглости своихъ разбойниковъ. Новогородцы тогда же вынули изъ Софійскаго сокровища и прислали къ Димитрію 3000 рублей, отправивъ чиновниковъ въ Двинскую землю для собранія остальныхъ пяти тысячь: ибо Двиняне, имѣвъ также участіе въ разбояхъ Волжскихъ, долженствовали участвовать и въ наказаніи за оныя. Димитрій возвратился въ Москву съ честію и безъ всякаго урона, оставивъ въ областяхъ Новогородскихъ глубокіе слѣды ратныхъ бѣдствій. Многіе купцы, земледѣльцы, самые Иноки лишились своего достоянія, а нѣкоторые люди и вольности (ибо Москвитяне по заключеніи мира освободили не всѣхъ плѣнниковъ); другіе, обнаженные хищными воинами, умерли отъ холода на степи и въ лѣсахъ.— Къ несчастію Новогородцы не пріобрѣли и внутренняго спокойствія: ибо Великій Князь, довольный ихъ покорностію, не отнялъ у нихъ древняго права избирать главныхъ чиновниковъ и рѣшить дѣла государственныя приговоромъ Вѣча. Такъ (въ 1388 году) три Конца Софійской Стороны возстали на По-

садника Іосифа, и злобствуя на Торговую, где сей чиновникъ нашелъ друзей и защитниковъ, болѣе двухъ недѣль не имѣли съ нею никакого сообщенія. Исполняя, кажется, волю Димитріеву, Новогородцы отняли Русу и Ладогу у Патрикія Наримантовича; а чрезъ два года отдали ихъ другому Князю Литовскому, Лугвенію-Симеону Ольгердовичу, желая на случай войны съ Шведами или Нѣмцами имѣть въ немъ полководца и жить съ его братьями въ союзѣ. г. 1386.

Въ сіе время Литва была уже въ числѣ Державъ Христіанскихъ. Ягайло (въ 1386 году) съ согласія Вельможъ Польскихъ женился на Ядвигѣ, дочери и единственной наслѣдницѣ ихъ умершаго Короля Людовика, принялъ Вѣру Латинскую въ Краковѣ вмѣстѣ съ достоинствомъ Государя Польскаго и крестилъ свой народъ волею и неволею[94]. Чтобы сократить обрядъ, Литовцевъ ставили въ ряды цѣлыми полками: Священники кропили ихъ святою водою и давали имена Христіанскія: въ одномъ полку называли всѣхъ людей Петрами, въ другомъ Павлами, въ третьемъ Іоаннами, и такъ далѣе; а Ягайло ѣздилъ изъ мѣста въ мѣсто толковать на своемъ отечественномъ языкѣ Символъ Вѣры. Древній огнь Перкуновъ угасъ навѣки въ городѣ Вильнѣ; святыя рощи были срублены или обращены въ пепелъ, и новые Христіане славили милость Государя, дарившаго имъ бѣлые, суконные кафтаны: Крещеніе Литвы.

Г. 1386. «ибо сей народъ (говоритъ Стриковскій) «одѣвался до того времени однѣми кожами «звѣрей и полотномъ.» Происшествіе, столь благословенное для Рима, имѣло весьма огорчительныя слѣдствія для Россіянъ: Ягайло, дотолѣ покровитель Греческой Вѣры, сдѣлался ея гонителемъ; стѣснялъ ихъ права гражданскія, запретилъ брачные союзы между ими и Католиками, и даже мучительски казнилъ двухъ Вельможъ своихъ, не хотѣвшихъ измѣнить Православію въ угодность Королю[95]. Къ счастію, многіе Князья Литовскіе – Владиміръ Ольгердовичь Кіевскій, братья его Скиригайло и Димитрій, Ѳеодоръ Волынскій, сынъ умершаго Любарта, и другіе–остались еще Христіанами нашей Церкви и заступниками единовѣрныхъ.

Впрочемъ, не смотря на разномысліе въ духовномъ законѣ, Ягайловы родственники служили Королю усердно, кромѣ одного Андрея Ольгердовича Полоцкаго, друга Димитріева, и Москвитянъ. Между тѣмъ, какъ сей Князь дѣлилъ съ Димитріемъ опасности и славу на полѣ Куликовѣ, Скиригайло господствовалъ въ Полоцкой области; но скоро изгнанный жителями (которые, посадивъ его на кобылу[96], съ безчестіемъ и насмѣшками вывезли изъ города) онъ прибѣгнулъ къ Магистру Ливонскому, Конраду Роденштеину, и вмѣстѣ съ нимъ 3 мѣсяца держалъ (въ 1382 году) Полоцкъ въ осадѣ. Напрасно жители молили Новогородцевъ какъ

братьевъ о защитѣ; напрасно предлагали Магистру быть данниками Ордена, если онъ избавитъ ихъ отъ Скиригайла: Новогородцы отправили только мирное посольство къ Ягайлу, а Конрадъ Роденштеинъ отвѣтствовалъ: «для кого осѣдлалъ я коня своего «и вынулъ мечь изъ ноженъ, тому не измѣ«ню вовѣки.» Мужество осажденныхъ заставило непріятеля отступить, и любимый ими Андрей съ радостію къ нимъ возвратился; но Скиригайло въ 1386 году, предводительствуя войскомъ Литовскимъ, взялъ сей городъ, казнилъ въ немъ многихъ людей знатныхъ, и плѣнивъ самого Андрея, отослалъ его въ Польшу, гдѣ онъ три года сидѣлъ въ тяжкомъ заключеніи.

Г. 1386.

Сей несчастный сынъ Ольгердовъ имѣлъ вѣрнаго союзника въ Святославѣ Іоанновичѣ, Смоленскомъ Князѣ: желая отмстить за него, Святославъ вступилъ въ нынѣшнюю Могилевскую Губернію, и началъ свирѣпствовать какъ Батый въ землѣ населенной Россіянами, не только убивая людей, но и вымышляя адскія для нихъ муки: жегъ, давилъ, сажалъ на колъ младенцевъ и женъ, веселяся отчаяніемъ сихъ жертвъ невинныхъ[97]. Сколь вообще ни ужасны были тогда законы войны, но Лѣтописцы говорятъ о сихъ злодѣйствахъ Святослава съ живѣйшимъ омерзѣніемъ: онъ получилъ возмездіе. Войско его, осаждая Мстиславль, бывшій городъ Смоленскій, отнятый Литвою, уви-

Г. 1387. Марта 22. Жестокость Князя Смоленскаго.

Г. 1387 дѣло въ полѣ знамена непріятельскія: Скиригайло Ольгердовичь и юный Герой Витовтъ, сынъ Кестутіевъ, примирившійся съ Ягайломъ, шли спасти осажденныхъ. Святославъ мужественно сразился на берегахъ Вехри, и жители Мстиславскіе смотрѣли съ городскихъ стѣнъ на битву, упорную и кровопролитную. Она рѣшилась въ пользу Литовцевъ: Святославъ палъ, уязвленный копіемъ на вылетъ, и чрезъ нѣсколько минутъ испустилъ духъ. Племянникъ его, Князь Іоаннъ Васильевичь, также положилъ свою голову; а сыновья, Глѣбъ и Юрій, были взяты въ плѣнъ со многими Боярами. Побѣдители гнались за Россіянами до Смоленска: взяли окупъ съ жителей сего города, выдали имъ тѣла убитыхъ Князей, и посадивъ Юрія, какъ данника Литвы, на престолѣ отца его, вышли изъ владѣнія Смоленскаго. Глѣбъ Святославичь остался въ ихъ рукахъ аманатомъ.

Апрѣля 29.

Сіи происшествія долженствовали быть крайне оскорбительны для Великаго Князя: ибо Святославъ, отставъ отъ союза съ Литвою, усердно искалъ Димитріевой дружбы, и вмѣстѣ съ Андреемъ Ольгердовичемъ служилъ щитомъ для Московскихъ границъ на Западѣ. Но Димитрій, опасаясь Литвы, еще болѣе опасался Моголовъ, и готовясь тогда къ новому разрыву съ Ордою, имѣлъ нужду въ пріязни Ягайловой. Сынъ Великаго Князя Василій, три года живъ невольникомъ при Дворѣ Ханскомъ, тайно

Бѣгство сына Димитріева изъ Орды.

ушелъ въ Молдавію, къ тамошнему Воеводѣ Петру[98], нашему единовѣрцу, и могъ возвратиться въ Россію только чрезъ владѣнія Польскія и Литву. Димитрій отправилъ на встрѣчу къ нему Бояръ, поручивъ имъ, для личной безопасности Василіевой, склонить Ягайла къ дружелюбію. Они успѣли въ дѣлѣ своемъ: Василій Димитріевичь прибылъ благополучно въ Москву, провождаемый многими Панами Польскими. Г. 1388, Генв. 19.

Вѣроятно, что бѣгство его изъ Орды было слѣдствіемъ намѣренія Димитріева свергнуть иго Тохтамышево: другіе случаи также доказываютъ сіе намѣреніе. Тесть Донскаго, Димитрій Константиновичь, преставился Схимникомъ въ 1383 году, памятный сооруженіемъ каменныхъ стѣнъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ и любовію къ отечественной Исторіи[99] (ибо мы ему обязаны древнѣйшимъ харатейнымъ спискомъ Нестора). Сыновья его и дядя ихъ, Борисъ Городецкій, находились тогда въ Ордѣ, споря о наслѣдствѣ: Ханъ отдалъ Нижегородскую область дядѣ, а племянникамъ, Симеону и Василію, Суздаль, удержавъ послѣдняго аманатомъ въ Сараѣ. Скучавъ долго неволею и праздностію — тщетно хотѣвъ, подобно сыну Донскаго, бѣжать въ Россію — Василій умилостивилъ наконецъ Тохтамыша и пріѣхалъ съ его жалованною грамотою княжить въ Городцѣ. Но сія милость Ханская казалась ему неудовлетворительною: съ помощію Ве- Смер. Князя Нижегородскаго.

г. 1388. ликаго Князя онъ и братъ его, Симеонъ Суздальскій, (въ 1388 году) отняли Нижній у дяди, и презрѣвъ грамоты Ханскія, обязались во всякомъ случаѣ вѣрно служить Димитрію: Борисъ же остался Княземъ Городецкимъ, въ зависимости отъ Московскаго, который, дѣйствуя такимъ образомъ противъ воли Тохтамыша, явно показывалъ худое къ нему уваженіе.

Вражда между Вел. Княземъ и Владиміромъ.

Въ то время, какъ Россіяне Великаго Княженія съ надеждою или страхомъ могли готовиться ко второй Донской битвѣ, они были изумлены враждою своихъ двухъ главныхъ защитниковъ. Димитрій и Князь Владиміръ Андреевичь, братья и друзья, казались дотолѣ однимъ человѣкомъ, имѣя равную любовь къ отечеству и ко славѣ, испытанную общими опасностями, успѣхами и противностями рока. Вдругъ Димитрій, огорченный, какъ надобно думать, старѣйшими Боярами Владиміра и его къ нимъ при-
г. 1389. страстіемъ, велѣлъ ихъ взять по стражу, заточить, развести по разнымъ городамъ. Сей поступокъ, доказывая власть Великокняжескую, могъ быть согласенъ съ законами справедливости, но крайне огорчилъ народъ, тѣмъ болѣе, что Татары начинали уже дѣйствовать противъ Россіи, взявъ нечаянно Переславль Рязанскій: единодушіе первыхъ ея Героевъ было всего нужнѣе для безопасности Государства[100]. Явивъ примѣръ строгости, Димитрій спѣшилъ удовлетво-

рить желанію народа и собственнаго сердца: чрезъ мѣсяцъ, въ день Благовѣщенія, обнялъ брата какъ друга и новою договорною грамотою утвердилъ искренній съ нимъ союзъ[101]. Въ ней сказано, что Владиміръ признаетъ Димитрія отцемъ, сына его Василія братомъ *старшимъ*, Георгія Димитріевича *равнымъ*, а меньшихъ сыновей Великаго Князя *младшими* братьями; что они будутъ жить въ любви неразрывной, подобно какъ ихъ отцы жили съ Симеономъ Гордымъ, и должны взаимно объявлять другъ другу навѣты злыхъ людей, желающихъ поселить въ нихъ вражду; что ни Димитрію, ни Владиміру безъ общаго согласія не заключать договоровъ съ иными Владѣтелями; что первому не мѣшаться въ дѣла братнихъ городовъ, второму въ дѣла Великаго Княженія, но судить тяжбы Москвитянъ обоимъ вмѣстѣ чрезъ Намѣстниковъ, а въ случаѣ ихъ несогласія прибѣгать къ суду Митрополита или Третейскому, коего рѣшеніе остается закономъ и для Князей; что Великому Князю, ни Боярамъ его, не покупать селъ въ Удѣлѣ Владиміровомъ, ни Владиміру въ областяхъ, ему не принадлежащихъ; что если Димитрій, удовлетворяя нуждамъ государственнымъ, обложитъ данію своихъ Бояръ помѣстныхъ, то и Владиміровы обязаны внести такую же въ казну Великокняжескую; что гости, *суконники* и *городскіе люди* свободны отъ слу-

Г. 1389.

Ихъ примиреніе.

Г. 1389. жбы, и проч. Далѣе сказано, что Владимiръ, *если Богу* не угодно будетъ *избавить Россiю отъ Моголовъ,* участвуетъ во всѣхъ ея тягостяхъ и даетъ Ханамъ *триста-двадцать* рублей въ число *пяти тысячь* Димитрiевыхъ, по сей же соразмѣрности платя и долги государственные.

Новый порядокъ наслѣдства. Сiя грамота наиболѣе достопамятна тѣмъ, что она утверждаетъ новый порядокъ наслѣдства въ Великокняжескомъ достоинствѣ, отмѣняя древнiй, по коему племянники долженствовали уступать оное дядѣ. Владимiръ именно признаетъ Василiя и братьевъ его, въ случаѣ Димитрiевой смерти, законными наслѣдниками Великаго Княженiя.

Примиренiе державныхъ братьевъ казалось истиннымъ торжествомъ государственнымъ. Народъ веселился, не предвидя несчастiя, коему надлежало случиться толь скоро и толь внезапно. Димитрiю едва исполнилось сорокъ лѣтъ: необыкновенная его взрачность, дородство, густые черные волосы и борода, глаза свѣтлые, огненные, изображая внутреннюю крѣпость сложенiя, ручались за долголѣтiе[102]. Вдругъ, къ общему ужасу, разнеслася вѣсть о тяжкой болѣзни Великаго Князя: къ успокоенiю народа сказали, что опасность ея миновалась; но Димитрiй, не обольщая себя надеждою, призвалъ Игуменовъ Сергiя и Севастiана, вмѣстѣ съ девятью главными Боярами, и велѣлъ писать духовное завѣщанiе. Объявивъ Василiя Ди-

Кончина Великаго Князя.

митріевича наслѣдникомъ Великокняжескаго достоинства, онъ каждому изъ пяти сыновей далъ особенные Удѣлы: Василію Коломну съ волостями, Юрію Звенигородъ и Рузу, Андрею Можайскъ, Верею и Калугу, Петру Дмитровъ, Іоанну нѣсколько селъ, а Великой Княгинѣ Евдокіи разныя помѣстья и знатную часть Московскихъ доходовъ. Сверхъ областей наслѣдственныхъ, Димитрій отказалъ второму сыну Галичь, третьему Бѣлозерскъ, четвертому Угличь, купленные Калитою у тамошнихъ Князей Удѣльныхъ: сіи города дотолѣ не были еще совершенно присоединены къ Московскому Княженію. г. 1389.

Нѣсколько дней Бояре и граждане тѣшались мнимымъ выздоровленіемъ любимаго ихъ Государя. Въ сіе время супруга его родила шестаго сына, именемъ Константина, окрещеннаго старшимъ братомъ, Василіемъ Димитріевичемъ, и Маріею, вдовою послѣдняго Тысячскаго[103]. Но скоро болѣзнь вновь усилилась, и Великій Князь, чувствуя свой конецъ, желалъ видѣть супругу, еще слабую отъ слѣдствія родовъ; изъявляя удивительную твердость, долго говорилъ съ нею и съ дѣтьми; приказывалъ имъ быть во всемъ ей послушными и дѣйствовать единодушно, любить отечество и вѣрныхъ слугъ его. Бояре въ безмолвной горести стояли вдали: онъ велѣлъ имъ приближиться и сказалъ: «Вамъ, свидѣтелямъ моего рожде-

Г. 1389. «нія и младенчества, извѣстна внутрен-
«ность души моей. Съ вами я царство-
«валъ и побѣждалъ враговъ для счастія
«Россіи; съ вами веселился въ благоден-
«ствіи и скорбѣлъ въ злополучіяхъ; лю-
«билъ васъ искренно и награждалъ по до-
«стоинству; не касался ни чести, ни соб-
«ственности вашей, боясь досадить вамъ
«однимъ грубымъ словомъ; вы были не Боя-
«рами, но Князьями земли Русской. Теперь
«вспомните, что мнѣ всегда говорили:
«*умремъ за тебя и дѣтей твоихъ.* Служи-
«те вѣрно моей супругѣ и юнымъ сынов-
«ямъ: дѣлите съ ними радость и бѣдствія.»
Представивъ имъ семнадцати-лѣтняго Ва-
силія Димитріевича какъ будущаго ихъ Го-
сударя, онъ благословилъ его; избралъ ему
девять совѣтниковъ изъ Вельможъ опыт-
ныхъ[104]; обнялъ Евдокію, каждаго изъ сы-
новей и Бояръ; сказалъ: *Богъ мира да бу-
детъ съ вами!* сложилъ руки на груди и
скончался. На другой день погребли Дими-
Маія 19. трія въ церкви Архангела Михаила. Трапе-
зунтскій Митрополитъ Θеогностъ, пріѣхав-
шій на то время гостемъ въ Москву, со-
вершилъ сей печальный обрядъ вмѣстѣ съ
нѣкоторыми Епископами и Святымъ Игу-
меномъ Сергіемъ.

Не льзя, по сказанію Лѣтописцевъ, изо-
бразить глубокой душевной скорби Россіянъ
въ семъ случаѣ: долго стенаніе и вопль не
умолкали при Дворѣ и на стогнахъ: ибо

никто изъ потомковъ Ярослава Великаго, кромѣ Мономаха и Александра Невскаго, не былъ столь любимъ народомъ и Боярами, какъ Димитрій, за его великодушіе, любовь ко славѣ отечества, справедливость, добросердечіе. Воспитанный среди опасностей и шума воинскаго, онъ не имѣлъ знаній, почерпаемыхъ въ книгахъ, но зналъ Россію и науку правленія; силою одного разума и характера заслужилъ отъ современниковъ имя *орла высокопарнаго* въ дѣлахъ государственныхъ; словами и примѣромъ вливалъ мужество въ сердца воиновъ, и будучи младенецъ незлобіемъ, умѣлъ съ твердостію казнить злодѣевъ. Современники особенно удивлялись его смиренію въ счастіи. Какая побѣда въ древнія и новыя времена была славнѣе Донской, гдѣ каждый Россіянинъ сражался за отечество и ближнихъ? но Димитрій, осыпаемый хвалами признательнаго народа, опускалъ глаза внизъ и возносился сердцемъ единственно къ Богу всетворящему. — Цѣломудренный въ удовольствіяхъ законной любви супружеской, онъ до конца жизни хранилъ дѣвическую стыдливость, и ревностный во благочестіи подобно Мономаху, ежедневно ходилъ въ церковь, всякую недѣлю въ Великій постъ пріобщался Святыхъ Таинъ и носилъ власяницу на голомъ тѣлѣ; однакожь не хотѣлъ слѣдовать обыкновенію предковъ, умиравшихъ всегда Иноками: ибо думалъ, что нѣсколько дней

Г. 1389. Свойства Димитріевы.

Г. 1389. или часовъ Монашества передъ кончиною не спасутъ души, и что Государю пристойнѣе умереть на тронѣ, нежели въ кельѣ.

Такимъ образомъ Лѣтописцы изображаютъ намъ добрыя свойства сего Князя, и славя его какъ *перваго побѣдителя Татаръ*, не ставятъ ему въ вину, что онъ далъ Тохтамышу разорить Великое Княженіе, не успѣвъ собрать войска сильнаго, и тѣмъ продлилъ рабство отечества до временъ своего правнука.

Димитрій сдѣлалъ, кажется, и другую ошибку: имѣвъ случай присоединить Рязань и Тверь къ Москвѣ, не воспользовался онымъ: желая ли изъявить великодушное безкорыстіе? но добродѣтели Государя, противныя силѣ, безопасности, спокойствію Государства, не суть добродѣтели. Можетъ быть, онъ не хотѣлъ изгнаніемъ Михаила Тверскаго, шурина Ольгердова, раздражить Литвы, и думалъ, что Олегъ, хитрый, дѣятельный, любимый подданными, лучше Московскихъ Намѣстниковъ сохранитъ безопасность юго-восточныхъ предѣловъ Россіи, если искренно съ нимъ примирится для блага отечества. – Димитрій прибавилъ къ Московскимъ владѣніямъ одну купленную имъ Мещеру, и подчинивъ себѣ Князей Ярославскихъ, не хотѣлъ отнять у нихъ наслѣдственнаго Удѣла, довольный правомъ предписывать имъ законы[103].

Въ княженіе Донскаго были основаны города Курмышъ и Серпуховъ: первый (въ 1372 году) Борисомъ Константиновичемъ Городецкимъ, а вторый (въ 1374) Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, который, чтобы приманить туда людей, далъ жителямъ многія выгоды и льготу, оградилъ его дубовыми стѣнами и сдѣлалъ въ немъ Намѣстникомъ своего Окольничаго, Якова Юрьевича Новосильца. Новогородцы, въ 1384 году начавъ строить каменную крѣпость Яму на берегу Луги (нынѣ Ямбургъ), совершили оную въ 33 дни; а въ 1387 обвели Порховъ также кирпичными стѣнами, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ. — Знаменитые монастыри Чудовъ, Андроньевъ, Симоновскій въ Москвѣ, Высоцкій близъ Серпухова, и другіе остались также памятниками временъ Донскаго. Первые два основаны Митрополитомъ Алексіемъ (который, обогативъ Чудовскую Обитель драгоцѣнными, золотыми сосудами, селами, рыбными ловлями, завѣщалъ погребсти себя въ оной), послѣдніе Святымъ Сергіемъ Радонежскимъ. Игуменъ Симонова монастыря, Θеодоръ, племянникъ Сергіевъ и Духовникъ Великаго Князя, отличаясь умомъ и знаніями, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Константинополь: поставленный тамъ въ Архимандриты, онъ исходатайствовалъ у Патріарха Нила, чтобы его Обитель называлась Патріаршею и ни въ чемъ не зависѣла отъ Митрополита

Г. 1389. Строеніе городовъ и монастырей.

Г. 1389. Россійскаго[106]. Исполняя волю Князя Владиміра Андреевича, своего друга, Св. Сергій избралъ прекрасное мѣсто въ двухъ верстахъ отъ новаго города Серпухова, и собственными руками заложивъ монастырь Высоцкій, оставилъ въ немъ игуменствовать любимаго ученика, именемъ Аѳанасія, который послѣ выѣхалъ навсегда изъ отечества, недовольный изгнаніемъ Митрополита Кипріана, и преставился въ Царѣградѣ.

Дѣла церковныя. Церковныя дѣла, важныя по тогдашнему времени, заботили Великаго Князя не менѣе государственныхъ. Онъ простилъ Митрополита Пимена единственно въ досаду Кипріану, но не могъ имѣть къ нему ни любви, ни уваженія, и желалъ дать Церкви инаго, достойнѣйшаго Пастыря. Мы говорили о Епископѣ Діонисіи, врагѣ Митяя: обманомъ уѣхавъ въ Константинополь, онъ нашелъ милость въ Патріархѣ и возвратился оттуда съ саномъ *Архіепископа* Суздальскаго, Нижегородскаго и Городецкаго[107]. Будучи хитръ, ласковъ, благотворителенъ, Діонисій умѣлъ оправдать себя въ глазахъ Димитрія и заслужилъ его доброе мнѣніе достохвальнымъ подвигомъ Христіанскаго учителя. Еще во время Алексія Митрополита открылась въ Новѣгородѣ ересь *Стригольниковъ*, названныхъ такъ отъ имени Карпа Стригольника, человѣка простаго, но ревностнаго суевѣра, утверждавшаго, что Іереи Россійскіе, будучи поставляемы за день-

Ересь Стригольниковъ.

ги, суть хищники сего важнаго сана, и что истинные Христіане должны отъ нихъ удаляться. Многіе люди, думая согласно съ нимъ, перестали ходить въ церковь, и народъ, озлобленный ихъ нескромными, дерзкими рѣчами, утопилъ въ Волховѣ трехъ главныхъ виновниковъ раскола, Карпа и Діакона Никиту съ товарищемъ[108]. Сія излишняя строгость, какъ обыкновенно бываетъ, не уменшила, но втайнѣ умножила число еретиковъ: Архіепископъ Новогородскій Алексій писалъ о томъ къ Патріарху Нилу, который уполномочилъ Діонисія искоренить зло средствами благоразумнаго убѣжденія. Діонисій отправился въ Новгородъ, во Псковъ, гдѣ Стригольники имѣли также своихъ учениковъ; доказывалъ имъ, что плата, опредѣленная закономъ, не есть лихоимство, и наконецъ примирилъ ихъ съ Церковію, къ удовольствію всѣхъ правовѣрныхъ. Отдавая справедливость сей заслугѣ, Великій Князь желалъ видѣть Діонисія на мѣстѣ Пимена, и велѣлъ ему ѣхать въ Константинополь для поставленія, будучи увѣренъ въ согласіи Патріарха. Воля Димитріева дѣйствительно исполнилась; но Владиміръ Ольгердовичь Кіевскій остановилъ новаго Митрополита на возвратномъ пути изъ Греціи въ Москву, объявивъ, что Купріанъ есть Глава всей Россійской Церкви — и честолюбивый Діонисій умеръ въ Кіевѣ подъ стражею. Такимъ образомъ Великій Князь два

г. 1389.

г. 1389. раза не имѣлъ успѣха въ избраніи Митрополитовъ, и какъ бы обезоруженный неблагопріятностію судьбы, хотѣлъ по крайней мѣрѣ, чтобы древняя столица Св. Владиміра и Москва имѣли одного Пастыря духовнаго. Начался судъ между Пименомъ и Кипріаномъ въ Царѣградѣ, куда Великій Князь, въ слѣдъ за первымъ, отправилъ Симоновскаго Архимандрита, Өеодора, съ грамотами и дарами. Прошло около трехъ лѣтъ, и дѣло рѣшилось ничѣмъ: Кипріанъ остался Митрополитомъ Кіевскимъ, а Пименъ, возвратясь въ Москву, чрезъ годъ уѣхалъ опять въ Грецію, тайно отъ Великаго Князя, расположеннаго къ нему весьма немилостиво: что случилось за мѣсяцъ до кончины Димитріевой.

Крещеніе Перми. Важнѣйшимъ происшествіемъ для Церковной Исторіи сего времени было обращеніе Пермянъ въ Христіанскую Вѣру. Вся обширная страна отъ рѣки Двины до хребта горъ Уральскихъ издревле платила дань Россіянамъ; но довольные серебромъ и мѣхами, тамъ собираемыми, они не принуждали жителей къ перемѣнѣ Закона. Юный Монахъ, сынъ одного Устюжскаго церковника, именемъ Стефанъ, воспламенился ревностію быть Апостоломъ сихъ идолопоклонниковъ; выучился языку Пермскому, изобрѣлъ для него новыя особенныя буквы, числомъ 24, и перевелъ на оный главныя церковныя книги съ Славянскаго[109]; хотѣлъ также узнать

языкъ Греческій и долго жилъ въ Ростовскомъ монастырѣ Св. Григорія Богослова, Г. 1389.
чтобы пользоваться тамошнею славною библіотекою. Изготовивъ себя ко званію народнаго учителя, онъ взялъ благословеніе отъ Коломенскаго Епископа, Герасима, Намѣстника Митрополіи, и Великокняжескія грамоты для своей безопасности; отправился въ Пермь, и началъ проповѣдывать Бога истиннаго людямъ грубымъ, невѣждамъ, но добродушнымъ. Они слушали его съ изумленіемъ; нѣкоторые крестились охотно; другіе, въ особенности жрецы или кудесники Пермскіе, встревоженные сею новостію, говорили: «Какъ вѣрить человѣку, «изъ Москвы пришедшему? Не Россіяне ли «издревле угнетаютъ Пермь тяжкими да«нями? Отъ нихъ ли ждать намъ истины «и добра? Служа многимъ богамъ отече«ственнымъ, извѣданнымъ благодѣяніями «долговременными, безумно промѣнять ихъ «на одного, чуждаго и неизвѣстнаго. Они «посылаютъ намъ соболей, куницъ и рысей, «коими Вельможи Русскіе украшаются, тор«гуютъ и дарятъ Хановъ, Грековъ и Нѣм«цевъ. Народъ! твои учители суть опыт«ные старцы; а сей иноплеменникъ юнъ лѣ«тами, слѣдственно и разумомъ.» Но Стефанъ подъ защитою Княжескихъ грамотъ, Неба и своей кротости болѣе и болѣе успѣвалъ въ душеспасительномъ дѣлѣ; умноживъ число новыхъ Христіанъ до тысячи,

г. 1389. онъ построилъ церковь близъ устья рѣки Вымы и славилъ Творца вселенныя на языкѣ Пермскомъ; а жители, самые упорные въ язычествѣ, съ любопытствомъ смотрѣли на обряды Христіанскаго богослуженія, дивяся красотѣ храма. Наконецъ, желая доказать имъ безсиліе идоловъ, Стефанъ обратилъ въ пепелъ одну изъ ихъ знаменитѣйшихъ кумирницъ. Народъ видѣлъ и безмолвствовалъ въ ужасѣ, кудесники вопили, святый мужъ проповѣдывалъ. Тщетно главный волхвъ, именемъ Пама, хотѣлъ защитить свою Вѣру: кумиры, разрушенные пламенемъ, свидѣтельствовали ихъ ничтожность. Онъ вызвался пройти невредимъ сквозь огонь и воду, требуя, чтобы Стефанъ сдѣлалъ тоже. «Я не повелѣваю сти«хіями,» отвѣтствовалъ смиренный Инокъ: «но Богъ Христіанскій великъ: иду съ то«бою.» Пама думалъ только устрашить его: видя же смѣлость противника, отказался отъ испытанія, и тѣмъ довершилъ торжество истинной Вѣры. Убѣжденные мудрымъ ученіемъ Стефана, жители цѣлыми толпами крестились и вмѣстѣ съ нимъ сокрушали идоловъ, въ домахъ, на улицахъ, дорогахъ и въ рощахъ, бросая въ огонь драгоцѣнныя кожи звѣрей, приносимыя въ даръ симъ деревяннымъ богамъ, и полотняныя тонкія пелены, коими ихъ обвивали. Пишутъ, что главными идолами народа Пермскаго и Обдорскаго были *Воипель* и такъ

называемая *Золотая баба*, или каменное изображеніе старухи съ двумя младенцами; что суевѣрные, убивая лучшихъ своихъ оленей въ честь ея, кровію оныхъ мазали ротъ и глаза истукану, отвѣчавшему на вопросы любопытныхъ о тайнахъ судьбы; что близъ того мѣста, въ горахъ, часто раздавался звукъ, подобный трубному, и проч. Создавъ еще двѣ церкви, Стефанъ завелъ при оныхъ училища, чтобы образовать молодыхъ людей для сана Іерейскаго, и поѣхалъ въ Москву требовать учрежденія особенной Епископіи Пермской. Великій Князь лично зналъ и любилъ его: Митрополитъ Пименъ также. Они нашли Стефана достойнымъ Епискоскаго сана, и сей новый Святитель, возвратясь въ землю, имъ просвѣщенную, заслужилъ имя отца Пермянъ: училъ, благодѣтельствовалъ; во время голода доставлялъ имъ хлѣбъ изъ Вологды, и ѣздилъ въ Новгородъ ходатайствовать за нихъ у Правительства. Однимъ словомъ, введеніе Христіанства въ сихъ мѣстахъ, утвержденнаго одною Апостольскою проповѣдію и силою добродѣтели, было счастливою эпохою для обитателей и въ самомъ ихъ гражданскомъ состояніи: народъ благодарный донынѣ съ любовію говоритъ тамъ о дѣлахъ своего перваго наставника, описанныхъ Инокомъ Епифаніемъ, ученикомъ Св. Сергія. Употребивъ всю жизнь на благотвореніе, Стефанъ хотѣлъ закрыть глаза въ Москвѣ, гдѣ и

г. 1389.

г. преставился въ княженіе Василія Димитріе-
1389. вича (въ 1396 году) съ названіемъ Святаго; тѣло его погребено въ Кремлѣ, въ церкви Преображенія.

Сношенія съ Греціею. Между достопамятностями Димитріева времени должно замѣтить частыя путешествія Греческихъ духовныхъ сановниковъ, особенно изъ Палестины, въ Москву для собранія милостыни. Знаменитѣйшій изъ нихъ былъ Іерусалимскій Архимандритъ Нифонтъ, который посредствомъ золота, вывезеннаго имъ изъ Россіи, достигъ Патріаршества[110]. Утѣсняемые невѣрными, Греки пользовались усердіемъ нашихъ предковъ къ Святымъ Мѣстамъ, и требуя денегъ для возстановленія храмовъ разоренныхъ, употребляли оныя болѣе на мірскія, нежели на церковныя нужды. — Вообще Греція, приближаясь къ своему конечному паденію, и недоброжелательствомъ Рима какъ бы исключенная изъ системы Державъ Христіанскихъ, была въ самой тѣсной связи съ единовѣрною Россіею, которая начинала воскресать въ Москвѣ, и хотя не могла защитить Константинополя, но удѣляла ему часть своего избытка, посылая дары Императору и Патріарху. Житель Цареградскій во глубинѣ нашего Сѣвера, какъ прежде въ Кіевѣ, находилъ для себя второе отечество, гдѣ люди ученые столько любили языкъ его, что Алексій Митрополитъ даже въ Русскихъ грамотахъ подписывалъ имя свое

по-Гречески. Въ Константинополѣ обитало всегда множество Россіянъ, привлекаемыхъ купечествомъ или набожностію, и жившихъ тамъ обыкновенно въ монастырѣ Св. Іоанна Предтечи. Чтобы дать Читателю ясное понятіе о тогдашнемъ пути отъ Москвы до Царяграда, приведемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ записокъ одного Россійскаго духовнаго сановника, бывшаго въ Греціи вмѣстѣ съ Митрополитомъ Пименомъ[111]. Г. 1389. Путешествіе Пимена.

«Мы выѣхали изъ Москвы» — пишетъ онъ — «13 Апрѣля въ 1389 году, во Вторникъ «Страстныя недѣли, и Митрополитъ велѣлъ «Епископу Смоленскому, Михаилу, вмѣстѣ «съ Архимандритомъ Спасскимъ Сергіемъ «записывать всѣ достопамятности сего пу-«тешествія. Пробывъ Великую Субботу въ «Коломнѣ, отправились мы Окою въ день «Пасхи къ Рязани, гдѣ, за нѣсколько верстъ «отъ Переславля, встрѣтили насъ сыновья «Олеговы: наконецъ и самъ Князь со всѣми «Боярами и со крестами. Дружелюбно уго-«стивъ Пимена, онъ проводилъ его изъ го-«рода въ Ѳомино Воскресеніе; а Воевода Кня-«жескій, Станиславъ, долженствовалъ охра-«нять насъ въ пути до рѣки Дона: ибо въ «сихъ мѣстахъ бываютъ частые разбои. «За нами везли на колесахъ три струга съ «большою лодкою, и въ Четвертокъ спу-«стили ихъ на рѣку Донъ. Въ Пятницу мы «пріѣхали къ урочищу Киръ-Михаилову, гдѣ «прежде находился городъ. Тутъ откланя-

г. 1389. «лись Митрополиту Бояре Олеговы и Епи«скопы, Ермій Рязанскій, Θеодоръ Ростов«скій, Евфросинъ Суздальскій, Даніилъ *Зве«нигородскій*[112]. Исаакій же Черниговскій и «Михаилъ Смоленскій въ Воскресенье сѣли съ «Пименомъ на суда и поплыли внизъ рѣкою «Дономъ.

«Не льзя вообразить ничего унылѣе сего «путешествія. Вездѣ голыя, необозримыя «пустыни; нѣтъ ни селенія, ни людей; «одни дикіе звѣри, козы, лоси, волки, мед«вѣди, выдры, бобры, смотрятъ съ бере«га на странниковъ какъ на рѣдкое явленіе «въ сей странѣ; лебеди, орлы, гуси и жу«равли непрестанно парили надъ нами. Тамъ «существовали нѣкогда города знамени«тые[113]: нынѣ едва примѣтны слѣды ихъ.

«Въ Понедѣльникъ миновали мы рѣку Ме«чу и Сосну, во Вторникъ Острую Луку, «въ Среду Кривый Боръ[114], а въ шестый «день плаванія устье Воронежа. 9 Маія встрѣ«тилъ насъ Князь Юрій Елецкій» (потомокъ Михаила Черниговскаго) «съ своими «Боярами и со множествомъ людей. Испол«няя данное ему Олегомъ повелѣніе, онъ «изъявилъ Митрополиту искреннее друже«любіе и снабдилъ его всѣмъ нужнымъ.

«Оттуда приплыли мы къ Тихой Соснѣ, «и на ея берегахъ увидѣли рядъ бѣлыхъ «каменныхъ столповъ, подобныхъ малымъ «стогамъ[115]: работа и видъ прекрасны!

«Оставивъ за собою рѣки Червленый Яръ,

«Битюгъ и Хоперъ, въ пятое Воскресеніе «послѣ Свѣтлаго миновали мы устье Медвѣдицы и другихъ рѣкъ, а во Вторникъ «*Серклію* (Саркель?), городъ древній, а ны«нѣ только развалины[116]. Тутъ въ первый «разъ на обѣихъ сторонахъ Дона показались «Татары Сарыхозина Улуса и безчисленное «множество ихъ скота, овецъ, козъ, воловъ, «вельблюдовъ, коней. Мысль, что мы уже «вступили въ землю сихъ варваровъ, при«водила насъ въ трепетъ; но они не сдѣ«лали никому обиды, а только спрашивали «вездѣ, куда ѣдемъ, и давали намъ молока. «Такимъ образомъ проплывъ еще мимо Улу«са Вулатова и Акбугина, мы на канунѣ «Вознесенія достигли Азова, города Фряж«скаго и Нѣмецкаго; а въ Недѣлю Святыхъ «Отцевъ перегрузились въ корабль на устьѣ «Дона.» Тутъ путешественникъ разсказываетъ, что Генуэзцы, у коихъ Пименъ (въ 1380 году) занималъ деньги въ Греціи на имя Великаго Князя, схватили его какъ неисправнаго должника и хотѣли заключить въ темницу; однакожъ Митрополитъ откупился серебромъ, и благополучно отправился въ свой путь Азовскимъ и Чернымъ моремъ. Г. 1389.

Осыпая въ Москвѣ единовѣрныхъ Грековъ благодѣяніями, Димитрій привлекалъ въ Россію и другихъ Европейцевъ. Между его грамотами находимъ одну, данную Андрею *Фрязину* (вѣроятно Генуэзцу) на область Печерскую, Италіянцы въ нашей службѣ.

г. 1389. бывшую прежде за дядею сего Андрея, Матѳеемъ Фрязиномъ[117]. Въ грамотѣ сказано, чтобы жители ему повиновались, и что онъ, слѣдуя древнимъ уставамъ, долженъ блюсти тамъ общее спокойствіе. Димитрій, Глава Новогородцевъ, имѣлъ, какъ видно, право давать Намѣстника Печерянамъ, ихъ подданнымъ. Такимъ образомъ Москва и въ XIV вѣкѣ не чуждалась иностранцевъ, которые могли быть нужны для ея гражданскаго образованія, и мнѣніе, что до временъ Іоанна III она не имѣла никакого сношенія съ Западомъ Европы, есть ложное. Азовскіе и Таврическіе Генуэзцы служили посредниками между Италіею и нашимъ Сѣверомъ.

Деньги вмѣсто кунъ. Въ государствованіе Донскаго Россіяне Великаго Княженія оставили куны, замѣнивъ оныя мелкою серебряною монетою, для коей служила образцемъ Татарская. Моголы въ древнемъ своемъ отечествѣ и въ Китаѣ вмѣсто денегъ употребляли древесную кору и лоскутки кожаные съ клеймомъ Ханскимъ; но въ Бухаріи и въ Капчакѣ имѣли собственную серебряную и мѣдную монету: первая называлась *тангою*, вторая *пулою*[118]. Россіяне симъ именемъ назвали и свою, то есть, серебряную *деньгами*, а мѣдную *пулами*. Послѣднія уже ходили и при отцѣ Донскаго; а древнѣйшія изъ серебряныхъ, донынѣ намъ извѣстныхъ, биты въ княженіе Димитрія, вѣсомъ ¼ золотника, съ изображеніемъ всадника. Въ мирномъ условіи Тверскаго Кня-

зя съ Димитріемъ, заключенномъ въ 1375 году, еще упоминается о *рѣзаняхъ* или мелкихъ кунахъ; но въ позднѣйшихъ договорахъ цѣны вещей опредѣляются только *алтынами* и *деньгами* (коихъ считалось 6 въ алтынѣ). Г. 1839.

Огнестрѣльное искусство въ Россіи.

Послѣдній годъ Димитріева княженія особенно достопамятенъ началомъ огнестрѣльнаго искусства въ Россіи. Пишутъ, что Монахъ Францисканскій, Константинъ Ангклиценъ или Бартольдъ Шварцъ, изобрѣлъ порохъ около половины XIV вѣка, и сообщилъ сіе важное открытіе Венеціянамъ, воевавшимъ тогда съ Генуэзцами. Французы въ 1338 году уже знали оное, и Король Англійскій, Эдуардъ III, въ славной битвѣ при Креси (въ 1346) разилъ непріятелей пушками. Вѣроятно, что Аравитяне еще гораздо ранѣе употребляли порохъ. Восточные Историки XIII столѣтія описываютъ его дѣйствіе, и Гренадскій Владѣтель, Абалвалидъ Исмаилъ Бенъ Ассеръ, въ 1312 году имѣлъ снарядъ огнестрѣльный. Нѣтъ сомнѣнія, что и Монахъ Рогеръ Баконъ за 100 лѣтъ до Бартольда Шварца умѣлъ составлять порохъ: ибо ясно говоритъ, въ своемъ твореніи de nullitate Magiae, о свойствѣ и силѣ онаго. Сказаніе нашего собственнаго Лѣтописца, что въ 1185 году Князь Половецкій, Кончакъ, возилъ съ собою Харазскаго Турка, *стрѣлявшаго живымъ огнемъ*, также заставляетъ думать, что оружіе сего человѣка могло быть огне-

Г. 1389. стрѣльное. Но въ Россіи оно не употреблялось до 1389 года, когда, по извѣстію одной лѣтописи, вывезли къ намъ изъ земли Нѣмецкой *арматы* и *стрѣльбу огненную*, съ того времени свѣданную Россіянами. Хотя еще въ описаніи Московской осады 1382 года упоминается о *пушкахъ*; но такъ назывались у насъ прежде не нынѣшнія воинскія орудія сего имени, а большіе самострѣлы или махины, коими осажденные бросали камни въ осаждающихъ. — При сынѣ Донскаго Василіи, уже дѣлали въ Москвѣ и порохъ[119].

Кометы. Наконецъ, описавъ исторію временъ Димитрія, прибавимъ, что Лѣтописцы наши, согласно съ другими, говорятъ о явленіи Кометъ зимою въ 1368 и весною въ 1382 годахъ[120]: вторая по ихъ мнѣнію, предвѣстила грозное Тохтамышево нашествіе. Достойно замѣчанія, что въ слѣдующій годъ около Москвы снѣгъ лежалъ цѣлый мѣсяцъ послѣ Святой Пасхи и люди ѣздили на саняхъ до 20 Апрѣля. Разныя небесныя знаменія, чудесныя для невѣжества, также засухи и великіе пожары были весьма обыкновенны въ государствованіе Димитрія.

Зима до 20 Апрѣля.

ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ДИМИТРІЕВИЧЪ.

Г. 1389 — 1425.

Великое Княженіе сдѣлалось наслѣдіемъ Владѣтелей Московскихъ. Характеръ Аристократіи. Договоръ. Политика Василіева. Бракъ. Вел. Князь въ Ордѣ. Разореніе Вятки. Нижній Новгородъ и Суздаль присоединены къ Москвѣ. Дѣла съ Новымгородомъ. Нашествіе Тамерлана. Славная икона Владимірская. Бѣдствіе Азова. Дѣла Литовскія. Взятіе Смоленска. Свиданіе Вел. Князя съ Витовтомъ. Россія Литовская. Дѣла Новогородскія. Происшествія въ Ордѣ. Замыслы Витовта. Наши завоеванія въ Болгаріи. Война Витовта съ Моголами. Эдигей. Кончина Князя Тверскаго. Временная независимость Велик. Княженія. Удача и неблагоразуміе Князя Смоленскаго. Политика Витовта. Неудовольствіе Новогородцевъ. Злодѣйство Князя Смоленскаго. Разрывъ съ Литвою. Свидригайло. Войны съ Ливоніею. Нашествіе Эдигея. Письмо Эдигеево. Кончина Владиміра Храбраго. Происшествія въ Ордѣ. Дѣла Новогородскія. Язва. Голодъ. Мысль о преставленіи свѣта. Кончина и характеръ Василія. Завѣщаніе. Договоръ съ Рязанскимъ Княземъ. Дары, посланные въ Грецію. Дочь Василіева за Императоромъ. Дѣла церковныя. Судная грамота. Разныя извѣстія. Добродѣтель супруги Донскаго.

Димитрій оставилъ Россію готовую снова противоборствовать насилію Хановъ: юный сынъ его, Василій, отложилъ до времени мысль о независимости, и былъ возведенъ на престолъ въ Владимірѣ Посломъ Царскимъ, Шахматомъ. Таким образомъ достоинство Великокняжеское сдѣлалось наслѣдіемъ Владѣтелей Московскихъ. Уже ни-

Г. 1389.

Августа 16

Великое Княженіе

жеnіе сдѣлалось наслѣдіемъ Владѣтелей Московскихъ. кто не спорилъ съ ними о сей чести. Хотя Борисъ Городецкій, старѣйшій изъ потомковъ Ярослава II, немедленно по кончинѣ Донскаго отправился въ Сарай, но цѣлію его исканій былъ единственно Нижній Новгородъ, отнятый у него племянниками. Тохтамышъ, неблагодарно предпріявъ воевать сильную Имперію Тамерланову, велѣлъ ему ѣхать за собою къ границамъ Персіи; наконецъ дозволилъ остаться въ Сараѣ, и разоривъ многіе города бывшаго своего заступника, по возвращеніи въ Улусы отпустилъ Бориса въ Россію съ новою жалованною грамотою на область Нижегородскую[121].

Характеръ Аристократіи. Великій Князь, едва вступивъ въ лѣта юношества, могъ править Государствомъ только съ помощію совѣта: окруженный усердными Боярами и сподвижниками Донскаго, онъ заимствовалъ отъ нихъ сію осторожность въ дѣлахъ государственныхъ, которая ознаменовала его тридцати-шести-лѣтнее княженіе, и которая бываетъ свойствомъ Аристократіи, движимой болѣе заботливыми предвидѣніями ума, нежели смѣлыми внушеніями великодушія, равно удаленной отъ слабости и пылкихъ страстей. Опасаясь правъ дяди Василіева, Князя Владиміра Андреевича, основанныхъ на старѣйшинствѣ и на славѣ воинскихъ подвиговъ, господствующіе Бояре стѣснили, кажется, его власть и не хотѣли дать ему надлежащаго участія въ правленіи: Владиміръ, ни въ чемъ не

нарушивъ договора, заключеннаго съ Донскимъ г.
— бывъ всегда ревностнымъ стражемъ оте- 1389.
чества, и довольный жребіемъ Князя второстепеннаго — оскорбился неблагодарностію племянника, и со всѣми ближними уѣхалъ въ Серпуховъ, свой удѣльный городъ, а изъ Серпухова въ Торжекъ. Сія несчастная ссора, какъ и бывшая съ отцемъ Василія, скоро прекратилась возобновленіемъ дружественной грамоты 1388 года. Владиміръ, Договоръ. сверхъ его прежняго Удѣла и трети Московскихъ доходовъ, получилъ Волокъ и Ржевъ: за то обѣщалъ повиноваться юному Василію какъ старѣйшему, ходить на войну съ нимъ или съ полками Великокняжескими, *сидѣть въ осадѣ*, гдѣ онъ велитъ, и проч.; а съ Волока платить Ханамъ 170 рублей въ число пяти тысячь Василіевыхъ[122].

Обстоятельство, что Владиміръ Андреевичь во время раздора съ племянникомъ жилъ въ области Новогородской, достойно замѣчанія. Владѣтели Московскіе, присвоивъ себѣ исключительное право на санъ Великокняжескій, считали и Новгородъ наслѣдственнымъ ихъ достояніемъ, вопреки его древней, основанной на грамотахъ Ярославовыхъ свободѣ избирать Князей. Отъ того сыновья Калитины, Симеонъ, Іоаннъ, при восшествіи на престолъ были въ раздорѣ съ симъ гордымъ народомъ: Василій также; и Новогородцы охотно дали убѣжище недовольному Владиміру, чтобы имѣть

г. 1390. въ немъ опору на всякой случай; но видя искреннее примиреніе дяди съ племянникомъ, желали и сами участвовать въ ономъ. Дѣло шло единственно о чести или обрядѣ. «Мы «рады повиноваться Князю Московскому,» говорили они: «только прежде напишемъ «условія какъ люди вольные.» Сіи условія по обыкновенію состояли въ опредѣленіи извѣстныхъ правъ Княжескихъ и народныхъ. Василій не захотѣлъ спорить, и въ присутствіи Бояръ Новогородскихъ, въ Москвѣ, утвердивъ печатію договорную грамоту, отправилъ къ нимъ въ Намѣстники Вельможу Московскаго, Евстафія Сыту. — Замѣтимъ, что со времени Калиты Новогородцы уже не имѣли собственныхъ, особенныхъ Князей, повинуясь Великимъ или Московскимъ, которые управляли ими чрезъ Намѣстниковъ: ибо Наримантъ, Патрикій, Лугвеній и другіе Князья Литовскіе и Россійскіе, съ того времени находились у нихъ единственно въ качествѣ Воеводъ, или частныхъ властителей.

Политика Василіева. Три предмета долженствовали быть главными для Политики Государя Московскаго; надлежало прервать или облегчить цѣпи, возложенныя Ханами на Россію — удержать стремленіе Литвы на ея владѣнія, усилить Великое Княженіе присоединеніемъ къ оному Удѣловъ независимыхъ. Въ сихъ трехъ отношеніяхъ Василій Димитріевичь дѣйствовалъ съ неусыпнымъ попеченіемъ, но держась пра-

вилъ умѣренности, боясь излишней торопливости и добровольно оставляя своимъ преемникамъ дальнѣйшіе успѣхи въ славномъ дѣлѣ государственнаго могущества. Г. 1390.

На семнадцатомъ году жизни онъ сочетался бракомъ съ юною Софіею, дочерью Витовта, сына Кестутіева[123]. Изгнанный Ягайломъ изъ отечества, сей витязь жилъ въ Пруссіи у Нѣмцевъ. Въ одной изъ лѣтописей сказано, что Василій, въ 1386 году бѣжавъ изъ Орды въ Молдавію, на пути въ Россію былъ задержанъ Витовтомъ въ какомъ-то Нѣмецкомъ городѣ, и наконецъ, освобожденный съ условіемъ жениться на его дочери, чрезъ пять лѣтъ исполнилъ сіе обѣщаніе, согласно съ честію и пользою государственною. Уже Витовтъ славился разумомъ и мужествомъ; имѣлъ также многихъ друзей въ Литвѣ, и по всѣмъ вѣроятностямъ не могъ долго быть изгнанникомъ. Василій надѣялся пріобрѣсти въ немъ или сильнаго сподвижника противъ Ягайла или посредника для мира съ Литвою. Бояре Московскіе, Александръ Поле, Белевутъ, Селиванъ, ѣздили за невѣстою въ Пруссію и возвратились чрезъ Новгородъ. Князь Литовскій, Иванъ Олгимонтовичь, проводилъ ее до Москвы, гдѣ совершилось брачное торжество къ общему удовольствію народа. Бракъ. Г. 1391, Января 9.

Скоро Великій Князь отправился къ Хану. За нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ Царевичь Беткутъ, посланный Тохтамышемъ

г. 1392. Іюля 16. Вел. Князь въ Ордѣ.

отъ береговъ Волги и Казанки сквозь дремучіе лѣса къ Сѣверу, разорилъ Вятку, гдѣ со временъ Андрея Боголюбскаго обитали Новогородскіе выходцы въ свободѣ и независимости, торгуя или сражаясь съ Чудскими сосѣдственными народами[124]. Слухъ о благосостояніи сей маленькой Республики вселилъ въ Моголовъ желаніе искать тамъ добычи и жертвъ корыстолюбія. Изумленные внезапнымъ ихъ нашествіемъ, жители не могли отстоять городовъ, основанныхъ среди пустынь и болотъ въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ: одни погибли отъ меча, другіе навѣки лишились вольности, уведенные въ плѣнъ Беткутомъ; многіе спаслися въ густотѣ лѣсовъ, и предпріяли отмстить Татарамъ. Новогородцы, Устюжане соединились съ ними, и на большихъ лодкахъ рѣкою Вяткою доплывъ до Волги, разорили Жукотинъ, Казань, Болгарскіе, принадлежащіе Ханамъ города, и пограбили всѣхъ купцевъ, ими встрѣченныхъ. Однакожь не сіи случаи заставили Великаго Князя ѣхать въ Орду: намѣреніе его обнаружилось въ слѣдствіяхъ, составившихъ достопамятную эпоху въ постепенномъ возвышеніи Московскаго Княженія. Онъ былъ принятъ въ Ордѣ съ удивительною ласкою. Еще никто изъ Владѣтелей Россійскихъ не видалъ тамъ подобной чести. Казалось, что не данникъ, а другъ и союзникъ посѣтилъ Хана. Утвердивъ Нижегородскую область за Княземъ Борисомъ Городецкимъ, Тохтамышъ,

Разореніе Вятки.

согласно съ мыслями Вельможъ своихъ, не усомнился признать Василія наслѣдственнымъ ея Государемъ. Великій Князь хотѣлъ еще болѣе, и получилъ все по желанію: Городецъ, Мещеру, Торусу, Муромъ. Послѣднія двѣ области были древнимъ Удѣломъ Черниговскихъ Князей и никогда не принадлежали роду Мономахову. Столь особенная благосклонность изъясняется обстоятельствами времени. Тохтамышъ, начавъ гибельную для себя войну съ грознымъ Тамерланомъ, боялся, чтобы Россіяне не пристали къ сему завоевателю, который, желая наказать неблагодарнаго повелителя Золотой Орды, шелъ отъ моря Аральскаго и Каспійскаго къ пустынямъ сѣверной Азіи. Хотя Лѣтописцы не говорятъ того, однакожь вѣроятно, что Василій, требуя милостей Хана, обѣщалъ ему не только вѣрность, но и сильное вспоможеніе: какъ Глава Князей Россійскихъ, онъ могъ ручаться за другихъ, и тѣмъ обольстить или успокоить преемника Мамаева; корыстолюбіе Вельможъ Ординскихъ и богатые дары Василіевы рѣшили всякое сомнѣніе. Уже Тохтамышъ двинулся съ полками на встрѣчу къ непріятелю за Волгу и Яикъ: Великій Князь спѣшилъ удалиться отъ кровопролитія; а Посолъ Ханскій, Царевичь Уланъ, долженствовалъ возвести его на престолъ Нижегородскій. Г. 1392.

Три мѣсяца Василій былъ въ отсутствіи: народъ Московскій праздновалъ возвращеніе Октября 26

Г. 1392 юнаго Государя какъ особенную милость Небесную. Еще не доѣхавъ до столицы, Великій Князь изъ Коломны отправилъ Бояръ своихъ съ Ханскою грамотою и съ Посломъ Царевымъ въ Нижній, гдѣ Князь Борисъ, недоумѣвая, что ему дѣлать, собралъ Вельможъ на совѣтъ. Но знатнѣйшій изъ нихъ, именемъ Румянецъ, оказался предателемъ. Князь хотѣлъ затворить ворота городскія. «Посолъ «Царевъ» (сказалъ Румянецъ) «и Бояре Мо«сковскіе ѣдутъ сюда единственно для у«твержденія любви и мира съ тобою: впу«сти ихъ и не оскорбляй ложнымъ подозрѣ«ніемъ. Окруженный нами, вѣрными защи«тниками, чего можешь страшиться?» Князь согласился, и поздно увидѣлъ измѣну. Бояре Московскіе, въѣхавъ въ городъ, ударили въ колокола, собрали жителей, объявили Василія ихъ Государемъ. Тщетно Борисъ звалъ къ себѣ дружину свою. Коварный Румянецъ отвѣтствовалъ: «мы уже не твои» — и съ другими единомышленниками предалъ Бориса слугамъ Великокняжескимъ[125]. Самъ Василій съ Боярами старѣйшими прибылъ въ Нижній, гдѣ учредивъ новое правленіе, поручилъ сію область Намѣстнику, Димитрію Александровичу Всеволожу. Такъ рушилось, съ своими Удѣлами, особенное Княжество Суздальское, коего именемъ долго называлась сильная Держава, основанная Андреемъ Боголюбскимъ, или всѣ области сѣверо-восточной Россіи между предѣлами Новогород-

Нижній Новгородъ и Суздаль присоединены къ Москвѣ.

скими, Смоленскими, Черниговскими и Рязанскими. — Борисъ чрезъ два года умеръ. Его племянники, Василій, прозваніемъ Кирдяпа, и Симеонъ, бѣжавъ въ Орду, напрасно искали въ ней помощи. Хотя Царевичь Эйтякъ вмѣстѣ съ Симеономъ (въ 1399 году) приступалъ къ Нижнему и взялъ городъ обманомъ; но имѣя у себя едва тысячу воиновъ, не могъ удержать онаго[126]. Супруга Симеонова, бывъ долго подъ стражею въ Россіи, нашла способъ уйти въ землю Мордовскую, подвластную Татарамъ, и жила въ какомъ-то селеніи у Христіанской церкви, сооруженной Хивинскимъ Туркомъ Хазибабою: Бояре Великаго Князя, посланные съ отрядомъ войска, взяли сію несчастную Княгиню и привезли въ Москву. Между тѣмъ ея горестный супругъ, лишенный отечества, друзей, казны, восемь лѣтъ скитался съ Моголами по дикимъ степямъ, служилъ въ разныя времена четыремъ Ханамъ, и наконецъ прибѣгнулъ къ милости Великаго Князя, который возвратилъ ему семейство и позволилъ избрать убѣжище въ Россіи. Симеонъ, изнуренный печалями, добровольно удалился въ независимую область Вятскую, гдѣ и скончался чрезъ пять мѣсяцевъ (въ 1402 году), бывъ жертвою общей пользы государственной. Старшій братъ Симеоновъ, Василій Кирдяпа, умеръ также въ изгнаніи. Сыновья Василіевы и Борисовы то служили при Дворѣ Московскомъ, то уходили въ Орду;

Г. 1392.

Г. 1392. а внукъ Кирдяпинъ, Александръ Ивановичь Брюхатый, женился послѣ на дочери Великаго Князя, именемъ Василисѣ.

Дѣла съ Новымгородомъ. Руководствуясь правилами государственнаго блага, Василій и въ другихъ случаяхъ не боялся казаться ни излишно властолюбивымъ, ни жестокимъ. Такъ въ слѣдствіе вторичнаго несогласія съ Новогородцами, не хотѣвшими платить ему *черной* или народной дани, изъявилъ онъ строгость необыкновенную, хитро соединивъ выгоды казны своей съ честію Главы Духовенства. Митрополитъ Кипріанъ, безспорно заступивъ мѣсто умершаго въ Царѣградѣ Пимена, ѣздилъ (въ 1392 году) изъ Москвы въ Новгородъ; съ пышными обрядами служилъ Литургію въ Софійскомъ храмѣ; велегласно училъ народъ съ амвона, и двѣ недѣли пировалъ у тамошняго Архіепископа, Іоанна, вмѣстѣ съ знаменитѣйшими чиновниками, которые, въ знакъ особеннаго уваженія, отъ имени всего города подарили ему нѣсколько дворовъ. Но сіе дружелюбіе измѣнилось, когда Митрополитъ въ собраніи гражданъ объявилъ, чтобы они, слѣдуя древнему обыкновенію, относились къ нему въ дѣлахъ судныхъ. Посадникъ, Тысячскій и всѣ отвѣтствовали единодушно: «мы клялися, что не будемъ «зависѣть отъ суда Митрополитовъ, и на«писали грамоту.» *Дайте мнѣ оную*, сказалъ Кипріанъ: *я сорву печать, и сниму съ васъ клятву*. Народъ не хотѣлъ, и Ки-

пріанъ уѣхалъ съ великою досадою[127]. Зная, г. сколь Митрополиты пребываніемъ своимъ 1392. въ Москвѣ способствовали знаменитости ея Князей и нужны для ихъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ Единовластіи, Василій съ жаромъ вступился за Пастыря Церкви. Посолъ Великокняжескій представилъ Новогородцамъ, что они, съ 1386 года платитъ Донскому народную дань, обязаны платить ее и сыну его; обязаны также признать Митрополита судіею въ дѣлахъ гражданскихъ, или испытаютъ гнѣвъ Государевъ. Новогородцы отвѣчали, что народная дань издревле шла обыкновенно въ общественную казну, а Князь довольствовался однѣми пошлинами и дарами; что второе требованіе Василія, касательно Митрополита, противно ихъ совѣсти. Сей отвѣтъ былъ принятъ за объявленіе войны. Полки Московскіе, Коломенскіе, Звенигородскіе, Дмитровскіе, предводимые дядею Великаго Князя, Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ, и сыномъ Донска- г. го, Юріемъ, взяли Торжекъ и множество 1393. плѣнниковъ въ областяхъ Новагорода, куда сельскіе жители съ имѣніемъ, съ дѣтьми бѣжали отъ меча и неволи. Уже рать Московская, совершивъ месть, возвратилась, когда Василій узналъ, что Торжекъ, оставленный безъ войска, бунтуетъ, и что ревностный доброхотъ Великокняжескій, именемъ Максимъ, убитъ друзьями Новогородскаго Правительства. Тутъ онъ рѣшился

Г. 1393. неслыханною у насъ дотолѣ казнію устрашить мятежниковъ: велѣлъ Боярамъ снова итти съ полками въ Торжекъ, изыскать виновниковъ убійства и представить въ Москву. Привели семдесятъ человѣкъ. Народъ собрался на площади и былъ свидѣтелемъ зрѣлища ужаснаго. Осужденные на смерть, сіи преступники исходили кровію въ мукахъ: имъ медленно отсѣкали руки, ноги, и твердили, что такъ гибнутъ враги Государя Московскаго!... Василій еще не имѣлъ и двадцати лѣтъ отъ рожденія: дѣйствуя въ семъ случаѣ, равно какъ и въ другихъ, по совѣту Бояръ, онъ хотѣлъ страхомъ возвысить достоинство Великокняжеское, которое упало вмѣстѣ съ Государствомъ отъ разновластія. — Новогородцы съ своей стороны искали себѣ удовлетворенія въ разбояхъ: взяли Кличенъ, Устюжну; сожгли Устюгъ, Бѣлозерскъ, не щадя и святыхъ храмовъ, обдирая иконы и книги церковныя: пытали богатыхъ людей, чтобы узнать, гдѣ скрыты ихъ сокровища; плѣняли гражданъ, земледѣльцевъ, и наполнивъ добычею множество лодокъ, отправили все внизъ по Двинѣ. Два Князя предводительствовали сими хищниками: Романъ Литовскій и Константинъ Іоанновичь Бѣлозерскій, коего отецъ и дѣдъ пали въ славной Донской битвѣ[128]. Сей юный Князь, не захотѣвъ быть подручникомъ Государя Московскаго, вступилъ въ службу Новагорода,

его непріятеля. Но война не продолжилась: ибо Новогородцы, извѣдавъ твердый характеръ Василія, разочли, что лучше уступить ему требуемую имъ дань, нежели отказаться отъ купеческихъ связей съ Московскими владѣніями и подвергать опасностямъ свою торговлю Двинскую, которой онъ, господствуя надъ Устюгомъ и Бѣлымъозеромъ, легко могъ препятствовать: обстоятельство всегда рѣшительное въ ихъ ссорахъ съ Великими Князьями. Надлежало удовольствовать и Митрополита, тѣмъ необходимѣе, что Патріархъ Константинопольскій, Антоній, взялъ его сторону и велѣлъ имъ сказать: «повинуйтесь во всемъ «Главѣ Церкви Россійской.» И такъ они прислали знатнѣйшихъ людей въ Москву умилостивить Государя смиренными извиненіями и вручить Кипріану судную грамоту. Митрополитъ благословилъ ихъ, а Великій Князь отправилъ Бояръ въ Новгородъ для утвержденія мира. Съ ними ѣздилъ и Посолъ Митрополитовъ, коему чиновники и народъ дали тамъ 350 рублей въ знакъ дружелюбія. Г. 1393.

Въ то время, когда юный Василій, пріобрѣтеніями и строгостію утверждая свое могущество, съ радостію взиралъ издали на внѣшнія и внутреннія опасности Капчакской ненавистной Орды, — въ то самое время онъ увидѣлъ новую тучу варваровъ, готовую истребить счастливое твореніе Нашествіе Тамерлана.

г. 1393. Іоанна Калиты, Героя Донскаго и его собственное, то есть, вторично обратить Россію въ кровавое пепелище. Мы упоминали о Тамерланѣ, Тимурѣ или Темиръ-Аксакѣ[129]: будучи сыномъ одного ничтожнаго Князька въ Имперіи Чагатайскихъ Моголовъ, и рожденный во дни ея паденія, когда безначалія, раздоры, властолюбіе Эмировъ предали оную въ жертву Хану Кашгарскому и Гетамъ или Калмыкамъ, онъ въ первомъ цвѣтѣ юности замыслилъ избавить отечество отъ неволи, — возстановить величіе онаго, наконецъ покорить вселенную и громомъ славы жить въ памяти вѣковъ. Вздумалъ и совершилъ. Явленіе сихъ исполиновъ въ мірѣ, безжалостно убивающихъ милліоны, ненасытимыхъ истребленіемъ, и разрушающихъ древнія зданія гражданскихъ обществъ для основанія новыхъ, ничѣмъ не лучшихъ, есть тайна Провидѣнія. Движимые внутреннимъ безпокойствомъ духа, они стремятся отъ труднаго къ труднѣйшему, губятъ людей и въ награду отъ нихъ требуютъ себѣ названія Великихъ. Первые подвиги Тамерлановы были достохвальны: подъ защитою горъ и пустынь собирая вѣрныхъ товарищей, пріучая ихъ и себя къ воинской доблести, неутомимо тревожа Гетовъ, онъ безчисленными успѣхами купилъ славу Героя. Враги побѣжденные удалились; Держава Чагатайская возвратила свою независимость. Но ему надлежало еще смирить

враговъ внутреннихъ, Эмировъ властолюбивыхъ, и самаго бывшаго друга и главнаго сподвижника, Гуссеина: они погибли, и народный сеймъ единодушно возгласилъ Тимура, на тридцать-пятомъ году его жизни, Монархомъ Чагатайской Державы и Сагебъ-Керемомъ или *Владыкою міра*. Сидя въ златомъ вѣнцѣ на престолѣ сына Чингисханова, опоясанный Царскимъ поясомъ, осыпанный, по Восточному обыкновенію, золотомъ и каменьями драгоцѣнными, Тимуръ клялся Эмирамъ, стоящимъ предъ нимъ на колѣнахъ, оправдать дѣлами свое новое достоинство и побѣдить всѣхъ Царей земли. Боясь казаться народу хищникомъ, сей лукавый властолюбецъ жаловалъ потомковъ Чингисовыхъ въ Великіе Ханы, держалъ ихъ при себѣ и повелѣвалъ будто бы только именемъ сихъ законныхъ Государей Могольскихъ. Война слѣдовала за войною, и каждая была завоеваніемъ. Въ 1352 году, за семь лѣтъ до его восшествія на престолъ Чагатайскій, укрываясь въ пустыняхъ отъ непріятелей, онъ не имѣлъ въ мірѣ ничего, кромѣ одного тощаго коня и дряхлаго вельблюда; а чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался Монархомъ двадцати-шести Державъ въ трехъ частяхъ міра. Овладѣвъ восточными берегами моря Каспійскаго, устремился на Персію, или древній Иранъ, гдѣ, между рѣками Оксомъ и Тигромъ, долго царствовалъ родъ Чин-

г. 1393.

г. гисовъ, но тогда, вмѣсто Монарха, господ-
1393. ствовали многіе Князья слабые: одни смиренно облобызали коверъ Тимурова престола; другіе сражались и гибли. Богатый Ормусъ заплатилъ ему дань золотомъ: Багдадъ, нѣкогда столица великихъ Калифовъ, покорился. Уже вся Азія отъ моря Аральскаго до Персидскаго залива, отъ Тифлиса до Евфрата и пустынной Аравіи, признавала Тимура своимъ повелителемъ, когда онъ, собравъ Эмировъ, сказалъ имъ: «Друзья и сподвижники! счастіе, благопрі«ятствуя мнѣ, зоветъ насъ къ новымъ по«бѣдамъ. Имя мое привело въ ужасъ все«ленную; движеніемъ перста потрясаю зем«лю. Царства Индіи намъ отверсты: со«крушу, что дерзнетъ противиться, и «буду владыкою оныхъ»[130]. Эмиры изумились: цѣпи горъ высокихъ, глубокія рѣки, пустыни, огромные слоны и милліоны воинственныхъ жителей устрашали ихъ воображеніе. Но Тимуръ, увѣренный въ своемъ счастіи, шелъ смѣло по слѣдамъ Героя Македонскаго въ сію цвѣтущую страну міра, гдѣ Исторія полагаетъ колыбель человѣческаго рода, и куда искони стремились завоеватели, отъ Вакха до Семирамиды, отъ Сезостриса до Александра Великаго; въ страну славнѣйшую древностію преданій, но менѣе другихъ извѣстную по лѣтописямъ. Тимуръ перешелъ Индъ, взялъ Дели (гдѣ уже болѣе трехъ вѣковъ

властвовали Султаны Магометанской Вѣры) и на берегахъ Гангеса истребивъ множество Гебровъ огнепоклонниковъ, остановился у той славной скалы, которая, имѣя видъ телицы, извергаетъ изъ нѣдръ своихъ сію знаменитую въ баснословіи Востока рѣку. Тамъ свѣдалъ онъ о бунтѣ Христіанъ Грузинскихъ, о блестящихъ успѣхахъ Баязетова оружія, и возвратился; смирилъ первыхъ, не взирая на ихъ неприступныя горы, и не терпя равнаго себѣ въ воинской славѣ, хотѣлъ, чтобы Султанъ Турецкій удержалъ быстрое стремленіе своихъ завоеваній, которыя въ окрестностяхъ Евфрата сближались съ Могольскими. «Знай» — писалъ онъ къ Баязету[131] — «что мои воинства покрываютъ землю отъ «одного моря до другаго; что Цари слу«жатъ мнѣ тѣлохранителями и стоятъ «рядами предъ шатромъ моимъ; что судь«ба у меня въ рукахъ и счастіе всегда со «мною. Кто ты? муравей Туркоманскій: «дерзнешь ли возстать на слона? Если ты «въ лѣсахъ Анатоліи одержалъ нѣсколько «побѣдъ ничтожныхъ; если робкіе Европей«цы обратили тылъ предъ тобою: славь «Магомета, а не храбрость свою.... Внем«ли совѣту благоразумія: останься въ пре«дѣлахъ отеческихъ, какъ они ни тѣсны; «не выступай изъ оныхъ, или погибнешь.» Гордый Баязетъ отвѣтствовалъ равнодушно: «Давно желаю воевать съ тобою. Хва-

г. 1393.

г. 1393. «ла Всевышнему: ты идешь на мечь мой!» Баязетъ имѣлъ время изготовиться къ сей войнѣ: ибо врагъ его, раздраженный тогда Султаномъ Египетскимъ, устремился къ Средиземному морю. Сирія, Египетъ, украшаемые древнею славою и развалинами, казались Тимуру завоеваніемъ лестнымъ. Разбивъ Мамелюковъ подъ стѣнами Алепа, въ тотъ самый часъ, когда свирѣпые Моголы лили кровь единовѣрцевъ въ семъ городѣ, Тимуръ спокойно бесѣдовалъ съ учеными мужами Алепскими и краснорѣчиво доказывалъ имъ, что онъ другъ Божій; что одни упрямые враги его будутъ отвѣтствовать Небу за претерпѣваемыя ими бѣдствія. Сей хитрый лицемѣръ дѣйствительно при всякомъ случаѣ изъявлялъ набожность, предъ битвами обыкновенно совершалъ молитву на колѣнахъ, за побѣды торжественно благодарилъ Всевышняго, и на пути къ Дамаску, гдѣ надлежало ему сразиться съ войскомъ Египетскимъ, остановилъ многочисленные полки свои, чтобы въ глазахъ ихъ смиренно поклониться мнимому гробу Ноеву, священному для Мусульмановъ. Султанъ Египетскій, Фаручь, заключилъ въ темницу Пословъ Могольскихъ: Тимуръ писалъ къ нему: «Великіе завоева-«тели собираютъ воинства, ищутъ опас-«ностей и битвъ единственно для чести «и памяти безсмертной. Сей грозный шумъ «ополченій, гдѣ милліоны людей бываютъ

«въ движеніи, производимъ любовію ко г.
«славѣ, а не къ стяжанію: ибо человѣкъ 1393.
«можетъ насытиться въ день одною поло-
«виною хлѣба. Ты дерзнулъ оскорбить ме-
«ня: если бы камни говорить могли, они
«научили бы тебя осторожности.» Побѣ-
дивъ Фаруча, онъ съ ласкою угостилъ въ
шатрѣ своемъ ученаго Кади Веледдина,
присланнаго жителями Дамаска умилости-
вить его; говорилъ съ нимъ объ исторіи
народовъ (ибо всѣ происшествія міра, Во-
стока и Запада, по словамъ современнаго
Арабскаго Писателя, были ему извѣстны);
хвалилъ Государей милосердыхъ, и такъ
мало заботился о снисканіи сей добродѣте-
ли, что оставилъ въ Дамаскѣ однѣ кучи
пепла. Нигдѣ Татары не находили столько
богатства, золота и всякихъ драгоцѣнно-
стей, какъ въ семъ городѣ, гдѣ шесть
вѣковъ цвѣла торговля. — Скоро рѣшилась
и судьба Баязетова. Страшные Янычары
уступили превосходному числу, мужеству
или счастію Моголовъ. Плѣнивъ Баязета,
Тимуръ обнялъ его, посадилъ на коврѣ Цар-
скомъ рядомъ съ собою и старался утѣ-
шить разсужденіями о тлѣнности мірска-
го величія: отнявъ у него корону, пода-
рилъ ему одежду драгоцѣнную, и хвастов-
ствомъ великодушія еще болѣе, нежели сво-
ею побѣдою, унизилъ сего бывшаго знаме-
нитаго Монарха. — Обложивъ данію Султа-
на Мамелюковъ, Османовъ, Императора Гре-

г. 1393. ческаго; властвуя отъ моря Каспійскаго и Средиземнаго до Нила и Гангеса, Тимуръ жилъ въ Самаркандѣ и называлъ себя Главою лучшей половины міра. Въ сію столицу возвращался онъ послѣ всякаго завоеванія, наслаждаться краткоременнымъ отдохновеніемъ; украшалъ великолѣпно мечети, разводилъ сады, и желая слыть благотворителемъ людей, соединялъ каналами рѣки, строилъ новые города, въ надеждѣ, что слабые умы, ослѣпляемые призраками лицемѣрныхъ государственныхъ добродѣтелей, простятъ ему множество разрушенныхъ имъ городовъ древнихъ, убіеніе милліоновъ и высокія пирамиды головъ человѣческихъ, коими его Моголы знаменовали свои побѣды на мѣстѣ кровопролитія, на пепелищахъ Дели, Багдада, Дамаска, Смирны.

Еще Тимуръ не совершилъ всѣхъ описанныхъ нами завоеваній, когда, оскорбленный неблагодарностію Тохтамыша, онъ въ первый разъ приблизился къ границамъ Россіи. Войско его шло отъ Самарканда и рѣки Сигона черезъ Ташкентъ, Ясси или Туркестанъ, за коимъ уже начиналось владѣніе Капчакской Орды, въ нынѣшнихъ степяхъ Киргизскихъ. Стоя на высокомъ холмѣ, Тимуръ долго съ удивленіемъ смотрѣлъ на ихъ необозримыя, гладкія равнины, подобныя морю, и велѣлъ тутъ, въ память вѣкамъ, соорудить высокую каменную пи-

рамиду съ означенiемъ Эгиры и дня, когда онъ вступилъ въ сiи ужасныя пустыни. Четыре мѣсяца шли Татары къ Сѣверу, питаясь наиболѣе мясомъ дикихъ козъ, сайгаковъ, птичьими яицами и травою. Звѣриная ловля представляла въ сихъ пустыняхъ зрѣлище шумной войны. Разсыпаясь на великомъ пространствѣ, Моголы составляли кругъ и гнали звѣрей прямо къ ставкѣ Императорской при звукѣ оружiя и трубъ. Тимуръ выѣзжалъ на конѣ, и встрѣчая цѣлыя стада всякаго рода животныхъ, стрѣлялъ любыхъ; наконецъ, утомленный охотою, входилъ въ шатеръ свой обѣдать. Тогда воины бросались на звѣрей, убивали всѣхъ безъ остатка, разводили безчисленные огни и садились пировать до вечера. Скудный ручей или мутное озеро бывали для нихъ въ сихъ безводныхъ мѣстахъ самымъ счастливѣйшимъ открытiемъ. — Достигнувъ пятидесятаго Градуса Широты, между рѣками Эмбою и Тоболомъ, войско остановилось. Тимуръ въ богатой одеждѣ и въ Царскомъ вѣнцѣ сѣлъ на коня; имѣя въ рукѣ златую державу, объѣхалъ всѣ полки, и довольный ихъ исправностiю, вооруженiемъ, бодрымъ духомъ, велѣлъ итти далѣе, къ берегамъ Урала. Тамъ показалась многочисленная рать Тохтамышева. Сей Ханъ презрѣлъ совѣтъ умныхъ Вельможъ, которые говорили ему, что страшно быть врагомъ счастливаго:

г. 1393.

г. 1393. ненавидя въ Тимурѣ хищника власти, принадлежащей потомкамъ Чингисхановымъ, онъ грозился свергнуть его съ трона. Ежедневныя сшибки передовыхъ отрядовъ заключились кровопролитнымъ сраженіемъ въ степяхъ Астраханской Губерніи: разбитый Тохтамышъ бѣжалъ за Волгу; а Тимуръ на ея берегахъ великолѣпно праздновалъ свою побѣду, среди обширнаго луга, гдѣ прекрасныя невольницы разносили яства въ золотыхъ и серебряныхъ чашахъ; окруженный своими женами, онъ сидѣлъ на престолѣ Капчакскомъ и съ удовольствіемъ внималъ пѣснямъ, коими стихотворцы Могольскіе славили сей блестящій успѣхъ его оружія, и которыя были названы *Фатенамей Капчакъ*, или *торжествомъ Капчакскимъ*; двадцать-шесть дней Эмиры и воины пировали, наслаждаясь всѣми утѣхами роскоши. Но Тимуръ не хотѣлъ быть долѣе въ сей завоеванной имъ странѣ, и тѣмъ же путемъ, чрезъ 11 мѣсяцевъ, возвратился въ Самаркандъ.

Прошло около трехъ лѣтъ. Тохтамышъ, оставленный въ покоѣ непріятелемъ, снова господствовалъ надъ Ордою Капчакскою, и снова послалъ войско разорять сѣверную Персію. «Во имя всемогущаго Бога» — писалъ къ нему Тамерланъ — «спрашиваю, съ «какимъ намѣреніемъ ты, Ханъ Капчак- «скій, управляемый Демономъ гордости, «выступаешь изъ своихъ предѣловъ? Раз-

«вѣ забылъ ты послѣднюю войну, когда «рука моя обратила въ прахъ твои силы, «богатства и владѣнія? Неблагодарный! «вспомни, сколь нѣкогда оказалъ я тебѣ «милостей! Еще можешь раскаяться. Хо- «чешь ли мира? хочешь ли войны? изби- «рай; мнѣ все едино. Но самая глубина «морская не скроетъ врага отъ нашей ме- «сти.» Тохтамышъ хотѣлъ войны, и рас- положился станомъ на берегу Терека: ибо Монархъ Чагатайскій былъ уже въ Дер- г.
бентѣ. Между Терекомъ и Курою, близъ 1395.
нынѣшняго Екатеринограда, произошло слав- ное въ Восточныхъ лѣтописяхъ кровопро- литіе. Потомки Чингисхановы сражались между собою въ ужасномъ остервененіи злобы, и гибли тмами. Правое крыло и средина войска Тамерланова замѣшались; но сей свирѣпый Герой, рожденный быть счастливымъ, умѣлъ твердостію исторг- нуть побѣду изъ рукъ Тохтамышевыхъ: окруженный врагами, изломавъ копіе свое, уже не имѣя ни одной стрѣлы въ кол- чанѣ, хладнокровно давалъ Вождямъ пове- лѣніе сломить густыя толпы непріятель- скія. Стрѣлки его, чтобы остаться не- подвижными, цѣлыми рядами бросались на колѣна, и лѣвое крыло шло впередъ. Еще Ханъ Золотой Орды могъ бы новымъ уси- ліемъ рѣшить битву въ свою пользу; но прежде времени ослабѣвъ духомъ, бѣжалъ. Тамерланъ гнался за нимъ до Волги, гдѣ,

г. 1395. объявивъ Койрпчака Аглена, сына Урусова, Властителемъ Орды Капчакской, надѣлъ на него вѣнецъ Царскій[132].

Сіи удары, нанесенные Моголами Моголамъ, изнурили силы Волжскихъ и долженствовали веселить Россіянъ мыслію о близской счастливой свободѣ отечества. Надѣялись, что Тамерланъ, сокрушивъ непріятеля, вторично отступитъ къ границамъ своей Имперіи, и что внутреннія междоусобія Орды Капчакской довершатъ ея гибель. Но грозный завоеватель Востока въ слѣдъ за бѣгущимъ Тохтамышемъ устремился къ Сѣверу; перешелъ Волгу, степи Саратовскія, и вступивъ въ наши юго-восточные предѣлы, взялъ Елецъ, гдѣ господствовалъ Князь Ѳеодоръ, отрасль Карачевскихъ Владѣтелей и данникъ Олега Рязанскаго[133]. Вѣсть о нашествіи сего новаго Батыя привела въ ужасъ всю Россію. Ожидали такого же общаго разрушенія, какое за 160 лѣтъ передъ тѣмъ было жребіемъ Государства нашего; разсказывали другъ другу о чудесныхъ завоеваніяхъ, о свирѣпости и несмѣтныхъ полкахъ Тамерлановыхъ; молились въ церквахъ и готовились къ Христіанской смерти, безъ надежды отразить силу силою. Но Великій Князь бодрствовалъ въ Совѣтѣ Бояръ мудрыхъ, и въ сіе рѣшительное время явилъ себя достойнымъ сыномъ Димитрія: не устрашился ни славы Тамерлана, ни че-

тырехъ сотъ тысячь Моголовъ, которые, по слуху, шли подъ его знаменами; велѣлъ немедленно собираться войску и самъ принялъ начальство, въ первый разъ украсивъ юношеское чело свое шлемомъ браннымъ и напомнивъ Москвитянамъ тѣ незабвенные дни, когда Герой Донскій ополчался на Мамая. Уже многіе изъ Воеводъ Димитріевыхъ скончали жизнь; другіе, служивъ отцу, хотѣли служить и сыну; старцы сѣли на коней и явились предъ полками въ доспѣхахъ, обагренныхъ кровію Татарскою на Куликовѣ полѣ. Народъ ободрился: войско шло охотно, тѣмъ же путемъ, которымъ велъ оное Донскій противъ Мамая, и Великій Князь, поручивъ Москву дядѣ своему, Владиміру Андреевичу, сталъ за Коломною на берегу Оки, ежедневно готовый встрѣтить непріятеля.

г. 1395.

Между тѣмъ всѣ церкви Московскія были отверсты съ утра до глубокой ночи. Народъ лилъ слезы предъ олтарями и постился. Митрополитъ училъ его и Вельможъ Христіанскимъ добродѣтелямъ, торжествующимъ въ бѣдствіяхъ. Но слабые трепетали. Желая успокоить гражданъ любезной ему столицы, Великій Князь писалъ къ Митрополиту изъ Коломны, чтобы онъ послалъ въ Владиміръ за иконою Дѣвы Маріи, съ коею Андрей Боголюбскій переѣхалъ туда изъ Вышегорода и побѣдилъ Болгаровъ. Сіе достопамятное прене-

Славная икона Владимірская.

г. 1395. сеніе славнаго въ Россіи Образа изъ древней въ новую столицу было зрѣлищемъ умилительнымъ: безчисленное множество людей на обѣихъ сторонахъ дороги преклоняло колѣна, съ усердіемъ и слезами взывая: *Матерь Божія! спаси землю Русскую!* Жители Владимірскіе провождали икону съ горестію: Московскіе приняли съ восхищеніемъ, какъ залогъ мира и благоденствія. Митрополитъ Кипріанъ, Епископы и все Духовенство въ ризахъ служебныхъ, съ крестами и кадилами; за ними Владиміръ Андреевичь Храбрый, семейство Великокняжеское, Бояре и народъ встрѣтили святыню внѣ града на *Кучковѣ полѣ*, гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій; увидѣвъ оную вдали, пали ницъ, и въ радостномъ предчувствіи уже *благодарили* Небо[134]. Поставили Образъ въ Соборномъ храмѣ Успенія и спокойнѣе ждали вѣстей отъ Великаго Князя.

Тамерланъ, плѣнивъ Владѣтеля Елецкаго со всѣми его Боярами, двинулся къ верховью Дона и шелъ берегами сей рѣки, опустошая селенія. Знаменитый Персидскій Историкъ сего времени, Шерефеддинъ, любя хвалить добродѣтели своего Героя, признается, что Тамерланъ, подобно Батыю, усыпалъ трупами поля въ Россіи, убивая не воиновъ, а только людей безоружныхъ. Казалось, что онъ хотѣлъ итти къ Москвѣ; но вдругъ остановился, и цѣлыя двѣ

недѣли бывъ неподвиженъ, обратилъ свои знамена къ Югу и вышелъ изъ Россійскихъ владѣній. Безъ сомнѣнія не одно смѣлое, великодушное ополченіе Князя Московскаго произвело сіе удивительное для современниковъ дѣйствіе: надлежитъ искать и другихъ причинъ вѣроятныхъ. Хотя Историки Восточные повѣствуютъ, что Моголы Чагатайскіе обогатились у насъ несмѣтною добычею, и навьючили вельблюдовъ слитками золота, серебра, мѣхами драгоцѣнными, кусками *тонкаго полотна Антіохійскаго* и *Русскаго*[135]; однакожь вѣроятнѣе, что сокровища, найденныя ими въ Ельцѣ и въ нѣкоторыхъ городкахъ Рязанскихъ, не удовлетворяли ихъ корыстолюбію и не могли наградить за труды похода въ землѣ сѣверной, большею частію лѣсистой, скудной паствами и въ особенности тѣми изящными произведеніями человѣческаго ремесла, коихъ употребленіе и цѣну свѣдали Татары въ образованныхъ странахъ Азіи. Наступала дождливая осень: съ людьми обыкшими кочевать въ мѣстахъ плодоносныхъ и теплыхъ благоразумно ли было итти далѣе къ Сѣверу, чтобы встрѣтить зиму со всѣми ея жестокостями? И путь къ Москвѣ надлежало еще открыть битвою съ войскомъ довольно многочисленнымъ, которое умѣло побѣдить Мамая. Завоеваніе Индіи, Сиріи, Египта, богатыхъ Природою и торговлею, славныхъ въ Исторіи міра, плѣняло вообра-

г. 1395.

Августа 26.

г. 1395. женіе Тамерлана: Россія, къ счастію, не имѣла для него сей прелести. Онъ спѣшилъ удалиться отъ непогодъ осеннихъ, и по теченію Дона спустился къ его устью.

Сія вѣсть радостно изумила наше войско. Никто не думалъ гнаться за врагомъ, который, еще не видавъ знаменъ Великаго Князя, не слыхавъ звука воинскихъ трубъ его, какъ бы въ смятеніи бѣжалъ къ Азову. Юный Государь могъ бы приписать спасеніе отечества великодушной своей твердости, но вмѣстѣ съ народомъ приписалъ оное силѣ сверхъ-естественной, и возвратясь въ Москву, соорудилъ каменный храмъ Богоматери съ монастыремъ на древнемъ *Кучковѣ полѣ*[136]: ибо, какъ пишутъ современники, Тамерланъ отступилъ въ самый тотъ день и часъ, когда жители Московскіе на семъ мѣстѣ встрѣтили Владимірскую икону. Оттолѣ Церковь наша торжествуетъ праздникъ Срѣтенія Богоматери 26 Августа, въ память вѣкамъ, что единственно особенная милость Небесная спасла тогда Россію отъ ужаснѣйшаго изъ всѣхъ завоевателей.

Бѣдствіе Азова. Что Тамерланъ готовилъ Москвѣ, то испыталъ несчастный Азовъ, богатый товарами Востока и Запада. Многочисленное Посольство, составленное изъ купцевъ Египетскихъ, Венеціянскихъ, Генуэзскихъ, Каталонскихъ и Бискайскихъ, встрѣтило Монарха Чагатайскаго на берегу Дона съ да-

рами и ласками. Онъ успокоилъ ихъ на словахъ, и въ тоже время велѣвъ одному изъ Эмировъ осмотрѣть городскія укрѣпленія, внезапно приступилъ къ онымъ. Азовъ и богатства его исчезли. Ограбивъ лавки и домы, умертвивъ или оковавъ цѣпями всѣхъ тамошнихъ Христіанъ, которые не успѣли спастися бѣгствомъ на суда, Моголы обратили городъ въ пепелъ[137]. — Завоевавъ землю Черкесскую и Ясскую, взявъ самыя неприступныя крѣпости въ Грузіи, Тамерланъ у подошвы Кавказа далъ праздникъ войску. Въ огромномъ шатрѣ, окруженномъ блестящими столпами, среди Вельможъ и Полководцевъ, онъ сидѣлъ на золотомъ тронѣ, украшенномъ драгоцѣнными каменьями, и при звукѣ шумныхъ мусикійскихъ орудій пилъ Грузинское вино, желая здравія и дальнѣйшихъ побѣдъ своимъ неутомимымъ сподвижникамъ. Увѣдомленный о непокорствѣ жителей Астраханскихъ, Тамерланъ, презирая холодъ зимній и глубокій снѣгъ, пошелъ къ сему городу, укрѣпленному, сверхъ каменныхъ, *ледяными стѣнами*; срылъ его до основанія; разрушилъ огнемъ и столицу Ханскую, Сарай; наконецъ удалился къ границамъ своей Имперіи, предавъ, какъ онъ сказалъ, Державу Батыеву *губительному вѣтру истребленія*. Орда Капчакская находилась тогда въ жалостномъ состояніи: утративъ безчисленное множество людей въ битвахъ съ Моголами Чагатайскими, она

Г. 1395.

г. 1395. была еще театромъ кровопролитныхъ междоусобій. Три Хана спорили о господствѣ надъ нею: Тохтамышъ, Койричакъ и Тимуръ Кутлукъ[138]. Сей послѣдній, будучи также рода Батыева, и служивъ Тамерлану, въ противность его волѣ остался въ степяхъ Капчакскихъ, набиралъ войско и величалъ себя истиннымъ Царемъ Ординскимъ.

Сіи происшествія, благопріятныя для Россіи, успокоивъ Великаго Князя въ разсужденіи Моголовъ, позволили ему обратить вниманіе на Литву, которою нѣсколько лѣтъ управлялъ Скиригайло, Намѣстникъ своего брата, Короля Польскаго. Но съ 1392 года тамъ уже властвовалъ независимо тесть Василіевъ, Витовтъ Александръ, въ слѣдствіе мира и договора съ Королемъ Ягайломъ, уступившимъ ему и Волынію съ Брестомъ. Одаренный отъ природы умомъ хитрымъ, Витовтъ пылалъ властолюбіемъ, и принявъ отъ Нѣмцевъ Вѣру Христіанскую, сохранилъ въ душѣ всю жестокость язычника[139]; не только, подобно другимъ завоевателямъ, равнодушно жертвовалъ въ битвахъ безчисленнымъ множествомъ людей для пріобрѣтенія новыхъ земель, но смѣло нарушалъ и всѣ святѣйшіе уставы нравственности: игралъ клятвами, измѣнялъ; безжалостно лилъ кровь своихъ ближнихъ; умертвилъ трехъ сыновей Ольгердовыхъ: Вигунта Кревскаго отравилъ ядомъ;

Дѣла Литовскія.

Нариманта повѣсилъ на деревѣ и разстрѣлялъ; Коригайлу отсѣкъ голову. Въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ господствовалъ ихъ братъ, Корибутъ: Витовтъ плѣнилъ его, и выгнавъ Владиміра Ольгердовича изъ Кіева, отдалъ нашу древнюю столицу Скиригайлу, который, подобно Владиміру, исповѣдывалъ Вѣру Греческую, былъ щедръ къ народу, но свирѣпъ нравомъ, любилъ вино до крайности и жилъ не долго. Единственно ли по личной ненависти, или чтобы угодить коварному Витовту, желавшему взять себѣ Кіевъ, Архимандритъ монастыря Печерскаго зазвалъ Скиригайла въ гости, напоилъ, и далъ ему отраву, столь явно, что весь городъ зналъ причину его смерти[140]. Народъ жалѣлъ объ немъ: слѣдственно не имѣлъ участія въ злодѣйствѣ; а Витовтъ, приславъ туда Князя Іоанна Ольшанскаго въ качествѣ своего Намѣстника, не думалъ о наказаніи сего злодѣйства, и тѣмъ какъ бы объявилъ себя тайнымъ совиновникомъ онаго. Скоро присоединилъ онъ къ Литовской Державѣ и всю Подолію, гдѣ княжилъ внукъ Ѳеодора Коріятовича, именемъ также Ѳеодоръ, присяжникъ Ягайловъ[141]. Слабый Король Польскій не дерзалъ ни въ чемъ противиться мужественному, рѣшительному сыну Кестутіеву, и даже предавалъ ему единокровныхъ братьевъ. Вдовствующая супруга Ольгердова, Іуліанія, скончала дни свои въ Витебскѣ, и меньшій сынъ ея, Сви- г. 1359.

7*

г. 1395. дригайло, занявъ сей городъ силою, велѣлъ тамошняго Намѣстника Королевскаго сбросить съ высокой стѣны: оскорбленный тѣмъ Ягайло молилъ Витовта о мести. Она совершилась, но только въ пользу Государя Литовскаго, который, завоевавъ Друцкъ, Оршу и Витебскъ *съ помощію огнестрѣльнаго снаряда,* отправилъ къ Королю плѣненнаго имъ Свидригайла, а владѣніе его взялъ себѣ. Кромѣ Литвы, господствуя въ лучшихъ областяхъ древней Россіи, Витовтъ хотѣлъ похитить и самый остатокъ ея достоянія.

Князь Смоленскій, Юрій Святославичь, шуринъ сего Князя, служилъ ему при осадѣ Витебска, какъ данникъ Литвы[142]; но Витовтъ, желая совершенно покорить сіе Княженіе, собралъ войско многочисленное, и распустивъ слухъ, что идетъ на Тамерлана, вдругъ явился подъ стѣнами Смоленска, гдѣ Юріевы братья ссорились другъ съ другомъ объ Удѣлахъ; самъ Юрій находился тогда въ Рязани у тестя своего, Олега. Глѣбъ Святославичь, старшій изъ братьевъ, пріѣхалъ съ Боярами въ станъ Литовскій: Витовтъ, обласкавъ его какъ друга, сказалъ, что слыша о раздорѣ Князей Смоленскихъ, желаетъ быть посредникомъ между ими и за каждымъ утвердить наслѣдственную собственность. Легковѣрные Святославичи спѣшили къ нему съ дарами, провождаемые всѣми знатнѣйшими Боярами,

такъ, что въ крѣпости не оставалось ни одного Воеводы, ни стражи. Ворота городскія были отворены; народъ, въ слѣдъ за Князьями, стремился толпами видѣть Героя Литовскаго, готоваго бороться съ великимъ Тамерланомъ. Но какъ скоро несчастные Князья вступили въ шатеръ Витовтовъ, сей коварный объявилъ ихъ своими плѣнниками; велѣлъ зажечь предмѣстіе, и въ ту же минуту устремился на городъ. Никто не противился: Литовцы грабили, плѣнили жителей, и взявъ крѣпость, провозгласили Витовта Государемъ сей области Россійской. Народъ былъ въ изумленіи[143]. Отправивъ Князей Смоленскихъ въ Литву, а Глѣбу Святославичу давъ въ Удѣлъ мѣстечко Полонное, Витовтъ старался утвердить за собою столь важное пріобрѣтеніе: жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Смоленскѣ; поручилъ его Намѣстнику, Князю Литовскому Ямонту, и чиновнику Василью Борейкову; тревожилъ легкими отрядами землю Рязанскую и дружески пересылался съ Великимъ Княземъ.

г. 1395.

Взятіе Смоленска.

Нѣтъ сомнѣнія, что Василій Димитріевичь съ прискорбіемъ видѣлъ сіе новое похищеніе Россійскаго достоянія, и не могъ быть ослѣпленъ ласками тестя; но ему казалось благоразумнѣе соблюсти до времени пріязнь его и цѣлость хотя Московскаго Княжества, нежели подвергнуть гибели сію единственную надежду отечества, войною

съ Государемъ сильнымъ, мужественнымъ, алчнымъ ко славѣ и къ пріобрѣтеніямъ. Василій осторожный, разсмотрительный, имѣлъ отважность, но только въ случаѣ необходимости, когда слабость и нерѣшительность ведутъ къ явному бѣдствію; онъ сразился бы съ Тамерланомъ, сокрушителемъ Имперій: но съ Витовтомъ еще можно

Г. 1396. Свиданіе Вел. Князя съ Витовтомъ.

было хитрить, и Великій Князь самъ поѣхалъ къ нему въ Смоленскъ, гдѣ, среди веселыхъ пировъ наружнаго дружелюбія, они утвердили границы своихъ владѣній. Въ сіе время уже почти вся древняя земля Вятичей (нынѣшняя Орловская Губернія съ частію Калужской и Тульской), принадлежала Литвѣ: Карачевъ, Мценскъ, Бѣлевъ, съ другими удѣльными городами Князей Черниговскихъ, потомковъ Святаго Михаила, которые волею и неволею поддалися Витовту[144]. Захвативъ Ржевъ и Великія Луки, властвуя

Россія Литовская.

отъ границъ Псковскихъ съ одной стороны до Галиціи и Молдавіи, а съ другой до береговъ Оки, до Курска, Сулы и Днѣпра, сынъ Кестутіевъ былъ Монархомъ всей южной Россіи, оставляя Василію бѣдный Сѣверъ, такъ, что Можайскъ, Боровскъ, Калуга, Алексинъ, уже граничили съ Литовскимъ владѣніемъ. — Дѣла Ординскія были также предметомъ совѣщанія сихъ двухъ Государей, изъ коихъ одинъ мыслилъ только избавиться отъ ига, а другой возложить оное на самихъ Хановъ, или столь обезси-

лишь ихъ, чтобы они ни въ какомъ случаѣ не могли быть опасны для его областей полуденныхъ. — Вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ находился въ Смоленскѣ Митрополитъ Кипріанъ, ходатайствуя за пользу нашей Церкви или собственную. Давъ слово не притѣснять Вѣры Греческой, Витовтъ оставилъ Кипріана Главою Духовенства въ подвластной ему Россіи, и Митрополитъ, поѣхавъ въ Кіевъ, жилъ тамъ 18 мѣсяцевъ. г. 1396.

Вѣроятно, что Великій Князь взялъ обѣщаніе съ тестя своего не безпокоить и предѣловъ Рязанскихъ; по крайней мѣрѣ, свѣдавъ, что Олегъ самъ вошелъ въ Литовскія границы и началъ осаду Любутска (близъ Калуги), Василій послалъ туда Боярина, представить ему, сколь безразсудно оскорблять сильнаго. Олегъ возвратился; но Витовтъ уже хотѣлъ мести: вступилъ въ его землю; истребилъ множество людей; заставивъ Олега укрыться въ лѣсахъ, вышелъ съ добычею и плѣномъ. Сіе дѣйствіе не нарушило добраго согласія между имъ и Василіемъ Димитріевичемъ. Обагренный кровію бѣдныхъ Рязанцевъ, онъ заѣхалъ въ Коломну видѣться съ Великимъ Княземъ и весело праздновалъ тамъ нѣсколько дней, осыпаемый ласками и дарами.

Непосредственнымъ, явнымъ слѣдствіемъ сего вторичнаго свиданія было общее ихъ Посольство къ Новогородцамъ съ требова-

Г. 1396. Дѣла Новогородскія.

ніемъ, чтобы они прервали дружескую связь съ Нѣмцами, врагами Литвы. Витовтъ съ неудовольствіемъ видѣлъ также, что сынъ убитаго имъ Наримапта Ольгердовича, Патрикій, и Князь Смоленскій, Василій Іоанновичь, нашли въ Новѣгородѣ убѣжище отъ его насилія; а Великій Князь могъ досадовать на чиновниковъ Новогородскихъ за то, что они, въ противность договору, опять не хотѣли зависѣть въ судныхъ дѣлахъ отъ Митрополита. Кипріанъ, вторично бывъ у нихъ въ 1395 году вмѣстѣ съ Посломъ Константинопольскаго Патріарха, безполезно доказывалъ имъ, сколь такое нарушеніе обѣта несогласно съ доброю совѣстію и съ честію. Впрочемъ, смягченный дарами жителей, выѣхалъ оттуда мирно, благословивъ Архіепископа и народъ[148]. Имѣлъ ли Василій Димитріевичь какую нибудь досаду на Ливонскихъ Нѣмцевъ, требуя отъ Новагорода разрыва съ ними, или желалъ сего единственно въ угодность тестю, неизвѣстно: вѣроятнѣе, что онъ только искалъ предлога для исполненія своихъ замысловъ, которые обнаружились въ послѣдствіи. Новогородцы съ удивленіемъ выслушали Посольство Московское и Витовтово. Бывъ семь лѣтъ въ враждѣ съ Нѣмцами по дѣламъ купеческимъ, они въ 1391 году примирились торжественно на общемъ съѣздѣ въ Изборскѣ, гдѣ находились Депутаты Любека, Готландіи, Риги, Дерпта, Ревеля; обоюдно

чувствуя нужду въ свободной торговлѣ, г. 1396.
условились предать вѣчному забвенію взаимныя обиды, и Нѣмцы, пріѣхавъ въ Новгородъ, возстановили тамъ свою Контору, церковь и дворы[146]. Сія торговля процвѣтала тогда болѣе, нежели когда нибудь; изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Германіи купцы ежегодно являлись на берегахъ Волхова со всѣми ремесленными произведеніями Европы; и Новогородцы, ни мало не расположенные исполнить волю Государя Московскаго, еще менѣе Витовтову, отвѣтствовали: «Господинъ Князь Великій! у насъ съ «тобою миръ, съ Витовтомъ миръ и съ «Нѣмцами миръ;» не хотѣли слушать угрозъ, но съ честію отпустили Пословъ назадъ.

Великій Князь — чаятельно, предвидѣвъ сей отказъ — немедленно *объявилъ гнѣвъ*, то есть войну Новугороду, и спѣшилъ воспользоваться ея правомъ. Земля Двинская издавна имѣла богатую торговлю, получая такъ называемое серебро *Закамское* и лучшіе мѣха съ границъ Сибири; славилась и другими выгодными промыслами, въ особенности птицеловствомъ, для коего Великіе Князья, въ силу договоровъ съ Новымгородомъ, ежегодно отправляли туда *сокольниковъ*, предписывая въ грамотахъ земскому начальству давать имъ подводы и кормъ[147]. Еще Іоаннъ Калита замышлялъ овладѣть совершенно Двинскою землею: правнукъ его желалъ исполнить сіе намѣреніе[148], и сдѣ-

лалъ то безъ всякаго кровопролитія. Не рѣдко утѣсняемые Новогородскимъ корыстолюбивымъ Правительствомъ, Двиняне
г. 1397. дружелюбно встрѣтили рать Московскую, охотно поддалися Василію Димитріевичу, и приняли отъ него Намѣстника, Князя Θеодора Ростовскаго. Самые Воеводы Новогородскіе, тамъ бывшіе, въ слѣдствіе тайныхъ сношеній съ Москвою, объявили себя вѣрными слугами Великаго Князя, который въ сіе время занялъ Торжекъ, Волокъ Ламскій, Бѣжецкій Верхъ и Вологду. Новогородцы ужаснулись: вмѣстѣ съ Заволочьемъ они лишались способа не только имѣть изъ первыхъ рукъ важныя произведенія климатовъ Сибирскихъ, но и выгодно торговать съ Нѣмцами, которые всего болѣе искали у нихъ мѣховъ драгоцѣнныхъ. Архіепископъ Новогородскій Іоаннъ, Посадникъ Богданъ и знаменитѣйшіе чиновники спѣшили въ Москву; но Великій Князь, лично оказавъ имъ ласку, не хотѣлъ слышать о возвращеніи Двинской земли.

Тогда отчаяніе пробудило воинственный духъ въ Новогородцахъ. Они собралися
г. 1398. на Вѣче и требовали благословенія отъ Архіепископа, сказавъ ему: «Когда Великій «Князь измѣною и насиліемъ беретъ достояніе Святыя Софіи и Великаго Новагорода, мы готовы умереть за правду и за «нашего *Господина, за Великій Новгородъ.*» Архіепископъ благословилъ ихъ, и всѣ граждане дали клятву быть единодушными.

Посадникъ Тимоѳей Юрьевичь, предводительствуя осмью тысячами воиновъ, обратилъ въ пепелъ *старый* Бѣлозерскъ, а жители *новаго* откупились шестидесятью рублями. Князья Бѣлозерскіе и Воеводы Московскіе, тамъ бывшіе, пріѣхали въ станъ Новогородскій съ изъявленіемъ покорности. Разоривъ богатыя волости Кубенскія близъ Вологды, Новогородцы три недѣли безъ успѣха осаждали Гледенъ, сожгли посады Устюга, даже Соборную въ немъ церковь, и взявъ тамъ славную чудотворную икону Богоматери, въ насмѣшку именовали ее своею плѣнницею[149]. Войско ихъ раздѣлилось: 3000 пошли къ Галичу грабить и плѣнять людей; 5000, вступивъ въ Двинскую землю, осадили крѣпость Орлецъ, гдѣ заключился Намѣстникъ Великокняжескій съ Двинскими Новогородскими Воеводами, которые передались къ Государю Московскому. Нападали и оборонялись съ равнымъ усиліемъ близъ мѣсяца; наконецъ осажденные принуждены были сдаться: чѣмъ рѣшилась судьба всѣхъ Двинскихъ областей. Посадникъ Тимоѳей Юрьевичь въ одной рукѣ держалъ мечь казни для измѣнниковъ, въ другой милостивую грамоту для жителей, готовыхъ раскаяться въ винѣ своей: толпами стекаясь къ его знаменамъ, они смиренно *били челомъ*, въ надеждѣ на милосердіе Великаго Новагорода. Посадникъ оковалъ цѣпями главнаго г. 1398.

г. 1398. Двинскаго Воеводу, Новогородскаго Боярина Іоанна съ брашьями, Айфаломъ, Герасимомъ и Родіономъ; Великокняжескаго Намѣстника, Ѳеодора Росшовскаго, отнявъ у него казну, отпустилъ къ Государю со всѣми людьми воинскими; обложилъ Московскихъ купцевъ шремя стами рублей, а Двинскихъ жителей двумя тысячами; взялъ у нихъ еще 3000 коней, и возврашился съ торжествомъ въ Новгородъ. Окованные измѣнники были представлены народу: Іоанна скинули съ моста въ Волховъ; брашья его, Герасимъ и Родіонъ, постриглись въ Монахи, съ дозволенія Архіепископа и гражданъ; Айфалъ ушелъ съ дороги. — Зная мѣру силъ своихъ, и ни мало не ослѣпленные удачею мести, Новогородцы предложили миръ Великому Князю. Посадникъ Іосифъ и Тысячскій явились во дворцѣ его съ дарами и съ видомъ хитраго смиренія; не могли обольстить Государя проницательнаго, но успѣли во всемъ: ибо Василій зналъ, что Новогородцы въ то же время имѣли сношенія съ Витовтомъ, предлагая ему на нѣкоторыхъ условіяхъ быть ихъ Главою и покровителемъ[180]. Великій Князь не сомнѣвался, что они могли дѣйствительно, въ случаѣ крайности, приступить къ Литвѣ, и скрывъ внутреннюю досаду, отказался отъ Двинской земли, Вологды и другихъ владѣній Новогородскихъ; далъ имъ миръ и послалъ брата

своего, Андрея, для исполненія всѣхъ условій онаго. Тогда Витовтъ, считая себя осмѣяннымъ, немедленно отослалъ къ Новогородцамъ мирный договоръ, заключенный съ ними въ самый первый годъ восшествія его на престолъ Литовскій. Они также возвратили ему дружественную грамоту: что было объявленіемъ войны и называлось посылкою *разметныхъ грамотъ*. Но Витовтъ отсрочилъ сію войну, занимаясь приготовленіями къ другой, важнѣйшей. г. 1399.

Тохтамышъ, по отшествіи Тамерлана, собралъ новыя силы: еще большая часть Орды признавала его своимъ Ханомъ. Онъ вступилъ въ Сарай, отправилъ Посольства къ Державамъ сосѣдственнымъ и называлъ себя единственнымъ повелителемъ Батыевыхъ Улусовъ[151]. Но Тимуръ Кутлукъ — или, по нашимъ лѣтописямъ, Темиръ Кутлуй — напалъ на него внезапно, побѣдилъ, и взялъ Сарай. Тохтамышъ съ своими Царицами, съ двумя сыновьями, съ казною и съ Дворомъ многочисленнымъ бѣжалъ въ Кіевъ, искать защиты сильнаго Витовта, который съ удовольствіемъ объявилъ себя покровителемъ столь знаменитаго изгнанника, гордо обѣщая возвратить ему Царство. Уже Витовтъ отвѣдалъ счастія противъ Моголовъ, и въ окрестностяхъ Азова плѣнивъ цѣлый Улусъ, населилъ ими разныя деревни близъ Вильны, гдѣ потомство ихъ живетъ и донынѣ[152]. Онъ утѣшался мыслію слыть побѣ- Происшествія въ Ордѣ.

г. 1399. Замыслы Витовта.

дителемъ народа, коего ужасалась Азія и Европа, – располагать трономъ Батыевымъ, открыть себѣ путь на Востокъ и сокрушить самого Тамерлана. Готовя ударъ рѣшительный, Герой Литовскій желалъ, какъ вѣроятно, склонить и Великаго Князя къ содѣйствію: по крайней мѣрѣ въ сіе время пріѣзжалъ отъ него Посолъ въ Москву, Князь Ямонтъ, Намѣстникъ Смоленскій. Ничто не могло быть для Россіи благопріятнѣе войны между двумя народами, ей равно ненавистными: надлежало ли способствовать перевѣсу того или другаго? Ханы Ординскіе требовали отъ насъ дани: Литовцы совершеннаго подданства. Великое Княжество Московское, отсылая серебро въ Улусы, еще гордилось независимостію въ сравненіи съ бывшими Княжествами Днѣпровскими, и благоразумный Василій Димитріевичь, не смотря на мнимую дружбу тестя, зналъ, что онъ, захвативъ Смоленскую область, готовъ взять и Москву. И такъ, вмѣсто полковъ, Великій Князь отправилъ въ Смоленскъ, гдѣ находился Витовтъ, супругу свою съ Боярами и привѣтливыми словами. Лукавый отецъ ея не уступалъ въ ласкахъ зятю; великолѣпно угостилъ дочь, нашихъ Бояръ, и въ знакъ родительской нѣжности далъ ей множество иконъ съ памятниками Страстей Господнихъ, выписанными изъ Греціи однимъ Княземъ Смоленскимъ[183].

Не хотѣвъ участвовать въ замышляемой борьбѣ Литвы съ Моголами, Василій въ то же время не устрашился самъ поднять на нихъ мечь, чтобы отмстить имъ за разореніе Нижняго Новагорода, о коемъ мы выше упоминали. Онъ послалъ брата своего, Князя Юрія Димитріевича, въ Казанскую Болгарію съ сильнымъ войскомъ, которое взяло ея столицу (и нынѣ извѣстную подъ именемъ *Болгаровъ*), Жукотинъ, Казань, Кременчугъ[154]; три мѣсяца опустошало сію торговую землю и возвратилось съ богатою добычею. Лѣтописцы говорятъ, что никогда еще полки Россійскіе не ходили столь далеко въ Ханскія владѣнія, и Василій Димитріевичь слылъ съ того времени *Завоевателемъ Болгаріи;* но время истинныхъ, прочныхъ завоеваній для Россіи еще не наступило. г. 1399. Наши завоеванія въ Болгаріи.

Можетъ быть, хитрый Великій Князь въ дружелюбныхъ сношеніяхъ съ Витовтомъ представлялъ ему сей счастливый походъ какъ дѣйствіе союза, заключеннаго ими противъ Моголовъ; но Государь Литовскій, не менѣе хитрый, видѣлъ въ зятѣ тайнаго, опаснаго врага, который только до случая оставлялъ его спокойно владѣть наслѣдіемъ Ярославова потомства. Безопасность Литовскихъ пріобрѣтеній въ Россіи требовала гибели Княженія Московскаго, уже сильнаго; и Витовтъ, обѣщаясь возстановить власть Тохтамыша надъ

г. 1399. Золотою Ордою, Заяицкою, Болгаріею, Тавридою и Азовомъ, именно поставилъ въ условіе, какъ увѣряютъ наши Лѣтописцы, чтобы сей Ханъ отдалъ Москву Литвѣ[155].

Война Витовта съ Моголами. Долго Витовтъ готовился къ важному походу, собирая войско въ Кіевѣ. Тщетно Польская Королева Ядвига, хваляся проницаніемъ будущаго, предсказывала ему бѣдствіе[156]: слабый Ягайло далъ брату знатнѣйшихъ Воеводъ своихъ: Спитка Краковскаго, Сандивогія Остророгскаго, Доброгостія Самотульскаго, Іоанна Мазовскаго и другихъ съ отборными ратниками. Знамена Литовскія развѣвались предъ самыми стѣнами Кіева, украшенныя трофеями побѣдъ Гедимина, Ольгерда и Кестутія. Дружины нашихъ Князей, данниковъ Витовта, стояли въ рядахъ съ Литовцами, Жмудью, Волохами, а Моголы Тохтамышевы полкомъ особеннымъ, равно какъ и 500 богатовооруженныхъ Нѣмцевъ, присланныхъ Великимъ Магистромъ Прусскаго Ордена. Пятдесятъ Князей, Россійскихъ и Литовскихъ, подъ верховнымъ начальствомъ Витовта предводительствовали ратію, многочисленною и бодрою.

Въ сіе время явился Посолъ Тимура Кутлука. Именемъ своего Хана онъ говорилъ Князю Литовскому: «Выдай мнѣ Тохтамыша, врага моего, нѣкогда Царя великаго, «нынѣ бѣглеца презрѣннаго: такъ непосто-

«янна судьба жизни!» Витовтъ сказалъ[187]. г. 1399.
«иду видѣться съ Тимуромъ» — и пошелъ къ Югу тѣмъ самымъ путемъ, коимъ нѣкогда ходилъ Мономахъ разить дикихъ Половцевъ. За рѣками Сулою и Хоролемъ, на берегахъ Ворсклы стоялъ Тимуръ Кутлукъ съ Моголами, болѣе желая мира, нежели битвы. «Почто идешь на меня?» велѣлъ онъ сказать Витовту: «я не вступалъ никогда въ землю твою съ оружіемъ.» Князь Литовскій отвѣтствовалъ: «Богъ готовитъ мнѣ владычество надъ всѣми землями. Будь моимъ сыномъ и данникомъ, или будешь рабомъ.» Тимуръ неотступно предлагалъ миръ; признавалъ Витовта *старѣйшимъ;* соглашался даже, по словамъ нашихъ Лѣтописцевъ, платить ему ежегодно нѣкоторое количество серебра. Гордый Князь Литовскій, подражая хвастовству Восточному[188], хотѣлъ еще, чтобы Моголы изображали на своихъ деньгахъ знаменіе или печать его: въ такомъ случаѣ обѣщалъ не помогать Тохтамышу. Ханъ требовалъ срока на три дни, и между тѣмъ дарилъ, чествовалъ, ласкалъ Витовта Посольствами. Сіе удивительное смиреніе было, кажется, одною хитростію, чтобы продлить время и соединиться съ остальными полками Татарскими.

Все перемѣнилось, когда пришелъ въ Эдигей.
станъ къ Моголамъ сѣдый Князь Эдигей, славный умомъ и мужествомъ. Онъ былъ

7**

г. 1399. вторымъ Мамаемъ въ Ордѣ и повелѣвалъ Ханомъ; нѣкогда служилъ Тамерлану и носилъ на себѣ знаки его милостей. Свѣдавъ отъ Тимура о мирныхъ условіяхъ, предложенныхъ Витовтомъ, Эдигей сказалъ: «лучше умереть,» и требовалъ свиданія съ Княземъ Литовскимъ. Они съѣхались на берегу Ворсклы. «Князь храбрый!» говорилъ Вождь Татарскій: «Царь нашъ справедливо могъ признать тебя отцемъ: ты «его старѣе лѣтами, но моложе меня: и «такъ изъяви мнѣ покорность, плати «дань и на деньгахъ Литовскихъ изобрази «печать мою.» Сія насмѣшка привела Витовта въ ярость: онъ громогласно возвѣстилъ битву и привелъ полки въ движеніе. Благоразумнѣйшій изъ Воеводъ его, Спитко Краковскій, видя множество Татаръ, еще совѣтовалъ искать мира на условіяхъ честныхъ для обѣихъ сторонъ; но юные витязи Литовскіе кричали: «сокрушимъ невѣрныхъ!» и знаменитый Панъ Щуковскій, гордый сердцемъ, дерзкій языкомъ, сказалъ ему: «Если по любви къ «женѣ прекрасной и къ наслажденіямъ ро«скоши ты боишься смерти, то не охла«ждай другихъ, готовыхъ отдать жизнь «за славу.» Великодушный Спитко отвѣтствовалъ: «Несчастный! я паду въ бит-
Августа 12. «вѣ, а ты обратишь тылъ»[189]. Войско Литовское перешло за Ворсклу и сразилось.

Рать Ханская была многочисленнѣе. Ви-

товтъ надѣялся на свои пушки и пищали; Г. 1399.
но сіи орудія, какъ говорятъ Лѣтописцы, дѣйствовали слабо въ открытомъ полѣ, гдѣ Татары, разсыпаясь, могли нападать на ряды Литовскіе съ боку: скажемъ лучше, что искусство огнестрѣльное находилось тогда во младенчествѣ; не умѣли заряжать скоро, ни съ легкостію обращать пушку во всѣ стороны. Однакожъ Литовцы привели въ смятеніе толпы Эдигеевы, и считали себя уже побѣдителями, когда Тимуръ Кутлукъ, ученикъ Тамерлановъ, зашелъ имъ въ тылъ и стремительнымъ ударомъ сломилъ полки ихъ. Тохтамышъ прежде всѣхъ оставилъ мѣсто сраженія; за нимъ Витовтъ и надменный Панъ Щуковскій; а великодушный Спитко умеръ Героемъ. Ужасное кровопролитіе продолжалось до самой глубокой ночи: Моголы рѣзали, топтали непріятелей, или брали въ плѣнъ, кого хотѣли. Ни Чингисханъ, ни Батый не одерживали побѣды совершеннѣйшей. Едва ли третія часть войска Литовскаго спаслася. Множество Князей легло на мѣстѣ, и въ томъ числѣ Глѣбъ Святославичь Смоленскій, Михаилъ и Димитрій Даниловичи Волынскіе, потомки славнаго Даніила, Короля Галицкаго — сподвижникъ Димитрія Донскаго, Андрей Ольгердовичь, который, бѣжавъ отъ Ягайла, нѣсколько времени жилъ во Псковѣ, и возвратился служить Витовту —

г. 1399. Димитрій Брянскій, также сынъ Ольгердовъ и также вѣрный союзникъ Донскаго — Князь Михайло Евнутіевичь, внукъ Гедиминовъ — Іоаннъ Борисовичь Кіевскій — Ямонтъ, Намѣстникъ Смоленскій, и другіе[160]. Ханъ Тимуръ Кутлукъ гналъ остатки непріятельскаго войска къ Днѣпру, взялъ съ Кіева 3000 рублей серебра Литовскаго въ окупъ, а съ монастыря Печерскаго особенно 30 рублей; оставилъ тамъ своихъ Баскаковъ, и погромивъ Витовтовы области до самаго Луцка, возвратился въ Улусы. — Такъ Литовскій Герой, хотѣвъ удивить міръ великимъ подвигомъ, снискалъ одинъ стыдъ, лишился войска, открылъ Моголамъ путь въ свои владѣнія, и долженъ былъ опасаться еще дальнѣйшихъ худыхъ слѣдствій.

Вѣсть о несчастіи его произвела въ Москвѣ, въ Новѣгородѣ, въ Рязани, дѣйствіе двоякое: жалѣли о многихъ Россіянахъ, падшихъ подъ знаменами Литовскими; съ изумленіемъ видѣли, сколь могущество Орды еще велико; боялись новой гордости, новаго тиранства Хановъ, и вмѣстѣ утѣшались мыслію, что силы опасной Литвы ослабѣли. Но Витовтъ имѣлъ въ Россіи истиннаго друга, который огорчился бы его бѣдствіемъ, если бы успѣлъ свѣдать оное. Сей другъ, Князь Михаилъ Тверскій, преставился почти въ самое то время, когда Ханъ разбилъ Литовцевъ[161]. Безполез-

но истощивъ всѣ способы вредить Донскому, Михаилъ Александровичь жилъ наконецъ мирно, ибо видѣлъ, что правленіе юнаго Василія не уступаетъ Димитріеву ни въ силѣ, ни въ мудрости; оставивъ намѣреніе лишить Владѣтелей Московскихъ Великокняжескаго сана и вообще противиться успѣхамъ ихъ могущества, онъ заключилъ даже оборонительный союзъ съ Василіемъ на случай впаденія въ Россію Моголовъ, Нѣмцевъ, Ляховъ, Литвы, но тайно держался Витовта, какъ естественнаго недоброжелателя или завистника Москвы, и (въ 1397 году) посылалъ къ нему сына, Іоанна, женатаго на Маріи, сестрѣ Витовтовой, безъ сомнѣнія не столько для родственнаго свиданія, сколько для важныхъ государственныхъ переговоровъ. Г. 1399.

Хотя Василій не изъявлялъ никакихъ враждебныхъ намѣреній въ разсужденіи Твери, однакожь Князь ея съ безпокойствомъ видѣлъ, что онъ весьма ласково принялъ его племянника, Іоанна Всеволодовича Холмскаго, который, не хотѣвъ зависѣть отъ дяди, уѣхалъ въ Москву, сочетался бракомъ съ Анастасіею, сестрою Великаго Князя, и былъ Намѣстникомъ въ Торжкѣ. Имѣя 66 лѣтъ отъ рожденія, Михаилъ еще бодрствовалъ духомъ и тѣломъ; но вдругъ занемогъ столь жестоко, что въ нѣсколько дней всѣ его силы исчезли. Онъ написалъ духовную грамоту: отдалъ старшему сыну, Іоанну, Кончина Кн. Тверскаго.

г. 1399. Тверь, Новый Городокъ, Ржевъ, Зубцевъ, Радиловъ, Вобрынъ, Опоки, Вертязинъ; другому сыну, Василію, и внуку Іоанну Борисовичу Кашинъ съ Коснятинымъ; а меньшему, Ѳеодору, два городка Микулина, повелѣвая имъ жить въ любви и слушаться брата старшаго. Обстоятельства кончины его достопамятны. Къ нему возвратились тогда Послы изъ Константинополя, Тверскій Протопопъ Даніилъ и церковники, которые ѣздили съ милостынею въ Грецію и привезли отъ Патріарха въ даръ Князю икону Страшнаго Суда. Забывъ болѣзнь и слабость, онъ всталъ съ ложа, встрѣтилъ сію икону на дворѣ, цѣловалъ оную съ великимъ усердіемъ, и пригласилъ къ себѣ на пиръ знатнѣйшее Духовенство вмѣстѣ съ нищими, слѣпыми и хромыми; братски обѣдалъ съ ними, и водимый слугами, каждому изъ гостей поднесъ такъ называемую *прощальную чашу* вина, моля ихъ, чтобы они благословили его. Никто не могъ удержаться отъ слезъ. Облобызавъ дѣтей, Бояръ, слугъ, Михаилъ пошелъ въ Соборную церковь, поклонился гробу отца и дѣда, указалъ мѣсто для своей могилы, и сталъ на паперти, гдѣ собралося множество людей, которые смотрѣли на него съ горестнымъ умиленіемъ. Сей нѣкогда величественный Князь, бывъ необыкновенно высокъ и дороденъ, казался уже тѣнію; блѣдный, слабый, едва передвигалъ ноги. На-

родъ плакалъ и безмолвствовалъ; но когда Михаилъ, смиренно преклонивъ голову, сказалъ: «иду отъ людей къ Богу: братья! «отпустите меня съ искреннимъ благосло-«веніемъ!» тогда всѣ зарыдали, единодушно восклицая: «Господь благословитъ те-«бя, Князь добрый!» Онъ сошелъ съ ступеней. Сыновья и Бояре хотѣли вести его во дворецъ: но Михаилъ, къ изумленію ихъ, указалъ на Лавру Св. Аѳанасія; приведенный въ сей монастырь, былъ тамъ постриженъ Епископомъ Арсеніемъ, названъ Матѳеемъ, и въ седьмый день скончался, съ именемъ Князя умнаго, милостиваго и *грознаго* въ похвальномъ смыслѣ: ибо онъ, какъ сказано въ лѣтописи, *не потакалъ Боярамъ*, любя правосудіе; истребилъ въ своемъ Княженіи разбои, воровство, ябеду; уничтожилъ *злые налоги торговые*; утвердилъ города, успокоилъ села, такъ, что жители другихъ областей тысячами переселялись въ Тверскую. — Съ жизнію Михаила исчезло и благоденствіе сего Княженія: начались Боярскія смуты и раздоры между его сыновьями. Іоаннъ, узнавъ о торжествѣ Хана и несчастіи своего шурина, отправилъ Посольство къ первому, смиренно моля, чтобы онъ далъ ему жалованную грамоту на всю землю Тверскую[162]. Послы уже не застали Тимура Кутлука: онъ умеръ; но сынъ его, Шадибекъ, исполнилъ желаніе Іоанна, который, пользуясь милостивыми ярлыками Хан-

Г. 1399.

Г. 1400.

г. скими, вопреки совѣтамъ матери сталъ
1400. утѣснять братьевъ и племянника. Они искали защиты въ Москвѣ. Великій Князь безкорыстно старался мирить ихъ, хотя и не надолго. Два раза Іоаннъ приступалъ къ Кашину, и держалъ брата, Василія Михайловича, какъ плѣнника въ Твери; освободилъ его, но послалъ въ Кашинъ своихъ Намѣстниковъ. Въ семъ междоусобіи Лѣтописцы обвиняютъ наиболѣе невѣстку Іоаннову, вдовствующую супругу Бориса Михайловича, родомъ Смолянку; впрочемъ онъ гналъ и сына ея, желая быть единовластнымъ. Въ угодность, можетъ быть, Государю Московскому Іоаннъ примирился съ зятемъ его, Княземъ Холмскимъ, и не мѣшалъ ему спокойно жить въ Удѣлѣ отцевскомъ; но сей Князь, скоро умершій Схимникомъ и бездѣтнымъ, долженъ былъ отказать свою наслѣдственную область сыну Іоаннову, Александру[163]. Однимъ словомъ, Удѣльная Система вообще клонилась тогда въ Россіи къ паденію.

Не смотря на ослабленіе Литовскихъ силъ, Князь Тверскій желалъ остаться другомъ Витовта и возобновилъ съ нимъ прежній союзъ, одобренный и, согласно съ ихъ волею, утвержденный Государемъ Василіемъ Димитріевичемъ, который не думалъ объявить себя врагомъ тестя (уважая льва, хотя и раненнаго), особенно по тому, что имѣлъ причину опасаться Орды: ибо со вре-

мени нашествія Тамерланова прервалъ всѣ сношенія съ нею, какъ бы не зная, кого признавать ея Главою: Тохтамыша, или Шадибека, или Койричака. Одни внутренніе раздоры Моголовъ, не утишенные и славною ихъ побѣдою надъ Литвою, не дозволяли имъ обратить вниманія на Москву. — Витовтъ съ своей стороны болѣе нежели когда нибудь искалъ дружбы Великаго Князя, чтобы удалить его отъ союза съ Олегомъ и съ изгнанникомъ Смоленскимъ, Юріемъ Святославичемъ, который выдалъ дочь свою, Анастасію, за Василіева брата, Юрія; тогда же сынъ Владиміра Храбраго, Іоаннъ, женился на внукѣ Олеговой. Легко было предвидѣть, что Князь Смоленскій захочетъ воспользоваться несчастіемъ Литвы; въ самомъ дѣлѣ онъ неотступно убѣждалъ тестя возвратить ему престолъ: чего желалъ тайно и Василій Димитріевичь, однакожь не согласился помогать имъ. Увѣренные по крайней мѣрѣ въ его искреннемъ доброхотствѣ, Олегъ и Юрій, собравъ войско, незапно осадили Смоленскъ, гдѣ жители, ненавидя Литовское правленіе, отворили ворота и съ восхищеніемъ приняли своего законнаго Князя. Къ сожалѣнію, день народнаго торжества и веселія обратился въ день лютаго кровопролитія: Юрій Святославичь, ослѣпленный местію, умертвилъ Витовтова Намѣстника, Князя Романа Михайловича Брянскаго, происшедшаго отъ Св.

Временная независимость Великаго Княженія.

Г. 1401. Удача и неблагоразуміе К. Смоленскаго.

г. 1401. Михаила Черниговскаго, и множество Бояръ Смоленскихъ, которые держали сторону Литвы[164]. Онъ не зналъ, что милость въ такихъ случаяхъ благопріятствуетъ не только человѣколюбію, но и собственнымъ выгодамъ Государя. Головы отцевъ и мужей пали: жены, дѣти и друзья убіенныхъ остались, возбуждали въ народѣ ненависть къ свирѣпому Князю и могли говорить: «иноплеменный Витовтъ здѣсь властвовалъ «мирно; Князь Россійскій возвратился лить «нашу кровь.» Одна жестокость раждаетъ часто необходимость другой. Когда Витовтъ, узнавъ о взятіи Смоленска, явился предъ стѣнами онаго съ войскомъ, съ пушками, многіе изъ гражданъ хотѣли сдаться Литвѣ. Умыселъ ихъ открылся: Юрій казнилъ всѣхъ безъ пощады, и на сей разъ отразивъ непріятеля, заключилъ съ нимъ перемиріе.

Ободренный своимъ успѣхомъ и неудачами Литвы, Князь Рязанскій послалъ сына, именемъ Родслава, воевать Брянскъ, имѣя
г. 1402. намѣреніе, если можно, освободить и сей древній Черниговскій Удѣлъ отъ власти иноплеменниковъ. Но Витовтъ успѣлъ взять мѣры. Однимъ изъ лучшихъ его Полководцевъ былъ Лугвеній-Симеонъ Ольгердовичъ: еще въ 1392 году онъ возвратился въ Литву изъ Новагорода, и женился на сестрѣ Василія Димитріевича[165], Маріи (которая, живъ съ нимъ пять лѣтъ, преставилась въ Мстиславлѣ, откуда тѣло ея привезли въ

Москву). Лугвеній, отряженный Витовтомъ, г.
соединился съ Александромъ Патрикіевичемъ 1402.
Стародубскимъ, встрѣтилъ Рязанцевъ у Любутска, и побивъ ихъ на голову, плѣнилъ самого Родслава. Сей успѣхъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ былъ весьма важенъ для Витовта: ободрилъ Литву, устрашилъ Россіянъ. Ненавидя Олега, Витовтъ мстилъ ему жестокимъ заключеніемъ сына его въ оковы и въ темницу, въ которой онъ томился три года, и наконецъ, за 2000 рублей, получилъ свободу. Старецъ Олегъ не могъ пережить сего несчастія и скончался Инокомъ: Князь ума рѣдкаго и славнѣйшій изъ всѣхъ Рязанскихъ Владѣтелей; долговременный, лукавый врагъ Донскаго и Москвы, но любимый своимъ народомъ и достохвальный въ его послѣднихъ усиліяхъ возвратить отечеству Литовскія завоеванія. Имѣвъ Христіанское имя Іакова, онъ названъ въ Монашествѣ Іоакимомъ и погребенъ въ Обители Солотчинской, имъ основанной близъ Рязани[166]. Сынъ его, Ѳеодоръ, сѣлъ на престолѣ отца, утвержденный въ семъ наслѣдствѣ грамотою Хана Шадибека. (Чрезъ нѣкоторое время онъ былъ изгнанъ Княземъ Пронскимъ, Іоанномъ Владиміровичемъ; а послѣ, заключивъ съ нимъ миръ, княжилъ спокойно, будучи въ тѣсной связи съ шуриномъ своимъ, Государемъ Московскимъ.)

Витовтъ еще нѣсколько времени остав-

г. 1403. лялъ Юрія Смоленскаго въ покоѣ. Собравъ силы, онъ послалъ Лугвенія на Вязьму, зная мужество сего Ольгердова сына и довѣренность къ нему Россіянъ, которые любили его какъ единовѣрнаго. Лугвеній овладѣлъ Вязьмою безъ кровопролитія, плѣнивъ ея Князя, Іоанна Святославича[167]. Тогда Витовтъ со всѣми полками двинулся къ Смоленску; цѣлыя семь недѣль осаждалъ его съ величайшимъ усиліемъ, ежедневно стрѣляя изъ пушекъ, но отступилъ безъ малѣйшаго успѣха: столь крѣпокъ былъ городъ, и столь упорно защищаемъ Юріемъ. Потерпѣли однѣ волости Смоленскія, разоренныя Литвою. Юрій, опасаясь новаго нападенія, желалъ видѣться съ Великимъ Княземъ; оставилъ въ Смоленскѣ супругу, Бояръ, и давъ имъ слово возвратиться немедленно, спѣшилъ въ Москву. Василій Димитріевичь принялъ его дружелюбно. «Будь моимъ великодушнымъ покровителемъ,» говорилъ Юрій: «Витовтъ тебя уважаетъ: примири насъ, «или защити меня, если онъ презритъ твое «ходатайство. Когда же не хочешь того, «будь Государемъ моимъ и Смоленскимъ. «Желаю лучше служить тебѣ, нежели видѣть иноплеменника на престолѣ Мономахова потомства.» Предложеніе казалось лестнымъ. Но зная твердое намѣреніе Витовта снова покорить Смоленскъ, чего бы то ни стоило; зная, что присоединить сіе Княженіе къ Москвѣ есть объявить ему

войну, Великій Князь не соглашался быть ни ходатаемъ, ни защитникомъ, ни Государемъ Смоленска, слѣдуя правилу жить въ мирѣ съ Литвою, пока Витовтъ не касался собственныхъ Московскихъ владѣній. Такъ говорятъ Лѣтописцы; однакожь долговременное пребываніе Юрія въ Москвѣ свидѣтельствуетъ по крайней мѣрѣ, что онъ не терялъ надежды успѣть въ своемъ исканіи: измѣнники предупредили его. Г. 1404.

Будучи врагомъ опасной Литвы, сей Князь, къ несчастію, имѣлъ враговъ еще опаснѣйшихъ между Смоленскими Боярами, озлобленными казнію ихъ ближнихъ: пользуясь его отсутствіемъ, они тайно призвали Витовта и сдали ему городъ. Полки Литовскіе безъ малѣйшаго сопротивленія вступили въ крѣпость, обезоружили воиновъ, взяли нѣкоторыхъ вѣрныхъ Бояръ подъ стражу, впрочемъ не дѣлая жителямъ никакого вреда, соблюдая тишину, благоустройство. Супруга Юріева была отправлена въ Литву, и Витовтъ, занявъ всю Смоленскую область, вездѣ опредѣлилъ своихъ чиновниковъ, къ неудовольствію измѣнниковъ Россійскихъ, которые надѣялись управлять ею; но гражданамъ и сельскимъ жителямъ даровалъ особенную льготу, желая отвратить народъ отъ Юрія и привязать къ себѣ[168]: въ чемъ успѣлъ совершенно, и чрезъ нѣсколько лѣтъ въ кровопролитной съ Нѣмцами битвѣ, гдѣ болѣе 60,000 человѣкъ

Политика Витовта.

Г. 1404. легло на мѣстѣ, одержалъ побѣду единственно храбростію вѣрныхъ ему Смоленскихъ воиновъ. — Такимъ образомъ взявъ древній городъ Россійскій въ первый разъ обманомъ, вторично измѣною, Витовтъ благоразумною политикою утвердилъ его за Литвою на 110 лѣтъ, и тѣмъ заключилъ ея важныя присвоенія въ Россіи. Время счастливыхъ возвратовъ было для насъ уже не далеко.

Нечаянная вѣсть о взятіи Смоленска поразила Юрія Святославича; изумила и Великаго Князя, такъ, что онъ вообразилъ себя обманутымъ, и призвавъ Юрія, осыпалъ его укоризнами, говоря: «Ты хотѣлъ «единственно обольстить меня лукавыми «предложеніями: Смоленскъ не могъ сдаться «Литвѣ безъ твоего повелѣнія[169].» Напрасно сей несчастный Князь увѣрялъ, что виною тому измѣна Бояръ: Василій остался въ подозрѣніи, и Юрій, не находя въ Москвѣ ни защиты, ни самой личной для себя безопасности, рѣшился искать той и другой въ вольномъ Новѣгородѣ.

Государствованіе Василія Димитріевича было для Новогородцевъ временемъ безпокойнымъ: они никакъ не могли долго жить съ нимъ въ мирѣ, видя его непрестанныя покушенія на ихъ свободу и достояніе. Такъ онъ (въ 1401 году) велѣлъ Митрополиту задержать въ Москвѣ Новогородскаго Архіепископа Іоанна, который ревностно хода-

Неудовольствіе Новогородцевъ.

тайствовалъ за гражданскія права своей ду- г.
ховной паствы[170]. Такъ, чрезъ нѣсколько мѣ- 1404.
сяцевъ, воины Великокняжескіе схватили въ Торжкѣ двухъ знаменитыхъ Бояръ, непріятныхъ Государю, и взяли все ихъ имѣніе. Такъ рать Московская безъ объявленія войны вступила въ Двинскую землю, будучи предводима Новогородскими измѣнниками, Айфаломъ и братомъ его, Герасимомъ разстригою, ушедшимъ изъ монастыря: они плѣнили Двинскаго Посадника, многихъ Бояръ, и вездѣ грабили безъ милосердія; но разбитые въ Колмогорахъ, оставили плѣнниковъ и бѣжали (Сей мятежникъ Айфалъ, не успѣвъ въ замыслахъ противъ отечества, разбойничалъ послѣ на Камѣ и Волгѣ, имѣя у себя до 250 судовъ; былъ въ плѣну у Татаръ и наконецъ убитъ на Вяткѣ Михайломъ Разсохинымъ, подобнымъ ему бѣглецомъ Новогородскимъ). — Хотя Великій Князь освободилъ взятыхъ въ Торжкѣ Бояръ и Архіепископа Іоанна, болѣе трехъ лѣтъ сидѣвшаго въ кельѣ Николаевскаго монастыря[171]; однакожь Новгородъ ждалъ и впредь съ его стороны такихъ же утѣсненій, будучи готовъ противиться онымъ.

Юрій Святославичь, съ сыномъ Ѳеодоромъ, братомъ Владиміромъ и Княземъ Симеономъ Мстиславичемъ Вяземскимъ, явился тамъ среди народа и смиренно просилъ убѣжища. Новогородцы любили казаться великодушными въ такихъ случаяхъ. Мысль

г. быть покровителями одного изъ знамени-
1404. тѣйшихъ Князей Россійскихъ, гонимаго Витовтомъ, отверженнаго Великимъ Княземъ, льстила ихъ гордости. Они приняли изгнанника съ ласкою, и сдѣлали еще болѣе: дали ему 13 городовъ въ управленіе[172]: Русу, Ладогу и другіе, съ условіемъ, чтобы онъ, какъ воинъ мужественный, ревностно блюлъ цѣлость ихъ владѣній, не щадя ни трудовъ, ни жизни. Взаимныя клятвы утвердили сей договоръ, равно непріятный Витовту и Василію Димитріевичу. Первый, будучи тогда уже въ мирѣ съ Новымгородомъ, жаловался, что его злодѣй снискалъ тамъ дружбу и довѣренность; а Великій Князь съ неудовольствіемъ видѣлъ, что сей народъ въ случаѣ столь важномъ дѣйствуетъ самовластно, безъ всякаго сношенія съ Москвою. Впрочемъ Юрій не долго жилъ въ области Новогородской: привыкнувъ господствовать неограниченно, онъ скучалъ своею зависимостію отъ народнаго Вѣча, и возвратился въ Москву съ новою надеждою на покровительство Василія Димитріевича, кото-
1406. рый, начиная тогда ссориться съ Витовтомъ за впаденіе Литвы въ границы Пскова, принялъ Юрія весьма дружелюбно и сдѣлалъ Намѣстникомъ въ Торжкѣ. Но сей несчастный изгнанникъ скоро лишился и милости Великаго Князя и сожалѣнія людей, въ глазахъ цѣлой Россіи возложивъ на себя знаменіе гнуснаго преступника.

Князь Симеонъ Мстиславичь Вяземскій раздѣлялъ съ нимъ бѣдствіе изгнанія какъ другъ и знаменитый слуга его. Онъ имѣлъ прекрасную, добродѣтельную супругу, именемъ Іуліанію. Равно жестокій и сластолюбивый, Юрій пылалъ вожделѣніемъ осквернить ложе Симеоново; не успѣлъ въ томъ ни соблазномъ, ни коварными хитростями, и дерзнулъ на явное злодѣяніе: въ своемъ домѣ, среди веселаго пира, убилъ Князя Вяземскаго, и думалъ воспользоваться ужасомъ несчастной супруги. Но любя непорочность болѣе всего въ мірѣ, она схватила ножъ, и хотѣвъ ударить имъ насильника въ горло, уязвила въ руку. Одно чувство уступило мѣсто другому: любострастіе гнѣву. Юрій, обнаживъ мечь, догналъ Іуліанію на дворѣ, изрубилъ ее въ куски, и велѣлъ бросить въ рѣку. Такая гнусность могла постыдить вѣкъ: впечатлѣніе, произведенное оною въ сердцахъ современниковъ, оправдала его. Юрій, подобно Каину ознаменованный печатію злодѣйства, гонимый всеобщимъ презрѣніемъ, не смѣя показаться ни Князьямъ, ни народу, уѣхалъ въ Орду; скитался въ степяхъ нѣсколько мѣсяцевъ и кончилъ жизнь въ одномъ пустынномъ монастырѣ области Рязанской[173]. Онъ былъ послѣднимъ изъ Владѣтельныхъ Князей Смоленскихъ, происшедшихъ отъ внука Мономахова, Ростислава Мстиславича.

г. 1406. Злодѣйство Князя Смоленскаго.

Наконецъ пришло время явной вражды ме-

Г. 1406. Разрывъ съ Литвою. жду Государемъ Московскимъ и Литвою. Псковъ, освобожденный Новогородцами отъ всѣхъ обязанностей подданства, былъ управляемъ собственными законами; принималъ Намѣстниковъ отъ Василія Димитріевича, но избиралъ себѣ чиновниковъ и Князей или Воеводъ, иногда чужеземныхъ: такъ Андрей Ольгердовичь и сынъ его, Іоаннъ, нѣсколько времени начальствовали въ онемъ[174]. Сія вольность не даровала благоденствія Псковитянамъ: угрожаемые съ одной стороны Ливонскимъ Орденомъ, съ другой Витовтомъ, напрасно требовали они защиты отъ своихъ братьевъ, Новогородцевъ, которые завидовали успѣхамъ ихъ счастливой торговли, и не только отказывались помогать имъ, не только въ мирныхъ договорахъ съ Нѣмцами, съ Литвою, умалчивали о Псковѣ, но даже сами тѣснили и приходили осаждать его; не имѣя успѣха въ сихъ нападеніяхъ, мирились, и всегда неискренно. Сверхъ того онъ вторично былъ жертвою язвы, которая нѣсколько разъ возобновлялась. Чтобы воспользоваться его несчастіемъ, коварный Витовтъ, будто бы честно объявляя войну, послалъ *разметную* Псковскую *грамоту* къ Новогородцамъ, напалъ неожидаемо на владѣнія Псковитянъ, взялъ городъ Коложе и плѣнилъ 11,000 Россіянъ. Въ то же время Магистръ Ливонскій опустошилъ селенія вокругъ Изборска, Острова, Котельна. Еще не теряя бодрости,

Псковитяне немедленно отмстили Витовту разореніемъ Великихъ Лукъ и Новоржева, ему подвластныхъ; отняли у Литвы Коложское знамя, и разбили Нѣмцевъ близъ Киремпе: но вѣдая мѣру силъ своихъ, прибѣгнули къ Государю Московскому. Хотя они, подобно Новугороду, имѣли свою особенную систему политическую, и въ самомъ дѣлѣ мало зависѣли отъ Великаго Князя: однакожь Василій, называясь ихъ Государемъ, рѣшился доказать истину сего названія; отправилъ къ нимъ брата, Константина Димитріевича, и требуя удовлетворенія отъ Витовта, началъ собирать полки. Его *система осторожности* не перемѣнилась: онъ хотѣлъ мира, но хотѣлъ доказать и готовность къ войнѣ въ случаѣ необходимости, чтобы удержать хищность Литвы и спасти остатокъ независимой Россіи. г. 1406.

Витовтъ отвѣтствовалъ гордо. Призвавъ въ союзъ къ себѣ Іоанна Михайловича Тверскаго, Великій Князь послалъ Воеводъ на Литовскіе города: Серпейскъ, Козельскъ и Вязьму[175]. Воеводы возвратились безъ успѣха: огорченный симъ худымъ началомъ, и думая, что Витовтъ со всѣми силами устремится на Москву, Василій Димитріевичъ рѣшился возобновить дружелюбную связь съ Ордою, вопреки мнѣнію старыхъ Бояръ; требовалъ вспоможенія отъ Шадибека и представлялъ, что Литва есть об-

г. 1406. щій ихъ врагъ. Не было слова о дани и зависимости: Василій искалъ только союза Татаръ, и юный Шадибекъ, управляемый доброхотами Государя Московскаго, дѣйствительно прислалъ ему нѣсколько полковъ. Выступивъ въ поле, Великій Князь сошелся съ Витовтомъ близъ Крапивны (въ Тульской Губерніи). Вмѣсто битвы, начались переговоры: ибо ни съ которой стороны не хотѣли отважиться на случай рѣшительный, и Герой Литовскій, помня претерпѣнное имъ бѣдствіе на берегахъ Ворсклы, уже научился не вѣрить счастію. Заключили перемиріе и разошлися.

г. 1407. Мира не было. Литовцы чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ сожгли и присоединили къ своимъ владѣніямъ Одоевъ, гдѣ княжили потомки Св. Михаила Черниговскаго, бывъ въ нѣкоторой зависимости отъ сильнѣйшихъ Владѣтелей Рязанскихъ[176]; а Великій Князь взялъ Дмитровецъ, но снова заключилъ перемиріе съ тестемъ подъ Вязьмою, и также не на-долго. Еще за годъ до сего времени выѣхалъ въ Москву изъ Литвы сынъ Князя Іоанна Ольгимонтовича, Александръ Нелюбъ, со многими единоземцами[177]: вступивъ въ нашу службу, онъ получилъ себѣ во владѣніе городъ Переславль Залѣсскій. Въ

г. 1408. Свидригайло. слѣдъ за нимъ прибылъ въ Москву Свидригайло Ольгердовичь, который, будучи недоволенъ даннымъ ему отъ Витовта Удѣломъ Сѣверскимъ, Брянскимъ, Стародуб-

скимъ, и замышляя господствовать надъ всею Литвою, вздумалъ предложить услуги свои Великому Князю. Ему сопутствовали Епископъ Черниговскій Исакій, Князья Звенигородскіе, Александръ и Патрикій, Ѳеодоръ Александровичь Путивльскій, Симеонъ Перемышльскій, Михайло Хотетовскій, Уруспай Минскій, и цѣлый полкъ Бояръ Черниговскихъ, Сѣверскихъ, Брянскихъ, Стародубскихъ, Любутскихъ, Рославскихъ, такъ, что дворецъ Московскій весь наполнился ими, когда они пришли къ Государю. Москвитяне съ любопытствомъ смотрѣли на своихъ единоплеменниковъ, уже принявшихъ обычаи иноземные; а Бояре южной Россіи дивились величію Москвы (за сто лѣтъ едва извѣстной по имени), красотѣ ея церквей, святыхъ Обителей, и пышности Двора Василіева, напомнившей имъ древнія преданія о блестящемъ Дворѣ Ярослава Великаго. Всего же болѣе дивились они въ ней благоустройству гражданскому, необыкновенному въ ихъ странахъ, гдѣ троны Владимірова потомства стояли пусты, и гдѣ Паны Литовскіе, искажая языкъ Славянскій, давали чуждые законы народу. Великій Князь осыпалъ пришельцевъ милостями, и къ общему удивленію отдалъ Свидригайлу въ Удѣлъ не только Переславль, Юрьевъ, Волокъ, Ржевъ и половину Коломны, но даже столицу Владимірскую съ селами, доходами и людьми, какъ сказано въ лѣтописи[178]: столь

г. 1408.

г. 1408. выгодною казалась ему дружба сего Ольгердова сына. Легкомысленный, надменный Свидригайло увѣрительно говорилъ о тайныхъ связяхъ своихъ съ Вельможами Литовскими; хвалился завоевать съ помощію Москвитянъ въ нѣсколько мѣсяцевъ всю землю Витовтову; обѣщалъ Василію Новгородъ Сѣверскій и склонилъ его къ возобновленію непріятельскихъ дѣйствій противъ тестя. Великій Князь не былъ легковѣренъ; но могъ надѣяться, что имѣя съ собою Ягайлова брата, или подлинно найдетъ друзей въ Литвѣ, или пріобрѣтетъ миръ выгодный. Въ послѣднемъ отчасти и не обманулся. Витовтъ встрѣтилъ зятя на берегахъ Угры. Многочисленное войско его состояло, кромѣ Литвы, изъ полковъ Кіевскихъ (предводимыхъ Олелькомъ Владиміровичемъ, внукомъ Ольгердовымъ), Смоленскихъ, и даже изъ Нѣмцевъ, присланныхъ къ нему Великимъ Магистромъ Прусскимъ[179]. Тщетно Свидригайло искалъ измѣнниковъ въ станѣ Литовскомъ: самые Россіяне, служа Витовту, готовы были мужественно ударить на полки Великокняжескіе. Но зять и тесть наблюдали равную осторожность; съ обѣихъ сторонъ дѣйствовали только легкими отрядами, избѣгая главнаго сраженія; наконецъ, въ слѣдствіе многихъ переговоровъ, согласились въ мирныхъ условіяхъ, назначивъ Угру предѣломъ между Литвою и Московскими владѣніями въ нынѣшней Калужской Губер-

нiи. Города Козельскъ, Перемышль, Любушскъ, возвратились къ Россiи и были съ того времени Удѣломъ Владимiра Андреевича *Храбраго.* Сохраняя честь свою, Великiй Князь не хотѣлъ выдать Свидригайла Витовту и, кажется, обязалъ тестя не безпокоить впредь области Псковитянъ, которые послѣ заключили съ Литвою миръ особенный[180]. Г. 1408.

Впрочемъ покровительство Василiя Димитрiевича не доставило Пскову безопасности. Братъ его, Константинъ, взявъ за Наровою Нѣмецкiй городокъ Порхъ, уѣхалъ назадъ въ Москву; а Магистръ Ливонскiй, Конрадъ Фитингофъ, соединясь съ Курляндцами, разбилъ Псковитянъ: три Посадника и 700 лучшихъ гражданъ легло на мѣстѣ. Еще два раза входилъ онъ въ ихъ владѣнiя, жегъ села, плѣнялъ людей, не щадя и Новогородцевъ, которые, злобствуя на Псковитянъ, отказались и тогда дѣйствовать съ ними за-одно противъ общихъ непрiятелей. Сiи частыя войны съ Ливонiею обыкновенно не имѣли никакихъ важныхъ слѣдствiй. Хотя Нѣмцы мыслили присоединить Псковъ къ своимъ владѣнiямъ съ согласiя Витовта и Свидригайла (какъ то видно изъ договора, заключеннаго между ими въ 1402 году): но имѣя болѣе властолюбiя, нежели силы, они только грабили, убивали нѣсколько сотъ человѣкъ и чувствовали нужду въ мирѣ для выгодъ торговли[181]. Народное Войны съ Ливонiею.

г. 1408. Право съ объихъ сторонъ такъ мало уважалось, что иногда умерщвляли Пословъ: въ Нейгаузенѣ (въ 1414 году) изрубили Псковскаго, во Псковѣ Дерптскаго. Сія вражда прекратилась въ 1417 году мирнымъ договоромъ на 10 лѣтъ, и Великій Князь участвовалъ въ ономъ какъ посредникъ. Но Псковитяне, честно соблюдая миръ съ Нѣмцами, снова возбудили на себя гнѣвъ Витовта, который принуждалъ ихъ объявить войну Ливоніи. Напрасно старались они вторично снискать его дружбу Посольствами въ Литву и въ Москву. Витовтъ грозилъ имъ непрестанно; однакожъ не сдѣлалъ ничего болѣе, вѣроятно изъ уваженія къ зятю, коего Псковитяне всегда признавали своимъ верховнымъ Государемъ, и который давалъ имъ Князей или Намѣстниковъ. Три раза начальствовалъ тамъ Константинъ, братъ Василіевъ; послѣ Князья Ростовскіе, Андрей и Θеодоръ Александровичи, сынъ послѣдняго Александръ и Θеодоръ Патрикіевичь Литовскій.

Доселѣ государствованіе Василія было славно и счастливо: онъ усилилъ Великое Княженіе знаменитыми пріобрѣтеніями безъ всякаго кровопролитія; видѣлъ спокойствіе, благоустройство, избытокъ гражданъ въ областяхъ своихъ, обогатилъ казну доходами; уже не дѣлился ими съ Ордою и могъ считать себя независимымъ. Хотя Послы Ханскіе отъ времени до времени являлись

въ Москвѣ (Царевичь Эйтякъ въ 1403 году, г.
и Мирза, Казначей Шадибековъ, въ 1405): 1408.
но, вмѣсто дани, получали единственно маловажные дары, и возвращались съ отвѣтомъ, что Великое Княженіе Московское будто бы оскудѣло и не въ силахъ платить серебра Ханамъ[182]. Напрасно Тимуръ Кутлукъ и Шадибекъ звали къ себѣ Василія: онъ не хотѣлъ послать къ нимъ никого изъ своихъ братьевъ или Бояръ старѣйшихъ, ожидая, чѣмъ кончатся междоусобія Ординскія. Еще Тохтамышъ, отверженный Витовтомъ, скитался по отдаленнымъ Улусамъ, искалъ друзей и надѣялся возвратить себѣ Царство; когда же, настигнутый въ пустыняхъ, близъ Тюменя, отрядомъ войска Шадибекова, онъ палъ въ сраженіи: Великій Князь, съ намѣреніемъ питать мятежъ въ Ордѣ, далъ въ Россіи убѣжище сыновьямъ его. Слабый Ханъ молчалъ, а знаменитый Эдигей, сподвижникъ Тамерлановъ, побѣдитель Витовта, Князь всемогущій въ Улусахъ, находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ Василіемъ; давалъ ему ласковое имя сына и коварный совѣтъ воевать Литву, въ то же время совѣтуя Витовту искоренить Московское Княженіе. Такъ Моголы, нѣкогда страшные одною силою, уже начали хитрить въ слабости, стараясь производить вражду между Государями, для нихъ опасными. Въ 1407 году, когда Князь Тверскій, Іоаннъ Михайловичь, пріѣхалъ Волгою

г. 1408. на судахъ въ Ханскую столицу (чтобы судиться тамъ съ Юріемъ Всеволодовичемъ, братомъ умершаго Іоанна Холмскаго, желавшимъ присвоить себѣ Тверское Княженіе), сдѣлалась въ Ордѣ перемѣна: Булатъ-Салтанъ изгналъ Шадибека, зятя Эдигеева, и сѣлъ на Царство, но еще болѣе своихъ предшественниковъ зависѣлъ отъ Эдигея.

Нашествіе Эдигея. Сей хитрый старецъ — видя, что Государь Московскій и Витовтъ никакъ не хотятъ отважиться на рѣшительную войну между собою — предпріялъ наконецъ оружіемъ смирить перваго; готовя рать многочисленную, все еще увѣрялъ его въ своей ревностной дружбѣ, и писалъ къ нему, выступивъ въ походъ: «Се идетъ Царь Булатъ съ Великою Ордою наказать Литовскаго врага твоего за содѣянное имъ зло «Россіи. Спѣши изъявить Царю благодар«ность: есть ли не лично, то пришли хо«тя сына, или брата, или Вельможу.» Съ сею грамотою пріѣхалъ въ Москву одинъ изъ чиновниковъ Татарскихъ. Василій имѣлъ друзей въ Ордѣ и зналъ о ратныхъ ея движеніяхъ; но по всѣмъ извѣстіямъ думалъ, что Моголы дѣйствительно хотятъ воевать Литву: ибо Эдигей умѣлъ скрыть свою истинную цѣль отъ самыхъ Вельможъ Ханскихъ. Никто не безпокоился въ Москвѣ, гдѣ, по сказанію одного Лѣтописца, уже мало оставалось Бояръ старыхъ, и гдѣ юные совѣтники Великокняжескіе мечтали

въ гордости, что они могутъ легко обманывать старца Эдигея и располагать въ нашу пользу силами Моголовъ. Однакожь Василій Димитріевичь былъ изумленъ скорымъ походомъ Ханскаго войска и немедленно отправилъ Боярина Юрія въ станъ онаго, чтобы имѣть вѣрнѣйшее свѣдѣніе о намѣреніи Татарскаго Полководца; велѣлъ даже собирать войско въ городахъ на всякой случай. Но Эдигей, задержавъ Юрія, шелъ впередъ съ великою поспѣшностію — и чрезъ нѣсколько дней услышали въ Москвѣ, что полки Ханскіе стремятся прямо къ ней. Г. 1408.

Сія вѣсть поколебала твердость Великокняжескаго Совѣта: Василій не дерзнулъ на битву въ полѣ и сдѣлалъ то же, что его родитель въ подобныхъ обстоятельствахъ: уѣхалъ съ супругою и съ дѣтьми въ Кострому, оставивъ защитниками столицы дядю, Владиміра Андреевича Храбраго, братьевъ Андрея и Петра со множествомъ Бояръ и Духовныхъ сановниковъ (Митрополитъ Кипріанъ уже скончался). Великій Князь надѣялся на крѣпость стѣнъ Московскихъ, на дѣйствіе своихъ пушекъ и на жестокую тогдашнюю зиму, неблагопріятную для осады долговременной. Не одна робость, какъ вѣроятно, заставила его удалиться. Онъ могъ скорѣе Боярина или Намѣстника подвигнуть сѣверные города Россійскіе къ единодушному возстанію противъ непріятеля для избавленія столицы, и Татары не могли спокойно осаждать ее, зная,

г. что Великій Князь собираетъ тамъ войско.
1408. Но граждане Московскіе судили иначе, и роптали, что Государь предаетъ ихъ врагу, спасая только себя и дѣтей. Напрасно Князь Владиміръ, украшенный сѣдиною честной старости и славною памятію Донской битвы, ободрялъ народъ своимъ величественнымъ спокойствіемъ въ опасности: слабые унывали. Чтобы Татары не могли сдѣлать примета къ стѣнамъ Кремлевскимъ, сей Князь велѣлъ зажечь вокругъ посады[183]. Нѣсколько тысячь домовъ, гдѣ обитали мирныя семейства трудолюбивыхъ гражданъ, запылали въ одно время. Жители не думали спасать имѣнія, и толпами бѣжали къ городскимъ воротамъ. Отцы, матери лишенные крова, ведя за руку или неся дѣтей, молили единственно о томъ, чтобы ихъ впустили въ оныя: необходимость предписывала жестокій отказъ, ибо отъ излишняго многолюдства опасались голода въ крѣпости. Зрѣлище было страшно: вездѣ огненныя рѣки и дымъ облаками, смятеніе, вопль, отчаяніе. Къ довершенію ужаса, многіе злодѣи грабили въ домахъ, еще не объятыхъ пламенемъ, и радовались общему бѣдствію.

Ноября 30, ввечеру, Татары показались, но вдали, опасаясь дѣйствія огнестрѣльныхъ городскихъ орудій. Декабря 1 пришелъ самъ Эдигей съ четырмя Царевичами и многими Князьями, сталъ въ Коломенскомъ, отрядилъ 30,000 въ слѣдъ за Василіемъ къ

Костромѣ, и послалъ одного изъ Царевичей, именемъ Булата, сказать Іоанну Михайловичу Тверскому, чтобы онъ немедленно шелъ къ нему со всею его ратію, самострѣлами и пушками[184]. Между тѣмъ полки Татарскіе разсыпались по областямъ Великаго Княженія: взяли Переславль Залѣсскій, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Нижній-Новгородъ, Городецъ: то есть, сожгли ихъ, плѣнивъ жителей, ограбивъ церкви и монастыри. Счастливъ, кто могъ спастися бѣгствомъ! Не было ни малѣйшаго сопротивленія. Россіяне казались стадомъ овецъ, терзаемыхъ хищными волками. Граждане, земледѣльцы, падали ницъ предъ варварами; ждали рѣшенія судьбы своей, и Моголы отсѣкали имъ головы, или разстрѣливали ихъ въ забаву; избирали любыхъ въ невольники, другихъ только обнажали: но сіи несчастные, оставляемые безъ крова, безъ одежды среди глубокихъ снѣговъ въ жертву страшному холоду и метелямъ, большею частію умирали. Плѣнниковъ связывали и вели какъ псовъ на смычкахъ: иногда одинъ Татаринъ гналъ передъ собою человѣкъ сорокъ[185]. Тогда открылось, сколь защитники иноплеменные ненадежны: гордый Свидригайло, начальствуя въ Владимірѣ и въ пяти другихъ городахъ, имѣя воинскую многочисленную дружину, обязанный милостію Великаго Князя, которая не измѣнилась и со времени неудачнаго похода Литовскаго, бѣжалъ и

г. 1408.

г. 1408. скрылся въ лѣсахъ отъ Моголовъ. (Сей мнимый Герой, обличивъ свое малодушіе, скоро выѣхалъ изъ Россіи съ великимъ богатствомъ и стыдомъ, ограбивъ на пути наши села и пригороды).

Эдигей, обложивъ Москву, нетерпѣливо ждалъ къ себѣ Князя Тверскаго съ орудіями стѣнобитными и не предпринималъ ничего противъ города; но Іоаннъ Михайловичь поступилъ въ семъ случаѣ какъ истинный Россіянинъ и другъ отечества: онъ гнушался мыслію способствовать гибели Московскаго Княженія, хотя и весьма опаснаго для независимости Тверскаго; поѣхалъ къ Эдигею одинъ съ немногими Боярами, и возвратился изъ Клина, будто бы отъ нездоровья[186]. Сіе великодушіе могло стоить ему дорого: къ счастію судьба спасла и Тверь и Москву.

Полки Ханскіе, которые гнались за Великимъ Княземъ, не могли настигнуть его и, къ досадѣ Эдигея, пришли назадъ. Не смотря на ослушаніе Іоанна Тверскаго и недостатокъ въ нужныхъ для осады снарядахъ, сей вождь Ординскій упорствовалъ взять Москву, если не приступомъ, то голодомъ, и хотѣлъ зимовать въ Коломенскомъ. Но вѣсти, полученныя имъ отъ Хана, разстроили его намѣреніе. Уже прошелъ тотъ вѣкъ, когда наслѣдники Батыевы исчисляли рать свою не тысячами, а тмами, и могли въ одно время громить Востокъ и Западъ:

внутреннія несогласія, кровопролитія, язва, г. 1408.
Герой Донскій и Тамерланъ столь уменьшили многолюдство въ Улусахъ, что Булатъ, отправивъ войско въ Россію, остался беззащитнымъ, и едва не былъ плѣненъ какимъ-то мятежнымъ Ординскимъ Царевичемъ, хотѣвшимъ овладѣть его столицею. Ханъ заклиналъ Полководца своего возвратиться немедленно. Обстоятельства дѣйствительно были таковы, что Эдигей не могъ терять времени, съ одной стороны опасаясь Великаго Князя, собиравшаго въ Костромѣ войско, а съ другой еще страшнѣйшихъ враговъ въ Ордѣ; призвалъ Вельможъ на совѣтъ, и положилъ чрезъ нѣсколько часовъ отступить отъ нашей столицы; но желая казаться побѣдителемъ, а не бѣгущимъ, сколько для чести, столько и для самой безопасности, послалъ объявить Московскимъ начальникамъ, что соглашается не брать ихъ города, если они дадутъ ему окупъ.

Москва представляла зрѣлище и ратной дѣятельности и ревностныхъ подвиговъ благочестія; съ утра до ночи воины стояли на стѣнахъ, Священники въ отверстыхъ храмахъ пѣли молебны, народъ постился. «Богатые» — говоритъ Лѣтописецъ — «обѣ«щали Небу наградить бѣдныхъ, сильные «не тѣснить слабыхъ, судіи быть право«судными, — и солгали предъ Богомъ![187]» Владиміръ Андреевичъ, Князья, Бояре,

г. 1408. цѣлыя три недѣли тщетно ждали приступа, и не имѣя запасовъ хлѣбныхъ, страшились голода. Удивленные предложенiемъ Эдигея, и не зная, что сдѣлало его миролюбивымъ, они съ радостiю дали ему 3000 рублей, и прославили милость Божiю, когда сей Князь отправивъ впередъ добычу съ обозомъ, 21 Декабря выступилъ изъ Коломенскаго; взялъ еще на возвратномъ пути Рязань, и скоро удалился отъ предѣловъ Россiйскихъ. Но слѣды сего ужаснаго нашествiя остались на долго неизгладимы въ оныхъ. «Вся Россiя» — пишутъ современники — «отъ рѣки Дона до Бѣлаозера и Галича, была потрясена сею грозою. Цѣлыя волости опустѣли. Кто избавился отъ смерти и неволи, тотъ оплакивалъ ближнихъ или утрату имѣнiя. Вездѣ *туга* и скорбь, предсказанныя нѣкоторыми книжниками года за три или за четыре. Многiя удивительныя знаменiя также возвѣстили гнѣвъ Божiй: со многихъ святыхъ иконъ текло муро, или капала кровь,» и проч. Суевѣрiе всегдашнее въ такихъ случаяхъ: люди слабые, пораженные внезапнымъ ударомъ, обыкновенно ищутъ сверхъестественныхъ предзнаменованiй его въ минувшемъ времени, какъ бы надѣясь впредь лучшимъ вниманiемъ къ таинственнымъ указанiямъ Судьбы отвращать подобныя бѣдствiя.

Впрочемъ Эдигей, кромѣ добычи и плѣнниковъ, не прiобрѣлъ ничего важнаго симъ

подвигомъ, къ коему онъ нѣсколько лѣтъ готовился и грозное письмо, отправленное имъ съ пути къ Великому Князю, не имѣло никакихъ слѣдствій. Оно достопамятно: предлагаемъ его содержаніе[188]. Г. 1408.

«Отъ Эдигея поклонъ къ Василію, по ду«мѣ съ Царевичами и Князьями. — Ве«ликій Ханъ послалъ меня на тебя съ вой«скомъ, узнавъ, что дѣти Тохтамышевы «нашли убѣжище въ землѣ твоей. Вѣдаемъ «также происходящее въ областяхъ Москов«скаго Княженія: вы ругаетесь не только «надъ купцами нашими, не только всячески «тѣсните ихъ, но и самыхъ Пословъ Цар«скихъ осмѣваете. Такъ ли водилось пре«жде? Спроси у старцевъ: земля Русская «была нашимъ вѣрнымъ Улусомъ; *держала «страхъ*, платила дань, чтила Пословъ и «гостей Ординскихъ. Ты не хочешь знать «того — и что же дѣлаешь? Когда Тимуръ «сѣлъ на Царство, ты не видалъ его въ «глаза, не присылалъ къ нему ни Князя, ни «Боярина. Минуло Царство Тимурово: Ша«дибекъ 8 лѣтъ властвовалъ: ты не былъ «у него! Нынѣ царствуетъ Булатъ уже «третій годъ: ты, старѣйшій Князь въ Улу«сѣ Русскомъ, не являешься въ Ордѣ! Всѣ «дѣла твои не добры. Были у васъ правы «и дѣла добрыя, когда жилъ Бояринъ Ѳео«доръ Кошка и напоминалъ тебѣ о Хан«скихъ благотвореніяхъ. Нынѣ сынъ его не«достойный, Іоаннъ, Казначей и другъ твой: Письмо Эдигеево.

г. 1408. «что скажетъ, тому вѣришь, а думы старцевъ земскихъ не слушаешь. Что вышло? «разореніе твоему Улусу. Хочешь ли княжить мирно? призови въ совѣтъ Бояръ «старѣйшихъ: Илію Іоанновича, Петра Константиновича, Іоанна Никитича и другихъ, «съ ними согласныхъ въ доброй думѣ; пришли къ намъ одного изъ нихъ съ древними «оброками, какіе вы платили Царю Чанибеку, да не погибнетъ въ конецъ Держава «твоя. Все, писанное тобою къ Ханамъ о «бѣдности народа Русскаго, есть ложь: мы «нынѣ сами видѣли Улусъ твой, и свѣдали, «что ты собираешь въ немъ по рублю съ «двухъ сохъ: куда жь идетъ серебро? Земля Христіанская осталась бы цѣла и невредима, когда бы ты исправно платилъ «Ханскую дань; а нынѣ бѣгаешь какъ рабъ!.. «Размысли и научися!» — Но Великій Князь не хотѣлъ слушаться ни приказаній, ни совѣтовъ его, свѣдавъ о новомъ мятежѣ въ Ордѣ; возвратился въ столицу и съ любовію обнялъ дядю своего, Владиміра Андреевича, довольный по крайней мѣрѣ тѣмъ, что онъ, не имѣвъ способа защитить другіе города, сдалъ ему Москву въ цѣлости.

1410. Кончина Владиміра Храбраго. Сей знаменитый внукъ Калитинъ жилъ не долго и преставился съ доброю славою Князя мужественнаго, любившаго пользу отечества болѣе власти. Онъ первый отказался отъ древнихъ правъ семейственнаго старѣйшинства, и былъ изъ Князей

Россійскихъ *первымъ дядею служившимъ* Г. 1410 *племяннику*. Кратковременныя ссоры его съ Донскимъ и Василіемъ происходили не отъ желанія присвоить себѣ Великокняжескій санъ, а только отъ смутъ Боярскихъ. Сія великодушная жертва возвысила въ Владимірѣ предъ судилищемъ потомства достоинство Героя, который счастливымъ ударомъ рѣшилъ судьбу битвы Куликовской, а можетъ быть и Россіи. Въ Архивѣ нашихъ древностей хранятся договоры сего Князя съ Василіемъ и завѣщаніе. Онъ возвратилъ племяннику, города Волокъ и Ржевъ, взявъ отъ него въ замѣну Угличь, Городецъ на Волгѣ, Козельскъ, Алексинъ, не въ Удѣлъ временный, а въ наслѣдственное владѣніе или въ отчину, съ обязательствомъ, въ случаѣ смерти Василіевой, повиноваться его сыну какъ Государю верховному, ходить съ нимъ самимъ на войну и посылать дѣтей своихъ съ полками Московскими[189]. Въ духовной записи Владиміръ Андреевичь поручаетъ супругу и дѣтей Великому Князю; отказываетъ свою треть Москвы всѣмъ пяти сыновьямъ вмѣстѣ, такъ, чтобы они вѣдали ее погодно; старшему сыну, Іоанну, даетъ Серпуховъ, Алексинъ, Козельскъ, (а буде сей городъ снова отойдетъ къ Литвѣ, то Любутскъ) – Симеону Боровскъ и половину Городца: другую половину Ярославу, вмѣстѣ съ Малоярославцемъ (названнымъ

Г. 1410. такъ отъ имени сего Владимірова сына) — Андрею Радонежъ — Василію Перемышль и Угличь — супругѣ Еленѣ Ольгердовнѣ множество селъ (въ томъ числѣ Коломенское, Тайнинское и славную мельницу на устьѣ Яузы); ей же съ меньшими дѣтьми большой дворъ Московскій (другимъ сыновьямъ особенные домы и сады). Свидѣтелями духовной были Игумены Никонъ Радонежскій, Савва Спасскій и 5 Бояръ Владиміровыхъ. Какъ сія, такъ и договорныя, выше упомянутыя грамоты свидѣтельствуютъ, что Великій Князь и Владиміръ, надѣясь избавиться отъ ига Моголовъ, еще не были въ томъ увѣрены: ибо послѣдній обязывается дѣлить съ первымъ Ординскія тягости и платить ему за Угличь 105 рублей на семь тысячь рублей Ханской дани, а за Городецъ 160 р. на 1500 р.

Происшествія въ Ордѣ. Въ самомъ дѣлѣ Великій Князь, при новой перемѣнѣ въ Ордѣ, еще на время отказался отъ государственной независимости. Темиръ, неизвѣстный по лѣтописямъ Восточнымъ, свергнулъ Булата, и прогнавъ Эдигея къ берегамъ Чернаго моря, (Г. 1411.) долженъ былъ уступить престолъ Капчака Зелени-Салтану, сыну Тохтамышеву, (Г. 1412.) другу Витовтову, нашему недоброжелателю, который прислалъ въ Россію грозныхъ Пословъ, и въ досаду Василію Димитріевичу хотѣлъ возстановить Княженіе Нижегородское, объявивъ сыновей

Бориса Константиновича и Кирдяпы законными его наслѣдниками[190]: чего они искали въ Ордѣ, и смѣлѣйшій изъ нихъ, Даніилъ Борисовичь, за годъ до того времени съ дружиною Князей Болгарскихъ разбилъ въ Лысковѣ брата Василіева, Петра Димитріевича; а Воевода Даніиловъ съ Казанскимъ Царевичемъ, Талычемъ, ограбилъ Владиміръ, имѣя у себя не болѣе пяти сотъ Моголовъ и Россіянъ: столь унизилась знаменитая столица Боголюбскаго! Лѣтописцы, въ объясненіе сего случая, сказываютъ, что она тогда не имѣла стѣнъ; что ея Намѣстникъ, Юрій Васильевичь Щека, былъ въ отсутствіи, и что непріятели тайно пришли лѣсомъ изъ-за рѣки Клязмы въ самый полдень, когда всѣ граждане спали! Самъ Митрополитъ, преемникъ Кипріановъ, Фотій, будучи въ сіе время близъ Владиміра, на Святомъ озерѣ[191], едва могъ спастися отъ Татаръ бѣгствомъ въ непроходимыя пустыни Сенежскія. Впрочемъ ни Лысковская побѣда, ни опустошеніе домовъ и церквей Владимірскихъ, не могли возвратить Даніилу родительскаго престола: союзники его, Казанскіе Моголы, немедленно ушли назадъ съ добычею. Но ярлыкъ Хана въ рукахъ Князей Нижегородскихъ, дружба Зелени-Салтана съ Витовтомъ, новый тѣсный союзъ Іоанна Михайловича Тверскаго съ Государемъ Литовскимъ, у коего сынъ его, г. 1412.

г. 1412. Александръ, гостилъ въ Кіевѣ[192], и намѣреніе Іоанново ѣхать въ Орду, казались Василію Димитріевичу столь опасными, что онъ рѣшился самъ искать благосклонности Хана, и провождаемый всѣми знатнѣйшими Вельможами, съ богатыми дарами отправился въ столицу Капчакскую.

Но Зелени-Салтана уже не стало: другой сынъ Тохтамышевъ, Керимбердей, застрѣлилъ сего недруга Россіянъ, и воцарился. Сей новый Ханъ, какъ вѣроятно, по смерти отца имѣлъ съ другими братьями убѣжище въ областяхъ Московскихъ, и слѣдственно основанное на признательности благорасположеніе къ Василію: по крайней мѣрѣ Великій Князь, имъ обласканный, достигъ своей цѣли; то есть, возвратился съ увѣреніемъ, что бывшіе Владѣтели Суздальскіе не найдутъ въ немъ (Ханѣ) покровителя, а Витовтъ друга, особенно ко вреду Россіи. Іоаннъ Михайловичь Тверскій, также милостиво принятый Керимбердеемъ, съ его согласія удержалъ за собою Кашинъ, не смотря на всѣ исканія брата, Василія Михайловича[193]. Сей бѣдный Князь, взятый подъ стражу Намѣстниками Тверскими, ушелъ изъ заключенія, скитался по лѣсамъ, былъ въ Москвѣ, у Хана, и не могъ нигдѣ найти защиты. Василій Димитріевичь хотя привезъ его съ собою изъ Орды, однакожь не хотѣлъ въ угодность изгнаннику ссориться съ Іоан-

номъ, который изъявилъ столько велико- Г. 1412.
душія въ бѣдственное для Москвы время, и въ личномъ съ нимъ знакомствѣ, при Дворѣ Хана, доказалъ ему искренними объясненіями, что не имѣетъ никакихъ вредныхъ для Великаго Княженія замысловъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Василій, будучи въ Ханской столицѣ, снова обязался платить дань Моголамъ: онъ платилъ ее, кажется, до самаго конца жизни своей, не смотря на внутренніе безпорядки, на частыя перемѣны въ Ордѣ. Керимбердей, другъ Россіянъ, былъ непріятелемъ Витовта, который, желая свергнуть его съ престола, объявилъ Царемъ Капчак- Г.
скимъ Князя Могольскаго, именемъ Бет- 1415 — 23.
сабулу, и въ Вильнѣ торжественно возложилъ на него знаки Царскаго достоинства: богатую шапку и шубу, покрытую сукномъ багрянымъ[194]. Керимбердей, побѣдивъ сего Витовтова Хана, отсѣкъ ему голову; но скоро погибъ отъ руки своего брата, Геремфердена, бывшаго усерднымъ союзникомъ Государя Литовскаго. Кромѣ сего главнаго Хана, непрестанно являлись въ Улусахъ иные Цари, воевали между собою или грабили наши предѣлы: такъ (въ 1415 году) одинъ изъ нихъ, взявъ Елецъ, убилъ тамошняго Князя; такъ Царь Баракъ, сынъ Койричака, побѣдивъ другаго, именемъ Куйдадата, приступалъ (въ 1422 году) къ Одоеву, и плѣнилъ множество

Г. 1415 —23. людей, но долженъ былъ оставить ихъ, настиженный въ степяхъ Княземъ Юріемъ Романовичемъ Одоевскимъ и Мценскимъ Воеводою, Григоріемъ Протасьевичемъ, которые послѣ, соединясь съ Друцкими Князьями, разбили и Куйдадата. Сей Царь тревожилъ набѣгами и Литовскія и Россійскія области: по чему Витовтъ, свѣдавъ о приближеніи его къ Одоеву, требовалъ содѣйствія отъ Великаго Князя; и хотя Москвитяне не успѣли взять участія въ битвѣ: однакожь Витовтовы Полководцы, плѣнивъ двухъ женъ Куйдадатовыхъ, одну отправили къ своему Государю, а другую въ Москву. — Между тѣмъ и старецъ Эдигей, уступивъ Орду Капчакскую или Волжскую сыновьямъ Тохтамышевымъ, властвовалъ какъ Государь независимый въ Улусахъ Черноморскихъ. Будучи врагомъ Витовта, онъ (въ 1416 году) разорилъ многія Литовскія области; не могъ взять укрѣпленнаго Кіевскаго замка, но ограбилъ и сжегъ всѣ тамошнія церкви вмѣстѣ съ Печерскою Лаврою, плѣнивъ нѣсколько тысячь гражданъ, такъ, что съ сего времени, по словамъ Историка Длугоша, Кіевъ опустѣлъ совершенно. Наконецъ Эдигей, желая спокойствія, прислалъ въ даръ Витовту трехъ вельблюдовъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ, и 27 коней, съ слѣдующею грамотою: «Князь знаменитый! въ трудахъ и «подвигахъ честолюбія застигла насъ обо-

«ихъ унылая старость: посвятимъ миру Г. 1415 —23.
«остатокъ жизни. Кровь, пролiянная нами
«въ битвахъ взаимной ненависти, уже по-
«глощена землею; слова бранныя, коими
«мы другъ друга огорчали, развѣяны вѣт-
«ромъ; пламя войны очистило сердца на-
«ши отъ злобы; вода угасила пламя»[195].
Они заключили миръ.

Имѣя долговременную рать съ Прусскимъ Орденомъ, Витовтъ жилъ мирно съ Василiемъ Димитрiевичемъ, который даже не отказался помогать ему войскомъ. Въ 1422 году, при осадѣ *Голуба* или Кульма, были у Витовта союзныя дружины Московская и Тверская, или *Великiе Россiяне*, какъ сказано въ тогдашней перепискѣ Ордена[196]. Увѣряя зятя въ своей прiязни, Витовтъ въ тоже время грозилъ Новогородцамъ, какъ Державѣ особенной. Желая быть въ дружбѣ и съ Литовскимъ Государемъ и съ Московскимъ, они вторично приняли къ себѣ Ольгердова сына, Лугвенiя, начальствовать въ ихъ областныхъ городахъ, а брата Василiева, Константина Димитрiевича, Намѣстникомъ Великокняжескимъ въ столицу[197]; но сiя Политика не имѣла совершеннаго успѣха. Примирясь съ Нѣмцами, Витовтъ и Король Ягайло велѣли Лугвенiю ѣхать въ Литву, и всѣ трое вмѣстѣ возвратили мирныя грамоты Новогородцамъ. Лугвенiй писалъ, что онъ, бывъ у нихъ только на жалованьѣ,

Дѣла Новогородскiя.

г. 1415 —23. разрываетъ сію связь, непріятную его братьямъ, которые составляютъ съ нимъ одного человѣка. «Да будетъ война между «нами»! сказали Вѣчу Послы Королевскіе и Витовтовы именемъ двухъ Государей: «вы обѣщали и не хотѣли дѣйствовать «съ нами противъ Нѣмцевъ; вы торже-«ственно злословите насъ и называете *по-«гаными;* вы благотворите сыну врага «нашего, Юрія Святославича.» Ѳеодоръ Юрьевичь Смоленскій дѣйствительно жилъ тамъ и пользовался великодушною защитою Правительства: сей юный Князь спѣшилъ объявить своимъ покровителямъ, что не хочетъ быть для нихъ виною опасной вражды; онъ немедленно удалился въ Нѣмецкую землю. Новогородцы могли бы обратиться къ Великому Князю; но не имѣя къ нему довѣренности, старались сами обезоружить Витовта, и ссора кончилась миромъ (въ 1414 году), *на старыхъ условіяхъ*, какъ сказано въ лѣтописи: ибо Государь Литовскій не думалъ прямо воевать съ ними, а только искушалъ ихъ твердость угрозами, въ надеждѣ, что сія народная Держава согласится имѣть одну политическую систему съ Литвою, однихъ друзей и непріятелей: то есть, давать ему или войско или серебро въ случаѣ войны съ Нѣмцами. Властолюбіе его тогда не простиралось далѣе: ибо Василій Димитріевичь, уступивъ тестю Смоленскъ, безъ

кровопролитія не уступилъ бы Новагорода, который издревле считался областію Великокняжескою. Однакожь Новогородцы поставили на своемъ, удержавъ право мириться и воевать по собственной волѣ, а не въ угодность Государю Литовскому. г. 1415 —23.

Во все княженіе Василія Димитріевича они не имѣли никакой *важной* рати съ непріятелями внѣшними. Толпы Шведовъ грабили иногда въ окрестностяхъ городка Ямы (нынѣ Ямбурга), въ Кореліи и на берегахъ Невы, но уходили немедленно: Россіяне, въ наказаніе за то, сожгли предмѣстіе Выборга и нѣсколько селъ въ окрестностяхъ. Двинскій Посадникъ, Яковъ Стефановичь ходилъ съ малочисленною дружиною воевать предѣлы Норвегіи; а *Мурмане* или Норвежцы, числомъ до пяти сотъ, приплывъ въ лодкахъ къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ Архангельскъ, обратили въ пепелъ 3 церкви и злодѣйски умертвили Иноковъ Монастырей Николаевскаго и Михайловскаго. — Съ Ливонскими Нѣмцами (въ 1420 году) былъ у Новогородцевъ дружелюбный съѣздъ на берегу Наровы: именемъ первыхъ самъ Магистръ Сифертъ, Ландмаршалъ Вильрабе, Ревельскій Коммандоръ Дидрихъ и Фогтъ Венденскій Іоаннъ, отъ Россіянъ же Намѣстникъ Московскій, Князь Ѳеодоръ Патрикіевичь, два Посадника и три Боярина утвердили вѣчный миръ на древнихъ условіяхъ временъ Александра Невскаго, каса-

Г. 1415 —23. тельно границъ и торговли[198]. Госвинъ, Феллинскій Коммандоръ, и Ругодивскій или Нарвскій Фогтъ, Германъ, пріѣзжали для того въ Новгородъ.

Сія вольная Держава долѣе обыкновеннаго наслаждалась тогда и внутреннимъ гражданскимъ спокойствіемъ. Только одинъ случай возмутилъ оное. Разскажемъ его въ доказательство, какія маловажныя причины могутъ иногда волновать общество народное. Нѣкто людинъ или простой гражданинъ, именемъ Стефанъ, злобствуя на Бояряна Данила Божина, схватилъ его на улицѣ, крича: «добрые люди! помогите мнѣ «управиться съ злодѣемъ.» Народъ взялъ сторону людина, и безъ всякаго изслѣдованія сбросилъ Данила съ мосту. Одинъ добродушный рыболовъ не далъ утонуть невинному Боярину, а народъ въ неистовствѣ разграбилъ домъ сего человѣка. Дѣло могло бы тѣмъ кончиться; но Данило, желая мести, посадилъ своего обидчика въ темницу: о чемъ узнавъ, всѣ граждане Торговой Стороны взволновались, ударили въ Вѣчевый колоколъ, надѣли доспѣхи, взяли знамя и пришли въ Кузмодемьянскую улицу, гдѣ жилъ Бояринъ Данило: въ нѣсколько минутъ домъ его былъ сравненъ съ землею и Стефанъ освобожденъ. Завидуя избытку Бояръ, и приписывая имъ дороговизну хлѣба, они разграбили множество дворовъ и монастырь Св. Николая, утверждая, что

въ немъ Боярскія житницы. Сторона Софійская, гдѣ обитали граждане знатнѣйшіе, противилась ихъ злодѣяніямъ, и также вооружилась. Звонили въ колокола, бѣгали, вопили, и стараясь занять Большой мостъ, стрѣляли другъ въ друга. Однимъ словомъ, казалось, что свирѣпый непріятель вошелъ въ городъ, и что жители, по ихъ древнему любимому выраженію, умираютъ *за Святую Софію*. Въ сіе самое время сдѣлалась ужасная гроза: отъ непрестанной молніи небо казалось пылающимъ; но мятежъ народа былъ еще ужаснѣе грозы. Тогда Архіепископъ Новогородскій Симеонъ, возведенный на сію степень по жребію изъ простыхъ Иноковъ (не будучи даже ни Священникомъ, ни Діакономъ), мужъ рѣдкихъ добродѣтелей, собралъ все Духовенство въ храмѣ Софійскомъ, облачился въ ризы Святительскія, и провождаемый Клиросомъ вышелъ къ народу, сталъ посреди мосту и взялъ въ руки животворящій крестъ, началъ благословлять обѣ Стороны. Въ одно мгновеніе шумъ и волненіе утихли; толпы сдѣлались неподвижны; оружіе и шлемы упали на землю, и вмѣсто ярости изобразилось на лицахъ умиленіе. «Идите въ домы свои съ Богомъ «и съ миромъ!» вѣщалъ добродѣтельный Пастырь — и граждане въ безмолвіи, въ тишинѣ, въ духѣ смиренія и братства, ра-

Г. 1415 —25.

г. 1415 —23. зошлися[199]. Сей достопамятный случай прославилъ Архіепископа Симеона.

Съ Великимъ Княземъ жили Новогородцы въ мирѣ, болѣе притворномъ, нежели искреннемъ: они не преставали ни опасаться Василія, ни досаждать ему. Въ 1417 году измѣнники, бѣглецы Новогородскіе, Симеонъ Жадовскій и Михайло Разсохинъ, собравъ толпы бродягъ на Вяткѣ, въ Устюгѣ, вмѣстѣ съ Бояриномъ брата Василіева, Юрія Димитріевича, изъ областей Великокняжескихъ нападали на Двинскую землю и сожгли Колмогоры; за то Бояре Новогородскіе, выгнавъ сихъ разбойниковъ, сами ограбили Устюгъ, будто бы безъ вѣдома Правительства, такъ же, какъ Разсохинъ и Жадовскій дѣйствовали будто бы безъ всякаго сношенія съ Москвою. Ссора Василія Димитріевича съ братомъ Константиномъ, въ 1420 году, подала Новогородцамъ случай сдѣлать не малую досаду первому. Слѣдуя новому уставу въ правахъ наслѣдственныхъ, Великій Князь требовалъ отъ братьевъ, чтобы они клятвенно уступили старѣйшинство пятилѣтнему сыну его, именемъ Василію. Константинъ не хотѣлъ сдѣлать того и лишился Удѣла; Бояръ его взяли подъ стражу; имѣніе ихъ описали. Злобствуя на Великаго Князя, онъ уѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ Правительство, ни мало не боясь Василіева гнѣва, съ отмѣнными ласками приня-

ло Константина Димитріевича, дало ему въ Г.
Удѣлъ всѣ города, бывшіе за Лугвеніемъ, 1415.—23.
и какой-то особенный денежный сборъ, именуемый *Коробейщиною*[200]. Великій Князь долженъ былъ оскорбиться; но скрылъ гнѣвъ, и примирился съ братомъ, огорчаемый тогда ужасными естественными бѣдами отечества.

Язва, которая со времени Симеона Гордаго нѣсколько разъ посѣщала Россію, ужаснѣе прежняго открылась въ княженіе Василія Димитріевича: во Псковѣ и въ Новѣгородѣ была четыре раза, и дважды въ областяхъ Московскихъ, Тверскихъ, Смоленскихъ, Рязанскихъ. Признаки и слѣдствія оказывались тѣ же: а именно, желѣза, кровохарканіе, знобъ, жаръ, — и смерть неминуемая. Иногда приходила сія гибельная чума во Псковъ изъ Ливонскаго Дерпта, иногда изъ другихъ мѣстъ, или возобновлялась отъ употребленія вещей зараженныхъ. Опустошивъ Азію, Африку, Европу, она нигдѣ не свирѣпствовала такъ долго, какъ въ нашемъ отечествѣ, гдѣ отъ 1352 года до 1427 въ разныя времена безчисленное множество людей было ея жертвою: въ одномъ Новѣгородѣ, по извѣстію Нѣмецкаго Историка Кранца, умерло 80,000 человѣкъ въ 6 мѣсяцевъ: «люди (говоритъ «онъ) ходя падали на улицахъ и въ одну «минуту испускали духъ; здоровые шли «погребать усопшихъ, и внезапно лишаясь

Язва.

Г. 1415 —23. «жизни, въ той же могилѣ были сами по«гребаемы[201].» Ни посты, ни чинъ Ангельскій не спасали: алчная смерть, въ городахъ и селахъ наполняя скудельницы трупами, искала добычи и въ святыхъ Обителяхъ душевнаго мира. Строили церкви; отказывали имѣніе монастырямъ: иныхъ средствъ не употребляли. Суевѣрные Псковитяне, желая смягчить Небо, сожгли 12 мнимыхъ вѣдьмъ, и зная по преданію, что древнѣйшая церковь Христіанская, въ ихъ городѣ созданная, была посвящена Св. Власію, возобновили оную на старомъ мѣстѣ, въ надеждѣ, что Господь скорѣе услышитъ тамъ ихъ моленіе о концѣ сего бѣдствія. Еще не довольно: въ 1419 году выпалъ глубокій снѣгъ 15 Сентября, когда еще хлѣбъ не былъ убранъ; сдѣлался общій голодъ и продолжался около трехъ лѣтъ во всей Россіи; люди питались кониною, мясомъ собакъ, кротовъ, даже трупами человѣческими; умирали тысячами въ домахъ и гибли на дорогахъ отъ зимняго необыкновеннаго холода въ 1422 году. Сперва продавался оковъ ржи (или 8 осминъ) по рублю, въ Костромѣ по два, въ Нижнемъ по шести рублей (что составляло фунтъ съ $^1/_4$ серебра); наконецъ не-гдѣ было купить осьмины. Зная, что во Псковѣ находилось много ржи запасной, жители Новогородскіе, Тверскіе, Московскіе, Чудь, Корела, толпами устремились въ

Голодъ.

сію область, богатые покупать и вывозить хлѣбъ, а скудные кормиться милостынею. Скоро цѣна тамъ возвысилась, и четверть ржи стоила уже около двухъ рублей. Псковитяне, запретивъ вывозъ хлѣба, изгнали всѣхъ пришельцевъ, и сіи бѣдные съ женами, съ дѣтьми умирали на большой дорогѣ. Кромѣ того, Москва и Новгородъ были приводимы въ ужасъ частыми пожарами. Въ 1421 году необыкновенное наводненіе затопило большую часть Новагорода и 19 монастырей; люди жили на кровляхъ; множество домовъ и церквей обрушилось. Къ симъ страшнымъ явленіямъ надлежитъ еще прибавить зимы безъ снѣга, бури неслыханныя, дожди *каменные* и славную Комету 1402 года, для суевѣровъ Италіи предвѣстницу смерти Миланскаго Герцога, Іоанна Галеаса. Однимъ словомъ, Россіяне ждали конца міру, и сію мысль имѣли самые просвѣщеннѣйшіе люди тогдашняго времени. «Іисусъ Христосъ» — говорили они — «сказалъ, что въ послѣдніе «дни будутъ великія знаменія небесныя, «гладъ, язвы, брани и неустройства; возстанетъ языкъ на языкъ, Царство на «Царство: все видимъ нынѣ. Татары, Турки, Фряги, Нѣмцы, Ляхи, Литва, воюютъ вселенную. Что дѣлается въ нашемъ «православномъ отечествѣ? Князь возстаетъ на Князя, братъ оститъ мечь «на брата, племянникъ *куетъ* копіе на дя-

Г. 1415 —23.

Мысл. о преставленіи свѣта.

дю»[202]. Въ самыхъ дѣлахъ государственныхъ о томъ упоминалось. Когда Псковитяне (въ 1397 году) заключали миръ съ Новогородцами, Архіепископъ Іоаннъ, будучи между ими посредникомъ, склонилъ ихъ къ дружелюбію словами: «дѣти! видите уже послѣднее время?»

г. 1425, Февраля 27. Кончина и характеръ Василія.

Среди общаго унынія и слезъ, какъ говорятъ Лѣтописцы, Василій Димитріевичь преставился на 53 году отъ рожденія, княживъ 36 лѣтъ, съ именемъ Властителя благоразумнаго, не имѣвъ любезныхъ свойствъ отца своего, добросердечія, мягкости во нравѣ, ни пылкаго воинскаго мужества, ни великодушія геройскаго, но украшенный многими государственными достоинствами, чтимый Князьями, народомъ, уважаемый друзьями и непріятелями. Присвоивъ себѣ Нижній Новгородъ, Суздаль, Муромъ, — вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ бывшихъ Удѣловъ Черниговскихъ въ древней землѣ Вятичей: Торусу, Новосиль, Козельскъ, Перемышль, равно какъ и цѣлыя области Великаго Новагорода: Бѣжецкій Верхъ, Вологду и проч., сей Государь утвердилъ въ своемъ подданствѣ Ростовъ, коего Владѣтели, со временъ Іоанна Даніиловича зависѣвъ отъ Москвы, сдѣлались уже дѣйствительными слугами Василія, посылаемые имъ въ качествѣ Намѣстниковъ управлять другими городами. Въ Хлыновской лѣтописи сказано, что онъ посы-

лалъ войско на Вятку съ Княземъ Симеономъ Ряполовскимъ, но не могъ овладѣть ею: современныя же грамоты доказываютъ, что Василій дѣйствительно присоединилъ ее къ Московскимъ областямъ, и что братъ его, Юрій, Князь Галицкій, господствовалъ надъ оною. Впрочемъ сія народная Держава еще сохраняла свои древніе уставы гражданской вольности. Не хотѣвъ мечемъ покорять ни Рязани, ни Твери, Василій имѣлъ рѣшительное большинство надъ Князьями ихъ и слѣдственно приближался къ Единовластію въ Россіи; усиливъ Державу Московскую пріобрѣтеніями важными, сохранилъ ея цѣлость отъ хищности Литовской, и менѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ платилъ дань Моголамъ[203]. Можетъ быть, онъ сдѣлалъ ошибку въ Политикѣ, давъ отдохнуть Витовту, разбитому Ханомъ; можетъ быть, ему надлежало бы возобновить тогда дружелюбную связь съ Ордою, и вмѣстѣ съ Олегомъ Рязанскимъ ударить на Литву, чтобы соединить южную Россію съ сѣверною, а послѣ тѣмъ удобнѣе свергнуть иго Ханское. Но всѣ ли обстоятельства намъ извѣстны? Успѣхъ предпріятія столь великаго и смѣлаго былъ ли дѣйствительно вѣроятенъ? Князь Московскій, Государь шести или семи нынѣшнихъ Губерній въ сѣверной Россіи, имѣлъ ли способъ сокрушить Витовта, который, властвуя надъ

Г. 1425.

г. ея лучшею, многолюднѣйшею половиною
1425. и надъ всею Литвою, располагая также силами Польши, легко могъ, утративъ одно войско на берегахъ Ворсклы, собрать другое? Великій Князь безъ сомнѣнія не думалъ щадить тестя и не жертвовалъ отечествомъ какой нибудь семейственной слабости (бывъ нѣсколько разъ готовъ сразиться съ Витовтомъ въ полѣ); но дѣйствовалъ такъ по лучшему своему государственному разумѣнію. Смѣлость оправдывается только успѣхомъ; безвременная, неудачная губитъ Державы — и часто благодарность отечества принадлежитъ тому, кто безъ крайности не дерзалъ на опасность, и не искалъ имени *Великаго*.

Довольно, что Василій умѣлъ обуздывать тестя, и не далъ ему поглотить остальныхъ владѣній независимой Россіи. Съ 1408 года они жили въ непрерывномъ согласіи и года за два до кончины Великаго Князя супруга его ѣздила къ отцу въ Смоленскъ, можетъ быть не только для свиданія, но и для важныхъ государственныхъ переговоровъ. Василій, кажется, чувствовалъ себя близкимъ къ смерти; хотѣлъ заблаговременно взять мѣры къ утвержденію сына на
Завѣщаніе. престолѣ Великокняжескомъ, и въ завѣщаніи своемъ говоритъ, что онъ поручаетъ его, вмѣстѣ съ матерію, дружескому заступленію тестя и брата, Государя Литовскаго, который именемъ Божіимъ ему въ томъ

обязался[204]. Вѣроятно, что Княгиня Софія въ семъ важномъ дѣлѣ была посредницею между отцемъ и супругомъ. Василій оставлялъ сына младенцемъ; зналъ честолюбіе братьевъ, въ особенности Юрія и Константина; предвидѣлъ, что они могутъ воспротивиться новому уставу наслѣдства, подчинявшему дядей племяннику, и надѣялся, что сильный и не менѣе гордый Витовтъ, признательный къ лестной его довѣренности, захочетъ оправдать ее ревностію къ пользѣ юнаго внука, согласной съ нашею государственною: ибо древній, многосложный, неясный законъ родоваго старѣйшинства болѣе всего питалъ междоусобіе въ Россіи. Могъ ли Великій Князь дѣйствительно ожидать безкорыстныхъ услугъ отъ тестя, посѣдѣвшаго въ козняхъ властолюбія! Но сія довѣренность кажется болѣе хитростію, нежели слабодушнымъ легковѣріемъ: она состояла только въ словахъ, и возлагая на Витовта обязанность защитить сына Василіева въ случаѣ насилія со стороны дядей, не давала Литвѣ никакихъ способовъ поработить Москву: ибо Совѣтъ Великокняжескихъ Бояръ, пѣстуновъ Государя-отрока, зналъ, чего требовать отъ иноплеменнаго покровителя, и до чего не допускать его. г. 1425.

Въ семъ завѣщаніи Василій, *благословляя* сына *Великимъ Княженіемъ* и поручая матери, отказываетъ ему все родительское наслѣдіе и собственный *примыслъ* (Нижній Нов-

г. 1425. городъ, Муромъ), *треть Москвы* (ибо другія двѣ части принадлежали сыновьямъ Донскаго и Владиміра Андреевича), Коломну и села въ разныхъ областяхъ; сверхъ того *большой лугъ* за Москвою рѣкою, Ходынскую мельницу, дворъ Ѳоминскій у Боровицкихъ воротъ и загородный у Св. Владиміра; а изъ вещей драгоцѣнныхъ золотую шапку, бармы, крестъ Патріарха Филоѳея, каменный сосудъ Витовтовъ, хрустальный кубокъ, даръ Короля Ягайла, и проч.; всѣ иныя вещи отдаетъ супругѣ, также и многія волости, прибавляя: «тамъ Княгиня моя господ-«ствуетъ и судитъ до кончины своей; но «должна оставить ихъ въ наслѣдство сыну: «села же, ею купленныя, вольна отдать, ко-«му хочетъ. Дочерямъ отказываю каждой по «пяти семей изъ рабовъ моихъ; Княгинины «холопи остаются служить ей; прочихъ «освобождаю»[205]. Грамота скрѣплена восковыми печатями, четырмя Боярскими и пятою Великокняжескою съ изображеніемъ всадника; а внизу подписана Митрополитомъ Фотіемъ (Греческими словами). Замѣтимъ, что Василій Димитріевичь уже именно объявляетъ здѣсь сына преемникомъ своимъ въ достоинствѣ Великокняжескомъ; но при жизни старшаго сына, Іоанна, умершаго отрокомъ, написавъ подобное же завѣщаніе, говоритъ въ ономъ[206]: «а дастъ Богъ «Князю Ивану Великое Княженіе держати:» слѣдственно еще предполагаетъ необходи-

мость Ханскаго на то согласія. Сія первая духовная сочинена около 1407 года, и скрѣплена одною серебряною, вызолоченною печатію съ изображеніемъ Св. Василія Великаго и съ надписью: *Князя Великаго Василія Димитріевича всея Руси.* г. 1425.

Въ числѣ грамотъ сего времени сохранился также договоръ Великаго Князя съ Ѳеодоромъ Ольговичемъ Рязанскимъ, писанный въ 1403 году. Ѳеодоръ, обязываясь чтить Василія старѣйшимъ братомъ, называетъ Владиміра Андреевича и Юрія Димитріевича равными себѣ, а другихъ сыновей Донскаго меньшими братьями; даетъ слово не имѣть никакихъ сношеній съ Ханами и съ Литвою безъ вѣдома Василіева, увѣдомлять его о всѣхъ движеніяхъ или намѣреніхъ Орды, жить въ любви съ Князьями Торусскими и Новосильскими, слугами Великаго Князя; признаетъ Оку границею своихъ и Московскихъ владѣній, и проч. Василій же, уступивъ ему Тулу, обѣщаетъ не подчинять себѣ ни земли Рязанской, ни ея Князей; именуетъ Ѳеодора *Великимъ* Княземъ, но вообще говоритъ языкомъ верховнаго, хотя и снисходительнаго, или умѣреннаго въ властолюбіи повелителя[207]. Договоръ съ Рязанскимъ Княземъ

Къ блестящимъ для Россіи дѣяніямъ Василіева государствованія принадлежитъ услуга, оказанная симъ Великимъ Княземъ Императору Греческому, Мануилу. Уже славное Царство Константина Великаго находи-

г. 1425. лось при послѣднемъ издыханіи. Уступивъ всю Малую Азію, Ѳракію и другія владѣнія Османскимъ Туркамъ, которые осаждали и Царьградъ, спасенный единственно Тамерланомъ, счастливымъ врагомъ Баязетовымъ; утративъ почти все, кромѣ столицы, Мануилъ находился въ крайности, и не имѣя казны, не могъ имѣть и войска, нужнаго для своей защиты. Свѣдавъ о семъ жалостномъ оскудѣніи Монарха единовѣрнаго, Василій Димитріевичь не только самъ отправилъ къ нему (въ 1398 году) знатное количество серебра съ Монахомъ Ослѣбею, бывшимъ Любутскимъ Болярichемъ, но уговорилъ и другихъ Князей Россійскихъ сдѣлать то же[208]. Сіи дары были приняты въ Константинополѣ съ живѣйшею благодарностію: Царь, Патріархъ, народъ прославили великодушіе Россіянъ; и Мануилъ, чтобы еще болѣе утвердить дружелюбную связь съ Москвою, женилъ (въ 1414 году) сына своего, Іоанна, на дочери Василія Димитріевича, Аннѣ. И такъ брачные союзы между Государями Восточной Имперіи и Россійскими начались и заключились невѣстами одного имени. Бракъ первой Анны, супруги Владиміра Святаго, имѣлъ счастливыя дѣйствія для Греціи; но внука Донскаго видѣла тамъ одни бѣдствія, и чрезъ три года скончалась отъ мороваго повѣтрія[209]. Супругъ ея царствовалъ подъ именемъ Іоанна Палеолога и не оставилъ дѣтей.

Дары посланные въ Грецію.

Дочь Василіева за Императоромъ.

Церковныя дѣла сего времени особенно г.
достопамятны въ нашей Исторіи. Мы ви- 1425
дѣли, что при Димитріи Россія имѣла двухъ Дѣла цер-
Митрополитовъ: сѣверная Пимена, южная ков-
Кипріана. Кончина перваго соединила объ ныя.
Митрополіи, и Кипріанъ, бывъ для того въ Царѣградѣ, выѣхалъ оттуда съ великою пышностію, провождаемый двумя Греческими Митрополитами, Адріанопольскимъ и Гаанскимъ, тремя Архіепископами (Ѳеодоромъ Ростовскимъ, Евфросиномъ Суздальскимъ, Исаакіемъ Черниговскимъ), Епископомъ Михаиломъ Смоленскимъ, Грекомъ Іереміею Рязанскимъ и Ѳеодосіемъ Туровскимъ[210]. Великій Князь, Бояре и народъ съ великою честію встрѣтили Кипріана въ Котлахъ, радуясь, что Глава всего Духовенства Россійскаго снова будетъ обитать въ Московской столицѣ, и зная уже личныя его достоинства. Въ самомъ дѣлѣ сей Митрополитъ имѣлъ жаркое усердіе къ Вѣрѣ и нравственность непорочную, строго судилъ неправды Епископовъ, и не дозволялъ имъ противиться власти Княжеской. Такъ онъ справедливо наказалъ Епископа Тверскаго, Евфимія Вислена, обвиняемаго Княземъ, Духовенствомъ и народомъ въ разныхъ беззаконіяхъ; свелъ его съ Епископіи и велѣлъ ему жить въ кельѣ Чудова монастыря; а Епископа Туровскаго Антонія, въ угодность Витовту лишивъ и сана Святительскаго, отнявъ у него *бѣлый* клобукъ, ризницу, испоч-

г. 1425. ники и скрижали, заключилъ въ Симоновской Обители. Другой Епископъ Литовской Россіи, Савва Луцкій, (въ 1401 году) призванный на Соборъ девяти Архіереевъ въ Москвѣ, долженствовалъ отказаться отъ своей Епархіи: вѣроятно, также имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ Витовтовъ. Мы говорили о судьбѣ Архіепископа Новогородскаго Іоанна, около трехъ лѣтъ сидѣвшаго въ монастырѣ Николаевскомъ единственно по негодованію Великаго Князя на сего ревностнаго ходатая правъ Новогородскихъ. Дѣйствуя всегда согласно съ пользою или волею государственныхъ Властителей, Кипріанъ сохранилъ подъ своимъ начальствомъ Епархіи южной Россіи и былъ отмѣнно любимъ Василіемъ Димитріевичемъ. Мы должны упомянуть здѣсь о грамотѣ, будто бы данной Кипріану симъ Государемъ на суды церковные, и внесенной въ нѣкоторыя новѣйшія лѣтописи, съ прибавленіемъ, что она выписана изъ стараго Московскаго Номоканона[211]. Въ ней сказано: «Се азъ Князь «Великій Василій Димитріевичь, размы«сливъ съ отцемъ своимъ, Митрополитомъ «Кипріаномъ, возобновляю древніе уставы «церковные прадѣда моего, Св. Владиміра, «и сына его, Ярослава, согласно съ Грече«скимъ Номоканономъ. . . . Въ лѣто 6911» (1403). Сіи два устава, мнимый Владиміровъ и Ярославовъ, суть явно подложные: могъ ли благоразумный Василій Димитріевичь вѣ-

рить ихъ истинѣ? могъ ли самъ Митро- г. 1425.
политъ предложить Государю законы столь нелѣпые, по которымъ надлежало платить за бранное слово, сказанное женщинѣ, во сто разъ болѣе, нежели за гнуснѣйшія преступленія и злодѣйства[212]? Купріанъ славился не только благочестіемъ, но и дарованіями разума. Уважаемый Константинопольскимъ Духовенствомъ, онъ былъ призванъ имъ на Соборъ, чтобы торжественно низвергнуть беззаконнаго Патріарха Макарія, и вмѣстѣ съ знаменитѣйшими Греческими Святителями подписалъ имя свое на *свиткѣ* Макаріева *осужденія*. Любя уединеніе, онъ жилъ большею частію внѣ Москвы, въ селѣ Голенищевѣ, между Воробьевыми горами и Поклонною, гдѣ наслаждаясь пріятными видами и тишиною, переводилъ книги съ Греческаго и сочинилъ житіе Св. Петра Митрополита[213], въ коемъ, говоря о себѣ весьма скромно, описываетъ видѣнныя имъ мятежи и бѣдствія въ Греціи. Какъ ревностный учитель Вѣры, онъ имѣлъ удовольствіе обратить трехъ знаменитыхъ Вельможъ Ханскихъ: Бахтыя, Хидыря и Мамата, которые выѣхали изъ Орды въ Москву, и просвѣщенные его бесѣдами, захотѣли креститься. Сей торжественный обрядъ совершился на берегу Москвы рѣки, въ присутствіи Великаго Князя и всего Двора, при колокольномъ звонѣ и радостныхъ восклицаніяхъ безчисленнаго народа. Москвитя-

г. 1425. не плакали отъ умиленія, видя древнихъ гордыхъ враговъ своихъ смиренно внимающихъ гласу Митрополита, и веселились мыслію, что торжество нашей Вѣры предзнаменуетъ и близкое торжество нашего отечества. Названные именами трехъ Святыхъ Отроковъ, Ананіи, Азаріи и Мисаила, сіи новокрещенные ходили вмѣстѣ по городу, дружелюбно кланялись народу и были имъ привѣтствуемы какъ братья. Уважаемый и любимый, Кипріанъ скончался въ маститой старости, за нѣсколько дней до смерти (въ 1406 году) написавъ грамоту къ Василію Димитріевичу, ко всѣмъ Князьямъ Россійскимъ, Боярамъ, Духовенству, мірянамъ, благословляя ихъ и требуя Христіанскаго прощенія[214]. Архіепископъ Ростовскій, Григорій, читая оную въ слухъ надъ гробомъ его въ Успенскомъ Соборѣ, произвелъ общее рыданіе. Съ того времени всѣ новѣйшіе Митрополиты Московскіе списывали сію грамоту и приказывали читать ее на своемъ погребеніи.

Преемникомъ Кипріановымъ былъ (въ 1409 году) Фотій, Морейскій Грекъ, который зналъ хорошо языкъ Славянскій, хотя обыкновенно писалъ имя свое по-Гречески[215]: мужъ разумный и добродѣтельный, какъ говорятъ Лѣтописцы, но весьма несчастливый въ своемъ церковномъ правленіи. Пріѣхавъ въ сѣверную Россію, опустошенную тогда Эдигеемъ, онъ съ великою ревностію

старался о возстановленіи Митрополитска- г. 1425.
го достоянія, расхищеннаго и непріятелемъ
и корыстолюбцами. Стяжанія церковныя
были захвачены мірянами; села, земли, воды,
пошлины отняты: надлежало отыскивать
ихъ и тягаться съ людьми сильными, съ
Князьями, съ Боярами: чѣмъ Фотій возбу-
дилъ на себя досаду многихъ; говорили, что
онъ печется болѣе о мірскомъ, нежели о ду-
ховномъ; винили его въ излишнемъ корысто-
любіи, можетъ быть отчасти и справедливо;
по крайней мѣрѣ самъ Великій Князь ему не
доброхотствовалъ, и не любя Митрополита,
смотрѣлъ по видимому равнодушно и на
вредъ, скоро претерпѣнный Митрополіею.

Хитрый Витовтъ безъ сомнѣнія издавна
видѣлъ съ неудовольствіемъ свои Россійскія
земли подъ духовною властію Святителя
инодержавнаго. Митрополиты наши имено-
вались Кіевскими, но жили въ Москвѣ, усерд-
ствовали ея Государямъ, и повелѣвая совѣ-
стію людей, питали духъ братства ме-
жду южною и сѣверною Россіею, опасный
для Правленія Литовскаго; сверхъ того,
собирая знатные доходы въ первой, исто-
щали ея богатство и переводили оное въ
Московское Великое Княженіе. Благоразумная
Политика Кипріанова удаляла исполненіе
Витовтова замысла: сей Пастырь, вы ѣ-
хавъ изъ Литовскихъ владѣній въ Москву,
какъ въ столицу Государя правовѣрнаго,
слѣдственно и Митрополіи, не оставлялъ

г. 1425. Кіева; посѣтивъ его въ 1396 году, жилъ тамъ около осьмнадцати мѣсяцевъ; ѣздилъ и въ другія южныя Епархіи; вообще угождалъ Витовту. Фотій, Монахъ отъ юности, мало свѣдущій въ дѣлахъ государственныхъ, и воспитанный въ ненависти къ Латинской Церкви, не искалъ милостей въ Витовтѣ, усердномъ Католикѣ; не хотѣлъ даже быть въ областяхъ его, и требовалъ единственно доходовъ оттуда. Тогда Витовтъ, созвавъ Епископовъ южной Россіи, предложилъ имъ избрать особеннаго Митрополита, и велѣлъ подать себѣ жалобу на Фотія какъ на Пастыря нерадиваго. Тщетно Фотій хотѣлъ отвратить ударъ: онъ спѣшилъ въ Кіевъ, чтобы примириться съ Витовтомъ или ѣхать въ Константинополь къ Патріарху; но ограбленный въ Литвѣ, долженствовалъ возвратиться въ Москву. Намѣстники его были высланы изъ южной Россіи, волости и села Митрополитскія описаны на Государя и розданы Вельможамъ Литовскимъ[216]. Согласно съ желаніемъ Духовенства, Витовтъ послалъ въ Константинополь ученаго Болгарина, именемъ Григорія Цамблака, ласковыми письмами убѣждая Императора и Патріарха поставить сего достойнаго мужа въ Митрополиты Кіевскіе. Когда же, доброхотствуя Фотію, Патріархъ не исполнилъ его воли: всѣ Епископы южной Россіи съѣхались въ Новгородокъ, и сами собою, въ угодность Государю, посвятили Цамблака

въ Митрополиты, написавъ во всенародное известіе слѣдующую достопамятную грамоту[217]: г. 1425.

«Всякое даяніе благо и всякъ даръ совер«шенъ, свыше исходяй отъ Отца свѣтомъ. И «мы пріяли сей даръ Небесный; и мы утѣши«лись онымъ, Епископы странъ Россійскихъ, «друзья и братья по Духу Святому, сми«ренный *Архіепископъ* Полоцкій и Литов«скій, Ѳеодосій, Епископъ Исаакій Черни«говскій, Діонисій Луцкій, Герасимъ Влади«мірскій, Севастіанъ Смоленскій, Харитоній «Хельмскій, Евфимій Туровскій. Видя запу«стѣніе Церкви Кіевской, главной въ Руси, «имѣя Пастыря только именемъ, а не дѣ«ломъ, мы скорбѣли душею: ибо Митропо«литъ Фотій презиралъ наше духовное ста«до; не хотѣлъ ни править онымъ, ни ви«дѣть его; корыстовался единственно на«шими церковными доходами, и переносилъ «въ Москву древнюю утварь Кіевскихъ хра«мовъ. Богъ милосердый подвигнулъ сердце «Великаго Князя Александра Витовта, Ли«товскаго и многихъ Русскихъ земель Госпо«даря: онъ изгналъ Фотія и просилъ инаго «Митрополита отъ Царя и Патріарха; но «ослѣпленные неправедною мздою, они не «вняли моленію праведному. Тогда Великій «Князь собралъ насъ Епископовъ, всѣхъ Кня«зей Литовскихъ, Русскихъ и другихъ под«властныхъ ему, Бояръ, Вельможъ, Архиман«дритовъ, Игуменовъ, Священниковъ — и мы

г. 1425. «въ Новомъ Градѣ Литовскомъ, въ храмѣ «Богоматери, по благодати Святаго Духа «и преданію Апостольскому посвятили Кіевской Церкви Митрополита, именемъ Григорія, и свергнули Фотія, представивъ его «вины Патріарху, да не рекутъ люди сторонніе: *Государь Витовтъ иной Вѣры; онъ «не печется о Кіевской Церкви,* которая «есть мать Русскимъ, ибо Кіевъ есть мать «всѣмъ градамъ нашимъ. Епископы издревле «имѣли власть ставить Митрополитовъ, «и при Великомъ Князѣ Изяславѣ посвятили «Климента. Такъ и Болгары, древнѣйшіе «насъ въ Христіанствѣ, имѣютъ собственнаго Первосвятителя; такъ и Сербы, коихъ земля не можетъ равняться ни величествомъ, ни множествомъ народа съ областями Александра Витовта. Но что говорить о Болгарахъ и Сербахъ! Мы послѣдовали уставу Апостоловъ, которые предали намъ, ученикамъ своимъ, благодать «Св. Духа, равно дѣйствующую на всѣхъ «Епископовъ. Собираяся во имя Господне, «Святители вездѣ могутъ избирать достойнаго учителя и Пастыря, Самимъ Богомъ избираемаго. Да не скажутъ легкомысленные: *отлучимся отъ нихъ, когда «они удалились отъ Церкви Греческой!* «Нѣтъ: мы хранимъ преданія Святыхъ «Отцевъ, клянемъ ереси, чтимъ Патріарха Константиноградскаго и другихъ; «имѣемъ одну Вѣру съ ними, но отвергаемъ

«только беззаконную въ церковныхъ дѣлахъ г. 1425.
«власть, присвоенную Царями Греческими:
«ибо не Патріархъ, но Царь даетъ нынѣ
«Митрополитовъ, торгуя важнымъ Перво-
«святительскимъ саномъ. Такъ Мануилъ,
«любя не славу Церкви, а корысть свою,
«въ одно время прислалъ намъ трехъ Ми-
«трополитовъ: Кипріана, Пимена и Діони-
«сія. Сіе было виною многихъ долговъ, убыт-
«ковъ, мятежа, убійства[218], и — что всего
«хуже — безчестія для нашей Митрополіи.
«Разсудивъ же, что не подобаетъ Царю-
«мірянину ставить Митрополитовъ за день-
«ги, мы избрали достойнаго Первосвяти-
«теля . . . Въ лѣто 6924 Индикта, Нояб-
«ря 15» (въ 1415 году).

Тщетно Фотій писалъ грамоты къ Вельможамъ и народу южной Россіи, опровергая незаконное посвященіе Григорія, какъ дѣло одной мірской власти или *иновѣрнаго мучителя*, врага истинной Церкви[219]: древняя единственная Митрополія наша раздѣлилась отполѣ на двѣ, и Московскіе Первосвятители оставались только по имени Кіевскими. Григорій Цамблакъ, мужъ ученый и книжный, замышляя для славы своей соединить Церковь Греческую съ Латинскою, ѣздилъ для того съ Литовскими Панами въ Римъ и въ Константинополь, но возвратился безъ успѣха и скончался въ 1419 году, хвалимый въ южной Россіи за свое усердіе къ Вѣрѣ и проклинаемый въ Московской Со-

г. «въ Новомъ Градѣ Литовскомъ, въ храмѣ
1425. «Богоматери, по благодати Святаго Духа «и преданію Апостольскому посвятили Кіевской Церкви Митрополита, именемъ Григорія, и свергнули Фотія, представивъ его «вины Патріарху, да не рекутъ люди стоpонніе: *Государь Витовтъ иной Вѣры; онъ «не печется о Кіевской Церкви,* которая «есть мать Русскимъ, ибо Кіевъ есть мать «всѣмъ градамъ нашимъ. Епископы издревле «имѣли власть ставить Митрополитовъ, «и при Великомъ Князѣ Изяславѣ посвятили «Климента. Такъ и Болгары, древнѣйшіе «насъ въ Христіанствѣ, имѣютъ собственнаго Первосвятителя; такъ и Сербы, коихъ земля не можетъ равняться ни величествомъ, ни множествомъ народа съ областями Александра Витовта. Но что говорить о Болгарахъ и Сербахъ! Мы послѣдовали уставу Апостоловъ, которые предали намъ, ученикамъ своимъ, благодать «Св. Духа, равно дѣйствующую на всѣхъ «Епископовъ. Собираяся во имя Господне, «Святители вездѣ могутъ избирать достойнаго учителя и Пастыря, Самимъ Богомъ избираемаго. Да не скажутъ легкомысленные: *отлучимся отъ нихъ, когда «они удалились отъ Церкви Греческой!* «Нѣтъ: мы хранимъ преданія Святыхъ «Отцевъ, клянемъ ереси, чтимъ Патріарха Константиноградскаго и другихъ; «имѣемъ одну Вѣру съ ними, но отвергаемъ

«только беззаконную въ церковныхъ дѣлахъ г.
«власть, присвоенную Царями Греческими: 1425.
«ибо не Патріархъ, но Царь даетъ нынѣ
«Митрополитовъ, торгуя важнымъ Перво-
«святительскимъ саномъ. Такъ Мануилъ,
«любя не славу Церкви, а корысть свою,
«въ одно время прислалъ намъ трехъ Ми-
«трополитовъ: Кипріана, Пимена и Діони-
«сія. Сіе было виною многихъ долговъ, убыт-
«ковъ, мятежа, убійства[218], и — что всего
«хуже — безчестія для нашей Митрополіи.
«Разсудивъ же, что не подобаетъ Царю-
«мірянину ставить Митрополитовъ за день-
«ги, мы избрали достойнаго Первосвяти-
«теля . . . Въ лѣто 6924 Индикта, Нояб-
«ря 15» (въ 1415 году).

Тщетно Фотій писалъ грамоты къ Вельможамъ и народу южной Россіи, опровергая незаконное посвященіе Григорія, какъ дѣло одной мірской власти или *иновѣрнаго мучителя*, врага истинной Церкви[219]: древняя единственная Митрополія наша раздѣлилась отполѣ на двѣ, и Московскіе Первосвятители оставались только по имени Кіевскими. Григорій Цамблакъ, мужъ ученый и книжный, замышляя для славы своей соединить Церковь Греческую съ Латинскою, ѣздилъ для того съ Литовскими Панами въ Римъ и въ Константинополь, но возвратился безъ успѣха и скончался въ 1419 году, хвалимый въ южной Россіи за свое усердіе къ Вѣрѣ и проклинаемый въ Московской Со-

г. 1425. борной церкви какъ отступникъ[220]. Онъ уставилъ торжествовать память Св. Параскевы Тарновской и написалъ ея житіе вмѣстѣ со многими Христіанскими поученіями. Преемникомъ его въ Кіевской Митрополіи былъ Герасимъ, Смоленскій Епископъ, поставленный Константинопольскимъ Патріархомъ въ 1433 году[221].

Судная грамота. Отвергая мнимую Василіеву грамоту о судѣ церковномъ, между памятниками его княженія нашли мы другую, гораздо несомнительнѣйшую, о судѣ гражданскомъ. Она тѣмъ любопытнѣе, что со временъ Ярослава Великаго до XV вѣка не встрѣчалось намъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ архивахъ, ничего относительнаго къ древнему Россійскому законодательству. Сія судная грамота писана къ Двинскимъ жителямъ, когда они въ 1397 году признали себя подданными Государя Московскаго, и содержитъ слѣдующее[222]:

«Буде я, Великій Князь, опредѣлю къ «вамъ въ Намѣстники своего Боярина, или «Двинскаго, то они должны поступать со-«гласно съ симъ предписаніемъ.

«Ежели сдѣлается убійство, то сыскать «убійцу; ежели не найдутъ его, то во-«лость платитъ Намѣстнику 10 рублей; «за рану кровавую 30 бѣлокъ, за синюю «15 бѣлокъ; а преступникъ наказывается «особенно.

«Кто обезчеститъ Боярина словами или

«ударитъ, съ того взыскиваютъ Намѣст- г.
«ники пеню по чину или роду обиженнаго. 1425.

«Буде драка случится въ пиршествѣ, и «тамъ же прекратится миромъ: то На-«мѣстникамъ и Дворянамъ нѣтъ дѣла; а «буде миръ сдѣлается уже послѣ, то На-«мѣстникъ беретъ куницу *шерстью*.

«Перепахавъ или перекосивъ межу на «одномъ полѣ или на одномъ лугу, винов-«ный даетъ барана, за перепаханную межу «сельскую 30 бѣлокъ, за Княжескую 120 «бѣлокъ; но его не вязать. — Вообще всѣ «судимые, дающіе порукъ, остаются сво-«бодны. Съ человѣка скованнаго Дворянамъ «судейскимъ не просить ничего; всякое обѣ-«щаніе въ такомъ случаѣ недѣйствительно.

«У кого найдется краденое, но кто све-«детъ съ себя татьбу, и доищется вора: «тому нѣтъ наказанія. Воръ же платитъ «въ первый разъ цѣну украденнаго; за пре-«ступленіе вторичное наказывается тяжкою «денежною пенею, а въ третій разъ висѣ-«лицею. Тать во всякомъ случаѣ долженъ «быть заклейменъ.

«Уличенный въ *самосудѣ* платитъ 4 руб-«ля; а самосудъ есть то, когда гражданинъ «или земледѣлецъ, схвативъ татя, отпу-«ститъ его за деньги, а Намѣстники о «семъ узнаютъ.

«Кто будучи вызываемъ къ суду, не явит-«ся, на того Намѣстники даютъ грамоту «*правую безсудную* или обвинительную.

г. 1425. «Господинъ, ударивъ холопа своего и не-«чаянно убивъ до смерти, не отвѣт-«ствуетъ за то Намѣстникамъ.

«Въ тяжбахъ со всякаго рубля Намѣстни-«ку полтина.

«Обиженные Намѣстникомъ приносятъ жа-«лобу мнѣ, Великому Князю. Я потребую «его къ отвѣту; и буде въ срокъ не явит-«ся, то велю Приставу Княжескому по-«ступить съ нимъ какъ съ виновнымъ.

«Двинскіе купцы не должны быть суди-«мы ни въ Устюгѣ, ни въ Вологдѣ, ни въ «Костромѣ. Если будутъ обличены въ тать-«бѣ, то представить ихъ ко мнѣ, Вели-«кому Князю, и ждать моего суда, или жа-«ловаться на нихъ Двинскимъ моимъ На-«мѣстникамъ.

«Двиняне торгуютъ безъ пошлины во «всѣхъ областяхъ Великаго Княженія, пла-«тя единственно Устюжскимъ и Вологод-«скимъ Намѣстникамъ двѣ мѣры соли съ «ладіи, а съ воза двѣ бѣлки» и проч. Далѣе опредѣляется платежъ Дворянамъ или судейскимъ Отрокамъ (какъ они въ древней Русской Правдѣ именуются) за трудъ и переѣзды.

Сіи законы уже не сходствуютъ съ Уставомъ Ярослава Великаго, опредѣляя смертную казнь за воровство, наказываемое у насъ въ старину одною денежною пенею. — Подъ именемъ *бѣлокъ*, упоминаемыхъ здѣсь въ означеніи цѣнъ, должно разумѣть не

древнія векши, или кожаную монету, а дѣйствительныя бѣльи шкуры, такъ же, какъ въ другомъ мѣстѣ сей грамоты сказано, что Намѣстникъ за драку беретъ куницу *шерстью:* слѣдственно кунью шкуру. Нѣтъ вѣроятности, чтобы виновный за кровавую рану и за перепаханіе межи платилъ только 30 *векшей:* сумму ничтожную по цѣнѣ древнихъ кожаныхъ денегъ. Впрочемъ сіи деньги, или *куны,* тогда еще ходили въ Двинской землѣ: ибо Новогородское Правительство отмѣнило ихъ уже въ 1410 году, замѣнивъ оныя мѣдными грошами Литовскими и Шведскими Ортугами, а въ 1420 году серебряною монетою, подобною Московской и другимъ Россійскимъ, продавъ мѣдную Нѣмцамъ. То же сдѣлали и Псковитяне; и съ сего времени во всей Россіи начала ходить собственная монета серебряная. Куны наконецъ столь унизились въ цѣнѣ, что въ 1407 году Псковитяне давали ими 15 гривенъ за полтину серебра[223]. Г. 1425.

Въ прибавленіе къ Исторіи Василія Димитріевича сообщимъ слѣдующія извѣстія:

Въ его княженіе Россіяне начали считать годы міроданія съ Сентября мѣсяца, оставивъ древнее лѣтосчисленіе съ Марта. Вѣроятно, что Митрополитъ Кипріанъ первый ввелъ сію новость, подражая тогдашнимъ Грекамъ[224]. Разныя извѣстія.

Уже при Димитріи Донскомъ нѣкоторые знаменитые граждане именовались по родамъ

г. 1425. или фамиліямъ, вмѣсто прозвищъ, коими различались прежде люди одного имени и отечества[225]: при Василіи сіе обыкновеніе утвердилось, и древнія Славянскія имена вышли изъ употребленія.

Въ сіе время Москва славилась иконописцами, Симеономъ Чернымъ, старцемъ Прохоромъ, Городецкимъ жителемъ, Даніиломъ и Монахомъ Андреемъ Рублевымъ, столь знаменитымъ, что иконы его въ теченіе стапятидесяти лѣтъ служили образцемъ для всѣхъ иныхъ живописцевъ. Въ 1405 году онъ расписалъ церковь Св. Благовѣщенія на Дворѣ Великокняжескомъ, а въ 1408 Соборную Св. Богоматери въ Владимірѣ, первую вмѣстѣ съ Грекомъ Ѳеофаномъ и съ Прохоромъ, а вторую съ Даніиломъ. — И въ литейномъ художествѣ Москва имѣла искусныхъ мастеровъ: одинъ изъ нихъ (въ 1420 году) научилъ Псковскаго гражданина Ѳеодора лить свинцовыя доски для кровли церковной: за что Псковитяне дали ему 46 рублей. Дерптскіе Нѣмцы, скрывая отъ Россіянъ всѣ успѣхи полезныхъ художествъ, никакъ не хотѣли присылать къ нимъ своихъ мастеровъ[226].

Въ 1404 году Монахъ Аѳонской горы, именемъ Лазарь, родомъ Сербинъ, сдѣлалъ въ Москвѣ первые боевые часы, которые были поставлены на Великокняжескомъ дворѣ за церковію Благовѣщенія, и стоили болѣе полутораста рублей, то есть, около прид-

цати фунтовъ серебра. Народъ удивлялся сему произведенію искусства какъ чуду[227]. г. 1425.

Въ 1394 году Великій Князь, желая болѣе укрѣпить столицу, велѣлъ копать ровъ отъ Кучкова поля, или нынѣшнихъ Сретенскихъ воротъ, до Москвы-рѣки, глубиною въ человѣка, а шириною въ сажень. Для сего, къ неудовольствію гражданъ, надлежало разметать многіе домы: ибо ровъ шелъ сквозь улицы и дворы[228]. Слѣдственно Москва была тогда уже обширнѣе нынѣшняго Бѣлаго города.

Въ 1390 году знатный юноша, именемъ Осей, сынъ Великокняжескаго пѣстуна, былъ смертельно уязвленъ оружіемъ въ Коломнѣ *на игрушкѣ*, какъ сказано въ лѣтописи[229]: сіе извѣстіе служитъ доказательствомъ, что предки наши, подобно другимъ Европейцамъ, имѣли рыцарскія игры, столь благопріятныя для мужества и славолюбія юныхъ витязей.

Въ посланіи Митрополита Фотія, писанномъ въ 1410 году къ Новогородскому Архіепископу Іоанну, находимъ нѣкоторыя достопамятныя черты относительно къ тогдашнимъ понятіямъ, обыкновеніямъ и нравамъ. Фотій велитъ наказывать эпитиміею мужа и жену, которые совокупились бракомъ безъ церковнаго, Іерейскаго благословенія, и вѣнчать свадьбы послѣ Обѣдни, а не въ полдень, не ночью; дозволяетъ третій бракъ единственно молодымъ людямъ, не имѣю-

Г. 1425. щимъ дѣтей, и съ условіемъ не входить въ церковь пять лѣтъ, или заслужить прощеніе искреннимъ, ревностнымъ покаяніемъ, слезами и сокрушеніемъ сердца; возбраняетъ дѣвицамъ замужство прежде двѣнадцати лѣтъ; всѣхъ, дерзающихъ пить вино до обѣда, лишаетъ причащенія; строго осуждаетъ непристойную брань именемъ отца или матери; запрещаетъ Духовенству торговать и лихоимствовать, Инокамъ и Черницамъ жить въ одномъ монастырѣ, вдовымъ Іереямъ быть въ женскихъ Обителяхъ, людямъ легковѣрнымъ слушать басни и принимать *лихихъ бабъ съ узлами*, съ ворожбою и съ зеліемъ. Сей Митрополитъ изъявлялъ отмѣнное усердіе къ истинному Христіанскому просвѣщенію и писалъ многія учительныя посланія къ Духовенству, Князьямъ и народу[230].

Добродѣтель супруги Донскаго. Василій Димитріевичь за 18 лѣтъ до кончины своей оплакалъ смерть матери, Евдокіи, славной умомъ, а еще болѣе Христіанскими добродѣтелями, и сравниваемой Лѣтописцами съ Маріею, супругою внука Мономахова, Всеволода Великаго, въ ревности къ украшенію церквей. Она построила Вознесенскій Дѣвическій монастырь въ Кремлѣ, церковь Рождества Богоматери и другія, расписанныя Грекомъ Ѳеофаномъ и Симеономъ Чернымъ[231]. Сія Княгиня набожная сколь любила добродѣтель, столь ненавидѣла ея личину: изнуряя тѣло свое поста-

ми, хотѣла казаться тучною; носила на г. себѣ нѣсколько одеждъ; украшалась бисе- 1425. ромъ, являлась вездѣ съ лицемъ веселымъ, и радовалась, слыша, что злословіе представляетъ ея цѣломудріе сомнительнымъ. Говорили, что Евдокія желаетъ нравиться, и даже имѣетъ любовниковъ. Сія молва оскорбила сыновей, особенно Юрія Димитріевича, который не могъ скрыть своего безпокойства отъ матери. Евдокія призвала ихъ, и свергнула съ себя часть одежды: сыновья ужаснулись, видя худобу ея тѣла и кожу совершенно изсохшую отъ неумѣреннаго воздержанія. «Вѣрьте» — сказала она — «что ваша мать цѣломудренна; «но видѣнное вами да будетъ тайною для «міра. Кто любитъ Христа, долженъ сносить клевету и благодарить Бога за «оную»[272]. Но злословіе скоро умолкло: Евдокія, не задолго до кончины оставивъ міръ, и названная въ монашествѣ Евфросиніею, преставилась съ именемъ Святой Угодницы Божіей.

ГЛАВА III.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВАСИЛІЕВИЧЪ ТЕМНЫЙ.

Г. 1425 — 1462.

Чудо. Междоусобіе. Язва. Нашествіе Литвы. Съѣздъ въ Литвѣ. Характеръ Витовта. Происшествія Литовскія. Набѣги Татаръ. Судъ въ Ордѣ. Междоусобія. Злодѣйство. Распря съ Новымгородомъ. Рожденіе Іоанна Великаго. Дань Ординская. Изгнанный Ханъ въ Бѣлевѣ. Царство Казанское. Смерть Димитрія Краснаго. Соборъ Флорентійскій. Новая вражда. Дѣла Новогородскія. Войны. Храбрость Мустафы. Нашествіе Царя Казанскаго. Плѣнъ Великаго Князя. Ужасъ и бѣдствіе Москвы. Разбой Князя Тверскаго. Освобожденіе Василія. Землетрясеніе. Злодѣйство Шемякино. Ослѣпленіе Вел. Князя. Безразсудность Шемяки. Пословица. Вѣроломство. Смиреніе Василія. Обрученіе юнаго Іоанна. Изгнаніе Шемяки. Клятва. Благоразумное правленіе Василіево. Булла Папы. Іоаннъ Соправитель. Договоры. Достопамятное посланіе. Послѣдняя изъ знаменитыхъ битвъ Княжескаго междоусобія. Нашествіе Татаръ. Смерть Шемяки. Успѣхи Единовластія. Усмиреніе Новагорода. Рязанскій Князь воспитывается въ Москвѣ. Неблагодарность Василіева. Покореніе Вятки. Дѣла Псковскія. Набѣги Татаръ. Кончина и свойства Василіевы. Жестокость тогдашнихъ нравовъ. Суевѣріе. Перемѣна монеты въ Новѣгородѣ. Дѣла церковныя. Взятіе Константинополя Турками. Начало Крымской Орды.

Г. 1425. Новый Великій Князь имѣлъ не болѣе десяти лѣтъ отъ рожденія. Подобно отцу и дѣду въ началѣ ихъ государствованія, онъ зависѣлъ отъ Совѣта Боярскаго, но не могъ

равняться съ ними ни въ счастіи, ни въ душевныхъ способностяхъ. Не бывъ еще никогда жертвою внутренняго междоусобія, Великое Княженіе Московское при Василіи Темномъ долженствовало испытать сіе зло и видѣть уничиженіе своего Вѣнценосца, имъ заслуженное. Только Провидѣніе, обстоятельства и вѣрность народная, какъ бы вопреки худымъ совѣтникамъ Престола спасли знаменитость Москвы и Россію. Г. 1425.

Сей Князь еще въ колыбели именовался *Великимъ* по слѣдующему происшествію, коего истину утверждаютъ Лѣтописцы. Мать его не скоро разрѣшилась отъ бремени и терпѣла ужасныя муки. Безпокойный отецъ просилъ одного Святаго Инока Іоанновской Обители молиться о Княгинѣ Софіи. «Не «тревожься!» отвѣтствовалъ старецъ: «Богъ даруетъ тебѣ сына и наслѣдника «всей Россіи.» Между тѣмъ Духовникъ Великокняжескій, Священникъ Спасскаго Кремлевскаго монастыря, сидѣлъ въ своей кельѣ и вдругъ услышалъ голосъ: «иди и дай имя «*Великому Князю Василію.*» Священникъ отворилъ дверь, и не видя никого, удивился; спѣшилъ во дворецъ, и свѣдалъ, что Софія дѣйствительно въ самую ту минуту родила сына. Невидимаго вѣстника, приходившаго къ Духовнику, сочли Ангеломъ; младенца назвали Василіемъ, и народъ съ сего времени видѣлъ въ немъ своего будущаго Государя, ожидая отъ него, какъ вѣроятно, Чудо.

Г. 1425. чего нибудь необыкновеннаго[233]. Надежда осталась без исполненія, но могла быть причиною особеннаго усердія Москвитян к сему внуку Донскаго.

Междоусобіе. Василій Димитріевичь преставился ночью: Митрополит Фотій в тот же час послал своего Боярина, Іакинѳа Слебятева, в Звенигород к Князю Юрію Димитріевичу, с требованіем, чтобы он, вмѣстѣ с меньшими братьями, признал племянника Великим Князем. Но Юрій, всегда имѣв надежду, в противность новому уставу, быть преемником старшаго брата, не захотѣл ѣхать в Москву, удалился в Галичь, и свѣдав о торжественном восшествіи юнаго Василія на Великокняжескій престол, отправил к нему Посла с угрозами. Ни дядя, ни племянник не думал уступить старѣйшинства; и хотя заключили перемиріе до Петрова дни, однакожь Юрій, не теряя времени, собирал войско в городах своего Удѣла. Великій Князь предупредил его, и вмѣстѣ с другими дядями выступил к Костромѣ. Юрій ушел в Новгород Нижній; наконец за рѣку Суру, откуда Константин Димитріевичь, отправленный в слѣд за ним с полками Великокняжескими, возвратился в Москву без всякой битвы. Юрій требовал новаго перемирія на год; а Василій по совѣту матери, дядей и самаго Витовта Литовскаго, послал к нему в Галичь Митро-

полипа Фопія, копорый, бывъ впрѣченъ за городомъ всѣмъ Княжескимъ семействомъ, съ изумленіемъ увидѣлъ тамъ множество собраннаго изъ разныхъ областей народа. Юрій думалъ похвалиться безчисленностію своихъ людей, и густыми толпами ихъ усыпалъ всю гору при въѣздѣ въ Галичь съ Московской стороны; но Митрополитъ, отгадавъ его мысль, съ насмѣшкою далъ ему чувствовать, что крестьяне не воины, и сермяги не лапы. Начали говорить о мирѣ: Юрій не хотѣлъ онаго, требуя единственно перемирія, и столь разгнѣвалъ Фотія, что сей Первосвятитель, не благословивъ ни Князя, ни города, немедленно уѣхалъ. Въ лѣтописи сказано, что въ самый день Митрополитова отбытія сдѣлался моръ въ Галичѣ; что Юрій, приведенный тѣмъ въ ужасъ, верхомъ поскакалъ въ слѣдъ за Фотіемъ, и догнавъ его за озеромъ, въ селѣ Пасынковѣ, слезами и раскаяніемъ убѣдилъ возвратиться; что благословеніе Пастыря, данное народу, прекратило болѣзнь, и Князь послалъ въ Москву двухъ Вельможъ заключить миръ, обѣщавъ не искать Великаго Княженія, пока Царь Ординскій рѣшитъ, кому принадлежитъ оное.

г. 1425.

Смутное начало Василіева княженія предвѣщало бѣдствія государственныя Россіи, еще опустошаемой тою язвою, которую мы описали въ исторіи отца его, и кото-

рая съ Троицына дни возобновилась въ Мо-
Язва. сквѣ, завезенная туда изъ Ливоніи черезъ Псковъ, Новгородъ и Тверь, гдѣ въ одинъ годъ скончались Князь Іоаннъ Михайловичь,
г. 1426 —31. сынъ Іоанновъ Александръ и внукъ Юрій Александровичь, княживъ мѣсяцъ. Брашъ Юріевъ, Борисъ, сѣлъ на Тверскомъ пресшолѣ, ошдавъ племяннику, Іоанну Юрьевичу, городъ Зубцевъ и взявъ подъ сшражу дядю своего, Василія Михайловича Кашинскаго. Въ Москвѣ пресшавились дядя Великаго Князя Пешръ Димишріевичь и шри сына Владиміра Храбраго, Андрей, Ярославъ и Василій. Въ Торжкѣ, Волокѣ, Дмишровѣ и въ другихъ городахъ умерло множесшво людей. Ошличнымъ знакомъ сей новой язвы былъ синій или багровый пузырь на шѣлѣ: синій предзнаменовалъ неизбѣжную смершь въ шрешій день, а багровый выгнивалъ, и недужные осшавались живы. Лѣшописецъ говоришъ, чшо съ сего времени, какъ нѣкогда съ Ноева попопа, вѣкъ человѣческій сокрашился въ Россіи, и предки наши сдѣлались щедушнѣе, слабѣе; чшо въ разныхъ мѣсшахъ были сшрашныя явленія; чшо ошъ великой засухи (въ 1430 году) воды исшощились; земля, боры горѣли: люди среди гусшыхъ облаковъ дыма не могли видѣшь другъ друга; звѣри, пшицы и рыбы въ рѣкахъ умирали; вездѣ голодъ и болѣзни свирѣпсшвовали. Однимъ словомъ, послѣдніе годы Василія Димиш-

ріевича и первые сына его составляютъ печальнѣйшую эпоху нашей Исторіи въ XV вѣкѣ. Язва возобновлялась еще во Псковѣ и въ Москвѣ около 1442 и 1448 года.

Непріятели внѣшніе также безпокоили Россію. Корыстолюбивый Витовтъ, не боясь малолѣтнаго Василія, (въ 1426 году) приступилъ къ Опочкѣ, городу Псковскому, съ войскомъ многочисленнымъ, въ коемъ были даже Богемцы, Волохи и дружина Хана Татарскаго, Махмета. Жители употребили хитрость: сдѣлали тонкій мостъ передъ городскими воротами, укрѣпивъ его однѣми веревками, и набивъ подъ нимъ, въ глубокомъ рвѣ, множество острыхъ кольевъ; а сами укрылись за стѣнами. Непріятели, не видя никого, вообразили, что крѣпость пуста, и толпами бросились на мостъ: тогда граждане подрѣзали веревки. Литовцы, падая на колья, умирали въ мукахъ; другіе же, взятые въ плѣнъ, терпѣли еще лютѣйшія: граждане сдирали съ нихъ кожу, въ глазахъ Витовта и всего осаждающаго войска[234]. Сіе варварство имѣло счастливый успѣхъ: ибо Князь Литовскій — увѣренный, что Россіяне будутъ обороняться до послѣдняго издыханія — отступилъ къ Вороночу. Тутъ сдѣлалась страшная буря съ грозою, столь необыкновенная, что Литовцы ожидали преставленія свѣта, и самъ Витовтъ, обхвативъ руками шатерный столпъ, въ ужасѣ во-

Г. 1426 —31. Нашествіе Литвы.

Г. 1426 —31. пилъ; *Господи помилуй!* Сіе худое начало расположило его къ миру. Псковитяне, тревожимые Нѣмцами, оставленные Новогородцами, обманутые надеждою и на посредничество Великаго Князя, коего Посолъ не могъ ничего для нихъ сдѣлать, обязались заплатить Витовту 1450 рублей серебра. Чрезъ два года онъ посѣтилъ и богатыхъ Новогородцевъ, которые спорили съ нимъ о границахъ и дерзнули назвать его измѣнникомъ. Современный Историкъ Польскій описываетъ ихъ людьми мирными, преданными сластолюбію и роскоши: въ надеждѣ на свои непроходимыя болота они смѣялись надъ угрозами Витовта и велѣли ему сказать, что варятъ медъ для его прибытія; но сей старецъ, еще бодрый и дѣятельный, со многочисленнымъ войскомъ открылъ себѣ путь сквозь опасные зыби такъ называемаго *Чернаго лѣса*. Десять тысячь работниковъ шли впереди съ сѣкирами, устилая дорогу срубленными деревьями, которыя служили мостомъ для пѣхоты, конницы и снаряда огнестрѣльнаго, пищалей, *тюфяковъ* и пушекъ. Витовтъ осадилъ Порховъ. Лѣтописцы разсказываютъ, что самая огромная изъ его пушекъ, сдѣланная Нѣмецкимъ мастеромъ Николаемъ, называемая *Галкою* и привезенная на 40 лошадяхъ, однимъ выстрѣломъ сразила каменную городскую башню и стѣну въ церкви Св. Николая; но разлетѣлась на ча-

сти и своими обломками умертвила множество Литовцев, въ томъ числѣ и самаго мастера вмѣстѣ съ Воеводою Полоцкимъ. Въ городѣ начальствовалъ Посадникъ Григорій и знаменитый мужъ Исаакъ Борецкій: не имѣя ни малой надежды отстоять крѣпость, они выѣхали къ непріятелю и предложили ему 5000 рублей; а Новогородцы, приславъ Архіепископа Евфимія съ чиновниками въ станъ Литовскій, также старались купить миръ серебромъ. Витовтъ могъ бы безъ сомнѣнія осадить и Новгородъ; однакожь — разсуждая, что вѣрное лучше невѣрнаго — взялъ 10,000 рублей, за плѣнниковъ же особенную тысячу, и сказавъ: «впредь не смѣйте называть меня ни измѣнникомъ, ни бражникомъ», возвратился въ Литву. Сія дань, составляя не менѣе пятидесяти-пяти пудъ серебра, была тягостна для Новогородцевъ, которые собирали ее по всѣмъ ихъ областямъ и въ Заволочьѣ; каждые десять человѣкъ вносили въ казну рубль: слѣдственно въ Новогородской землѣ находилось не болѣе ста-десяти тысячь людей или владѣльцевъ, платившихъ государственныя подати[258]. Г. 1426 —31.

Не смотря на сіи непріятельскія дѣйствія Витовта въ Сѣверо-западной Россіи, онъ жилъ мирно съ юнымъ внукомъ своимъ, Великимъ Княземъ; обязалъ его даже клятвою не вступаться ни въ Новогород-

Г. 1426 —31. скія, ни въ Псковскія дѣла, и въ 1430 году дружески пригласилъ къ себѣ въ гости[236]. Съ Василіемъ отправился въ Литву и Митрополитъ Фотій. Въ Трокахъ нашли они сѣдаго, осьмидесятилѣтняго Витовта, окруженнаго сонмомъ Вельможъ Литовскихъ. Скоро съѣхались къ нему многіе

Съѣзд. въ Литвѣ. гости знаменитые: Князья Борисъ Тверскій, Рязанскій, Одоевскіе, Мазовскіе, Ханъ Перекопскій, изгнанный Господарь Волошскій Илія, Послы Императора Греческаго, Великій Магистръ Прусскій, Ландмаршалъ Ливонскій съ своими сановниками, и Король Ягайло. Лѣтописцы говорятъ, что сей торжественный съѣздъ Вѣнценосцевъ и Князей представлялъ зрѣлище рѣдкое; что гости старались удивить хозяина великолѣпіемъ своихъ одеждъ и многочисленностію слугъ, а хозяинъ удивлялъ гостей пирами роскошными, какихъ не бывало въ Европѣ, и для коихъ ежедневно изъ погребовъ Княжескихъ отпускалось 700 бочекъ меду, кромѣ вина, Романеи, пива, — а на кухню привозили 700 быковъ и яловицъ, 1400 барановъ, 100 зубровъ, столько же лосей и кабановъ. Праздновали около семи недѣль, въ Трокахъ и въ Вильнѣ; но занимались и важнымъ дѣломъ: оно состояло въ томъ, что Витовтъ, по совѣту Цесаря Сигизмунда (имѣвшаго съ нимъ, въ Генварѣ 1429 года, свиданіе въ Луцкѣ) хотѣлъ назваться *Королемъ* Литовскимъ и принять вѣ-

нецъ отъ руки Посла Римскаго. Къ досадѣ сего величаваго старца, Вельможи Польскіе воспротивились его намѣренію, боясь, чтобы Литва, сдѣлавшись особеннымъ Королевствомъ, не отдѣлилась отъ Польши, къ ихъ вреду обоюдному: чего дѣйствительно тайно желалъ хитрый Цесарь. Тщетно грозилъ Витовтъ: самъ Папа, взявъ сторону Ягайловыхъ Вельможъ, запретилъ ему думать о вѣнцѣ Королевскомъ, и веселые пиры заключились болѣзнію огорченнаго хозяина. Всѣ разъѣхались: одинъ Фотій жилъ еще нѣсколько дней въ Вильнѣ, стараясь, какъ вѣроятно, о присоединеніи Кіевской Митрополіи къ Московской; наконецъ, отпущенный съ ласкою, свѣдалъ въ Новогродкѣ о смерти Витовта[237]. Сей Князь, тогда славнѣйшій изъ Государей сѣверной Европы, былъ для нашего отечества ужаснѣе Гедимина и Ольгерда, своими завоеваніями стѣснивъ предѣлы Россіи на Югѣ и Западѣ; въ тѣлѣ маломъ вмѣщалъ душу великую; умѣлъ пользоваться случаемъ и временемъ, повелѣвать народомъ и Князьями, награждать и наказывать; за столомъ, въ дорогѣ, на охотѣ занимался дѣлами; обогащая казну войною и торговлею, собирая несмѣтное множество серебра, золота, расточалъ оныя щедро, но всегда съ пользою для себя; человѣколюбія не вѣдалъ; смѣялся надъ правилами государственнаго нравоученія; нынѣ давалъ, зав-

Г. 1426.—31.

Характеръ Витовта.

Г. 1426 —31. тра отнималъ безъ вины; не искалъ любви, довольствуясь страхомъ; въ пирахъ отличался трезвостію и подобно Ольгерду не пилъ ни вина, ни крѣпкаго меда, но любилъ женъ, и не рѣдко оставляя рать въ полѣ, обращалъ коня къ дому, чтобы летѣть въ объятія юной супруги. Съ нимъ, по словамъ Историка Польскаго[238], возсіяла и затмилась слава народа Литовскаго, къ счастію Россіи, которая безъ сомнѣнія погибла бы навѣки, если бы Витовтовы преемники имѣли его умъ и славолюбіе; но Свидригайло, братъ Ягайловъ, и Сигизмундъ, сынъ Кестутіевъ, одинъ послѣ другаго властвовавъ надъ Литвою, истуряли только ея силы междоусобіемъ, войнами съ Польшею, тиранствомъ и грабительствомъ. Свидригайло, зять Князя Тверскаго, Бориса, всегда омраченный парами вина, служилъ примѣромъ вѣтрености и неистовства, однакожь былъ любимъ Россіянами за его благоволеніе къ Вѣрѣ Греческой. Братъ Витовтовъ, Сигизмундъ, изгнавъ Свидригайла — бывшаго потомъ нѣсколько лѣтъ пастухомъ въ Молдавіи — господствовалъ какъ ужаснѣйшій изъ тирановъ, и палимый страстію златолюбія, губилъ Вельможъ, купцевъ, богатыхъ гражданъ, чтобы овладѣть ихъ достояніемъ; не вѣря людямъ, вмѣсто стражи держалъ при себѣ дикихъ звѣрей, и не могъ спастися отъ ножа убійцъ: Князья Іоаннъ и Але-

Происшествія Литовскія.

ксандръ Черторижскіе, внуки Ольгердовы, умертвили сего изверга, коего преемникомъ былъ (въ 1440 году) сынъ Ягайловъ, Казимиръ; а добродушный сынъ Сигизмундовъ, Михаилъ, умеръ изгнанникомъ въ Россіи, отравленный какимъ-то злодѣемъ по наущенію Вельможъ Литовскихъ, какъ думали. — Новогородцы въ 1431 году заключили мирный договоръ съ Свидригайломъ, а въ 1436 съ Сигизмундомъ[239]. Г. 1426. —31.

Что въ сіе время происходило въ Ордѣ, о томъ не имѣемъ никакого свѣдѣнія. Въ 1426 году Татары плѣнили нѣсколько человѣкъ въ Украйнѣ Рязанской; другая многочисленная толпа ихъ, предводительствуемая Царевичемъ и Княземъ, чрезъ три года опустошила Галичь, Кострому, Плесо и Лугъ. Единственною цѣлію сихъ впаденій былъ грабежъ. Настигнувъ хищниковъ, Рязанцы отняли у нихъ и добычу и плѣнныхъ; а дяди Князя Великаго, Андрей и Константинъ Димитріевичи, ходили въ слѣдъ за Царевичемъ до Нижняго. Они не могли догнать непріятеля; но Князь Стародубскій-Пестрый и Ѳеодоръ Константиновичь Добрынскій, недовольные ихъ медленностію, тайно отдѣлились отъ Московскаго войска съ своими дружинами, и на голову побили задній отрядъ Татарскій. Осенью въ 1430 году Князь Ординскій Айдаръ воевалъ Литовскую Россію и приступалъ ко Мценску; отраженный тамошнимъ храбрымъ начальникомъ, Гри- Набѣги Татаръ.

Г. 1426. —31. горьемъ Протасьевымъ, употребилъ обманъ: давъ ему клятву въ дружествѣ, вызвалъ его изъ города и взялъ въ плѣнъ. Золотая Орда повиновалась тогда Хану Махмету, который, уважая Народное Право, осыпалъ Айдара укоризнами, а мужественнаго Воеводу, Григорія, ласками, и возвратилъ ему свободу: примѣръ чести, весьма рѣдкій между варварами! Въ томъ же году, весною, Великій Князь посылалъ Воеводу своего, Князя Θеодора Давидовича Пестраго, на Волжскую и Камскую Болгарію, гдѣ Россіяне взяли не мало плѣнниковъ[240].

Миновало около шести лѣтъ послѣ заключеннаго юнымъ Василіемъ мира съ дядею его, Юріемъ: условіе, рѣшить споръ о Великомъ Княженіи судомъ Ханскимъ, оставалось безъ исполненія: для того ли, что Цари непрестанно мѣнялись въ мятежной Ордѣ, или Василій хотѣлъ уклониться отъ сего постыднаго для нашихъ Князей суда, въ надеждѣ смирить дядю? Они дѣйствительно въ 1428 году клятвою утвердили договоръ, чтобы каждому остаться при своемъ[241]; но Юрій, года три живъ спокойно, объявилъ войну племяннику. Тогда Великій Князь предложилъ дядѣ ѣхать къ Царю Махмету: согласились, и Василій, раздавъ по церквамъ богатую милостыню, съ горестнымъ сердцемъ оставилъ Москву; въ прекрасный лѣтній день, Августа 15, обѣдалъ на лугу близъ Симонова монастыря, и

не могъ безъ слезъ смотрѣть на блестящія главы ея храмовъ. Никто изъ Князей Московскихъ не погибалъ въ Ордѣ: Бояре утѣшали юнаго Василія разсказами о чести и ласкахъ, оказанныхъ тамъ его родителю; но мысль, отдать себя въ руки невѣрнымъ и съ престола знаменитаго упасть къ ногамъ варвара, омрачала скорбію душу сего слабаго юноши. За нимъ отправился и Юрій. Они вмѣстѣ прибыли въ Улусъ Баскака Московскаго, Булата, друга Василіева и непріятеля Юріева. Но сей послѣдній имѣлъ заступника въ сильномъ Мурзѣ Тегинѣ, который увезъ его съ собою зимовать въ Тавриду и далъ слово исходатайствовать ему Великокняжеское достоинство. Къ счастію Василія, былъ у него Бояринъ хитрый, искательный, велерѣчивый, именемъ Іоаннъ Димитріевичь: онъ умѣлъ склонить всѣхъ Ханскихъ Вельможъ въ пользу своего юнаго Князя, представляя, что имъ будетъ стыдно, если Тегиня одинъ доставитъ Юрію санъ Великокняжескій; что сей Мурза необходимо присвоитъ себѣ власть и надъ Россіею и надъ Литвою, гдѣ господствуетъ другъ Юріевъ, Свидригайло; что самъ Царь Ординскій уже не посмѣетъ ни въ чемъ ослушаться Вельможи толь сильнаго, и что всѣ другіе сдѣлаются рабами Тегини. Такія слова уязвили *какъ стрѣла*, по выраженію Лѣтописца, сердце Вельможъ Ханскихъ, въ особенности Булата и Айдара: они усердно

г. 1426—31.

Судъ въ Ордѣ.

г. 1426. —31. начали ходатайствовать у Царя за Василія и чернить Тегиню, такъ, что легковѣрный Махметъ наконецъ обѣщалъ имъ казнить смертію сего Мурзу, буде онъ дерзнетъ
г. 1432. вступиться за Юрія. Весною дядя Василіевъ пріѣхалъ изъ Тавриды въ Орду; а съ нимъ и Тегиня, который, свѣдавъ о расположеніи Царя, уже не смѣлъ ему противорѣчить. Махметъ нарядилъ судъ, чтобы рѣшить споръ дяди съ племянникомъ, и самъ предсѣдательствовалъ въ ономъ. Василій доказывалъ свое право на престолъ новымъ уставомъ Государей Московскихъ, по коему сынъ послѣ отца, а не братъ послѣ брата долженствовалъ наслѣдовать Великое Княженіе. Дядя, опровергая сей уставъ, ссылался на лѣтописи и на завѣщаніе Димитрія Донскаго, гдѣ онъ (Юрій), въ случаѣ кончины Василія Димитріевича, названъ его преемникомъ[242]. Тутъ Бояринъ Московскій, Іоаннъ, спалъ предъ Махметомъ и сказалъ: »Царь «верховный! молю, да позволишь мнѣ, смиренному холопу, говорить за моего юнаго «Князя. Юрій ищетъ Великаго Княженія по «древнимъ правамъ Россійскимъ, а Государь «нашъ по твоей милости, вѣдая, что оно «есть твой Улусъ: отдашь его, кому хочешь. Одинъ требуетъ, другой молитъ. «Что значатъ лѣтописи и мертвыя грамоты, гдѣ все зависитъ отъ воли Царской? «Не она ли утвердила завѣщаніе Василія Димитріевича, отдавшаго Московское Княже-

«ніе сыну? Шесть лѣтъ Василій Василіе- г. 1432.
«вичь на престолѣ: ты не свергнулъ его,
«слѣдственно самъ признавалъ Государемъ
«законнымъ.» Сія, дѣйствительно хитрая
рѣчь имѣла успѣхъ совершенный: Махметъ
объявилъ Василія Великимъ Княземъ и велѣлъ
Юрію *вести подъ нимъ коня:* древній обрядъ
Азіатскій, коимъ означалась власть Государя
верховнаго надъ его подручниками или зависимыми Князьями. Но Василій, уважая дядю, не
хотѣлъ его уничиженія; а какъ въ сіе время
возсталъ на Махмета другой Царь Могольскій, Кичимъ-Ахметъ, то Мурза Тегиня,
пользуясь смятеніемъ Хана, выпросилъ у
него для Юрія городъ Дмитровъ, область
умершаго Князя Петра Димитріевича. Племянникъ и дядя благополучно возвратились
въ Россію, и Вельможа Татарскій, Уланъ
Царевичь, торжественно посадилъ Василія
на тронъ Великокняжескій въ Москвѣ, въ
храмѣ Богоматери у златыхъ дверей. Съ
сего времени Владиміръ утратилъ право города столичнаго, хотя въ титулѣ Великихъ Князей все еще именовался прежде Москвы.

Судъ Ханскій не погасилъ вражды между дядею и племянникомъ. Опасаясь Василія, Юрій выѣхалъ изъ Дмитрова, куда Великій Князь немедленно прислалъ своихъ Намѣстниковъ, изгнавъ Юріевыхъ[243]. Скоро началась и явная война отъ слѣдующихъ двухъ причинъ. Московскій Вельможа Іоаннъ, ока- Междоусобія.

г. 1432. завъ столь важную услугу Государю, въ награду за то хотѣлъ чести выдать за него дочь свою. Или невѣста не нравилась жениху, или Великій Князь вмѣстѣ съ матерію находилъ сей бракъ неприличнымъ: Іоаннъ получилъ отказъ, и Василій женился на Маріи, дочери Ярослава, внукѣ Владиміра Андреевича Храбраго. Надменный Бояринъ оскорбился. «Неблагодарный юноша обязанъ мнѣ Вели-«кимъ Княженіемъ и не устыдился меня «обезчестить,» говорилъ онъ въ злобѣ, и выѣхалъ изъ Москвы, сперва въ Угличь къ дядѣ Василіеву, Константину Димитріевичу, потомъ въ Тверь и наконецъ въ Галичь къ Юрію. Обоюдная ненависть къ Государю Московскому служила для нихъ союзомъ: забыли прошедшее и вымышляли способъ

г. 1433. мести. Бояринъ Іоаннъ не сомнѣвался въ успѣхѣ войны: положили начать оную, какъ можно скорѣе. Между тѣмъ сыновья Юріе-

Февраля 8. вы, Василій Косой и Димитрій Шемяка, дружески пируя въ Москвѣ на свадьбѣ Великаго Князя, сдѣлались ему непріятелями отъ страннаго случая, который на долгое время остался памятнымъ для Москвитянъ. Князь Димитрій Константиновичь Суздальскій нѣкогда подарилъ нареченному зятю своему, Донскому, золотой поясъ съ цѣпями, осыпанный драгоцѣнными каменьями; Тысячскій Василій, въ 1367 году, во время свадьбы Донскаго, тайно обмѣнялъ его на другой, гораздо меньшей цѣны, и далъ сыну Николаю, женато-

му на Маріи, старшей дочери Князя Суздальскаго. Переходя изъ рукъ въ руки, сей поясъ достался Василію Юріевичу Косому и былъ на немъ въ часъ свадебнаго Великокняжескаго пиршества. Намѣстникъ Ростовскій, Петръ Константиновичь, узналъ оный, и сказалъ о томъ матери Василія, Софіи, которая обрадовалась драгоцѣнной находкѣ, и, забывъ пристойность, торжественно сняла поясъ съ Юріевича. Произошла ссора: Косой и Шемяка, пылая гнѣвомъ, бѣжали изъ Дворца, клялись отмстить за свою обиду, и немедленно, исполняя повелѣніе отца, уѣхали изъ Москвы въ Галичь. г. 1433.

Прежде они хотѣли, кажется, быть миротворцами между Юріемъ и Великимъ Княземъ; тогда же, вмѣстѣ съ Бояриномъ Іоанномъ, старались утвердить родителя въ злобѣ на Государя Московскаго. Не теряя времени, они выступили съ полкомъ многочисленнымъ; а юный Василій Василіевичь ничего не вѣдалъ, до самаго того времени, какъ Намѣстникъ Ростовскій прискакалъ къ нему съ извѣстіемъ, что Юрій въ Переславлѣ. Уже Совѣтъ Великокняжескій не походилъ на Совѣтъ Донскаго или сына его: безпечность и малодушіе господствовали въ ономъ. Вмѣсто войска, отправили Посольство на встрѣчу къ Галицкому Князю съ ласковыми словами. Юрій стоялъ подъ стѣнами Троицкаго монастыря; онъ не хотѣлъ слышать о мирѣ: Вельможа Іоаннъ и другіе

г. 1433. Апрѣля 25. Бояре его ругали Московскихъ и съ безчестіемъ указали имъ возвратный путь. Тогда Великій Князь собралъ нѣсколько пьяныхъ воиновъ и купцевъ; въ двадцати верстахъ отъ столицы, на Клязьмѣ, сошелся съ непріятелемъ, и видя силу онаго, бѣжалъ назадъ; взялъ мать, жену; уѣхалъ въ Тверь, а изъ Твери въ Кострому, чтобы отдаться въ руки побѣдителю: ибо Юрій, вступивъ въ Москву и всенародно объявивъ себя Великимъ Княземъ, пошелъ туда и плѣнилъ Василія, который искалъ защиты въ слезахъ. Бояринъ Іоаннъ, думая согласно съ сыновьями Галицкаго Князя, считалъ всякое снисхожденіе неблагоразуміемъ. Юрій также не славился мягкимъ сердцемъ; но имѣлъ слабость къ одному изъ Вельможъ своихъ, Симеону Морозову, и принявъ его совѣтъ, далъ въ Удѣлъ племяннику Коломну. Они дружески обнялися. Дядя праздновалъ сей миръ веселымъ пиршествомъ, и съ дарами отпустилъ Василія въ его Удѣльный городъ.

Открылось, что Морозовъ или обманулъ своего Князя, или самъ обманулся. Пріѣхавъ въ Коломну, Василій началъ отвсюду сзывать къ себѣ народъ, Бояръ, Князей: всѣ шли къ нему охотно, ибо признавали его законнымъ Государемъ, а Юрія хищникомъ, согласно съ новою системою наслѣдства, благопріятнѣйшею для общаго спокойствія. Сынъ, восходя на тронъ послѣ отца, оста-

влялъ все, какъ было, окруженный тѣми же Боярами, которые служили прежнему Государю: напротивъ чего братъ, княжившій дотолѣ въ какомъ нибудь особенномъ Удѣлѣ, имѣлъ своихъ Вельможъ, которые, переѣзжая съ нимъ въ наслѣдованную по кончинѣ брата землю, обыкновенно удаляли тамошнихъ Бояръ отъ правленія и вводили новости, часто вредныя. Столь явныя выгоды и невыгоды вооружили всѣхъ противъ старой мятежной системы наслѣдственной и противъ Юрія. Въ нѣсколько дней Москва опустѣла: граждане не пожалѣли ни жилищъ, ни садовъ своихъ, и съ драгоцѣннѣйшимъ имуществомъ выѣхали въ Коломну, гдѣ не доставало мѣста въ домахъ для людей, а на улицахъ для обозовъ. Однимъ словомъ, сей городъ сдѣлался истинною столицею Великаго Княженія, многолюдною и шумною. Въ Москвѣ же царствовали уныніе и безмолвіе: человѣкъ рѣдко встрѣчался съ человѣкомъ, и самые послѣдніе жители готовились къ переселенію. Случай единственный въ нашей Исторіи, и произведенный не столько любовію къ особѣ Василія, сколько усердіемъ къ правилу, что сынъ долженъ быть преемникомъ отца въ Великокняжескомъ санѣ! г. 1433.

Юрій укорялъ своего любимца, Морозова, неблагоразумнымъ совѣтомъ; а сыновья его, Косой и Шемяка, будучи нрава жестокаго, не удовольствовались словами: пришли къ сему Боярину въ набережныя сѣни, и сказавъ:

г. 1433. «ты погубилъ нашего отца!» собственною рукою умертвили его[244]. Боясь гнѣва родительскаго, они выѣхали въ Кострому. Князь же Юрій, видя невозможность остаться въ Москвѣ, самъ отправился въ Галичь, велѣвъ объявить племяннику, что уступаетъ ему столицу, гдѣ Василій скоро явился съ торжествомъ и славою, имъ не заслуженною, провождаемый Боярами, толпами народа и радостнымъ ихъ кликомъ. Зрѣлище было необыкновенное: вся дорога отъ Коломны до Москвы представлялась улицею многолюднаго города, гдѣ пѣшіе и конные обгоняли другъ друга, стремясь въ слѣдъ за Государемъ, какъ *пчелы за маткою*, по старому, любимому выраженію нашихъ Лѣтописцевъ.

Но бѣдствія Василіева княженія только что начинались. Хотя Юрій заключилъ миръ, возвратилъ племяннику Дмитровъ, взявъ за то Бѣжецкій Верхъ съ разными волостями, и далъ слово навсегда отступиться отъ большихъ сыновей, признавъ ихъ въ договорной грамотѣ врагами общаго спокойствія[245]: однакожь скоро нарушилъ обѣщаніе, пославъ къ дѣтямъ свою Галицкую дружину, съ которою они разбили Московское войско на рѣкѣ Куси. Великій Князь разорилъ Галичь. Юрій ушелъ къ Бѣлоозеру:
г. 1434. собравъ же силы, и призвавъ Вятчанъ, вмѣстѣ съ тремя сыновьями, Косымъ, Шемякою, Димитріемъ Краснымъ, одержалъ въ

Ростовскихъ предѣлахъ столь рѣшительную побѣду надъ Василіемъ, что сей слабодушный Князь, не смѣвъ возвратиться въ столицу, бѣжалъ въ Новгородъ, оттуда на Мологу, въ Кострому, въ Нижній; а Юрій, осадивъ Москву, черезъ недѣлю вступилъ въ Кремль, плѣнилъ мать и супругу Василіеву. Народъ былъ въ горести. «Не измѣ«няй мнѣ въ злосчастіи,» писалъ Великій Князь къ двоюродному брату, Іоанну, сыну умершаго Андрея Можайскаго[246]. Іоаннъ отвѣтствовалъ ему: «Государь! я не измѣ«ню тебѣ въ душѣ; но у меня есть городъ «и мать: я долженъ мыслить объ ихъ без«опасности; и такъ ѣду къ Юрію.» Уже Шемяка и Димитрій Красный стояли съ войскомъ въ Владимірѣ, готовясь итти къ Нижнему: Василій трепеталъ и думалъ бѣжать въ Орду: на сей разъ счастіе услужило ему лучше Москвитянъ. г. 1434.

Юрій, снова объявивъ себя Великимъ Княземъ, договорными грамотами утвердилъ союзъ съ племянниками своими, Іоанномъ и Михаиломъ Андреевичами, Владѣтелями Можайска, Бѣлаозера, Калуги, и съ Княземъ Іоанномъ Ѳеодоровичемъ Рязанскимъ, требуя, чтобы они не имѣли никакого сношенія съ изгнанникомъ Василіемъ[247]. Достойно замѣчанія, что сіи грамоты начинаются словами: *Божіею милостію*, которыя прежде не употреблялись въ государственныхъ постановленіяхъ... Въ грамотѣ

г. 1434. Рязанской сказано, что Тула принадлежитъ Іоанну, и что онъ не долженъ принимать къ себѣ Мещерскихъ Князей въ случаѣ ихъ невѣрности или бѣгства: сіи Князья, подданные Государя Московскаго, происходили, какъ вѣроятно, отъ Александра Уковича, у коего Димитрій Донскій купилъ Мещеру. — Юрію было около шестидесяти лѣтъ отъ рожденія: не имѣя ни ума проницательнаго, ни души твердой, онъ любилъ власть единственно по тщеславію, и безъ сомнѣнія не возвысилъ бы Великокняжескаго сана въ народномъ уваженіи, если бы и могъ удержаться на престолѣ Московскомъ. Но Іюня 6. Юрій внезапно скончался, оставивъ духовную, писанную, кажется, еще за-долго до его смерти[248]: дѣля между сыновьями только свои наслѣдственные города, онъ велитъ имъ платить *Великому Князю* съ Галича и Звенигорода 1026 рублей въ счетъ Ординской *семитысячной* дани: слѣдственно или Василій тогда еще не былъ изгнанъ, или Юрій мыслилъ возвратить ему Великое Княженіе (что менѣе вѣроятно). Сынъ Юріевъ, Косой, немедленно принялъ на себя имя Государя Московскаго и далъ знать о томъ своимъ братьямъ; они же, не любя и презирая его, отвѣтствовали: «когда «Богъ не захотѣлъ видѣть отца нашего на «престолѣ Великокняжескомъ, то мы не «хотимъ видѣть на ономъ и тебя;» примирились съ Василіемъ, и выгнали Косаго

изъ столицы. Въ знакъ благодарности Великій Князь, возвратясь на Московскій престолъ, отдалъ Шемякѣ Угличь со Ржевомъ, наслѣдственную область умершаго дяди ихъ, Константина Димитріевича, а Красному Бѣжецкій Верхъ, удержавъ за собою Звенигородъ, Удѣлъ Косаго, и Вятку. Мы имѣемъ ихъ договорную грамоту, наполненную дружескими съ обѣихъ сторонъ увѣреніями[249]. Шемяка, слѣдуя обыкновенію, именуетъ въ оной Василія старѣйшимъ братомъ, отдаетъ себя въ его покровительство, обязывается служить ему на войнѣ, и платить часть Ханской дани, съ условіемъ, чтобы Великій Князь одинъ сносился съ Ордою, не допуская Удѣльныхъ Владѣтелей ни до какихъ хлопотъ. г. 1434.

Сіе дружество между Князьями равно малодушными и жестокосердыми не могло быть истиннымъ. Мы уже видѣли характеръ Шемяки, который не устыдился обагрить собственныхъ рукъ кровію Вельможи Морозова: увидимъ и Василіевъ въ дѣлѣ гнусномъ, достойномъ Азіатскаго варвара.

Но братъ Шемякинъ, Косой, еще превосходилъ ихъ въ свирѣпости: имѣя товарища въ бѣгствѣ своемъ, какого-то Князя Романа, онъ велѣлъ отрубить ему руку и ногу, за то, что сей несчастный хотѣлъ тайно оставить его[250]! Напрасно искавъ заступниковъ въ Новѣгородѣ, ограбивъ берега Мсты, Бѣжецкую и Двинскую область, Косой съ

Г. 1434. толпами бродягъ вступилъ въ сѣверные предѣлы Великаго Княженія; разбитый близъ Ярославля, ушелъ въ Вологду, плѣнилъ тамъ чиновниковъ Московскихъ, и съ новымъ войскомъ явился на берегахъ Костромы, гдѣ Великій Князь заключилъ съ нимъ миръ, отдавъ ему городъ Дмитровъ. Они не долго жили въ согласіи: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Косой выѣхалъ изъ Дмитрова въ Галичь, призвалъ Вятчанъ, и взявъ Устюгъ на договоръ, вѣроломно убилъ Василіева Намѣстника, Князя Оболенскаго, вмѣстѣ со многими жителями. Въ сіе время Шемяка пріѣхалъ въ Москву звать Великаго Князя на свадьбу, помолвивъ жениться на дочери Димитрія Заозерскаго: злобясь на его брата, Василій оковалъ Шемяку цѣпями и сослалъ въ Коломну. Дѣйствіе столь противное чести не могло быть оправдано подозрѣніемъ въ тайныхъ враждебныхъ умыслахъ сего Юріева сына, еще не доказанныхъ и весьма сомнительныхъ. Наконецъ въ Ростовской области встрѣтились непріятели: Косой предводительствовалъ Вятчанами и дружиною Шемяки; съ Василіемъ находились меньшій братъ Юрьевичей, Димитрій Красной, Іоаннъ Можайскій и Князь Іоаннъ Баба, одинъ изъ Друцкихъ Владѣтелей, пришедшій къ нему съ полкомъ Литовскихъ копейщиковъ[251]. Готовились къ битвѣ; но Косой, считая обманъ дозволенною хитростію, требовалъ перемирія. Неосторожный Васи-

лій заключилъ оное и распустилъ воиновъ г. для собранія съѣстныхъ припасовъ. Вдругъ 1434. сдѣлалась тревога: полки Вятскіе во всю прыть устремились къ Московскому стану, въ надеждѣ плѣнить Великаго Князя, оставленнаго ратниками. Тутъ Василій оказалъ смѣлую рѣшительность: увѣдомленный о быстромъ движеніи непріятеля, схватилъ трубу воинскую, и подавъ голосъ своимъ, не тронулся съ мѣста. Въ нѣсколько минутъ станъ наполнился людьми: непріятель вмѣсто оплошности, вмѣсто изумленія, увидѣлъ предъ собою блескъ оружія и стройные ряды воиновъ, которые однимъ ударомъ смяли его, погнали, разсѣяли. Несчастный Юрьевичь, готовивъ плѣнъ Василію, самъ попался къ нему въ руки: Воевода Борисъ Тоболинъ и Князь Іоаннъ Баба настигли Косаго въ постыдномъ бѣгствѣ. Совершилось злодѣйство, о коемъ не слыхали въ Россіи со втораго-надесять вѣка: Василій далъ повелѣніе ослѣпить сего брата двоюроднаго[252]. Чтобы успокоить совѣсть, онъ возвратилъ Шемякѣ свободу и города Удѣльные. Въ договорной грамотѣ, тогда написанной, Шемяка именуетъ старшаго брата недругомъ Великаго Князя, обязываясь выдать все его имѣніе, въ особенности святыя иконы и кресты, еще отцемъ ихъ изъ Москвы увезенные; отказывается отъ Звенигорода, предоставляя себѣ полюбовно раздѣлить съ меньшимъ братомъ, Димитріемъ Краснымъ,

Злодѣйство.

г. 1434. другія области наслѣдственныя и данныя ему Великимъ Княземъ въ Угличѣ и Ржевѣ[283]. — Несчастный слѣпецъ жилъ послѣ того 12 лѣтъ въ уединеніи, какъ бы забвенный всѣми и самыми единокровными братьями. Великій Князь будетъ наказанъ за свою жестокость, лишенный права жаловаться на подобнаго ему варвара.

Распря съ Новымъ городомъ.

Спокойный внутри Московскаго владѣнія, сей юный Государь имѣлъ тогда распрю съ Новогородцами, которые въ самомъ началѣ его княженія посылали войско наказать Устюжанъ за ихъ грабительство въ Двинской землѣ, и взяли съ сего города въ окупъ 50,000 бѣлокъ и шесть сороковъ соболей, къ досадѣ Василія. Но онъ, не желая явной войны съ ними, вызвался отдать имъ всѣ родителемъ его захваченныя Новогородскія земли въ уѣздахъ Бѣжецкаго Верха, Волока Ламскаго, Вологды, съ условіемъ, чтобы и Бояре ихъ возвратили ему собственность Княжескую; однакожь не исполнялъ обѣщанія и не присылалъ Дворянъ своихъ для развода земель, пока Новогородцы не уступили ему *черной дани*, собираемой въ Торжкѣ. Въ договорной грамотѣ, написанной по г. 1437—40. сему случаю, именно сказано, что Великій Князь беретъ по новой гривнѣ съ четырехъ земледѣльцевъ, или съ сохи, въ которую впрягаются двѣ лошади, а третья на подмогу; что плугъ и ладья считаются за двѣ сохи: неводъ, лавка, кузница и чанъ

кожевный за одну; что земледѣльцы, работающіе изъ половины, платятъ только за полсохи; что наемники мѣсячные, лавочники и старосты Новогородскіе свободны отъ всякой дани; что если кто, оставивъ свой дворъ, уйдетъ въ господскій или утаитъ соху, то платитъ за вину вдвое, и проч.[254] — Сей договоръ заключенъ былъ единственно на годъ: послѣ чего Новогородцы опять ссорились съ Василіемъ, смѣясь надъ мнѣніемъ тѣхъ людей, которые совѣтовали имъ не раздражать Государей Московскихъ. Лѣтописцы повѣствуютъ, что внезапное паденіе тамошней великолѣпной церкви Св. Іоанна наполнило сердца ужасомъ, предвѣстивъ близкое паденіе Новагорода[255]: гораздо благоразумнѣе можно было искать сего предвѣстія въ его нетвердой системѣ политической, особенно же въ возрастающей силѣ Великихъ Князей, которые болѣе и болѣе увѣрялись, что онъ подъ личиною гордости, основанной на древнихъ воспоминаніяхъ, скрываетъ свою настоящую слабость. Однѣ непрестанныя опасности Государства Московскаго, со стороны Моголовъ и Литвы, не дозволяли преемникамъ Іоанна Калиты заняться мыслію *совершеннаго* покоренія сей народной Державы, которую они старались только обирать, зная богатство ея купцевъ. Такъ поступилъ и Василій: зимою въ концѣ 1440 года двинулся съ войскомъ къ Новугороду, и на пути заклю-

г. 1437 — 40.

г. 1437 — 40. чилъ съ нимъ миръ, взявъ 8000 рублей. Между тѣмъ, Псковитяне, служа Великому Князю, успѣли разорить нѣсколько селеній въ областяхъ Новогородскихъ, а Заволочане въ Московской[256]. — Въ сей самый годъ (1440), Генваря 22, родился у Василія сынъ, Тимоѳей-Іоаннъ, коему Провидѣніе, сверхъ многихъ великихъ дѣлъ, назначило сокрушить Новгородъ. Могла ли, по тогдашнему образу мыслей, будущая судьба Государя столь чрезвычайнаго утаиться отъ мудрыхъ гадателей? Пишутъ, что Новогородскій добродѣтельный старецъ, именемъ Мисаилъ, въ часъ Іоаннова рожденія пришелъ къ Архіепископу Евфимію, и сказалъ: «Днесь Великій Князь торжествуетъ: Господь даровалъ ему наслѣдника. Зрю младенца, ознаменованнаго величіемъ: се Игуменъ Троицкія Обители, Зиновій, креститъ его, именуя Іоанномъ! Слава Москвѣ: Іоаннъ побѣдитъ Князей и народы. Но горе нашей отчизнѣ: Новгородъ падетъ къ ногамъ Іоанновымъ, и не возстанетъ»[257]! Лѣтописцы не сомнѣвались въ истинѣ сего чудеснаго сказанія, изобрѣтеннаго безъ сомнѣнія уже въ то время, когда сынъ Василіевъ совершилъ безсмертные свои подвиги.

Рожденіе Іоанна Великаго.

Дань Ординская.

Василій старался жить дружно съ Ханомъ, и по вѣрному свидѣтельству грамотъ платилъ ему обыкновенную дань, вопреки нѣкоторымъ Лѣтописцамъ, сказывающимъ, что Царь Махметъ, любя его, освободилъ

Россію отъ всѣхъ налоговъ[258]. Впаденія Татаръ въ Рязанскія области не тревожили Москвитянъ; но перемѣна, случившаяся въ Ордѣ, нарушила спокойствіе Великаго Княженія. Махметъ (въ 1437 году) былъ изгнанъ изъ Улусовъ братомъ своимъ, Кичимомъ, искалъ убѣжища въ Россіи и занялъ Бѣлевъ, городъ Литовскій. Оказавъ нѣкогда благодѣяніе Василію, онъ надѣялся на его дружбу, и крайне изумился, услышавъ, что Великій Князь приказываетъ ему немедленно удалиться отъ предѣловъ Россійскихъ. Сей Ханъ, въ самомъ изгнаніи гордый, не хотѣлъ повиноваться, имѣя у себя около трехъ тысячь воиновъ. Надлежало прибѣгнуть къ оружію. Василій послалъ туда многочисленную рать, ввѣривъ оную братьямъ, Шемякѣ и Димитрію Красному, Вождямъ столь недостойнымъ, что они казались народу атаманами разбойниковъ, отъ Москвы до Бѣлева не оставивъ ни одного селенія въ цѣлости: вездѣ грабили, отнимали скотъ, имѣніе, и нагружали возы добычею. Конецъ отвѣтствовалъ началу. Приступивъ къ Бѣлеву, Московскіе Воеводы отвергнули всѣ мирныя предложенія Махмета, устрашеннаго ихъ силою, и вогнали Татаръ въ крѣпость, убивъ зятя Царева. На другой день Ханъ выслалъ трехъ Князей для переговоровъ. «Отдаю въ залогъ вамъ моего сына, Мамутека,» велѣлъ онъ сказать нашимъ Полководцамъ: «сдѣлаю все, чего требуете. Ко-

Г. 1437 — 40.

Изгнанный Ханъ въ Бѣлевѣ.

г. 1437 — 40. «гда же Богъ возвратитъ мнѣ Царство, «обязываюсь блюсти землю Русскую, и не «брать съ васъ никакой дани.» Воеводы Московскіе не хотѣли ничего слушать. «И такъ «смотрите!» сказали Князья Махметовы, возвысивъ голосъ, и перстомъ показывая имъ на Россійскихъ воиновъ, которые въ сію минуту толпами бѣжали отъ городскихъ стѣнъ, гонимые какимъ-то внезапнымъ ужасомъ. Вся рать Московская дрогнула и съ воплемъ устремилась въ бѣгство: Шемяка и другіе Князья также. Моголы едва вѣрили глазамъ своимъ; наконецъ поскакали за Россіянами, сѣкли ихъ, топтали, и возвратились къ Хану съ вѣстію, что многочисленное войско Великокняжеское исчезло какъ дымъ. Успѣхъ столь блестящій не ослѣпилъ Махмета: сей благоразумный Ханъ предвидѣлъ, что ему, отрѣзанному отъ Улусовъ, не льзя удержаться въ Россіи и бороться съ Василіемъ: онъ выступилъ изъ Бѣлева и чрезъ землю Мордвы прошелъ въ Болгарію, къ тому мѣсту, гдѣ находился древній Саиновъ Юртъ, или Казань, въ 1399 году опустошенная Россіянами[259]. Около сорока лѣтъ сей городъ состоялъ единственно изъ развалинъ и хижинъ, гдѣ укрывалось нѣсколько бѣдныхъ семействъ. Махметъ, выбравъ новое лучшее мѣсто, близъ старой крѣпости построилъ новую, деревянную, и представилъ оную въ убѣжище Болгарамъ, Черемисамъ, Моголамъ, которые

жили тамъ въ непрестанной тревогѣ, ужасаемые частыми набѣгами Россіянъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ Казань наполнилась людьми. Изъ самой Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды стекались туда жители, признавъ Махмета Царемъ и защитникомъ. Такимъ образомъ сей изгнанникъ Капчакскій сдѣлался возобновителемъ или истиннымъ первоначальникомъ Царства Казанскаго, основаннаго на развалинахъ древней Болгаріи, Государства образованнаго и торговаго. Моголы смѣшались въ ономъ съ Болгарами и составили одинъ народъ, коего остатки именуются нынѣ Татарами Казанскими, и коего имя около ста лѣтъ приводило въ трепетъ сосѣдственныя области Россійскія. Уже въ слѣдующій годъ Махметъ съ легкимъ войскомъ явился подъ стѣнами Москвы, откуда Василій, боязливый, малодушный, бѣжалъ за Волгу, оставивъ въ столицѣ начальникомъ Князя Юрія Патрикіевича Литовскаго. Къ счастію, Татары не имѣли способа овладѣть оною: удовольствовались грабежемъ, сожгли Коломну и возвратились съ добычею. — Между тѣмъ въ Большой или Золотой Ордѣ господствовалъ братъ Махметовъ, Кичимъ, среди опасностей, мятежей и внутреннихъ непріятелей. Моголы, ослѣпленные безразсудною злобою, терзали другъ друга, упиваясь собственною кровію. Первѣйшій изъ Князей Ординскихъ, именемъ

г. 1437. —40.

Царство Казанское.

Мансуръ, погибъ тогда отъ руки Хана Кичима.

Послѣ несчастнаго приступа къ Бѣлеву Василій не могъ имѣть довѣренности ни къ усердію, ни къ чести сыновей Юріевыхъ, Шемяки и Димитрія Краснаго; однакожь (въ 1440 году) возобновилъ дружественный союзъ съ ними на прежнихъ условіяхъ: то есть, оставилъ ихъ мирно господствовать въ отцевскомъ Удѣлѣ и пользоваться частію Московскихъ доходовъ[260]. Меньшій братъ, Димитрій, скоро умеръ въ Галичѣ, достопамятный единственно наружною красотою и странными обстоятельствами своей кончины. Онъ лишился слуха, вкуса и сна; хотѣлъ причаститься Святыхъ Таинъ, и долго не могъ, ибо кровь непрестанно лила у него изъ носу. Ему заткнули ноздри, чтобы дать причастіе. Димитрій успокоился, требовалъ пищи, вина; заснулъ — и казался мертвымъ. Бояре оплакали Князя, закрыли одѣяломъ, выпили по нѣскольку стакановъ крѣпкаго меду и сами легли спать на лавкахъ въ той же горницѣ. Вдругъ мнимый мертвецъ скинулъ съ себя одѣяло, и не открывая глазъ, началъ пѣть стихиры. Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса. Разнесся слухъ о семъ чудѣ: дворецъ наполнился любопытными. Цѣлые три дни Князь пѣлъ и говорилъ о душеспасительныхъ предметахъ, узнавалъ людей, но не слыхалъ ничего; наконецъ дѣйствительно умеръ съ именемъ Святаго:

Г. 1440.

Смер. Димитрія Краснаго.

ибо — какъ сказываютъ Лѣтописцы — тѣло его, чрезъ 23 дни открытое для погребенія въ Московскомъ Соборѣ Архангела Михаила, казалось живымъ безъ всякихъ знаковъ тлѣнія и безъ синеты. — Шемяка наслѣдовалъ Удѣлъ Краснаго, и еще нѣсколько времени жилъ мирно съ Великимъ Княземъ. Г. 1440.

Въ сіи два года внутренняго спокойствія Москвитяне и вся Россія были тревожимы соблазномъ въ важномъ дѣлѣ церковномъ, о коемъ Лѣтописцы говорятъ весьма обстоятельно, и которое, минутно польстивъ властолюбію Рима, утвердило отцевъ нашихъ въ ненависти къ Папамъ. Митрополитъ Фотій преставился въ 1431 году, написавъ умилительную грамоту къ Великому Князю и ко всему народу: онъ весьма краснорѣчиво изображаетъ въ ней претерпѣнныя имъ въ Святительствѣ печали; жалѣетъ о дняхъ своей мирной, уединенной юности; оплакиваетъ раздѣленіе Митрополіи, безвременную кончину Василія Димитріевича, бѣдствія и междоусобія Великаго Княженія[261]. Шесть лѣтъ по смерти Фотія Церковь наша сиротствовала безъ Главы, отъ внутреннихъ смятеній Государства Московскаго. Сими обстоятельствами думалъ воспользоваться Митрополитъ Литовскій, Герасимъ, и старался подчинить себѣ Епископовъ Россіи, но безъ успѣха: онъ посвятилъ въ Смоленскѣ только Новогородскаго Архіепископа, Евфимія; другіе не

Соборъ Флорентійскій.

г. 1440. хотѣли имѣть съ нимъ никакого дѣла. Наконецъ Василій созвалъ Святителей и велѣлъ имъ назначить Митрополита: всѣ единодушно выбрали знаменитаго Іону, Архіерея Рязанскаго. «Такимъ образомъ» — говорятъ Лѣтописцы — «исполнилось достопамятное слово блаженнаго Фотія, который, посѣтивъ однажды Симоновскую Обитель, и видя тамъ юнаго Инока, мирно «спящаго, съ удивленіемъ смотрѣлъ на его «кроткое, величественное лице; долго раз«спрашивалъ объ немъ Архимандрита, и «сказалъ, что сей юноша будетъ первымъ «Святителемъ въ землѣ Русской: то былъ «Іона.» Но предсказаніе исполнилось уже послѣ: ибо Константинопольскій Патріархъ, еще до прибытія Іоны въ Царьградъ, посвятилъ намъ въ Митрополиты Грека Исидора, родомъ изъ Ѳессалоники, славнѣйшаго Богослова, равно искуснаго въ языкѣ Греческомъ и Латинскомъ, хитраго, гибкаго, краснорѣчиваго[262]. Исидоръ не за-долго до сего времени былъ въ Италіи и снискалъ любовь Папы: вѣроятно даже, что онъ по согласію съ нимъ домогался власти надъ Россійскою Церковію, дабы тѣмъ лучше способствовать важнымъ намѣреніямъ Рима, о коихъ теперь говорить будемъ.

Супругъ Княжны Московской, Анны, Іоаннъ Палеологъ, царствовалъ въ Константинополѣ, неестрпанно угрожаемомъ силою Турецкою; лишенный едва не всѣхъ обла-

стей славной Державы своихъ предковъ — Г. 1440.
стѣсненный въ столицѣ, и на берегахъ самаго Воспора видя знамена Амураповы — сей Государь искалъ покровителя въ Римскомъ Первосвященникѣ, коего воля хотя уже не была закономъ для Государей Европы, однакожь могла еще дѣйствовать на ихъ Совѣты. Старецъ умный и честолюбивый, Евгеній IV, сидѣлъ тогда на Апостольскомъ престолѣ: онъ именемъ Св. Петра обѣщалъ Императору Іоанну воздвигнуть всю Европу на Турковъ, если Греки мирно, безпристрастно разсмотрѣвъ Догматы обѣихъ Церквей, согласятся во мнѣніяхъ съ Латинскою, чтобы навѣки успокоить совѣсть Христіанъ и быть единымъ стадомъ подъ началомъ единаго Пастыря. Евгеній требовалъ не безмолвной покорности, но торжественнаго прѣнія: истина, объясненная противорѣчіями, долженствовала быть общимъ уставомъ Христіанства. Императоръ совѣтовался съ Патріархами. Еще древнія предубѣжденія сильно отвращали ихъ отъ духовнаго союза съ надменнымъ Римомъ; но Амуратъ II уже измѣрялъ окомъ Царьградъ какъ свою добычу: предубѣжденія умолкли. Положили, да будетъ *осьмый* Соборъ Вселенскій въ Италіи. Тамъ, кромѣ Царя и знатнѣйшаго Духовенства обѣихъ Церквей, надлежало собраться всѣмъ Государямъ Европы въ духѣ любви Христіанской; тамъ Іоаннъ Палеологъ, вступивъ съ ними въ брат-

г. 1440. скій союзъ единовѣрія, долженствовалъ убѣдительно представить имъ опасности своей Державы и Церкви православной, гремя въ ихъ слухъ именемъ Христа и Константина Великаго: успѣхъ могъ ли казаться сомнительнымъ? Евгеній ручался за оный, и сдѣлалъ еще болѣе: взялъ на себя всѣ расходы, коихъ требовало путешествіе Императора и Духовенства Греческаго въ Италію: ибо Византія, нѣкогда гордая и столь богатая, уже не стыдилась тогда жить милостынею иноплеменниковъ! Вооруженныя суда Евгеніевы явились въ пристани Царяграда: Императоръ съ братомъ своимъ, Димитріемъ Деспотомъ, съ Константинопольскимъ Патріархомъ Іосифомъ и съ семью стами первѣйшихъ сановниковъ Греческой Церкви, славныхъ ученостію или разумомъ, сѣли на оныя (24 Ноября, 1437 года) въ присутствіи безчисленнаго множества людей, которые громогласно желали имъ, чтобы они возвратились съ миромъ церковнымъ и съ воинствомъ Крестоносцевъ для отраженія невѣрныхъ[265].

Между тѣмъ Іона возвратился въ свою Рязанскую Епархію, хотя безполезно съѣздивъ въ Грецію, но обласканный Царемъ и Патріархомъ, которые, отпуская его съ честію, сказали ему: «жалѣемъ, что мы ускорили поставить Исидора, и торжественно «обѣщаемъ тебѣ Россійскую Митрополію, «когда она вновь упразднится.» За нимъ

прибылъ въ Москву и новый Митрополитъ, г. 1440.
не только именемъ, но и дѣломъ Іерархъ *всей Россіи:* ибо Герасима Смоленскаго уже не было (Свидригайло, господствуя надъ Литвою, въ 1435 году сжегъ его[264] на кострѣ въ Витебскѣ, узнавъ, что онъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ Сигизмундомъ Кестутіевичемъ, врагомъ сего неистоваго сына Ольгердова). Задобренный ласковыми письмами Царя и Патріарха, Василій встрѣтилъ Исидора со всѣми знаками любви, дарилъ, угощалъ въ Кремлевскомъ дворцѣ; но изумился, свѣдавъ, что Митрополитъ намѣренъ ѣхать въ Италію. Сладкорѣчивый Исидоръ доказывалъ важность будущаго осьмаго Собора и необходимость для Россіи участвовать въ ономъ. Пышныя выраженія не ослѣпили Василія. Напрасно ученый Грекъ описывалъ ему величіе сонма, гдѣ Востокъ и Западъ, устами своихъ Царей и Первосвятителей, изрекутъ неизмѣняемыя правила Вѣры. Василій отвѣтствовалъ: «Отцы и дѣды наши не хотѣли слышать о соединеніи Законовъ Греческаго и «Римскаго; я самъ не желаю сего. Но если «мыслишь иначе, то иди; не запрещаю тебѣ. Помни только чистоту Вѣры нашей «и принеси оную съ собою!» Исидоръ клялся не измѣнять Православію, и въ 1437 году, Сентября 8, выѣхалъ изъ Москвы съ Епископомъ Суздальскимъ Авраміемъ, со многими духовными и свѣтскими особами, ко-

г. 1440. ихъ число простиралось до ста. Сіе *первое* путешествіе Россіянъ въ Италію описано однимъ изъ нихъ съ великою подробностію: сообщимъ здѣсь нѣкоторыя обстоятельства онаго[265]:

Новогородскій Архіепископъ Евфимій, бывъ тогда въ Москвѣ, проводилъ Исидора до своей Епархіи; а Князь Тверскій, Борисъ, послалъ съ нимъ въ Италію Вельможу Ѳому. Митрополитъ отъ Вышняго Волочка плылъ рѣкою Мстою до Новагорода, гдѣ, равно какъ и во Псковѣ, Духовенство и гражданство изъявило усердную къ нему любовь дарами и пиршествами[266]. Доселѣ онъ казался ревностнымъ наблюдателемъ всѣхъ обрядовъ Православія; но выѣхавъ изъ Россіи, немедленно обнаружилъ соблазнительную наклонность къ Латинству. Встрѣченный въ Ливоніи Дерптскимъ Епископомъ и нашими Священниками (ибо въ семъ городѣ находились двѣ Русскія церкви), Исидоръ съ благоговѣніемъ приложился къ крестамъ Духовенства Католическаго, и потомъ уже къ образамъ Греческимъ: сопутники его ужаснулись, и съ того времени не имѣли къ нему довѣренности. Архіепископъ, чиновники Рижскіе также осыпали Митрополита ласками: веселили музыкою и пирами. Тамъ онъ получилъ письмо отъ Великаго Магистра Нѣмецкаго, учтивое, ласковое: сей знаменитый Властитель предлагалъ ему свои услуги и совѣты для без-

опаснаго путешествія чрезъ Орденскія владѣнія. Но Исидоръ сѣлъ въ Ригѣ на корабль, отправивъ болѣе двухъ сотъ лошадей сухимъ путемъ, и (19 Маія 1438 года) присталъ къ берегу въ Любекѣ, откуда чрезъ Люнебургъ, Брауншвейгъ, Лейпцигъ, Эрфуртъ, Бамбергъ, Нюренбергъ, Аугсбургъ и Тироль проѣхалъ въ Италію, вездѣ находя гостепріимство, дружелюбіе, почести, и вездѣ осматривая съ любопытствомъ не только монастыри, церкви, но и плоды трудолюбія, Искусствъ, ума гражданскаго. Съ какимъ удивленіемъ Россіяне, дотолѣ не выѣзжавъ изъ отечества, загрубѣвшаго подъ игомъ варваровъ, видѣли въ Нѣмецкой землѣ города цвѣтущіе, зданія прочныя, удобныя и красивыя, обширные сады, каменные водоводы, или, по ихъ словамъ, рукою человѣка пускаемыя рѣки! Достойно замѣчанія, что Эрфуртъ показался имъ самымъ богатѣйшимъ въ Германіи городомъ, наполненнымъ всякими товарами и хитрыми произведеніями рукодѣлія. Горы Тирольскія изумили нашихъ путешественниковъ своими снѣжными громадами, современными рожденію оныхъ (какъ говоритъ Авторъ) и превышающими теченіе облаковъ: зрѣлище въ самомъ дѣлѣ разительное для жителей плоской земли, въ особенности непонятное для нихъ смѣшеніемъ климатовъ: ибо Россіяне въ одно время видѣли тамъ и вѣчное царство зимы, на вершинахъ горъ, и плодо-

Г. 1440.

Г. 1440. носное лѣто со всѣми его красотами, неизвѣстными въ нашемъ сѣверномъ отечествѣ: лимоны, померанцы, каштаны, миндаль и гранаты, растущіе на отлогостяхъ Тирольскихъ, среди цвѣтниковъ естественныхъ. — Августа 18 Исидоръ прибылъ въ Феррару.

Въ семъ городѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ ожидали его Императоръ и Папа, какъ Главу Россійской знаменитой Церкви, мужа ученѣйшаго и друга Евгеніева. Кромѣ духовныхъ сановниковъ, Кардиналовъ, Митрополитовъ, Епископовъ, тамъ находились Послы Трапезундскіе, Иверскіе, Арменскіе, Волошскіе; но, къ удивленію Іоанна Палеолога, не было ни Императора Нѣмецкаго, ни другихъ Вѣнценосцевъ Западныхъ. Латинская Церковь представляла тогда жалостное зрѣлище раздора; уже семь лѣтъ славный въ Исторіи *Соборъ Базельскій*, дѣйствуя независимо и въ противность Евгенію, смѣялся надъ его Буллами, давалъ законы въ дѣлахъ Вѣры, обѣщалъ искоренить злоупотребленія духовной власти, и преклонилъ къ себѣ почти всѣхъ Государей Европейскихъ, которые для того отказались участвовать въ Италіянскомъ Соборѣ[267]. Однакожь засѣданія начались съ великою торжественностію въ Феррарѣ, въ церкви Св. Георгія, послѣ долговременнаго спора между Императоромъ Іоанномъ и Папою о мѣстахъ: Евгеній желалъ сидѣть среди храма, какъ Глава Вѣры; Іоаннъ же хотѣлъ самъ предсѣда-

тельствовать, подобно Царю Константину во время Собора Никейскаго. Рѣшили тѣмъ, чтобы въ срединѣ церкви, противъ олтаря, лежало Евангеліе; чтобы на правой сторонѣ Папа занималъ первое возвышенное мѣсто между Католиками, а ниже его стоялъ тронъ для отсутствующаго Императора Нѣмецкаго; чтобы Царь Іоаннъ сидѣлъ на лѣвой, также на тронѣ, но далѣе Папы отъ олтаря[268]. Надлежало согласиться въ четырехъ мнѣніяхъ: 1) объ исхожденіи Св. Духа, 2) о чистилищѣ, 3) о квасныхъ просфорахъ, 4) о первенствѣ Папы. Съ обѣихъ сторонъ выбрали Ораторовъ: Римляне Кардиналовъ Альбергати, Іуліана, Епископа Родосскаго и другихъ; Греки трехъ Святителей, Марка Ефесскаго (мужа ревностнаго, велерѣчиваго), Исидора Россійскаго и юнаго Виссаріона Никейскаго славнаго ученостію и разумомъ, но излишно уклоннаго въ разсужденіи Догматовъ Вѣры. Пятнадцать разъ сходились для пренія о Св. Духѣ: наши единовѣрцы утверждали, что Онъ исходитъ единственно отъ Отца; а Римляне прибавляли: *и Сына*, ставя въ доказательство нѣкоторыя древнія рукописи Святыхъ Отцевъ, отвергаемыя Греками какъ подложныя. Умствовали, истощали всѣ хитрости богословской Діалектики и не могли согласиться въ сей части Символа: выраженіе Filioque оставалось камнемъ преткновенія. Уже Марко Ефесскій гремѣлъ противъ Латинской ереси, и

г. 1440.

Г. 1440. вмѣсто духовнаго братства ежедневно усиливался духъ раздора. Греки скучали въ отдаленіи отъ домовъ своихъ и жаловались на худое содержаніе: Евгеній также, не видя успѣха, скучалъ безполезными издержками, и въ концѣ зимы уговорилъ Императора переѣхать во Флоренцію, будто бы опасаясь язвы въ Феррарѣ, но въ самомъ дѣлѣ для того, что Флорентійцы дали ему не малую сумму денегъ за честь видѣть Соборъ въ ихъ городѣ[269].

Не льзя безъ умиленія читать въ Исторіи о послѣднихъ тайныхъ бесѣдахъ Іоанна Палеолога, въ коихъ сей несчастный Государь изливалъ всю душу свою предъ Святителями Греческими и Вельможами, изображая съ одной стороны любовь къ Правовѣрію, а съ другой бѣдствія Имперіи и надежду спасти ее посредствомъ соединенія Церквей[270]. «Думаю только о благѣ отечества и Христіанства», говорилъ онъ: «послѣ долговременнаго отсутствія возвратимся ли безъ успѣха, съ единымъ стыдомъ и горестію? Не мыслю о своихъ личныхъ выгодахъ: жизнь кратковременна, а дѣтей не имѣю; но безопасность Государства и миръ Церкви для меня любезны.» Митрополитъ Россійскій осуждалъ упрямство Марка Ефесскаго и другихъ Святителей, говоря: «лучше соединиться съ «Римлянами душею и сердцемъ, нежели безъ «всякой пользы уѣхать отсюда: и куда по-

«ѣдемъ?» Виссаріонъ еще убѣдительнѣе представлялъ жалостное состояніе Имперіи. Наконецъ, по многихъ прѣніяхъ, Греки уступили, и согласились, 1) что Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына; 2) что опрѣсноки и квасный хлѣбъ могутъ быть равно употребляемы въ священнодѣйствіи; 3) что души праведныя блаженствуютъ на небесахъ, грѣшныя страдаютъ, а среднія между тѣми и другими очищаются, *или* палимыя огнемъ, *или* угнетаемыя густымъ мракомъ, *или* волнуемыя бурею, *или* терзаемыя инымъ способомъ; что всѣ люди тѣлесно воскреснутъ въ день суда и явятся предъ судилищемъ Христовымъ, дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ; 4) что Папа есть Намѣстникъ Іисуса Христа и Глава Церкви; что Патріархъ Константинопольскій занимаетъ вторую степень, и такъ далѣе. 6 Іюля (1439 года) было послѣднее засѣданіе Собора въ Каѳедральномъ храмѣ Флорентійскомъ, гдѣ обѣ Церкви совокупили торжественность и великолѣпіе своихъ обрядовъ, чтобы тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на сердца людей. Въ присутствіи безчисленнаго народа, между двумя рядами Папскихъ тѣлохранителей, вооруженныхъ палицами, одѣтыхъ въ латы серебряныя и держащихъ въ одной рукѣ пылающія свѣчи, Евгеній служилъ Обѣдню[271]; гремѣла музыка Императорская; пѣли славу Вседержителя на языкѣ Греческомъ и Латинскомъ. Па-

г. 1440.

г. 1440. па, воздѣвъ руки на небо, проливалъ слезы радости, и величественно благословивъ Царя, Князей, Епископовъ, чиновниковъ Республики Флорентійской, велѣлъ Кардиналу Іуліану и Архіепископу Виссаріону читать съ амвона *хартію соединенія*, написанную слѣдующимъ образомъ: «Да веселятся небеса и земля! Разрушилось средостѣніе между Восточною и Западною Церковію, миръ «возвратился на краеугольный камень Христа; два народа уже составляютъ единый; «мрачное облако скорби и раздора исчезло; «тихій свѣтъ вожделѣннаго согласія сіяетъ «паки. Да ликуетъ мать наша, Церковь, видя «чадъ своихъ, послѣ долговременнаго разлученія, вновь совокупленныхъ любовію; да благодаритъ Всемогущаго, Который осушилъ ея «горькія объ нихъ слезы. А вы, вѣрные сыны міра Христіанскаго, благодарите мать «вашу, Церковь Каѳолическую, за то, что «Отцы Востока и Запада не устрашились «опасностей пути дальняго, и великодушно «сносили труды, дабы присутствовать на «семъ святомъ Соборѣ и воскресить любовь, коея уже не было между Христіанами.» Слѣдуютъ упомянутыя статьи примиренія и согласія въ Догматахъ Вѣры, подписанныя Евгеніемъ, осмью Кардиналами, двумя Патріархами Латинскими (Іерусалимскимъ и Градскимъ), осмью Архіепископами, пятидесятью Епископами и другими сановниками; а отъ имени Грековъ Императо-

ромъ, тремя Мѣстоблюстителями престоловъ Патріаршихъ (ибо Іосифъ, Патріархъ Константинопольскій, скончался за нѣсколько дней до того во Флоренціи), семнадцатью Митрополитами, Архіепископами и всѣми бывшими тамъ Святителями[272], кромѣ одного Марка Ефесскаго, неумолимаго старца, презрителя угрозъ и корысти. Свѣдавъ, что сей твердый мужъ не подписалъ хартіи, Папа гнѣвно воскликнулъ: «и такъ «мы ничего не сдѣлали!» и требовалъ, чтобы Императоръ или принудилъ его къ согласію, или наказалъ какъ ослушника; но Марко тайнымъ отъѣздомъ спасся отъ гоненія. г. 1440.

Выгоды, пріобрѣтенныя уступчивостію Грековъ, состояли для нихъ въ томъ, что Евгеній далъ имъ нѣсколько тысячь флориновъ, обязался прислать въ Константинополь 300 воиновъ съ двумя галерами для охраненія сей столицы, и въ случаѣ нужды обѣщалъ Іоанну именемъ Государей Европейскихъ гораздо сильнѣйшее вспоможеніе. Греки хотѣли еще, чтобы толпы богомольцевъ, ежегодно отправляясь изъ Европы моремъ въ Палестину, всегда приставали въ Царѣградѣ для выгоды тамошнихъ жителей: Папа включилъ и сію статью въ договоръ; наконецъ съ великою честію отпустилъ Императора, который, бывъ два года въ отсутствіи, возвратился въ Грецію оплакать безвременную кончину своей юной

г. супруги, Маріи, и видѣть общій мятежъ
1440. Духовенства[273]. Узнавъ происшедшее на Флорентійскомъ Соборѣ, оно раздѣлилось во мнѣніяхъ: нѣкоторые хотѣли держаться его постановленій; другіе, и большая часть, вопили, что истинная Церковь гибнетъ, и что не Пастыри вѣрные, но измѣнники, ослѣпленные златомъ Римскимъ, заключили столь беззаконный, столь унизительный для Грековъ союзъ съ Папою; что одинъ Марко Ефесскій явилъ себя достойнымъ служителемъ Христовымъ, и проч. Сіи послѣдніе одержали верхъ. Вопреки Императору и новому Патріарху Митрофану, ревностному защитнику Соединенія, народъ бѣжалъ изъ храмовъ, гдѣ священнодѣйствовали ихъ единомышленники, оглашенные еретиками, отступниками, такъ, что не смотря на усилія Папы Евгенія и преемника его, не смотря на явную, неминуемую гибель своего отечества, Греки захотѣли лучше умереть, нежели согласиться на исхожденіе Св. Духа отъ Сына, на опрѣсноки и чистилище. Достопамятный примѣръ твердости въ богословскихъ мнѣніяхъ! Впрочемъ сомнительно, чтобы Папа могъ тогда спасти Имперію, если бы Восточная Церковь и покорилась его духовной власти. Вѣки Крестовыхъ ополченій миновали; ревностный духъ Христіанскаго братства уступилъ мѣсто малодушной Политикѣ въ Европѣ: каждый изъ Вѣнценосцевъ имѣлъ свою

особенную государственную систему, искалъ пользы во вредѣ другихъ и не довѣрялъ имъ. Нѣмецкая земля, бывъ ѳеатромъ жестокой войны, произведенной расколомъ Іоанна Гусса, болѣе и болѣе слабѣла въ долговременное, ничтожное царствованіе Фридерика III. Англія и Франція съ величайшимъ усиліемъ боролись между собою. Испанія, еще раздѣленная, не простирала мыслей своихъ далѣе собственныхъ ея предѣловъ. Португаллія занималась единственно мореплаваніемъ и новыми открытіями въ Африкѣ: Италія церковными дѣлами, торговлею и внутренними распрями. Данія и Швеція, бѣдныя людьми и деньгами, соединялись на краткое время ко вреду обоюдному, и непрестанно опасаясь другъ друга, не мѣшались въ дѣла иныхъ Державъ Европейскихъ. Только Венгрія и Польша нѣсколько времени бодрствовали на берегахъ Дуная, изъявляя ревность противиться успѣхамъ Амуратова оружія; но Варнская битва, столь несчастная для Короля Владислава, на-долго отвратила ихъ отъ войны съ мужественными Турками. Еще духовная власть сильно дѣйствовала надъ умами и въ Совѣтахъ государственныхъ; но уже не имѣла прежняго единства. Мнимая божественность Папъ исчезла: Соборы, Костницкій и Базельскій, судили и низвергали ихъ. Сіи шумные сонмы Церковной Аристократіи издали готовили паденіе духовной и совершенную незави- г. 1440.

г. 1440. симость мірской власти. Іерархи разныхъ земель уже разнствовали и въ мысляхъ, во многихъ отношеніяхъ предпочитая особенныя выгоды своихъ Государствъ Папинымъ. Въ сихъ обстоятельствахъ Европы могъ ли Евгеній ручаться за единодушіе Вѣнценосцевъ ея, чтобы сокрушить Оттоманскую Державу, или погибнуть на берегахъ Воспора для спасенія Византіи? Устрашенные побѣдами Амурата и Магомета II, Государи Западные трепетали въ бездѣйствіи. Тщетно Герой Альбаніи, знаменитый Скандербегъ, давалъ имъ примѣръ великодушія, одинъ съ горстію людей отражая многочисленное воинство Султанское: ни мало неспособные подражать ему, они не стыдились вовлекать его въ ихъ собственныя междоусобія, къ удовольствію невѣрныхъ[274]. — Однимъ словомъ, Іоаннъ Палеологъ не только не успѣлъ, но, по всѣмъ вѣроятностямъ, и не могъ успѣть въ своемъ намѣреніи, чтобы соединеніемъ двухъ Церквей отвратить конечную гибель Имперіи Греческой.

Главныя орудія сего мнимаго соединенія, Архіепископъ Виссаріонъ и Митрополитъ Исидоръ, были награждены отъ Папы Кардинальскими шапками: первый остался въ Италіи; вторый съ именемъ Легата Апостольскаго для всѣхъ земель сѣверныхъ отправился изъ Флоренціи 6 Сентября[275]; сѣлъ на корабль въ Венеціи, переѣхалъ Адрі-

атическое море и чрезъ Далмацію и Кроатскую землю прибылъ въ столицу Венгріи, въ Budинъ, откуда написалъ грамоты во всѣ подвѣдомыя ему Епархіи Литовскія, Россійскія, Ливонскую, изъясняясь такимъ образомъ: «Исидоръ, милостію Божіею преосвя- Г. 1440.
«щенный Митрополитъ Кіевскій и всея Руси,
«*Легатъ отъ ребра* (a latere) *Апостольскаго*,
«всѣмъ и всякому Христіанину вѣчное спа-
«сеніе, миръ и благодать. Возвеселитеся
«нынѣ о Господѣ: Церковь Восточная и
«Римская навѣки совокупилися въ древнее
«мирное единоначаліе. Вы, добрые Христі-
«ане Церкви Константинопольской, Русь,
«Сербы, Волохи, и всѣ вѣрующіе во Хри-
«ста! пріимите сіе святое соединеніе съ
«духовною радостію и честію. Будьте ис-
«тинными братьями Христіанъ Римскихъ.
«Единъ Богъ, едина Вѣра: любовь и миръ
«да обитаютъ между вами! А вы, племена
«Латинскія, также не уклоняйтеся отъ
«Греческихъ, признанныхъ въ Римѣ истин-
«ными Христіанами: молитеся въ ихъ хра-
«махъ, какъ они въ вашихъ будутъ молить-
«ся. Исповѣдуйте грѣхи свои тѣмъ и дру-
«гимъ Священникамъ безъ различія; отъ
«тѣхъ и другихъ принимайте тѣло Хри-
«стово, равно святое и въ прѣсномъ и въ
«кисломъ хлѣбѣ. Такъ уставила общая мать
«ваша, Церковь Каѳолическая,» и проч.

Исидоръ спѣшилъ въ Кіевъ, гдѣ Духовенство встрѣтило его какъ единственнаго,

г. 1440. Митрополита всѣхъ Россійскихъ Епархій, и весною 1440 году прибылъ въ Москву, съ грамотою отъ Папы къ Великому Князю[276]. Евгеній извѣщалъ его «о благословенномъ «успѣхѣ Флорентійскаго Собора, славномъ «въ особенности для Россіи: ибо Архипа«стырь ея болѣе другихъ способствовалъ «оному.» Письмо отъ начала до конца было ласково и скромно. Папа молилъ Василія быть милостивымъ къ Исидору и давать ему тѣ церковные оброки, коими издревле пользовались наши Митрополиты. Духовенство и народъ съ нетерпѣніемъ ожидали своего Первосвятителя въ Кремлевскомъ храмѣ Богоматери. Исидоръ явился окруженный многими сановниками: предъ нимъ несли крестъ Латинскій и три серебряныя *палицы*. Россіяне удивились сей новости, и еще болѣе, когда Митрополитъ въ Литургіи помянулъ Евгенія Папу, вмѣсто Вселенскихъ Патріарховъ. Когда же, по окончаніи службы, Діаконъ Исидоровъ, въ стихарѣ и съ орраріемъ ставъ на амвонѣ, велегласно прочиталъ грамоту Флорентійскаго Осьмаго Собора, столь несогласную съ древнимъ ученіемъ нашей Церкви: тогда всѣ, духовные и міряне, въ изумленіи смотрѣли другъ на друга, не зная, что мыслить о слышанномъ. Имя Собора Вселенскаго, Царя Іоанна, и согласіе знатнѣйшихъ православныхъ Іерарховъ Греціи, искони нашихъ учителей, заграждали уста: безмолвствовали Епископы и Вельможи.

Въ семъ общемъ глубокомъ молчаніи раздался только одинъ голосъ – Князя Великаго. Съ юныхъ лѣтъ зная твердо уставы Церкви и мнѣнія Святыхъ Отцевъ о Символѣ Вѣры, Василій увидѣлъ отступленіе Грековъ отъ ея правилъ, воспылалъ ревностію обличить беззаконіе, вступилъ въ прѣніе съ Исидоромъ и торжественно наименовалъ его лжепастыремъ, губителемъ душъ, еретикомъ: призвалъ на совѣтъ Епископовъ, Бояръ, искусныхъ въ книжномъ ученіи, и велѣлъ имъ основательно разсмотрѣть Флорентійскую Соборную грамоту. Всѣ прославили умъ Великаго Князя. Святители и Вельможи сказали ему: «Государь! мы дремали; ты единъ за всѣхъ бодрствовалъ; «открылъ истину, спасъ Вѣру: Митрополитъ *отдалъ ее на златъ* Римскому Папѣ, и возвратился къ намъ съ ересью.» Исидоръ силился доказывать противное, но безъ успѣха: Василій посадилъ его за стражу въ Чудовѣ монастырѣ, требуя, чтобы онъ раскаялся, отвергнувъ соединеніе съ Латинскою Церковію. Такимъ образомъ хитрость, рѣдкій даръ слова и великій умъ сего честолюбиваго Грека, имѣвъ столь много дѣйствія на Флорентійскомъ Соборѣ, гдѣ ученѣйшая Греція состязалась съ Римомъ, оказались безсильными въ Москвѣ, бывъ побѣждены здравымъ смысломъ Великаго Князя, увѣреннаго, что перемѣны въ Законѣ охлаждаютъ сердечное усердіе къ

г. 1440.

г. 1440. оному, и что неизмѣняемые Догматы отцевъ лучше всякихъ новыхъ мудрованій. Узнавъ же, что Исидоръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ тайно ушелъ изъ монастыря, благоразумный Василій не велѣлъ гнаться за нимъ, ибо не хотѣлъ употребить никакихъ жестокихъ мѣръ противъ сего сверженнаго имъ Митрополита, который, въѣхавъ въ Россію гордо, пышно и величаво, бѣжалъ изъ нее какъ преступникъ, въ страхѣ, чтобы Москвитяне не сожгли его подъ именемъ еретика на кострѣ[277].

Исидоръ благополучно достигъ Рима съ печальнымъ извѣстіемъ о нашемъ упрямствѣ, и въ награду за свой ревностный подвигъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Думѣ Кардиналовъ, еще именуясь *Россійскимъ;* а Великій Князь, съ согласія всѣхъ Епископовъ, вторично избравъ Іону въ Митрополиты, (въ 1443 году) отправилъ Боярина Полуехта въ Константинополь съ грамотою къ Царю и Патріарху, въ коей описываетъ всю исторію нашего Христіанства со временъ Владиміра, и говоритъ далѣе[278]: «По «кончинѣ блаженнаго Фотія земля Русская «нѣсколько лѣтъ оставалась безъ духовнаго «Пастыря, волнуемая нашествіемъ варва-«ровъ и внутреннимъ междоусобіемъ: нако-«нецъ мы послали къ вамъ Епископа Рязан-«скаго, Іону, мужа отъ юныхъ лѣтъ бла-«гочестиваго и добродѣтельнаго, желая, да «поставите его въ Митрополиты; но вы,

«или отъ замедленія нашего, или слѣдуя «единственно прихоти самовластія, дали «намъ Исидора. Богу извѣстно, что я дол-«го колебался и мыслилъ отвергнуть его; «но ласковая грамота Патріархова, моле-«ніе Посла вашего и сладкорѣчивое смиреніе «Исидорово тронули мое сердце.... Когда «же онъ, вопреки своей клятвѣ, измѣнилъ «Православію: тогда мы созвали боголюби-«выхъ Святителей нашей земли, да избе-«рутъ новаго достойнѣйшаго Митрополи-«та, какъ и прежде, въ чрезвычайныхъ «случаяхъ, у насъ бывало. Но хотимъ со-«блюсти обрядъ древній: требуемъ твое-«го Царскаго согласія и Патріаршаго благо-«словенія, увѣряя васъ, что никогда про-«извольно не отлучимся отъ Церкви Гре-«ческой, доколѣ стоитъ Держава Русская. «И такъ ожидаемъ, что вы исполните мое «прошеніе и не замедлите увѣдомить насъ «о вашемъ здравіи, да возвеселимся духомъ «нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.» Сей Посолъ не доѣхалъ до Константинопо-ля: ибо Василій приказалъ ему возвратить-ся, свѣдавъ тогда, какъ говоритъ Лѣтопи-сецъ, совершенное отступленіе Императо-ра Греческаго отъ истинной Вѣры. Съ то-го времени Іона первенствовалъ, кажется, въ дѣлахъ нашей Церкви, хотя еще и не былъ торжественно признанъ ея Главою[279]; а Епископы южной Россіи снова имѣли осо-беннаго Митрополита, посвященнаго въ Ри- г. 1440.

г. 1440. мѣ, именемъ Григорія Болгарина[280], ученика Исидорова, вмѣстѣ съ нимъ ушедшаго изъ Москвы. Они держались Флорентійскаго Соединенія, которое въ Литвѣ и въ Польшѣ доставило имъ всѣ выгоды и преимущества Духовенства Латинскаго, подтвержденныя въ 1443 году указомъ Владислава III[281]. Преемникъ Владиславовъ, Казимиръ, даже уговаривалъ Великаго Князя признать Кіевскаго Іерарха Главою и Московскихъ Епископовъ, представляя, какъ вѣроятно, что духовное единоначаліе утвердитъ благословенный союзъ между сѣверною и южною Россіею; но Святители наши предали Григорія анаѳемѣ. Московская Митрополія осталась независимою, а Кіевская подвластною Риму, будучи составлена изъ Епархій Брянской, Смоленской, Перемышльской, Туровской, Луцкой, Владимірской, Полоцкой, Хельмской и Галицкой[282].

Такія слѣдствія имѣлъ славный Соборъ Флорентійскій. Еще нѣсколько лѣтъ защитники и противники его писали, спорили, опровергали другъ друга; наконецъ бѣдствіе, постигшее Константинополь, пресѣкло и споры и долговременныя усилія властолюбиваго Рима для подчиненія себѣ Византійской Церкви. Духовенство же Московское, отвергнувъ соблазнъ, тѣмъ болѣе укрѣпилось въ Догматахъ Православія.

Россіяне имѣли нужду въ мирѣ церковномъ, чтобы великодушнѣе сносить несча-

стія государственныя, коими Небо скоро посѣтило наше отечество. г. 1440.

Уже осенью въ 1441 году открылась новая вражда между Великимъ Княземъ и Димитріемъ Шемякою, который, свѣдавъ о приближеніи Московскаго войска къ Угличу, бѣжалъ въ Новогородскую область, и собравъ нѣсколько тысячь бродягъ, вмѣстѣ съ Княземъ Александромъ Черторижскимъ, выѣхавшимъ къ нему изъ Литвы, внезапно подступилъ къ Москвѣ: хотя Игуменъ Троицкій, Зиновій, примирилъ ихъ; но Шемяка, боясь Василія, далъ знать Новогородцамъ, что желаетъ навсегда къ нимъ переселиться. Они гордо сказали: «Да будетъ, Князь, «твоя воля! Если хочешь къ намъ, мы те«бѣ рады; если не хочешь, какъ тебѣ угод«но»[283]. Сей отвѣтъ или не полюбился ему, или тогдашнія обстоятельства Новагорода отвратили его отъ намѣренія искать тамъ убѣжища: Шемяка остался въ своемъ Удѣлѣ. Новая вражда.

Новгородъ, волнуемый внутри, угрожаемый извнѣ, не имѣлъ ни твердаго правленія, ни ясной политической системы. Въ 1442 году народъ, безъ всякаго доказательства обвиняя многихъ людей въ зажигательствѣ, жегъ ихъ на кострахъ, топилъ въ Волховѣ, побивалъ каменьемъ. Худые урожаи и десятилѣтняя дороговизна приводили гражданъ въ отчаяніе. «Вопль и стенаніе «(говоритъ Лѣтописецъ) раздавались на пло«щадяхъ и на улицахъ; бѣдные шатались г. 1443—45.

Г. 1443 —45. Дѣла Новогородскія.

«какъ тѣни, падали, умирали, дѣти предъ «родителями, отцы и матери предъ дѣтьми; одни бѣжали отъ голода въ Литву, «или въ землю Нѣмецкую, или во Псковъ; «другіе изъ хлѣба шли въ рабство къ купцамъ Магометанской и Жидовской Вѣры. «Не было правды ни въ судахъ, ни во градѣ. Возстали ябедники, лжесвидѣтели, грабители; наши старѣйшины утратили «честь свою, и мы сдѣлались поруганіемъ «для сосѣдовъ»[284]. Къ симъ народнымъ бѣдствіямъ присоединились внѣшнія опасности. Слабая Держава можетъ существовать только союзомъ съ сильными: ослѣпленный Новгородъ досаждалъ всѣмъ и не имѣлъ друзей. Одинъ изъ Князей Суздальскихъ, Василій Юрьевичь, внукъ Кирдяпинъ и наслѣдственный врагъ Москвы, былъ ласково принятъ Новогородцами и начальствовалъ у нихъ въ Ямѣ. Къ неудовольствію же Великаго Князя они вызвали изъ Литвы внука Ольгердова, Іоанна Владиміровича, и дали ему свои пригороды въ угодность Казимиру; между тѣмъ не угодили и послѣднему. Казимиръ хотѣлъ, чтобы они взяли отъ него Намѣстниковъ въ свою столицу и явно отложились отъ Василія Василіевича, говоря: «для «васъ единственно я не заключилъ съ нимъ «мира; поддайтесь мнѣ, и вы будете со «всѣхъ сторонъ безопасны[285].» Новогородцы, еще не расположенные измѣнить Русскому отечеству, посмѣялись надъ властолюбіемъ

Казимира: отпустили Іоанна въ Литву, и вторично приняли къ себѣ Лугвеніева сына, Юрія, бывшаго въ Москвѣ. Тщетно Псковитяне искали ихъ дружбы и давали имъ примѣръ благоразумія, стараясь быть въ тѣсной связи съ Москвою, которая долженствовала рано или поздно спасти сѣверо-западную Россію отъ хищности иноплеменниковъ. Князья — иногда Россійскіе, иногда Литовскіе — начальствовали во Псковѣ, но всегда именемъ Великаго Князя, съ его согласія, и присягали въ вѣрности сперва ему, а потомъ народу. Слѣдуя инымъ правиламъ, Новогородцы видѣли въ гражданахъ сей области уже не братьевъ, а слугъ Московскихъ, и своихъ совмѣстниковъ въ выгодахъ Нѣмецкой торговли. Тѣ и другіе воевали, мирились, заключали договоры, особенно съ державами иноземными, не думая о благѣ общемъ. Новогородцы въ 1442 году взяли всѣхъ Нѣмецкихъ купцевъ подъ стражу[286]: Псковитяне дружелюбно торговали съ Ганзою. Въ Шведской Финляндіи властвовалъ тогда Государственный Маршалъ, Карлъ Кнутсонъ, получивъ ее въ Удѣлъ отъ Верховнаго Совѣта и Короля: онъ жилъ въ Выборгѣ, и стараясь ничѣмъ не оскорблять Новогородцевъ, злобился на Псковитянъ, которые повѣсили нѣсколько Чухонцевъ за воровство въ землѣ своей: мстилъ имъ, безъ объявленія войны бралъ людей въ плѣнъ и требовалъ окупа. Въ 1443 году Магистръ

г. 1443 —45.

г. 1443 —45. Ливонскаго Ордена, Финке фонъ-Обербергенъ, возобновилъ миръ съ областію Псковскою на 10 лѣтъ и былъ непріятелемъ Новогородцевъ: сжегъ предмѣстіе Ямы, и велѣлъ сказать имъ какъ бы въ насмѣшку, что не онъ, а Герцогъ Клевскій изъ заморья воюетъ Россію.

Такъ сказано въ нашей лѣтописи: бумаги Нѣмецкаго Ордена, хранящіяся въ древнемъ Кенигсбергскомъ Архивѣ, объясняютъ для насъ сей предлогъ войны съ ея достопамятными обстоятельствами[287]. Еще въ 1438 году Великій Магистръ Нѣмецкій писалъ къ Новогородскому Князю Юрію, чтобы онъ благосклонно принялъ юнаго Принца Клевскаго, Эбергарда, ѣдущаго въ Палестину черезъ Россію, и доставилъ ему всѣ способы для пути безопаснаго; но Эбергардъ возвратился въ Ригу съ жалобами на претерпѣнныя имъ въ Новогородской землѣ оскорбленія. Рыцари за него вступились и собрали войско, которое будто бы само собою, безъ ихъ вѣдома, начало непріятельскія дѣйствія. Финке увѣрялъ, что Орденъ желаетъ единственно удовлетворенія за обиду Принца Клевскаго и за многія другія, сдѣланныя Нѣмцамъ *безпокойными*, *наглыми Россіянами*, *любящими отнимать чужое и жаловаться*. Великій Герцогъ Литовскій, Казиміръ, былъ между ими посредникомъ, величаясь именемъ *Государя Новогородцевъ*, единственно потому, что они со временъ

Гедиминовыхъ принимали къ себѣ Литовскихъ Князей въ областные начальники; но Финке, благосклонно встрѣтивъ Казимировыхъ Пословъ, не устыдился взять подъ стражу Новогородскаго, даже ограбилъ его и выслалъ *нагаго* изъ Ливоніи. — Раздраженные Новогородцы опустошили Ливонскія селенія за Наровою: Нѣмцы землю Водскую, берега Ижеры и Невы; опять приступили къ Ямѣ и хотѣли пушками разрушить ея стѣны, но черезъ пять дней сняли осаду. Нѣмецкіе Лѣтописцы прибавляютъ, что Россіяне заманили Магистра въ какое-то ущелье и побили у него множество воиновъ; что онъ, желая отмстить имъ новымъ впаденіемъ въ ихъ предѣлы, возвратился съ новою неудачею и стыдомъ[288]. Не смотря на то, гордый Финке вторично отвергнулъ мирныя предложенія Новогородцевъ, сказавъ ихъ посламъ въ Ригѣ, что не заключитъ мира, если они не уступятъ ему всей рѣки Наровы съ островомъ. Доселѣ дѣйствовавъ только собственными силами, Ливонцы предпріяли наконецъ вооружить на Россіянъ знатную часть Европы, посредствомъ Великаго Магистра Прусскаго, бывшаго въ тѣсной связи съ Римомъ и съ Государями Сѣверными; хотѣли уже не грабежа, не маловажныхъ сшибокъ, но рѣшительнаго удара. Въ 1447 году Орденъ заключилъ договоръ съ Королемъ Даніи, Норвегіи и Швеціи, Христофоромъ, чтобы совокупными силами воевать землю Новогородскую:

г. 1443—45.

г. 1443 —45. Нѣмцамъ взять Копорье и Нейшлотъ, Шведамъ Орѣховъ, Ландскрону, и проч. Великій Магистръ Прусскій убѣждалъ Папу содѣйствовать молитвою и деньгами къ усмиренію *невѣрныхъ* Россіянъ; писалъ къ Императору, къ Курфирстамъ, и вызывалъ изъ Германіи всѣхъ православныхъ витязей служить Богу и Его Матери, казнить *отступниковъ злочестивыхъ* на берегахъ Волхова; писалъ также ко всѣмъ городамъ Ганзейскимъ, къ Любеку, Висмару, Ростоку, Грейфсвальдену, чтобы они запретили купцамъ своимъ возить хлѣбъ въ Новгородъ. Вооруженныя Ливонскія суда заняли Неву и брали въ добычу всякой нагруженный съѣстными припасами корабль, идущій въ Ладожское озеро, не исключая ни союзныхъ Шведскихъ, ни Прусскихъ. Войско Нѣмецкаго Ордена отправилось моремъ изъ Данцига и сухимъ путемъ изъ Мемеля къ Нарвѣ: пѣхота, конница и пушкари, съ Рыцаремъ Генрихомъ, искуснымъ въ употребленіи огнестрѣльнаго снаряда. Въ Бранденбургѣ, Эльбингѣ, Кенигсбергѣ и во всѣхъ городахъ Прусскихъ народъ торжественно молился о счастливомъ успѣхѣ *Христіанскаго оружія противъ язычниковъ* (contra paganos) Новогородскихъ и союзниковъ ихъ, *Москвитянъ*, *Волоховъ* и *Татаръ*: Латинскія Обѣдни и церковные ходы долженствовали склонить Небо къ совершенному истребленію сей Россійской народной Державы,

болѣе именемъ, нежели силами *великой*, опустошенной тогда голодомъ и болѣзнями. г. 1443 — 45.

Какія были слѣдствія мѣръ столь важныхъ и грозныхъ? Въ нашихъ лѣтописяхъ сказано единственно, что Ливонскіе Рыцари, Король Шведскій и *Прусскій* (то есть, Великій Магистръ Нѣмецкаго Ордена) въ 1448 году имѣвъ битву съ Новогородцами на берегахъ Наровы, ушли назадъ; а Двиняне близъ Непоксы разбили Шведовъ, которые приходили туда моремъ изъ Лапландіи[289]. Ни *Татары*, ни *Волохи*, ни *Москвитяне* не помогали Новугороду. «Я даю ему Князей, но «безъ войска,» писалъ Казимиръ къ Нѣмцамъ. Въ бумагахъ Орденскихъ упоминается только о какомъ-то знаменитомъ человѣкѣ, который въ 1447 году ѣхалъ изъ Моравіи *съ шестью стами всадниковъ* на помощь къ Новогородскому Князю Юрію, сыну Лугвеніеву.

Въ сіе время Новогородцы имѣли еще двухъ непріятелей: Князь Борисъ Тверскій безжалостно грабилъ ихъ землю, и народъ Югорскій, угнетаемый ими, объявилъ себя независимымъ. Воеводы Двинскіе, Василій Шенкурскій и Михайло Яковлевъ, пришли къ нимъ съ тремя тысячами воиновъ. Жители употребили хитрость. «Дайте намъ «время собрать дань,» говорили они: «сдѣ«лавъ расчетъ между собою, мы покажемъ «вамъ урочища и станы;» но усыпивъ Россіянъ обѣщаніями и ласками, побили ихъ на

г. 1443 — 45. голову. Новогородцы оружіемъ усмирили сихъ бунтующихъ данниковъ, а Князя Тверскаго старались усовѣстить словами дружелюбными; заключили наконецъ союзъ съ добрыми Псковитянами и перемиріе съ Нѣмцами на 25 лѣтъ[290].

Войны. Гораздо важнѣйшія происшествія ожидаютъ насъ въ Московскомъ Великомъ Княженіи. Смерть Витовта, дѣда, опекуна Василіева, уничтоживъ связь притворнаго дружества между Литвою и нашимъ Государствомъ, возобновила ихъ естественную, взаимную ненависть другъ ко другу, еще усиленную раздоромъ Церковнымъ. Непріятели Казимировы искали убѣжища въ Москвѣ: сынъ Лугвеніевъ, Князь Юрій, выѣхавъ изъ Новагорода, и занявъ вооруженною рукою Смоленскъ, Полоцкъ, Витебскъ, но будучи не въ силахъ противиться Казимиру, бѣжалъ къ Великому Князю. Однакожь войны не было до 1444 года: въ сіе время, зимою, Василій послалъ двухъ служащихъ ему Царевичей Могольскихъ на Брянскъ и Вязьму. Нечаянность ихъ впаденія благопріятствовала успѣху, если можно назвать успѣхомъ грабежъ и кровопролитіе безполезное: Татары и Москвитяне опустошили села и города почти до Смоленска. Явились мстители: 7000 Литовцевъ, предводимыхъ
г. 1445. семью Панами, разорили беззащитныя крепости Козельска, Калуги, Можайска, Вереи. Собралось нѣсколько сотъ Россіянъ

подъ начальствомъ Воеводъ Можайскаго, Верейскаго и Боровскаго: презирая многочисленность непріятеля, они смѣло ударили на Казимировыхъ Пановъ въ Суходровѣ, и были разбиты. Впрочемъ Липовцы, не взявъ ни одного города, удалились съ плѣнниками[291]. г. 1445.

Великій Князь не могъ отразить ихъ для того, что имѣлъ дѣло съ другимъ непріятелемъ. Царевичь Золотой Орды, именемъ Мустафа, желая добычи, вступилъ въ Рязанскую область, плѣнилъ множество безоружныхъ людей, и взявъ за нихъ окупъ, ушелъ; но скоро опять возвратился къ Переславлю, требуя уже не денегъ, а только убѣжища. Настала зима необыкновенно холодная съ глубокими снѣгами, жестокими морозами и вьюгами: Татары не могли достигнуть Улусовъ, лишились коней и сами умирали въ полѣ. Граждане Переславскіе, не смѣя отказать имъ, впустили ихъ въ свои жилища; однакожь не на-долго: ибо Василій послалъ Князя Оболенскаго съ Московскою дружиною и съ Мордвою выгнать Царевича изъ нашихъ предѣловъ. Мустафа, равно опасаясь и жителей и рати Великокняжеской, по требованію первыхъ вышелъ изъ города, сталъ на берегахъ рѣчки Листани и спокойно ожидалъ непріятелей. Съ одной стороны наступили на него Воеводы Московскіе съ конницею и пѣхотою, вооруженною *ослопами* или палицами,

Г. 1445. топорами и рогатинами; съ другой Рязанскіе *Козаки* и Мордва на лыжахъ, съ сулицами, копьями и саблями. Татары, цѣпенѣя отъ сильнаго холода, не могли стрѣлять изъ луковъ, и не смотря на свою малочисленность, смѣло пустились въ ручной бой. Они конечно не имѣли средства спастися бѣгствомъ; но отъ нихъ зависѣло отдаться въ плѣнъ безъ кровопролитія: Мустафа не хотѣлъ слышать о такомъ стыдѣ, и бился до изнуренія послѣднихъ силъ. Никогда Татары не изъявляли превосходнѣйшаго мужества: одушевленные словами и примѣромъ начальника, рѣзались какъ изступленные и бросались грудью на копья. Мустафа палъ героемъ, доказавъ, что кровь Чингисова и Тамерланова еще не совсѣмъ застыла въ сердцѣ Моголовъ; другіе также легли на мѣстѣ; плѣнниками были одни раненые, и побѣдители, къ чести своей, завидовали славѣ побѣжденныхъ. — Чрезъ нѣсколько времени Татары Золотой Орды — желая, какъ вѣроятно, отмстить за Мустафу — воевали области Рязанскія и Мордовскія; но не сдѣлали ничего важнаго.

Храбрость Мустафы.

Нашествіе Царя Казанскаго.

Непріятель опаснѣйшій явился съ другой стороны, Царь Казанскій, Улу-Махметъ; взялъ Старый Новгородъ Нижній, оставленный безъ защиты, и шелъ къ Мурому[292]. Великій Князь собралъ войско: Шемяка, Іоаннъ Андреевичь Можайскій, братъ его Михаилъ Верейскій и Василій Ярославичь

Боровскій, внукъ Владиміра Храбраго, находились подъ Московскими знаменами. Махметъ отступилъ: передовый отрядъ нашъ разбилъ Татаръ близъ Мурома, Гороховца и въ другихъ мѣстахъ. Не желая во время тогдашнихъ зимнихъ холодовъ гнаться за Царемъ, Великій Князь возвратился въ столицу. Весною пришла вѣсть, что Махметъ осадилъ Нижній Новгородъ, пославъ двухъ сыновей, Мамутека и Ягуба, къ Суздалю. Уже полки были распущены: надлежало вновь собирать ихъ. Василій Василіевичь съ одною Московскою ратію пришелъ въ Юрьевъ, гдѣ встрѣтили его Воеводы Нижегородскіе: долго терпѣвъ недостатокъ въ хлѣбѣ, они зажгли крѣпость и ночью бѣжали оттуда. Чрезъ нѣсколько дней присоединились къ Москвитянамъ Князья Можайскій, Верейскій и Боровскій, но съ малымъ числомъ ратниковъ. Шемяка обманулъ Василія: самъ не поѣхалъ и не далъ ему ни одного воина; а Царевичь Бердата, другъ и слуга Россіянъ, еще оставался назади. Великій Князь расположился станомъ близъ Суздаля, на рѣкѣ Каменкѣ: слыша, что непріятель идетъ, воины одѣлись въ латы, и поднявъ знамена, изготовились къ битвѣ; но долго ждавъ Моголовъ, возвратились въ станъ. Василій ужиналъ и пилъ съ Князьями до полуночи; а въ слѣдующій день, по восхожденіи солнца отслушавъ Заутреню, снова легъ спать. Тутъ узнали о

г. 1445.

Іюля 6.

г. 1445. переправѣ непріятеля черезъ рѣку Нерль: сдѣлалась общая тревога. Великій Князь, схвативъ оружіе, выскочилъ изъ шатра, и въ нѣсколько минутъ устроивъ рать, бодро повелъ оную впередъ, при звукѣ трубъ, съ распущенными хоругвями. Но сіе шумное ополченіе, предводимое внуками Донскаго и Владиміра Храбраго, состояло не болѣе, какъ изъ 1500 Россіянъ, если вѣрить Лѣтописцу; силы Государства Московскаго не уменьшились: только Василій не умѣлъ подражать дѣду и словомъ творить многочисленныя воинства; земля оскудѣла не людьми, но умомъ Правителей.

Впрочемъ сія горсть людей казалась сонмомъ Героевъ, текущихъ къ вѣрной побѣдѣ. Князья и воины не уважали Татаръ; видѣли ихъ превосходную силу, и вопреки благоразумію схватились съ ними на чистомъ полѣ близъ монастыря Евфиміева. Непріятель былъ вдвое многочисленнѣе; однакожь Россіяне первымъ ударомъ обратили его въ бѣгство, можетъ быть притворное: онъ хотѣлъ, кажется, чтобы наше войско разстроилось. По крайней мѣрѣ такъ случилось: Москвитяне, видя тылъ непріятельской рати, устремились за нею безъ всякаго порядка: всякой хотѣлъ единственно добычи; кто обдиралъ мертвыхъ, кто безъ памяти скакалъ впередъ, чтобы догнать обозъ Царевичей или брать плѣнниковъ. Татары вдругъ остановились, поворотили

коней и со всѣхъ сторонъ окружили мнимыхъ побѣдителей, разсѣянныхъ, изумленныхъ. Еще Князья наши старались возстановить битву; сражались толпы съ толпами, воинъ съ воиномъ, долго, упорно; вездѣ число одолѣло, и Россіяне, положивъ на мѣстѣ 500 Моголовъ, были истреблены. Самъ Великій Князь, личнымъ мужествомъ заслуживъ похвалу — имѣя простреленную руку, нѣсколько пальцевъ отсѣченныхъ, тринадцать язвъ на головѣ, плеча и грудь синія отъ ударовъ[293] — отдался въ плѣнъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Верейскимъ, и знатнѣйшими Боярами. Іоаннъ Можайскій, оглушенный сильнымъ ударомъ, лежалъ на землѣ: оруженосцы посадили его на другаго коня и спасли. Василій Ярославичь Боровскій также ушелъ; но весьма не многіе имѣли сіе счастіе. Смерть или неволя были жребіемъ остальныхъ. Царевичи выжгли еще нѣсколько селъ, два дни отдыхали въ монастырѣ Евфиміевѣ, и снявъ тамъ съ несчастнаго Василія златые кресты, послали оные въ Москву, къ его матери и къ супругѣ, въ знакъ своей побѣды.

г. 1445.

Плѣн. Великаго Князя.

Столица наша затрепетала отъ сей вѣсти: Дворъ и народъ вопили. Москва видала ея Государей въ злосчастіи и въ бѣгствѣ, но никогда не видала въ плѣну. Ужасъ господствовалъ повсюду. Жители окрестныхъ селеній и пригородовъ, оставляя домы, искали убѣжища въ стѣнахъ Кремлев-

Ужас. и бѣдствіе Москвы.

Г. 1445. скихъ: ибо ежечасно ждали нашествія варваровъ, обманутые слухомъ о силѣ Царевичей. Новое бѣдствіе довершило жалостную судьбу Москвитянъ и пришельцевъ: ночью Іюля 14. сдѣлался пожаръ внутри Кремля, столь жестокій, что не осталось ни одного деревяннаго зданія въ цѣлости: самыя каменныя церкви и стѣны въ разныхъ мѣстахъ упали; сгорѣло около трехъ тысячь человѣкъ и множество всякаго имѣнія. Мать и супруга Великаго Князя съ Боярами спѣшили удалиться отъ сего ужаснаго пепелища: онѣ уѣхали въ Ростовъ, предавъ народъ отчаянію въ жертву. Не было ни Государя, ни правленія, ни столицы. Кто могъ, бѣжалъ; но многіе не знали, гдѣ найти пристанище, и не хотѣли пускать другихъ. Чернь въ шумномъ совѣтѣ положила укрѣпить городъ: избрали властителей; запретили бѣгство; ослушниковъ наказывали и вязали; починили городскія ворота и стѣны; начали строить и жилища. Однимъ словомъ, народъ самъ собою возстановилъ и порядокъ изъ безначалія и Москву изъ пепла, надѣясь, что Богъ возвратитъ ей и Государя. — Между тѣмъ, пользуясь ея сиротствомъ и несчастіемъ, хищный Князь Борисъ Александровичь Тверскій прислалъ Воеводъ своихъ разграбить въ Торжкѣ все имѣніе купцевъ Московскихъ[294].

Разбой Князя Тверскаго.

Не смотря на пороки или недостатки Василія, Россіяне Великаго Княженія видѣли

въ немъ единственнаго законнаго Властителя и хотѣли быть ему вѣрными: плѣнъ его казался имъ тогда главнымъ бѣдствіемъ. Царевичи, хотя и побѣдители, вмѣсто намѣренія итти къ Москвѣ — чего она въ безразсудномъ страхѣ ожидала — мыслили единственно какъ можно скорѣе удалиться съ добычею и съ важнымъ плѣнникомъ, имѣя столь мало войска. Отъ Суздаля они пришли къ Владиміру; но только погрозивъ жителямъ, черезъ Муромъ возвратились къ отцу въ Нижній. Самъ Махметъ опасался Россіянъ и не разсудилъ за благо остаться въ нашихъ предѣлахъ: зная расположеніе Шемяки, отправилъ къ нему Посла, именемъ Бигича, съ дружескими увѣреніями; а самъ отступилъ къ Курмышу, взявъ съ собою Великаго Князя и Михаила Верейскаго.

г. 1445.

Августа 25.

Шемяка радовался бѣдствію Василія, которое удовлетворяло его властолюбію и ненависти къ сему злосчастному плѣннику. Онъ принялъ Царскаго Мурзу съ величайшею ласкою: угостилъ, и послалъ съ нимъ къ Махмету Дьяка Ѳедора Дубенскаго для окончанія договоровъ. Дѣло шло о томъ, чтобы Василію быть въ вѣчной неволѣ, а Шемякѣ Великимъ Княземъ подъ верховною властію Царя Казанскаго. Но Махметъ, долго не имѣвъ вѣсти о Бигичѣ, вообразилъ или повѣрилъ слуху, что Шемяка убилъ его и хочетъ господствовать въ Россіи независимо. Еще и другое обстоятельство могло способство-

г. 1445. вать счастливой перемѣнѣ въ судьбѣ Василія. Одинъ изъ Князей Болгарскихъ или Могольскихъ, именемъ Либей, завладѣлъ тогда Казанью (послѣ онъ былъ умерщвленъ сыномъ Ханскимъ, Мамутекомъ). Желая скорѣе возвратиться въ Болгарію, Царь совѣтовался съ ближними, призвалъ Великаго Князя, и съ ласкою объявилъ ему свободу, требуя отъ него единственно умѣреннаго окупа и благодарности[295]. Василій, прославивъ милость Неба и Царскую, выѣхалъ изъ Курмыша съ Княземъ Михаиломъ, съ Боярами и со многими Послами Татарскими, коимъ надлежало проводить его до столицы; отправилъ гонца въ Москву къ Великимъ Княгинямъ и самъ въ слѣдъ за нимъ спѣшилъ въ любезное отечество. Между тѣмъ Дьякъ Шемякинъ и Мурза Бигичь плыли Окою отъ Мурома къ Нижнему: услышавъ о свободѣ Великаго Князя, они возвратились отъ Дудина монастыря въ Муромъ, гдѣ Намѣстникъ, Князь Оболенскій, взялъ Бигича подъ стражу.

Октября 1.

Освобожденіе Василія.

Въ тотъ самый день, когда Царь отпустилъ Василія въ Россію — 1 Октября — Москва испытала одинъ изъ главныхъ естественныхъ ужасовъ, весьма необыкновенный для странъ сѣверныхъ: землетрясеніе. Въ шестомъ часу ночи поколебался весь городъ, Кремль и посадъ, домы и церкви; но движеніе было тихо и непродолжительно: многіе спали и не чувствовали онаго; другіе обезпамятѣли отъ страха, думая, что зем-

Землетрясеніе.

ля отверзаетъ нѣдра свои для поглощенія г.
Москвы. Нѣсколько дней ни о чемъ иномъ 1445.
не говорили въ домахъ и на Красной площади; считали сей феноменъ предтечею какихъ нибудь новыхъ государственныхъ бѣдствій, и тѣмъ болѣе обрадовались нечаянному извѣстію о прибытіи Великаго Князя. Не только въ столицѣ, но и во всѣхъ городахъ, въ самыхъ хижинахъ сельскихъ добрые подданные веселились какъ въ день свѣтлаго праздника, и спѣшили издалека видѣть Государя. Въ Переславлѣ нашелъ Василій мать, супругу, сыновей своихъ, многихъ Князей, Бояръ, Дѣтей Боярскихъ и вообще столько ратныхъ людей, что могъ бы смѣло итти съ ними на сильнѣйшаго изъ враговъ Россіи. Сія усердная, великолѣпная встрѣча напомнила величіе Героя Димитрія, привѣтствуемаго народомъ послѣ Донской битвы: дѣдъ плѣнялъ Россіянъ славою, внукъ трогалъ сердца своимъ несчастіемъ и неожидаемымъ спасеніемъ. — Но Василій (17 Ноября) съ горестію въѣхалъ въ столицу, медленно возникающую изъ пепла; вмѣсто улицъ и зданій видѣлъ пустыри; самъ не имѣлъ дворца, и живъ нѣсколько времени за городомъ въ домѣ своей матери, на Ваганковѣ, занялъ въ Кремлѣ дворъ Князя Литовскаго, Юрія Патрикіевича.

Еще мѣра золъ, предназначенныхъ судьбою сему Великому Князю, не исполнилась: ему надлежало испытать лютѣйшее, въ

Г. 1445. Злодѣйство Шемяки. доказательство, что и на самой землѣ бываетъ возмездіе по дѣламъ каждаго. Опасаясь Василія, Димитрій Шемяка бѣжалъ въ Угличь, но съ намѣреніемъ погубить неосторожнаго врага своего, который, еще не вѣдая тогда всей его злобы и повѣривъ ложному смиренію, новою договорною грамотою утвердилъ съ нимъ миръ[296]. Димитрій вступилъ въ тайную связь съ Іоанномъ Можайскимъ, Княземъ слабымъ, жестокосердымъ, легкомысленнымъ, и безъ труда увѣрилъ его, что Василій будто бы клятвенно обѣщалъ все Государство Московское Царю Махмету, а самъ намѣренъ властвовать въ Твери. Скоро присталъ къ нимъ и Борисъ Тверскій, обманутый симъ вымысломъ, и страшась лишиться Княженія[297]. Главными ихъ наушниками и подстрекателями были мятежные Бояре умершаго Константина Димитріевича, завистники Бояръ Великокняжескихъ; сыскались измѣнники и въ Москвѣ, которые взяли сторону Шемяки, вообще нелюбимаго: въ числѣ ихъ находились Бояринъ Иванъ Старковъ, нѣсколько купцевъ, Дворянъ, даже Иноковъ. Умыслили не войну, а предательство; положили нечаянно овладѣть столицею и схватить Великаго Князя; наблюдали всѣ его движенія и ждали удобнаго случая.

Г. 1446. Василій, слѣдуя обычаю отца и дѣда, поѣхалъ молиться въ Троицкую Обитель, славную добродѣтелями и мощами Св. Сергія,

взявъ съ собою двухъ сыновей съ малымъ числомъ придворныхъ. Заговорщики немедленно дали о томъ вѣсть Шемякѣ и Князю Можайскому, Іоанну, которые были въ Рузѣ, имѣя въ готовности цѣлый полкъ вооруженныхъ людей. Февраля 12 ночью они пришли къ Кремлю, гдѣ царствовала глубокая тишина; никто не мыслилъ о непріятелѣ; всѣ спали: бодрствовали только измѣнники, и безъ шума отворили имъ ворота. Князья вступили въ городъ, вломились во дворецъ, захватили мать, супругу, казну Василіеву, многихъ вѣрныхъ Бояръ, опустошивъ ихъ домы; однимъ словомъ, взяли Москву. Въ ту же самую ночь Шемяка послалъ Іоанна Можайскаго съ воинами къ Троицкой Лаврѣ[298]. Г. 1446.

Великій Князь, ничего не зная, слушалъ Обѣдню у гроба Св. Сергія. Вдругъ вбѣгаетъ въ церковь одинъ Дворянинъ, именемъ Бунко, и сказываетъ о происшедшемъ. Василій не вѣритъ. Сей Дворянинъ служилъ прежде ему, а послѣ отъѣхалъ къ Шемякѣ, и тѣмъ болѣе казался вѣстникомъ ненадежнымъ. «Вы только мутите насъ, «отвѣтствовалъ Василій: «я въ мирѣ съ братья-«ми» — и выгналъ Бунка изъ монастыря; но одумался и послалъ нѣсколько человѣкъ занять гору на Московской дорогѣ. Передовые воины Іоанновы, увидѣвъ сихъ людей, извѣстили о томъ своего Князя: онъ велѣлъ закрыть 40 или 50 саней цыновками, и

Г. 1446. спряшавъ подъ ними ратниковъ, отправилъ ихъ къ горѣ. Стражи Василіевы дремали, не вѣря слуху о непріятелѣ, и спокойно глядѣли на мнимый обозъ, который, тихо взъѣхавъ на гору, остановился: цыновки слетѣли съ саней; явились воины и схватили оплошную стражу. Тогда — увѣренные, что жертва въ ихъ рукахъ — они сѣли на коней и пустились во всю прыть къ селу Клементьевскому. Уже Василій не могъ сомнѣваться въ опасности, собственными глазами видя скачущихъ всадниковъ: бѣжитъ на конюшенный дворъ, требуетъ лошадей, и не находитъ ничего готоваго; всѣ люди въ изумленіи отъ ужаса; не знаютъ, что говорятъ и дѣлаютъ. Уже всадники предъ вратами монастырскими. Великій Князь ищетъ убѣжища въ церкви: пономарь, впустивъ его, запираетъ двери. Чрезъ нѣсколько минутъ монастырь наполнился людьми вооруженными: самъ Іоаннъ Можайскій подъѣхалъ на конѣ къ церкви и спрашивалъ, гдѣ Великій Князь? Услышавъ его голосъ, Василій громко закричалъ: «Братъ любезный! помилуй! Не лишай меня святаго «мѣста: никогда не выду отсюда: здѣсь по«стригуся; здѣсь умру.» Взявъ съ гроба Сергіева икону Богоматери, онъ немедленно отперъ южныя двери церковныя, встрѣтилъ Іоанна, и сказалъ ему: «Братъ и другъ мой! «животворящимъ крестомъ и сею иконою, «въ сей церкви, надъ симъ гробомъ Препо-

«добнаго Сергія клялися мы въ любви и «вѣрности взаимной; а что теперь дѣлаеш- «ся надо мною, не понимаю.» Іоаннъ отвѣт- ствовалъ: «Государь! если захотимъ тебѣ «зла, да будетъ и намъ зло. Нѣтъ, жела- «емъ единственно добра Христіанству, и «поступаемъ такъ съ намѣреніемъ устра- «шить Махметовыхъ слугъ, пришедшихъ съ «тобою, чтобы они уменьшили твой окупъ.» Великій Князь поставилъ икону на ея мѣ- сто, палъ ницъ предъ ракою Св. Сергія и началъ молиться громогласно, съ такимъ умиленіемъ, съ такимъ жаромъ, что самые злодѣи его не могли отъ слезъ удержать- ся; а Князь Іоаннъ, кивнувъ головою предъ образами, спѣшилъ выйти изъ церкви, и тихо сказалъ Боярину Шемякину, Никитѣ: «возьми его!» Василій всталъ и спросилъ: «гдѣ братъ мой Іоаннъ?» *Ты плѣнникъ Вели- каго Князя, Димитрія Юрьевича,* отвѣчалъ Никита, схвативъ его за руки. «Да будетъ «воля Божія!» сказалъ Василій. Жестокій Вельможа посадилъ несчастнаго Князя въ голыя сани вмѣстѣ съ какимъ-то Монахомъ и повезъ въ столицу; а Московскихъ Бояръ всѣхъ оковали цѣпями: другихъ же слугъ Великокняжескихъ ограбили и пустили на- гихъ.

Г. 1446.

На другой день привезли Василія въ Мос- кву прямо на дворъ къ Шемякѣ, который жилъ въ иномъ домѣ; на четвертый день, ночью, ослѣпили Великаго Князя, отъ име-

Г. 1446. Февраля 16. Ослѣпленіе Великаго Князя

ни Димитрія Юрьевича, Іоанна Можайскаго и Бориса Тверскаго, которые велѣли ему сказать: «для чего любишь Татаръ и даешь имъ Русскіе города въ кормленіе? для «чего серебромъ и золотомъ Христіанскимъ «осыпаешь невѣрныхъ? для чего изнуряешь «народъ податями? для чего ослѣпилъ ты «брата нашего, Василія Косаго [299]?» —Вмѣстѣ съ супругою отправили Великаго Князя въ Угличь, а мать его Софію въ Чухлому. Сыновья же Василіевы, Іоаннъ и Юрій, подъ защитою своей невинности спаслися отъ гонителей: пѣстуны сокрыли ихъ въ монастырѣ и ночью уѣхали съ ними къ Князю Ряполовскому, Ивану, въ село Боярово, не далеко отъ Юрьева[300]. Сей вѣрный Князь съ двумя братьями, Симеономъ и Димитріемъ, вооружился, собралъ людей, сколько могъ, и повезъ младенцевъ, надежду Россіи, въ Муромъ, укрѣпленный и безопаснѣйшій другихъ городовъ.

Ужасъ господствовалъ въ Великомъ Княженіи. Оплакивали судьбу Василія, гнушались Шемякою. Князь Боровскій, Василій Ярославичь, братъ Великой Княгини Маріи, не хотѣвъ остаться въ Россіи послѣ такого злодѣянія, отъѣхалъ въ Литовскую землю, гдѣ Казимиръ далъ ему въ Удѣлъ Брянскъ, Гомель, Стародубъ и Мстиславль [301]. Но Дворяне Московскіе, хотя и съ печальнымъ сердцемъ, присягнули Димитрію Шемякѣ, всѣ, кромѣ одного, именемъ Ѳе-

дора Басенка, торжественно объявившаго, что не будетъ служить варвару и хищнику. Димитрій велѣлъ оковать его: Басенокъ ушелъ изъ темницы въ Литву со многими единомышленниками къ Василію Ярославичу, который сдѣлалъ его и Князя Симеона Ивановича Оболенскаго начальниками въ Брянскѣ. Шемяка, принявъ на себя имя Великаго Князя, отдалъ Суздаль презрительному сподвижнику своему, Іоанну Можайскому; но скоро взялъ у него назадъ сію область и въ слѣдствіе письменнаго договора уступилъ, вмѣстѣ съ Нижнимъ, съ Городцемъ и даже съ Вяткою, какъ законную наслѣдственную собственность, внукамъ Кирдяпинымъ, Василію и Ѳеодору Юрьевичамъ; то есть, безсмысленно хотѣлъ уничтожить полезное дѣло Василія I, присоединившаго древнее Суздальское Княженіе къ Москвѣ. Въ договорной грамотѣ Шемяка, предоставивъ себѣ единственно честь старѣйшинства, соглашается, чтобы Юрьевичи, подобно ихъ прадѣду Димитрію Константиновичу, тестю Донскаго, господствовали независимо и сами управлялись съ Ордою[302]; обѣ стороны равно обязываются не входить ни въ какіе особенные переговоры съ несчастнымъ слѣпцемъ Василіемъ; села и земли, купленныя Московскими Боярами вокругъ Суздаля, Городца, Нижняго, долженствовали безденежно возвратиться къ прежнимъ владѣльцамъ, и проч. Что заставило Шемяку быть столь

Г. 1446.

Г. 1446. благосклоннымъ къ двумъ изгнанникамъ, которые, не хотѣвъ служить Василію Темному, скитались по Россіи изъ мѣста въ мѣсто? Онъ боялся народной ненависти и малодушно искалъ опоры въ сихъ братьяхъ, изъ коихъ старшій, служа Новугороду, отличился въ битвѣ съ Нѣмцами и славился храбростію. Не имѣя ни совѣсти, ни правилъ чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка въ краткое время своего владычества усилилъ привязанность Москвитянъ къ Василію, и въ самыхъ гражданскихъ дѣлахъ попирая ногами справедливость, древніе уставы, здравый смыслъ, оставилъ навѣки память своихъ беззаконій въ народной пословицѣ *о судѣ Шемякинѣ*, донынѣ употребительной[303].

Безразсудность Шемяки.

Пословица.

Онъ не умертвилъ Великаго Князя единственно для того, что не имѣлъ дерзости Святополка I; лишивъ его зрѣнія, оправдывался закономъ мести и собственнымъ примѣромъ Василія, который ослѣпилъ Шемякина брата. Но Москвитяне — соглашаясь, что несчастіе Василіево было явнымъ попущеніемъ Божіимъ — усердно молили Небо избавить ихъ отъ Властителя недостойнаго; воспоминали добрыя качества слѣпца: его ревность въ Правовѣріи, судъ безъ лицепріятія, милость къ Князьямъ Удѣльнымъ, къ народу, къ самому Шемякѣ. Лазутчики Димитрія въ столицѣ, на площади, въ домахъ Бояръ и гражданъ, видѣли печаль, слы-

шали укоризны; даже многіе города не поддавались ему. Въ сихъ обстоятельствахъ надлежало Шемякѣ показать смѣлую рѣшительность: къ счастію, злодѣи не всегда имѣютъ оную; устрашаются крайности, и не достигаютъ цѣли. Онъ боялся младенцевъ Великокняжескихъ, хранимыхъ въ Муромѣ Князьями Ряполовскими, вѣрными Боярами и малочисленною воинскою дружиною, но не хотѣлъ употребить насилія: призвалъ въ Москву Рязанскаго Епископа Іону, и сказалъ ему: «Мужъ святый! обѣщаю доставить «тебѣ санъ Митрополита; но прошу твоей «услуги. Иди въ свою Епископію, въ городъ «Муромъ, *возьми* дѣтей Великаго Князя *на* «*свою епитрахиль* и привези ко мнѣ: я го«товъ на всякую милость; выпущу отца «ихъ; дамъ имъ Удѣлъ богатый, да господ«ствуютъ въ ономъ и живутъ въ изобиліи.» Іона, не сомнѣваясь въ его искренности, отправился въ Муромъ, и ревностно старался успѣть въ Димитріевомъ порученіи. Бояре колебались. «Если не послушаемъ Свя«тителя» — думали они — «то Димитрій «силою возметъ Муромъ и дѣтей Велико«княжескихъ: что будетъ съ ними, съ не«счастнымъ ихъ родителемъ и съ нами?» Бояре требовали клятвы отъ Іоны, и привели младенцевъ въ храмъ Богоматери, гдѣ Епископъ, отпѣвъ молебенъ, торжественно принялъ ихъ съ церковной пелены на свою епитрахиль, въ удостовѣреніе, что Дими- г. 1446.

г. 1446. шрій не сдѣлаешъ имъ ни малѣйшаго зла. Князья Ряполовскіе и друзья ихъ, успокоенные обрядомъ священнымъ, сами поѣхали съ

Маія 6. драгоцѣннымъ залогомъ къ Шемякѣ, бывшему шогда въ Переславлѣ. Сей лицемѣръ плакалъ будшо бы ошъ умиленія: ласкалъ, цѣловалъ юныхъ невинныхъ племянниковъ; угосшилъ обѣдомъ и дарами, а на шрешій день ошправилъ съ шѣмъ же Іоною къ ошцу въ Угличь. Іона возврашился въ Москву и занялъ домъ Мишрополишскій; но Василій и семейсшво его осшались подъ сшражею. Шемяка не исполнилъ обѣща.

Вѣроломсшво. Сіе вѣроломсшво изумило Бояръ: добрые Князья Ряполовскіе были въ ошчаяніи. «Не «дадимъ веселишься злобѣ,» сказали они и рѣшились низвергнушь Димишрія. Къ нимъ присшали Князь Иванъ Сшрига Оболенскій, Вельможа Ощера и многіе Дѣши Боярскіе: условились съ разныхъ сшоронъ ишши къ Угличу; въ одинъ день и часъ явишься подъ его сшѣнами, овладѣшь городомъ, освободишь Василія. Заговоръ не имѣлъ совершеннаго успѣха; однакожь произвелъ счасшливое дѣйсшвіе. Узнавъ намѣреніе Ряполовскихъ, шайно выѣхавшихъ изъ Москвы, Димишрій ошправилъ Воеводу своего въ догонъ за ними; но сіи мужесшвенные вишязи разбили дружину Шемякину, и видя, чшо умыселъ ихъ ошкрылся, поѣхали въ Лишву къ Василію Ярославичу Боровскому, чшобы вмѣсшѣ съ нимъ взяшь мѣры въ пользу Великаго

Князя. Они проложили туда путь всѣмъ ихъ многочисленнымъ единомышленникамъ: изъ столицы и другихъ городовъ люди бѣжали въ Малороссію, проклиная Шемяку, который трепеталъ въ Московскомъ дворцѣ, ежедневно получая вѣсти о всеобщемъ негодованіи народа. Призвавъ Епископовъ, онъ совѣтовался съ ними и съ Княземъ Іоанномъ Можайскимъ, освободить ли Василія? чего неотступно требовалъ Іона, говоря ему: «Ты нарушилъ уставъ правды; ввелъ меня «въ грѣхъ, постыдилъ мою старость. Богъ «накажетъ тебя, если не выпустишь Вели«каго Князя съ семействомъ и не дашь имъ «обѣщаннаго Удѣла. Можешь ли опасаться «слѣпца и невинныхъ младенцевъ? Возьми «клятву съ Василія, а насъ Епископовъ во «свидѣтели, что онъ никогда не будетъ «врагомъ твоимъ.» Шемяка долго размышлялъ; наконецъ согласился. г. 1446.

Должны ли вѣроломные надѣяться на вѣрность обманутыхъ ими? Но злодѣи, освобождая себя отъ узъ нравственности, мыслятъ, что не всѣмъ дана сила попирать ногами святыню, и сами бываютъ жертвою легковѣрія. Димитрій хотѣлъ, по тогдашнему выраженію, *связать душу* Василіеву Крестомъ и Евангеліемъ, такъ, чтобы не оставить ему на выборъ ничего, кромѣ рабскаго смиренія или ада; пріѣхалъ въ Угличь со всѣмъ Дворомъ, съ Князьями, Боярами, Епископами, Архимандритами; велѣлъ по-

г. 1446. Смиреніе Василія. звать Василія, обнялъ его дружески, винился, изъявлялъ раскаяніе, требовалъ прощенія великодушнаго. «Нѣтъ!» отвѣтствовалъ Великій Князь съ сердечнымъ умиленіемъ: «я одинъ во всемъ виновенъ; пострадалъ за грѣхи мои и беззаконія; излишно «любилъ славу міра и преступалъ клятвы; «гналъ васъ, моихъ братьевъ; губилъ Христіанъ и мыслилъ еще изгубить многихъ; «однимъ словомъ, заслуживалъ казнь смертную. Но ты, Государь, явилъ милосердіе «надо мною и далъ мнѣ средство къ покаянію.» Слова лились рѣкою вмѣстѣ съ слезами; видъ, голосъ, подтверждали ихъ искренность. Шемяка былъ совершенно доволенъ; всѣ другіе плакали, славя Ангельское смиреніе души Василіевой. Можетъ быть, Великій Князь дѣйствительно говорилъ и чувствовалъ одно въ порывѣ Христіанской набожности, которая питается уничиженіемъ земной гордости. Обрядъ крестнаго цѣлованія заключился великолѣпною трапезою у Шемяки: Василій обѣдалъ у него съ супругою и съ дѣтьми, со всѣми Вельможами и Епископами; принялъ богатые дары и Вологду въ Удѣлъ; пожелалъ Димитрію благополучно властвовать надъ Московскимъ Сент. 15. Государствомъ и съ своими домашними отправился къ берегамъ Кубенскаго озера.

Скоро увидѣлъ Шемяка свою ошибку. Василій, пробывъ нѣсколько дней въ Вологдѣ какъ въ печальной ссылкѣ, поѣхалъ на бо-

гомолье въ Бѣлозерскій Кирилловъ мона- Г.
стырь, гдѣ умный Игуменъ Трифонъ, со- 1446.
гласно съ его желаніемъ, объявилъ ему, что клятва, данная имъ въ Угличѣ, не есть законная, бывъ дѣйствіемъ неволи и страха. «Родитель оставилъ тебѣ въ наслѣдіе «Москву,» говорилъ Трифонъ: «да будетъ «грѣхъ клятвопреступленія на мнѣ и на «моей братіи! Иди съ Богомъ и съ правдою «на свою отчину; а мы за тебя, Государя, «молимъ Бога.» Игуменъ и всѣ Іеромонахи благословили Василія на Великое Княженіе. Онъ успокоился въ совѣсти. Ежедневно приходило къ нему множество людей изъ разныхъ городовъ, требуя чести служить вѣрою и правдою истинному Государю Россіи; въ томъ числѣ находились знатнѣйшіе Бояре и Дѣти Боярскіе. Василій уже не хотѣлъ ѣхать назадъ въ Вологду, но прибылъ въ Тверь, гдѣ Князь Борисъ Александровичь, оставивъ прежнюю злобу, вызвался помогать ему, съ условіемъ, чтобы онъ женилъ Обру-
сына своего, семилѣтняго Іоанна, на его ченіе
дочери, Маріи. Торжественное обрученіе дѣ- юнаго
тей утвердило союзъ между отцами, и Іоан-
Тверская дружина усилила Великокняже- на.
скую[304]. Василій рѣшился итти къ Москвѣ.

Съ другой стороны спѣшили туда Князья Боровскій, Ряполовскіе, Иванъ Стрига Оболенскій, Ѳедоръ Басенокъ, собравъ войско въ Литвѣ[305]. На пути они нечаянно встрѣтили Татаръ и готовились къ битвѣ съ

Г. 1446. ними; но открылось, что сіи мнимые непріятели шли на помощь къ Василію, предводимые Царевичами Касимомъ и Ягупомъ, сыновьями Царя Улу-Махмета. «Мы изъ земли «Черкасской и друзья Великаго Князя,» говорили Татары: «знаемъ, что сдѣлали съ нимъ «братья недостойные; помнимъ любовь и «хлѣбъ его; желаемъ теперь доказать ему «нашу благодарность.» Князья Россійскіе дружески обнялися съ Царевичами и пошли вмѣстѣ.

Шемяка, свѣдавъ о намѣреніи Василія, и желая не допустить его до Москвы, расположился станомъ у Волока Ламскаго; но Великій Князь, увѣренный въ доброхотствѣ ея гражданъ, тайно отправилъ къ нимъ Боярина Плещеева съ малочисленною дружиною. Сей Бояринъ умѣлъ обойти рать Шемякину, и ночью, на канунѣ Рождества, былъ уже подъ стѣнами Кремлевскими. Въ церквахъ звонили къ Заутренѣ; одна изъ Княгинь ѣхала въ Соборъ: для нее отворили Никольскія ворота, и дружина Великокняжеская, пользуясь симъ случаемъ, вошла въ городъ. Тутъ раздался стукъ оружія: Намѣстникъ Шемякинъ убѣжалъ изъ церкви; Намѣстникъ Іоанна Можайскаго попался въ руки къ Василіевымъ Воеводамъ, которые въ полчаса овладѣли Кремлемъ. Бояръ непріятельскихъ оковали цѣпями; а граждане съ радостію вновь присягнули Василію.

Димитрій Шемяка услышалъ въ одно вре-

мя, что Москва взята, и что отъ Твери идетъ на него Великій Князь, а съ другой стороны Василій Ярославичь Боровскій съ Татарами: не имѣя довѣренности ни къ своему войску, ни къ собственному мужеству, Димитрій и Можайскій ушли въ Галичь, оттуда въ Чухлому и въ Каргополь, взявъ съ собою мать Василіеву, Софію. Великій же Князь соединился близъ Углича съ Василіемъ Боровскимъ и завоевалъ сей городъ, подъ коимъ убили одного изъ храбрѣйшихъ его Воеводъ, Литвина Юрія Драницу; въ Ярославлѣ нашелъ Царевичей, Касима съ Ягупомъ, и при восклицаніяхъ усерднаго народа вступилъ въ Москву, пославъ Боярина Кутузова сказать Шемякѣ: «Братъ «Димитрій! какая тебѣ честь и хвала держать въ неволѣ мать мою, а свою тетку? «Ищи другой славнѣйшей мести, буде хочешь: я сижу на престолѣ Великокняжескомъ!» Димитрій совѣтовался съ Боярами. Видя изнеможеніе своихъ людей, утомленныхъ бѣгствомъ — желая смягчить Великаго Князя, и чувствуя въ самомъ дѣлѣ безполезность сего залога — онъ велѣлъ знатному Боярину своему, Михайлу Сабурову, проводить Великую Княгиню до Москвы. Василій встрѣтилъ мать въ Троицкой Лаврѣ; а Бояринъ Сабуровъ, имъ обласканный, вступилъ къ нему въ службу.

Г. 1447. Изгнаніе Шемяки.

Февр. 17.

Князья Шемяка и Можайскій искали мира посредствомъ Василія Ярославича Боровскаго

Г. 1447. и Михаила Андреевича, брата Іоаннова; винились, давали обѣты вѣрности. Шемяка отказывался отъ Звенигорода, Вятки, Углича, Ржева: Іоаннъ отъ Козельска и разныхъ волостей; тотъ и другой обязывался возвратить все похищенное ими въ Москвѣ: казну, богатые кресты, иконы, имѣніе Княгинь и Вельможъ, древнія грамоты, ярлыки Ханскіе, требуя единственно, чтобы Василій оставилъ ихъ обоихъ мирно господствовать въ Удѣлахъ наслѣдственныхъ и не призывалъ къ себѣ до избранія Митрополита, который одинъ могъ надежно ручаться за личную для нихъ безопасность въ столицѣ[306]. Великій Князь простилъ Іоанна, и далъ ему Бѣжецкій Верхъ, изъ уваженія къ его брату, Михаилу Андреевичу, и сестрѣ Анастасіи, супругѣ Бориса Тверскаго; но еще не хотѣлъ примириться съ Шемякою. Полки Московскіе шли къ Галичу. Наконецъ, убѣжденный ходатайствомъ ихъ общихъ родственниковъ, Василій простилъ и Шемяку, который обязался страшными клятвами быть ему искреннимъ другомъ, славить милость его до послѣдняго издыханія и никогда не мыслить о Великомъ Княженіи. Крестная или клятвенная грамота

Клятва. Димитріева, тогда написанная, заключалась сими словами: «Ежели преступлю обѣты «свои, да лишуся милости Божіей и мо«литвы Святыхъ Угодниковъ земли нашея, «Митрополитовъ Петра и Алексія, Леон«тія Ростовскаго, Сергія, Кирилла и дру-

«гихъ; не буди на мнѣ благословенія Епи- Г. 1447.
«скоповъ Русскихъ,» и проч. – Великій Князь съ торжествомъ возвратился изъ Костромы въ Москву, отпраздновавъ миръ и Пасху въ Ростовѣ у Епископа Ефрема.

Благоразумное правленіе Василіево.

Своимъ послѣднимъ несчастіемъ какъ бы примиренный съ Судьбою, и въ слѣпотѣ оказывая болѣе государственной прозорливости, нежели доселѣ, Василій началъ утверждать власть свою и силу Московскаго Княженія. Возстановивъ спокойствіе внутри онаго, онъ прежде всего далъ Митрополита Россіи, коего мы восемь лѣтъ не имѣли отъ раздоровъ Константинопольскаго Духовенства и отъ собственныхъ нашихъ смятеній. Епископы Ефремъ Ростовскій, Аврамій Суздальскій, Варлаамъ Коломенскій, Питиримъ Пермскій съѣхались въ Москву; а Новогородскій и Тверскій прислали грамоты, изъявляя свое единомысліе съ ними[307]. Они, въ угодность Государю, посвятили Іону въ Митрополиты, ссылаясь будто бы, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, на дан- Г. 1448.
ное ему (въ 1437 году) Патріархомъ благословеніе; но Іона въ грамотахъ своихъ, написанныхъ имъ тогда же ко всѣмъ Епископамъ Литовской Россіи, говоритъ, что онъ избранъ по уставу Апостоловъ Россійскими Святителями, и строго укоряетъ Грековъ Флорентійскимъ Соборомъ. По крайней мѣрѣ съ того времени мы сдѣлались уже совершенно независимы отъ Константинополя

Г. 1448. по дѣламъ Церковнымъ: что служитъ къ чести Василія. Духовная опека Грековъ стоила намъ весьма дорого. Въ теченіе пяти вѣковъ, отъ Св. Владиміра до Темнаго, находимъ только шесть Митрополитовъ Россіянъ; кромѣ даровъ, посылаемыхъ Царямъ и Патріархамъ, иноземные Первосвятители, всегда готовые оставить наше отечество, брали, какъ вѣроятно, мѣры на сей случай, копили сокровища и заблаговременно пересылали ихъ въ Грецію. Они не могли имѣть и жаркаго усердія къ государственнымъ пользамъ Россіи; не могли и столько уважать ея Государей, какъ наши единоземцы. Сіи истины очевидны: но страхъ коснуться Вѣры, и перемѣною въ ея древнихъ обычаяхъ соблазнить народъ, не дозволялъ Великимъ Князьямъ освободиться отъ узъ духовной Греческой власти; несогласія же Константинопольскаго Духовенства по случаю Флорентійскаго Собора представили Василію удобность сдѣлать то, чего многіе изъ его предшественниковъ хотѣли, но опасались. — Избраніе Митрополита было тогда важнымъ государственнымъ дѣломъ: онъ служилъ Великому Князю главнымъ орудіемъ въ обузданіи другихъ Князей. Іона старался подчинить себѣ и Литовскія Епархіи: доказывалъ тамошнимъ Епископамъ, что преемникъ Исидоровъ, Григорій, есть Латинскій еретикъ и лжепастырь; однакожь не достигъ своей цѣли,

и возбудилъ только гнѣвъ Папы, Пія II, копорый нескромною Буллою (въ 1458 году) объявилъ Іону *злочестивымъ сыномъ*, *отступникомъ*,[307] и проч. г. 1448. Булла Папы.

Вторымъ попеченіемъ Василія было утвердить наслѣдственное право юнаго сына: онъ назвалъ десятилѣтняго Іоанна соправителемъ и *Великимъ Княземъ*, чтобы Россіяне заблаговременно привыкли видѣть въ немъ будущаго Государя: такъ именуется Іоаннъ въ договорахъ сего времени, заключенныхъ съ Новымгородомъ и съ разными Князьями[308]. г. 1449 — 50. Іоан. соправитель. Договоры. Во время несчастія Василіева Новогородцы признали Шемяку своимъ Княземъ и заставили его клятвенно утвердить всѣ древнія права ихъ: Василій, желая тогда отдохновенія и мира, также далъ имъ крестный обѣтъ не нарушать сихъ правъ, довольствоваться старинными Княжескими пошлинами и не требовать народной или Черной дани. Знатнѣйшіе сановники Новагорода пріѣзжали въ Москву и написали договоръ, во всемъ подобный тѣмъ, какіе они заключали съ Ярославомъ Ярославичемъ и другими Великими Князьями XIII вѣка. — Столь же снисходительно поступилъ Василій и со внуками Кирдяпы: оставилъ ихъ господствовать въ Нижнемъ, въ Городцѣ, въ Суздалѣ, съ условіемъ, чтобы они признавали его своимъ верховнымъ повелителемъ, отдали ему древніе ярлыки Ханскіе на сей Удѣлъ, не брали новыхъ и вообще не имѣли сношенія съ Ордою[309]. — Князь Ря-

г. 1449 — 50. занскій, Іоаннъ Ѳеодоровичь, обязался грамотою не приставать ни къ Литвѣ, ни къ Татарамъ; быть вездѣ за-одно съ Василіемъ, и судиться у него въ случаѣ раздоровъ съ Княземъ Пронскимъ; а Великій Князь обѣщалъ уважать ихъ независимость, возвративъ Іоанну многія древнія мѣста Рязанскія по берегамъ Оки; Бориса же Тверскаго называетъ въ грамотѣ *равнымъ себѣ братомъ*, увѣряя, что ни онъ Василій, ни сынъ его не будетъ мыслить о присоединеніи Твери къ Московскимъ владѣніямъ, хотя бы Татары и предложили ему взять оную. Изъ благодарности къ вѣрнымъ своимъ друзьямъ и сподвижникамъ, Василію Ярославичу Боровскому и Михаилу Андреевичу, брату Іоанна Можайскаго, Великій Князь утвердилъ за первымъ Боровскъ, Серпуховъ, Лужу, Хотунь, Радонежъ, Перемышль, а за вторымъ Верею, Бѣлоозеро, Вышегородъ, оставивъ имъ обоимъ часть въ Московскихъ сборахъ, и даже освободивъ нѣкоторыя области Михаилова Удѣла на нѣсколько лѣтъ отъ Ханской дани, то есть, взявъ ее на себя. Сіи грамоты были всѣ подписаны Митрополитомъ Іоною, который способствовалъ и доброму согласію Василіеву съ Казимиромъ. Посолъ Литовскій, Германъ, былъ тогда въ Москвѣ съ письмами и съ дарами; а Великій Князь посылалъ въ Литву Дьяка своего, Стефана. Іона, называясь отцемъ обоихъ Государей,

увѣрялъ Казимира, что Василій искренно хочетъ жить съ нимъ въ любви братской. Г. 1449 — 50.

Новое вѣроломство Шемяки нарушило спокойствіе Великаго Княженія. Еще въ концѣ 1447 года Епископы Россійскіе отъ имени всего Духовенства писали къ нему, что онъ не исполняетъ договора: не отдалъ увезенной имъ Московской казны и драгоцѣнной святыни; грабитъ Бояръ, которые перешли отъ него въ службу къ Василію; сманиваетъ къ себѣ людей Великокняжескихъ; тайно сносится съ Новымгородомъ, съ Іоанномъ Можайскимъ, съ Вяткою, съ Казанью[310]. Надъ *Синею* или Ногайскою Ордою, разсѣянною въ степяхъ между Бузулукомъ и Синимъ или Аральскимъ моремъ, отчасти же между Чернымъ и рѣкою Кубою, господствовалъ Седи-Ахметъ[311], коего Послы пріѣзжали къ Великому Князю: Шемяка не хотѣлъ участвовать въ издержкахъ для ихъ угощенія, ни въ дарахъ Ханскихъ, отвѣтствуя Василію, что Седи-Ахметъ не есть истинный Царь. «Ты вѣдаешь» — писали Святители къ Димитрію — «сколь трудился отецъ твой, чтобы присвоить себѣ Великое Княженіе, вопреки волѣ Божіей и законамъ человѣческимъ: лилъ кровь Россіянъ, сѣлъ на престолѣ и долженъ былъ оставить его; выѣхалъ изъ Москвы только съ пятью слугами, и самъ звалъ Василія на Государство; снова похитилъ оное — и долго ли пожилъ? Едва достигъ жела-

Новое вѣроломство Шемяки.

Достопамятное посланіе.

г. 1449. —50. «емаго, и се въ могилѣ, осужденный людь«ми и Богомъ. Что случилось и съ братомъ «твоимъ? Въ гордости и высокоуміи онъ «рѣзалъ Христіанъ, Иноковъ, Священни«ковъ; благоденствуетъ ли нынѣ? Вспом«ни и собственныя дѣла свои. Когда безбо«жный Царь Махметъ стоялъ у Москвы, «ты не хотѣлъ помогать Государю и былъ «виною Христіанской гибели: сколько ис«треблено людей, сожжено храмовъ, пору«гано дѣвицъ и Монахинь? Ты, ты будешь «отвѣтствовать Всевышнему. Напалъ вар«варъ Мамутекъ: Великій Князь *сорокъ разъ* «посылалъ къ тебѣ, молилъ итти съ нимъ «на врага; но тщетно! Пали вѣрные вои«ны въ битвѣ крѣпкой: имъ вѣчная память, «а на тебѣ кровь ихъ! Господь избавилъ «Василія отъ неволи: ослѣпленный власто«любіемъ, и презирая святость крестныхъ «обѣтовъ, ты, вторый Каинъ и Свято«полкъ въ братоубійствѣ, разбоемъ схва«тилъ, злодѣйски истерзалъ его: на добро «ли себѣ и людямъ? Долго ли господство«валъ? и въ тишинѣ ли? Не безпрестанно «ли волнуемый, порѣваемый страхомъ, спѣ«шилъ изъ мѣста въ мѣсто, томимый въ «день заботами, въ нощи сновидѣніями и «мечтами? Хотѣлъ большаго, но изгубилъ «свое меньшее. Великій Князь снова на пре«столѣ, и въ новой славѣ: ибо даннаго Бо«гомъ человѣкъ не отнимаетъ. Одно мило«сердіе Василіево спасло тебя. Государь еще

«повѣрилъ клятвѣ твоей и паки видитъ г. 1449—50
«измѣну. Плѣняемый честію Великокняже-
«скаго имени, суетною, если она не Богомъ
«дарована; или движимый златолюбіемъ, или
«уловленный прелестію женскою, ты дерзаешь быть вѣроломнымъ, не исполняя клятвенныхъ условій мира: именуешь себя Великимъ Княземъ, и требуешь войска отъ «Новогородцевъ, будто бы для изгнанія Татаръ, призванныхъ Василіемъ и доселѣ «имъ не отсылаемыхъ. Но ты виною сего: Татары немедленно будутъ высланы «изъ Россіи, когда истинно докажешь свое «миролюбіе Государю. Онъ знаетъ всѣ твои «происки. Тобою наущенный, Казанскій Царевичь Мамутекъ оковалъ цѣпями Посла «Московскаго. Седи-Ахмета не признаешь «Царемъ; но развѣ не въ сихъ же Улусахъ «отецъ твой судился съ Великимъ Княземъ? «Не тѣ ли же Царевичи и Князья служатъ «нынѣ Седи-Ахмету? Уже миновало шесть «мѣсяцевъ за срокъ, а ты не возвратилъ «ни святыхъ крестовъ, ни иконъ, ни сокровищь Великокняжескихъ. И такъ мы, «служители олтарей, по своему долгу молимъ тебя, Господинъ Князь Димитрій, «очистить совѣсть, удовлетворить всѣмъ «праведнымъ требованіямъ Великаго Князя, «готоваго простить и жаловать тебя изъ «уваженія къ нашему ходатайству, если «обратишься къ раскаянію. Когда же въ без-«умной гордости посмѣешься надъ клятва-

Г. 1449 —50. «ми, то не мы, но самъ возложишь на се«бя тягость духовную: будешь чуждъ Бо«гу, Церкви, Вѣрѣ, и проклятъ на вѣки со «всѣми своими единомышленниками и кле«ретами.» — Сіе посланіе не могло тронуть души, ожесточенной злобою. Прошло два года безъ кровопролитія, съ одной стороны въ убѣжденіяхъ миролюбія, съ другой въ тайныхъ и явныхъ козняхъ. Наконецъ Димитрій рѣшился воевать. Онъ хотѣлъ нечаянно взять Кострому; но Князь Стрига и мужественный Ѳеодоръ Басенокъ отразили приступъ. Узнавъ о томъ, Василій собралъ и полки и Епископовъ, свидѣтелей клятвы Шемякиной, чтобы побѣдить или устыдить его. Самъ Митрополитъ провождалъ войско къ Галичу. Какъ усердный Пастырь душъ, онъ еще старался обезоружить враговъ: успѣлъ въ томъ, но не на-долго. Шемяка непреставалъ коварствовать и замышлять мести. Тогда — видя, что одинъ гробъ можетъ примирить ихъ — Василій уже хотѣлъ дѣйствовать рѣшительно; призвалъ многихъ Князей, Воеводъ изъ другихъ городовъ, и составилъ ополченіе сильное. Шемяка, думая сперва уклониться отъ битвы, пошелъ къ Вологдѣ; но, вдругъ перемѣнивъ мысли, расположился станомъ близъ Галича: укрѣплялъ городъ, ободрялъ жителей, и всего болѣе надѣялся на свои пушки. Василій, лишенный зрѣнія, не могъ самъ на-

чальствовать въ битвѣ: Князь Оболенскій предводительствовалъ Московскими полками и союзными Татарами. Оставивъ Государя за собою, подъ щитами вѣрной стражи, они стройно и бодро приближались къ Галичу. Шемяка стоялъ на крутой горѣ, за глубокими оврагами; приступъ былъ труденъ. То и другое войско готовилось къ жестокому кровопролитію съ равнымъ мужествомъ: Москвитяне пылали ревностію сокрушить врага ненавистнаго, гнуснаго злодѣяніемъ и вѣроломствомъ; а Шемяка обѣщалъ своимъ первенство въ Великомъ Княженіи со всѣми богатствами Московскими. Полки Василіевы имѣли превосходство въ силахъ, Димитріевы выгоду мѣста. Князь Оболенскій и Царевичи ожидали засады въ дебряхъ; но Шемяка не подумалъ о томъ, воображая, что Москвитяне выдутъ изъ овраговъ утомленные, разстроенные и легко будутъ смяты его войскомъ свѣжимъ: онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ, какъ непріятель отъ береговъ озера шелъ медленно по тѣснымъ мѣстамъ. Наконецъ Москвитяне достигли горы и дружно устремились на ея высоту; задніе ряды ихъ служили твердою опорою для переднихъ, встрѣченныхъ сильнымъ ударомъ полковъ Галицкихъ. Схватка была ужасна: давно Россіяне не губили другъ друга съ такимъ остервененіемъ. Сія битва особенно достопамятна, какъ *послѣд-* Г. 1449 —50.

Послѣдняя изъ знаменитыхъ битвъ Княжескаго междоусобія. Г. 1450, Генваря 27.

нее кровопролитное дѣйствіе Княжескихъ междоусобій..... Москвитяне одолѣли: истребили почти всю пѣхоту Шемякину, и плѣнили его Бояръ; самъ Князь едва могъ спастися: онъ бѣжалъ въ Новгородъ. Василій, услышавъ о побѣдѣ, благодарилъ Небо съ радостными слезами; далъ Галичанамъ миръ и своихъ Намѣстниковъ; присоединилъ сей Удѣлъ къ Москвѣ и возвратился съ веселіемъ въ столицу[312].

Іюня 29.

Новогородцы не усомнились принять Димитрія Шемяку, величаясь достоинствомъ покровителей знаменитаго изгнанника, и надѣясь чрезъ то имѣть болѣе средствъ къ обузданію Василія въ замыслахъ его самовластія; не хотѣли помогать Димитрію, однакожъ не мѣшали ему явно готовиться къ непріятельскимъ дѣйствіямъ противъ Великаго Князя, и собирать воиновъ, съ коими онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ взялъ Устюгъ[313]. Шемяка мыслилъ завоевать сѣверный край Московскихъ владѣній, хотѣлъ пріобрѣсти любовь жителей, и для того не касался собственности частныхъ людей, довольствуясь единственно ихъ присягою; но тѣ, которые не соглашались измѣнить Великому Князю, были осуждены на смерть: безчеловѣчный Шемяка навязывалъ имъ камни на шею и топилъ сихъ добродѣтельныхъ гражданъ въ Сухонѣ. Не теряя времени, онъ пошелъ къ Вологдѣ, чтобы открыть себѣ путь въ Галицкую землю; но не могъ завла-

дѣть ни однимъ городомъ и возвратился въ Устюгъ, гдѣ Великій Князь около двухъ лѣтъ оставлялъ его въ покоѣ. Г. 1450.

Нашествіе Татаръ.

Въ сіе время Татары занимали Василія. Казань уже начала быть опасною для Московскихъ владѣній: въ ней царствовалъ Мамутекъ, сынъ Махметовъ, злодѣйски умертвивъ отца и брата[314]. Въ 1446 году 700 Татаръ Мамутековой дружины осаждали Устюгъ и взяли окупъ съ города мѣхами, но возвращаясь, потонули въ рѣкѣ Ветлугѣ. Отрокъ Великокняжескій, десятилѣтній Іоаннъ Васильевичь, чрезъ два года ходилъ съ полками для отраженія Казанцевъ отъ Муромскихъ и Владимірскихъ предѣловъ. Другія шайки хищниковъ Ординскихъ грабили близъ Ельца и даже въ Московской области: Царевичь Касимъ, вѣрный другъ Василіевъ, разбилъ ихъ въ окрестностяхъ Похры и Битюга. Гораздо болѣе страха и вреда претерпѣла наша столица отъ Царевича Мазовши: отецъ его, Г. 1451. Седи-Ахметъ, Ханъ Синей или Ногайской Орды, требовалъ дани отъ Василія, и хотѣлъ принудить его къ тому оружіемъ. Великій Князь шелъ встрѣтить Царевича въ полѣ; но свѣдавъ, что Татары уже близко и весьма многочисленны, возвратился въ столицу, приказавъ Князю Звенигородскому не пускать ихъ чрезъ Оку. Сей малодушный Воевода, объятый страхомъ, бѣжалъ со всѣми полками, и далъ непріятелю путь свободный, а Василій, ввѣривъ защиту Мос-

г. 1451. квы Іонѣ Митрополиту, матери своей Софіи, сыну Юрію и Боярамъ — супругу же съ меньшими дѣтьми отпустивъ въ Угличь — разсудилъ за благо удалиться къ берегамъ Волги, чтобы ждать тамъ Городскихъ Воеводъ съ дружинами.

Іюля 2. Скоро явились Татары, зажгли посады и начали приступъ. Время было сухое, жаркое; вѣтеръ несъ густыя облака дыма прямо на Кремль, гдѣ воины, осыпаемые искрами, пылающими головнями, задыхались и не могли ничего видѣть, до самаго того времени, какъ посады обратились въ пепелъ, огонь угасъ и воздухъ прояснился. Тогда Москвитяне сдѣлали вылазку; бились съ Татарами до ночи и принудили ихъ отступить. Не смотря на усталость, никто не мыслилъ отдыхать въ Кремлѣ: ждали новаго приступа; готовили на стѣнахъ пушки, самострѣлы, пищали. Разсвѣтало; восходитъ солнце, и Москвитяне не видятъ непріятеля: все тихо и спокойно. Посылаютъ лазутчиковъ къ стану Мазовшину: и тамъ нѣтъ никого; стоятъ однѣ телеги, наполненныя желѣзными и мѣдными вещами; поле усѣяно оружіемъ и разбросанными товарами. Непріятель ушелъ ночью, взявъ съ собою единственно легкія повозки, а все тяжелое оставивъ въ добычу осажденнымъ. Татары, по сказанію Лѣтописцевъ, услышавъ вдали необыкновенный шумъ, вообразили, что Великій Князь идетъ на нихъ съ

сильнымъ войскомъ, и безъ памяти устремились въ бѣгство. Сія вѣсть радостно изумила Москвитянъ. Великая Княгиня Софія отправила гонца къ Василію, который уже перевозился за Волгу, близъ устья Дубны. Онъ спѣшилъ въ столицу, прямо въ храмъ Богоматери, къ ея славной Владимірской иконѣ; съ умиленіемъ славилъ Небо и сію заступницу Москвы; облобызавъ гробъ Чудотворца Петра и принявъ благословеніе отъ Митрополита Іоны, нѣжно обнялъ мать, сына, Бояръ; велѣлъ вести себя на пепелище, утѣшалъ гражданъ, лишенныхъ крова; говорилъ имъ: «Богъ наказалъ васъ за мои грѣхи: не унывайте. Да «исчезнутъ слѣды опустошенія! Новыя жи«лища да явятся на мѣстѣ пепла! Буду ва«шимъ отцемъ; даю вамъ льготу; не по«жалѣю казны для бѣдныхъ.» Народъ, утѣшенный сожалѣніемъ и милостію Государя, *почилъ* (какъ сказано въ лѣтописи) *отъ линувшаго зла*; и гдѣ за день господствовалъ неописанный ужасъ, тамъ представилось зрѣлище веселаго праздника. Василій обѣдалъ съ своимъ семействомъ, Митрополитомъ, людьми знатнѣйшими: граждане, не имѣя домовъ, угощали другъ друга на стогнахъ и на кучахъ обгорѣлаго лѣса. г. 1451.

Видя снова миръ и тишину въ Великомъ Княженіи, Василій не хотѣлъ долѣе терпѣть Шемякина господства въ Устюгѣ: не мало времени готовился къ походу; нако- г. 1452.

г. 1452. нецъ выступилъ изъ Москвы: самъ остановился въ Галичѣ, а сына своего, Іоанна, съ Князьями Боровскимъ, Оболенскимъ, Ѳеодоромъ Басенкомъ и съ Царевичемъ Ягупомъ (брапомъ Касимовымъ) послалъ разными пупями къ берегамъ Сухоны. Шемяка по видимому не ожидалъ сего нападенія: не дерзнулъ проппвипься, оспавилъ въ Успюгѣ Намѣспника, и бѣжалъ далѣе въ сѣверные предѣлы Двины; но и памъ, гонимый отрядами Великокняжескими, не нашелъ безопаснопи: бѣгалъ изъ мѣспа въ мѣспо, и едва могъ пробрапься въ Новгородъ. Воеводы Московскіе не щадили нигдѣ друзей сего Князя: лишали ихъ имѣнія, вольноспи, и посадивъ Намѣспниковъ Василіевыхъ въ области Успюжской, возврапились къ Государю съ добычею. Но еще Шемяка былъ живъ и въ непримиримой злобѣ своей искалъ новыхъ способовъ меспи: смерпь его казалась нужною для государспвенной безопасноспи: ему дали яду, опъ коего онъ г. 1453. скоропоспижно умеръ. Виновникъ дѣла, споль Смер. Шемяки. противнаго Вѣрѣ и законамъ нравспвенноспи, оспался неизвѣспнымъ. Новогородцы погребли Шемяку съ чеспію въ монаспырѣ Іюля 23. Юрьевскомъ. Подьячій, именемъ Бѣда, прискакалъ въ Москву съ вѣспію о кончинѣ сего жеспокаго Василіева недруга и былъ пожалованъ въ Дьяки. Великій Князь изъявилъ нескромную радоспь.

Какъ бы ободренный смерпію опаснаго

злодѣя, онъ началъ дѣйствовать гораздо смѣлѣе и рѣшительнѣе въ пользу Единовластія. Іоаннъ Можайскій не хотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ итти на Татаръ: Великій Князь объявилъ ему войну, и заставилъ его бѣжать со всѣмъ семействомъ въ Литву, куда ушелъ изъ Новагорода и сынъ Шемякинъ[315]. Жители Можайска требовали милосердія. «Даю «вамъ миръ вѣчный,» сказалъ Великій Князь: «отнынѣ навсегда вы мои подданные.» Намѣстники Василіевы остались тамъ управлять народомъ. Успѣхи Единовластія. Г. 1454.

Новогородцы давали убѣжище непріятелямъ Темнаго, говоря, что Святая Софія никогда не отвергала несчастныхъ изгнанниковъ. Кромѣ Шемяки, они приняли къ себѣ одного изъ Князей Суздальскихъ, Василія *Гребенку*, не хотѣвшаго зависѣть отъ Москвы. Великій Князь имѣлъ и другія причины къ неудовольствію[316]: Новогородцы уклонялись отъ его суда, утаивали Княжескія пошлины и называли приговоры Вѣча вышнимъ законодательствомъ, не слушаясь Московскихъ Намѣстниковъ и слѣдуя правилу, что уступчивость благоразумна единственно въ случаѣ крайности. Сей случай представился. Они знали, что Василій готовится къ походу слышали угрозы; получили наконецъ *разметныя грамоты* въ знакъ объявленія войны — и все еще думали быть непреклонными. Великій Князь, провождаемый Дворомъ, прибылъ въ Волокъ, куда, не смотря на жестокую зиму, полки Усмиреніе Новагорода. Г. 1456.

г. 1456. шли за полками, такъ, что въ нѣсколько дней составилась рать сильная. Тутъ Новогородцы встревожились, и Посадникъ ихъ явился съ челобитьемъ въ Великокняжескомъ станѣ: Василій не хотѣлъ слушать. Князь Оболенскій-Стрига и славный Θеодоръ Басенокъ, Герой сего времени, были посланы къ Русѣ, городу торговому, богатому, гдѣ никто не ожидалъ нападенія непріятельскаго: Москвитяне взяли ее безъ кровопролитія и нашли въ ней столько богатства, что сами удивились. Войску надлежало немедленно возвратиться къ Великому Князю: оно шло съ плѣнниками; за нимъ везли добычу. Воеводы остались назади, имѣя при себѣ не болѣе двухъ сотъ Боярскихъ Дѣтей и ратниковъ: вдругъ показалось 5000 конныхъ Новогородцевъ, предводимыхъ Княземъ Суздальскимъ. Москвитяне дрогнули; но Стрига и Θеодоръ Басенокъ сказали дружинѣ, что Великій Князь ждетъ побѣдителей, а не бѣглецовъ; что гнѣвъ его страшнѣе толпы измѣнниковъ и малодушныхъ; что надобно умереть за правду и за Государя. Новогородцы хотѣли растоптать непріятеля: глубокій снѣгъ и плетень остановили ихъ. Видя, что они съ головы до ногъ покрыты желѣзными доспѣхами, Воеводы Московскіе велѣли стрѣлять не по людямъ, а по лошадямъ, которыя начали бѣситься отъ ранъ и свергать всадниковъ. Новогородцы падали на землю; вооруженные длин-

ными копьями, не умѣли владѣть ими; передніе смѣшались: задніе обратили тылъ, и Москвитяне, убивъ нѣсколько человѣкъ, привели къ Василію знатнѣйшаго Новогородскаго Посадника, именемъ Михаила Тучу, взятаго ими въ плѣнъ на мѣстѣ сей битвы[317]. г. 1456.

Извѣстіе о томъ привело Новгородъ въ страхъ несказанный. Ударили въ Вѣчевый колоколъ; народъ бѣжалъ на Дворъ Ярославовъ; чиновники совѣтовались между собою, не зная, что дѣлать; шумъ и вопль не умолкалъ съ утра до вечера. Граждanъ было много, но мало воиновъ смѣлыхъ; не надѣялись другъ на друга; рѣдкіе надѣялись и на собственную храбрость; кричали, что не время воинствовать, и лучше вступить въ переговоры. Отправили Архіепископа Евфимія, трехъ Посадниковъ, двухъ Тысячскихъ и 5 Выборныхъ отъ людей Житыхъ; велѣли имъ не жалѣть ласковыхъ словъ, ни самыхъ денегъ въ случаѣ необходимости. Сіе Посольство имѣло желаемое дѣйствіе. Архіепископъ нашелъ Василія въ Яжелбицахъ; обходилъ всѣхъ Князей и Бояръ, склоняя ихъ быть миротворцами; молилъ самаго Великаго Князя не губить народа легкомысленнаго, но полезнаго для Россіи своимъ купечествомъ, и готоваго загладить впредь вину свою искреннею вѣрностію. Обѣщанія не могли удовлетворить Василію: онъ требовалъ серебра и разныхъ выгодъ. Новогородцы дали Великому Князю 8500 рублей и

Г. 1456. договорною грамотою обязались платить ему Черную или народную дань, Виры или судныя пени; отмѣнили такъ называемыя *Вѣчевыя грамоты*, коими народъ стѣснялъ власть Княжескую; клялися не принимать къ себѣ Іоанна Можайскаго, ни сына Шемякина, ни матери, ни зятя его, и никого изъ лиходѣевъ Василіевыхъ; отступились отъ земель, купленныхъ ихъ согражданами въ областяхъ Ростовской и Бѣлозерской; обѣщали употреблять въ государственныхъ дѣлахъ одну печать Великокняжескую, и проч.; а Василій въ знакъ милости уступилъ имъ Торжекъ[318]. Въ семъ мирѣ участвовали и Псковитяне, которые, забывъ долговременную злобу Новогородцевъ, давали имъ тогда помощь и находились въ раздорѣ съ Василіемъ. Такимъ образомъ Великій Князь, смиривъ Новгородъ, предоставилъ сыну своему довершить легкое покореніе онаго.

Рязанскій Князь воспитывается въ Москвѣ. Въ то время умеръ въ Монашествѣ Князь Рязанскій Іоаннъ Ѳеодоровичь, внукъ славнаго Олега, поручивъ осьмилѣтняго сына, именемъ Василія, и дочь Ѳеодосію Великому Князю. Сія довѣренность была весьма опасна для независимости Рязанскаго Княженія: Василій Темный, желая будто бы лучше воспитать дѣтей Іоанновыхъ, взялъ ихъ къ себѣ въ Москву, но пославъ собственныхъ Намѣстниковъ управлять Рязанью, властвовалъ тамъ какъ истинный Государь.

Властолюбіе его, кажется, болѣе и болѣе возрастало, заглушая въ немъ святѣйшія нравственныя чувства. Внукъ славнаго Владиміра *Храбраго*, Василій Ярославичь Боровскій, шуринъ, вѣрный сподвижникъ Темнаго, жертвовалъ ему своимъ владѣніемъ, отечествомъ; гнушаясь злодѣйствомъ Шемяки, не хотѣлъ имѣть съ нимъ никакихъ сношеній; осудилъ себя на горькую участь изгнанника, искалъ убѣжища въ землѣ чуждой, и непрестанно мыслилъ о средствахъ возвратить несчастному слѣпцу свободу съ престоломъ. Какая вина могла изгладить память такой добродѣтельной заслуги? И вѣроятно ли, чтобы Ярославичь, усердный другъ Василія, сверженнаго съ престола, заключеннаго въ темницѣ, измѣнилъ ему въ счастіи, когда сей Государь уже не имѣлъ совмѣстниковъ и властвовалъ въ мирномъ величіи? Доселѣ Князь Боровскій не изъявлялъ излишняго честолюбія, довольный наслѣдственнымъ Удѣломъ и частію Московскихъ пошлинъ; охотно уступилъ Василію области дѣда своего, Угличь, Городецъ, Козельскъ, Алексинъ, взявъ за то Бѣжецкій Верхъ съ Звенигородомъ, и новыми грамотами обязался признавать его сыновей наслѣдниками Великаго Княженія[319]. Вѣроятнѣе, что Василій, желая сдѣлаться единовластнымъ, искалъ предлога снять съ себя личину благодарности, тягостной для малодушныхъ: клеветники могли услужить тѣмъ

г. 1456. Неблагодарность Василіева.

Іюля 10.

г. 1456. Государю, расположенному бышь легковѣрнымъ — и Великій Князь, безъ всякихъ околичностей взявъ шурина подъ стражу, сослалъ его въ Угличь. Удѣлъ сего мнимаго преступника былъ объявленъ Великокняжескимъ достояніемъ; а сынъ Ярославича, Іоаннъ, ушелъ съ мачихою въ Литву, и вмѣстѣ съ другимъ изгнанникомъ, Іоанномъ Андреевичемъ Можайскимъ, вымышлялъ средства отмстить ихъ гонителю. Они заключили тѣсный союзъ между собою, написавъ слѣдующую грамоту (отъ имени юнаго Князя Боровскаго): «Ты, Князь Иванъ «Андреевичь, будешь мнѣ старшимъ бра«томъ. Великій Князь вѣроломно изгналъ «тебя изъ наслѣдственной области, а моего «отца безвинно держитъ въ неволѣ. Пой«демъ искать управы: ты владѣнія, я ро«дителя и владѣнія. Будемъ однимъ человѣ«комъ. Безъ меня не принимай никакихъ усло«вій отъ Василія. Если онъ уморитъ отца «моего въ темницѣ, клянися мстить; если «освободитъ его, но съ тобою не прими«рится, клянуся помогать тебѣ. Если Богъ «даруетъ намъ счастіе побѣдить или вы«гнать Василія, будь Великимъ Княземъ: «возврати моему отцу города его, а мнѣ «дай Дмитровъ и Суздаль. Не вѣрь клеве«тникамъ и не осуждай меня по злословію; «что услышишь, скажи мнѣ и не сомнѣвай«ся въ истинѣ моихъ крестныхъ оправда«ній. Что завоюемъ вмѣстѣ, городовъ или

«казны, изъ того мнѣ треть; а буде по «грѣхамъ не сдѣлаемъ своего добраго дѣла, «то останемся въ изгнаніи неразлучными· «въ какой землѣ найдешь себѣ мѣсто, тамъ «и я съ тобою», и проч.[320]. Сбылося только послѣднее ихъ чаяніе: они долженствовали умереть изгнанниками. Враги Государя Московскаго имѣли убѣжище въ Литвѣ, но не находили тамъ ни сподвижниковъ, ни денегъ. Казимиръ отправлялъ дружелюбныя Посольства къ Василію, думая единственно о безопасности своихъ Россійскихъ владѣній. — Напрасно также вѣрные слуги Ярославича, съ горестію видя нѣсколько лѣтъ заточеніе своего Князя, мыслили освободить его: взаимно обязались въ томъ клятвою, условились тайно ѣхать въ Угличь, вывести Князя изъ темницы, и бѣжать съ нимъ за границу. Умыселъ открылся. Сіи люди исполняли долгъ усердія къ законному ихъ Властителю, несправедливо утѣсненному; но Великій Князь наказалъ ихъ какъ злодѣевъ, и притомъ съ жестокостію необыкновенною: велѣлъ нѣкоторымъ отсѣчь руки и голову, другимъ отрѣзать носъ, иныхъ *бить кнутомъ*. Они погибли безъ стыда, съ совѣстію чистою. Народъ жалѣлъ объ нихъ. г. 1456.

Присвоивъ себѣ Удѣлъ Галицкій, Можайскій и Боровскій, Василій оставилъ только Михаила Верейскаго Княземъ Владѣтельнымъ; другихъ не было: внуки Кирдяпины, нѣсколько лѣтъ правивъ древнею Суздаль-

г. 1456. скою областію въ качествѣ Московскихъ присяжниковъ, волею или неволею выѣхали оттуда[321]. Уже всѣ доходы Московскіе шли въ казну Великаго Князя; всѣ города управлялись его Намѣстниками. Одна Вятка, бывъ частію Галицкой области, не хотѣла повиноваться Василію: жители ея, какъ
г. 1458 —59. Покореніе Вятки. мы видѣли, помогали Юрію, Шемякѣ, Косому, и за нѣсколько лѣтъ до того времени сами собою выжгли Устюжскую крѣпость Гледенъ. Князь Ряполовскій, посланный смирить Вятчанъ, долго стоялъ у Хлынова и возвратился безъ успѣха: ибо они задобрили Воеводъ Московскихъ дарами. Въ слѣдующій годъ пошло туда новое сильное войско съ Великокняжескою дружиною, со многими Князьями, Боярами, Дѣтьми Боярскими; присоединивъ къ себѣ Устюжанъ, взяло городки Котельничь, Орловъ, и покорило Вятчанъ Государю Московскому. Однакожь духъ вольности не могъ вдругъ исчезнуть въ сей народной Державѣ, основанной на законахъ Новогородскихъ. Василій удовольствовался данію и правомъ располагать ея воинскими силами[322].

Любя умножать власть свою, онъ еще не дерзалъ коснуться Твери, гдѣ Князь Борисъ Александровичь, сватъ его, скончался независимымъ (въ 1461 году), оставивъ престолъ сыну, именемъ Михаилу[323]. — Василій не тѣснилъ болѣе и Новогородцевъ, и дружелюбно гостилъ у нихъ (въ 1460 году),

около двухъ мѣсяцевъ, изъявляя милость къ нимъ и Псковитянамъ, которые прислали ему въ даръ 50 рублей, жаловались на Нѣмцевъ и требовали, чтобы онъ позволилъ Князю Александру Черторижскому остаться у нихъ Намѣстникомъ. Василій согласился; но Черторижскій самъ не захотѣлъ того и немедленно уѣхалъ въ Литву. Псковитяне желали имѣть у себя Василіева сына, Юрія: отпущенный родителемъ изъ Новагорода, сей юноша былъ встрѣченъ ими съ искреннею радостію и возведенъ на престолъ въ храмѣ Троицы; ему вручили славный мечь Довмонта: Юрій взялъ его и клялся оградить имъ безопасность знаменитаго Ольгина отечества. Надлежало отмстить Ливонскимъ Нѣмцамъ, которые, утвердивъ миръ съ Россіянами на 25 лѣтъ, сожгли ихъ церковь на границѣ. Но дѣло обошлось безъ войны: Орденъ требовалъ перемирія, заключеннаго потомъ *съ согласія Великокняжескаго* на пять лѣтъ въ Новѣгородѣ, куда пріѣзжали для того Послы Архіепископа Рижскаго и Дерптскіе; а Князь Юрій въ слѣдъ за родителемъ возвратился въ Москву, получивъ въ даръ отъ Псковитянъ 100 рублей и вмѣсто себя оставивъ у нихъ Намѣстникомъ Іоанна Оболенскаго Стригу[324].

Г. 1458 — 59. Дѣла Псковскія.

Нѣтъ сомнѣнія, что Василій въ послѣдніе годы жизни своей или совсѣмъ не платилъ дани Моголамъ, или худо удовлетворялъ

Г. 1455 — 61.

Г. 1455 — 61. Набѣги Татаръ. ихъ корыстолюбію: ибо они, не смотря на собственныя внутреннія междоусобія, часто тревожили Россію, и приходили не шайками, но цѣлыми полками. Два раза войско Седи-Ахметовой Орды вступало въ наши предѣлы: Воевода Московскій, Князь Иванъ Юрьевичь, побѣдилъ Татаръ на сей сторонѣ Оки, ниже Коломны[325]; а сынъ Великаго Князя, Іоаннъ, мужественно отразилъ ихъ отъ береговъ ея: послѣ чего Ахматъ, Ханъ большой Орды, сынъ Кичимовъ, осаждалъ Переславль Рязанскій, но съ великою потерею и стыдомъ удалился, виня главнаго Полководца своего, Казата Улана, въ тайномъ доброхотствѣ къ Россіянамъ. — Царь Казанскій также былъ непріятелемъ Москвитянъ: Великій Князь хотѣлъ самъ итти на Казань, но встрѣченный его Послами во Владимірѣ, заключилъ съ ними миръ.

Кончина и свойства Василіевы. Василій еще не достигъ старости: несчастія и душевныя огорченія, имъ претерпѣнныя, изнурили въ немъ тѣлесныя силы. Онъ явно изнемогалъ, худѣлъ, и думая, что у него сухотка, прибѣгнулъ ко мнимому цѣлебному средству, тогда обыкновенно употребляемому въ оной: жегъ себѣ тѣло горящимъ трутомъ; сдѣлались раны, начали гнить, и больной, видя опасность, хотѣлъ умереть Монахомъ: ему отговорили[326]. Василій написалъ духовную: утвердилъ Великое Княженіе за старшимъ сыномъ, Іоанномъ, вмѣстѣ съ третью Московскихъ доходовъ

(другія же двѣ отказалъ меньшимъ сыновьямъ); Юрію отдалъ Дмитровъ, Можайскъ, Серпуховъ и все имѣніе матери своей, Софіи (которая преставилась Инокинею въ 1453 году); третіему сыну Андрею Большому, Угличь, Бѣжецкій Верхъ, Звенигородъ; четвертому, именемъ Борису, Волокъ Ламскій, Ржевъ, Рузу и села прабабы его, Маріи Голтяевой, по ея завѣщанію; Андрею Меньшему Вологду, Кубену и Заозерье; а матери ихъ Ростовъ (съ условіемъ не касаться собственности тамошнихъ Князей), городокъ Романовъ, казну свою, всѣ Удѣльныя волости, которыя бывали прежде за Великими Княгинями, и всѣ, имъ купленныя или отнятыя у знатныхъ измѣнниковъ (что составляло великое богатство); сверхъ того клятвою обязалъ сыновей слушаться родительницы не только въ дѣлахъ семейственныхъ, но и въ государственныхъ[327]. Такимъ образомъ онъ снова возстановилъ Удѣлы, довольный тѣмъ, что Государство Московское (за исключеніемъ Вереи) остается подвластнымъ одному Дому его, и не заботясь о дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ: ибо думалъ болѣе о временной пользѣ своихъ дѣтей, нежели о вѣчномъ государственномъ благѣ; отнималъ города у другихъ Князей только для выгодъ собственнаго личнаго властолюбія; слѣдовалъ древнему обыкновенію, не имѣвъ твердости быть на вѣки основа-

г. 1455 — 61.

пелемъ новой, лучшей системы правленія или Единовластія. Всего страннѣе то, что Василій въ духовномъ завѣщаніи *приказываетъ* супругу и дѣтей своихъ Королю Польскому, Казимиру, называя его братомъ. Оно подписано Митрополитомъ Ѳеодосіемъ, который за годъ до того времени былъ поставленъ нашими Святителями изъ Архі-
г. 1462, Марта 17. епископовъ Ростовскихъ на мѣсто скончавшагося Іоны. — Василій преставился на сорокъ-седьмомъ году жизни, хотя несправедливо именуемый первымъ Самодержцемъ Россійскимъ со временъ Владиміра Мономаха[328], однакожь дѣйствительно приготовивъ многое для успѣховъ своего преемника: началъ худо; не умѣлъ повелѣвать, какъ отецъ и дѣдъ его повелѣвали: терялъ честь и Державу, но оставилъ Государство Московское сильнѣйшимъ прежняго: ибо рука Божія, какъ бы вопреки малодушному Князю, явно влекла оное къ величію, благословивъ доброе начало Калиты и Донскаго.

Жестокость тогдашнихъ нравовъ. Кромѣ междоусобія, государствованіе Темнаго ознаменовалось разными злодѣйствами, доказывающими свирѣпость тогдашнихъ нравовъ. Два Князя ослѣплены, два Князя отравлены ядомъ[329]. Не только чернь въ остервененіи своемъ безъ всякаго суда топила и жгла людей, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ; не только Россіяне гнуснымъ образомъ терзали военноплѣнныхъ: даже законныя казни изъявляли жестокость варварскую. Іоаннъ Можайскій, осудивъ на смерть Боярина, Андрея

Дмитріевича, всенародно сжегъ его на кострѣ вмѣстѣ съ женою за мнимое волшебство. Москва въ первый разъ увидѣла такъ называемую торговую казнь, неизвѣстную нашимъ благороднымъ предкамъ: самыхъ именитыхъ людей, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, начали всенародно *бить кнутомъ*. Сіе унизительное для человѣчества обыкновеніе заимствовали мы отъ Моголовъ. Г. 1462.

Суевѣріе.

Суевѣріе и нелѣпыя понятія о случаяхъ естественныхъ господствовали въ умахъ, и лѣтописи сего времени наполнены извѣстіями о чудесныхъ явленіяхъ: то небо пылало въ огняхъ разноцвѣтныхъ, то вода обращалась въ кровь; образа слезили; звѣри перемѣняли свой видъ обыкновенный. Въ 1446 году Генваря 3, по баснословному сказанію Новогородскаго Лѣтописца, шелъ сильный дождь, и сыпались изъ тучи на землю рожь, пшеница, ячмень, такъ, что все пространство между рѣкою Мстою и Волховцемъ, верстъ на пятнадцать, покрылось хлѣбомъ, собраннымъ крестьянами и принесеннымъ въ Новгородъ, къ радостному изумленію его жителей, угнетаемыхъ дороговизною въ съѣстныхъ припасахъ[330].

Перемѣна монеты въ Новгородѣ.

Сей же Лѣтописецъ, изображая тогдашнія несгодья своей отчизны, причисляетъ къ онымъ и перемѣну въ деньгахъ. Посадникъ, Тысячскій и знатные граждане, избравъ пять мастеровъ, велѣли имъ перелить ста-

г. 1462. рую серебряную монету и вычитать за трудъ по деньгѣ съ двухъ гривенъ; а скоро отмѣнили и старые рубли или куски серебра, къ великому огорченію народа, который долго волновался и кричалъ, что Правительство, подкупленное монетчиками, старается единственно дать имъ работу, не думая объ его убыткѣ. Нѣсколько человѣкъ, оговоренныхъ въ дѣланіи подложной монеты, утопили въ Волховѣ; другихъ ограбили[331].

Дѣла Церковныя. Мы описали святые подвиги Стефана Пермскаго, который водворилъ Христіанство на берегахъ сѣверной Камы: преемниками его въ Епископствѣ сей еще мало-извѣстной страны были Исаакій и Питиримъ, ревностные наставники и благотворители тамошнихъ обитателей. Дикіе народы сосѣдственные, омраченные тьмою идолопоклонства, возненавидѣли новыхъ Христіанъ Пермскихъ и тревожили ихъ своими набѣгами: такъ Князь Вогуличей, именемъ Асыка, съ сыномъ Юмшаномъ приходилъ (въ 1455 году) воевать берега Вычегды, и вмѣстѣ съ другими плѣнниками захвативъ самого Епископа Питирима, злодѣйски умертвилъ сего добродѣтельнаго Святителя[332]. — Здѣсь въ первый разъ упоминается о Вогуличахъ въ дѣяніяхъ нашей Исторіи.

Въ сіе время былъ основанъ знаменитый монастырь Соловецкій, на дикомъ островѣ Бѣлаго моря, среди лѣсовъ и болотъ. Еще

въ 1429 году благочестивый Инокъ Савватій водрузилъ тамъ крестъ и поставилъ уединенную келлію; а Св. Зосима, чрезъ нѣсколько лѣтъ, создалъ церковь Преображенія, устроилъ Общежительство и выходилъ въ Новѣгородѣ жалованную грамоту на весь островъ, данную ему отъ Архіепископа Іоны и тамошняго Правительства за осмью свинцовыми печатями[353]. Какъ въ иныхъ земляхъ алчная любовь къ корысти, такъ у насъ Христіанская любовь къ тихой, безмолвной жизни расширяла предѣлы обитаемые, знаменуя крестомъ ужасныя дотолѣ пустыни, неприступныя для страстей человѣческихъ. г. 1462.

Россіяне при Василіи Темномъ были поражены несчастіемъ Греціи какъ ихъ собственнымъ. Народъ, именуемый въ Восточныхъ лѣтописяхъ Гоцами, въ Византійскихъ Огузами или Узами, единоплеменный съ Торками, которые долго скитались въ степяхъ Астраханскихъ, служили Владиміру Святому, обитали послѣ близъ Кіева, и до самаго нашествія Татаръ составляли часть Россійскаго館 коннаго войска[354] — сей народъ мужественный, способствовавъ въ Азіи основанію и гибели разныхъ Державъ (Гасневидской, Сельчукской, Харазской), наконецъ подъ именемъ *Турковъ Османскихъ* основалъ сильнѣйшую Монархію, ужасную для трехъ частей міра, и еще донынѣ знаменитую. Османъ или Отоманъ, Эмиръ Сул-

г. 1462. тана Иконійскаго, воспользовался паденіемъ его Державы, разрушенной Моголами: сдѣлался независимымъ; захватилъ около 1292 года нѣкоторыя мѣста въ Виѳиніи, въ Пафлагоніи, въ Архипелагѣ, и далъ наслѣдникамъ своимъ примѣръ счастливаго властолюбія, коимъ они столь удачно воспользовались, что въ концѣ XIV вѣка уже господствовали надъ всею Малою Азіею и Ѳракіею, обложивъ данію Константинополь. Тамерланъ и междоусобіе сыновей Баязетовыхъ могли только на время удержать быстрое стремленіе Османскихъ завоеваній: оно возобновилось при Амуратѣ, и наконецъ при Магометѣ II увѣнчалось паденіемъ Византіи, которое не было внезапностію: Европа долго ожидала его съ безпокойствомъ; но побѣды, одержанныя Турками надъ Королями Венгерскими, Сигизмундомъ и Владиславомъ, вселяли ужасъ въ Государей Европейскихъ, нечувствительныхъ къ воплю Грековъ, надъ коими восходила туча разрушенія. Самые Греки — когда Магометъ явно готовился осадить ихъ столицу, распоряжалъ полки, строилъ крѣпости на берегахъ Воспора — въ безумномъ отчаяніи проклинали другъ друга за Богословскія мнѣнія! Славный Кардиналъ Исидоръ, бывшій Митрополитъ Россійскій, находился тогда въ стѣнахъ Византіи и предлагалъ Царю Константину именемъ Папы сильное вспоможеніе, съ условіемъ, чтобы Духовенство Греческое утвер-

дило постановленіе Флорентійскаго Собора. г.
Царь, Вельможи, Іерархи, согласились: на- 1462.
родъ не хотѣлъ о томъ слышать; ревностные Иноки, Монахини, восклицали на стогнахъ: «горе Латинской ереси! образъ Бо-«гоматери спасетъ насъ»[538]!.. Но знамя Султанское уже развѣвалось предъ вратами Св. Романа. Магометъ съ двумя стами тысячами воиновъ и съ тремя стами судовъ приступилъ къ Царюграду, гдѣ считалось 100,000 жителей, а вооружилось только пять тысячь, граждапъ и Монаховъ, для его защиты: другіе единственно плакали, молились въ церквахъ и звонили въ колокола, чтобы менѣе трепетать отъ грома Магометовыхъ пушекъ! Сія горсть людей, усиленная двумя тысячами иноземцевъ подъ начальствомъ храбраго Генуэзскаго Витязя Джустиніани, представляла все могущество Восточной Имперіи! Греки ожидали чуда для ихъ спасенія; но случилось, чему необходимо надлежало случиться: Магометъ, разрушивъ стѣны, по трупамъ Янычаровъ вошелъ въ городъ, и славная смерть великодушнаго Царя Константина достойно заключила бытіе Имперіи: онъ палъ среди непріятелей, сказавъ: «для чего не могу уме-«реть отъ руки Христіанина?»... Вѣроятно, что нѣкоторые изъ нашихъ единоземцевъ были очевидными тому свидѣтелями: по крайней мѣрѣ Лѣтописецъ Московскій разсказываетъ весьма подробно о всѣхъ об-

Г. 1462. Взятіе Константинополя Турками.

стоятельствахъ осады и взятія Константинопольскаго, съ ужасомъ прибавляя, что храмъ Святыя Софіи, гдѣ Послы Владиміровы въ десятомъ вѣкѣ плѣнились величіемъ и красотою истиннаго богослуженія, обратился въ мечеть Лжепророка. Греція была для насъ какъ бы вторымъ отечествомъ: Россіяне всегда съ благодарностію воспоминали, что она сообщила имъ и Христіанство, и первыя художества, и многія пріятности общежитія. Въ Москвѣ говорили о Царѣградѣ такъ, какъ въ новѣйшей Европѣ со временъ Людовика XIV говорили о Парижѣ: не было инаго образца для великолѣпія церковнаго и мірскаго, для вкуса, для понятія о вещахъ. Однакожь, соболѣзнуя о Грекахъ, Лѣтописцы наши безпристрастно судятъ ихъ и Турковъ, изъясняясь слѣдующимъ образомъ: «Царство безъ грозы есть «конь безъ узды. Константинъ и предки «его давали Вельможамъ утѣснять народъ; «не было въ судахъ правды, ни въ сердцахъ «мужества; судіи богатѣли отъ слезъ и «крови невинныхъ, а полки Греческіе величались только цвѣтною одеждою; гражда«нинъ не стыдился вѣроломства, а воинъ «бѣгства, и Господь казнилъ Властителей «недостойныхъ, умудривъ Царя Магомета, «коего воины играютъ смертію въ бояхъ и «судіи не дерзаютъ измѣнять совѣсти. Уже не «осталось теперь ни единаго Царства пра«вославнаго, кромѣ Русскаго. Такъ исполни-

«лось предсказаніе Св. Меѳодія и Льва Му- г. 1462.
«драго, что Измаильтяне овладѣютъ Визан-
«тіею; исполнится, можетъ быть, и другое,
«что Россіяне побѣдятъ Измаильтянъ и на
«седьми холмахъ ея воцарятся»[336]. О семъ древнемъ пророчествѣ мы упоминали въ Исторіи Ярослава Великаго: оно служило тогда утѣшеніемъ для Россіянъ. Другіе народы Европейскіе, не имѣя тѣсныхъ связей съ Греціею, оставались почти равнодушными къ ея бѣдствію; а Папа, Николай V, хвалился, что онъ предсказалъ ей гибель за нарушеніе Флорентійскаго договора. Хотя Кардиналъ Исидоръ, плѣненный въ Царѣградѣ Турками, но ушедшій изъ неволи, по возвращеніи въ Италію писалъ ко всѣмъ Государямъ Западнымъ, что они должны возстать на Магомета, *предтечу Антихристова* и *чадо Сатаны*: однакожь сіе краснорѣчивое посланіе (внесенное въ лѣтописи Латинской Церкви) осталось безъ дѣйствія[337]. Награжденный за свое усердіе и страданіе милостію Папы, Исидоръ умеръ въ Римѣ съ именемъ Константинопольскаго Патріарха, и былъ погребенъ въ церкви Св. Петра, до конца жизни сѣтовавъ о паденіи Греческой Имперіи, любезнаго ему отечества, коего спасенію хотѣлъ онъ пожертвовать чистою Вѣрою своихъ предковъ.

Впрочемъ Россіяне, жалѣя о Греціи, ни мало не думали, чтобы могущество новой Турецкой Имперіи было и для нихъ опасно.

Г. 1462. Тогдашняя Политика наша не славилась прозорливостію, и за ближайшими опасностями не видала отдаленныхъ: Улусы и Литва ограничивали кругъ ея дѣятельности; Ливонскіе Нѣмцы и Шведы занимали единственно Новогородцевъ и Псковитянъ; все прочее составляло для насъ міръ чуждый, предметъ одного любопытства, а не государственнаго вниманія.

Начало Крымской Орды. Съ Василіева времени сдѣлалась извѣстною *Крымская Орда*, составленная Эдигеемъ изъ Улусовъ Черноморскихъ. Повѣствуютъ, что сей знаменитый Князь Орды, готовясь умереть, заклиналъ многочисленныхъ сыновей своихъ не дѣлиться: но они раздѣлились и всѣ погибли въ междоусобіи[338]. Тогда Моголы Черноморскіе избрали себѣ въ Ханы осмнадцатилѣтняго юношу, одного изъ потомковъ Чингисовыхъ (какъ увѣряютъ), именемъ Ази, спасеннаго отъ смерти и воспитаннаго какимъ-то земледѣльцемъ въ тишинѣ сельской. Сей юноша, изъ благодарности къ своему благотворителю принявъ *его* имя, назвался Ази-*Гирей*: въ память чего и всѣ Ханы Крымскіе до самыхъ позднѣйшихъ временъ назывались *Гиреями*. Другіе же Историки пишутъ, что Ази-Гирей, сынъ или внукъ Тохтамышевъ, родился въ Литовскомъ городѣ Трокахъ, и что Витовтъ доставилъ ему господство въ Тавридѣ[339]; по крайней мѣрѣ сей Ханъ былъ всегда усерднымъ другомъ Литвы и не тревожилъ ея владѣній,

которыя простирались до самаго устья рѣкъ Днѣпра и Днѣстра[340]. Покоривъ многіе Улусы въ окрестностяхъ Чернаго моря, Ази-Гирей основалъ новую независимую Орду Крымскую, обложилъ данію города Генуэзскіе въ Тавридѣ, имѣлъ сношеніе съ Папою, и желая наказать Татаръ Волжскихъ за частыя ихъ впаденія въ области Казимировы, разбилъ врага нашего, Хана Седи-Ахмета, который, спасаясь отъ него бѣгствомъ, искалъ пристанища въ Литвѣ и былъ тамъ заключенъ въ темницу: «дѣло весьма несогласное съ государ-«ственнымъ благоразуміемъ,» пишетъ Историкъ Польскій[341]: «способствуя уничиженію «Волжской Орды, мы готовили себѣ опа-«сныхъ непріятелей въ Россіянахъ, дотолѣ «слабыхъ подъ ея игомъ.» — Сіе новое гнѣздо хищниковъ, славныхъ подъ именемъ Татаръ Крымскихъ, до самыхъ позднѣйшихъ временъ безпокоило наше отечество.

ГЛАВА IV.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ
отъ нашествія Татаръ
до Іоанна III.

Сравненіе Россіи съ другими Державами. Слѣдствіе нашего ига. Введеніе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній. Благое дѣйствіе Вѣры. Измѣненіе гражданскаго порядка. Начало Самодержавія. Медленные успѣхи Единодержавія. Постепенная знаменитость Москвы. Зло имѣетъ и добрыя слѣдствія. Выгоды Духовенства: характеръ нашего. Мы не приняли обычаевъ Татарскихъ. Правосудіе. Искусство ратное. Происхожденіе Козаковъ. Купечество. Изобрѣтенія. Художества. Словесность. Пословицы. Пѣсни. Языкъ.

Наконецъ мы видимъ предъ собою цѣль долговременныхъ усилій Москвы: сверженіе ига, свободу отечества. Предложимъ Читателю нѣкоторыя мысли о тогдашнемъ состояніи Россіи, слѣдствіи ея двувѣковаго порабощенія.

Сравненіе Россіи съ другими Державами. Было время, когда она, рожденная, возвеличенная Единовластіемъ, не уступала въ силѣ и въ гражданскомъ образованіи первѣйшимъ Европейскимъ Державамъ, основаннымъ на развалинахъ Западной Имперіи народами Германскими; имѣя тотъ же характеръ, тѣ же законы, обычаи, уставы государственные, сообщенные намъ Варяжскими или Нѣмецкими Князьями, явилась въ новой политической системѣ Европы съ существенными правами на знаменитость и съ ва-

жною выгодою быть подъ вліяніемъ Греціи, единственной Державы, не испроверженной варварами. Правленіе Ярослава Великаго есть безъ сомнѣнія сіе счастливое для Россіи время: утвержденная и въ Христіанствѣ и въ порядкѣ государственномъ, она имѣла наставниковъ совѣсти, училища, законы, торговлю, многочисленное войско, флотъ, Единодержавіе и свободу гражданскую. Что въ началѣ XI вѣка была Европа? ѳеатромъ Помѣстнаго (Феодальнаго) тиранства, слабости Вѣнценосцевъ, дерзости Бароновъ, рабства народнаго, суевѣрія, невѣжества. Умъ Альфреда и Карла Великаго блеснулъ во мракѣ, но не на-долго; осталась ихъ память: благодѣтельныя учрежденія и замыслы исчезли вмѣстѣ съ ними.

Но раздѣленіе нашего отечества и междоусобныя войны, истощивъ его силы, задержали Россіянъ и въ успѣхахъ гражданскаго образованія: мы стояли или двигались медленно, когда Европа стремилась къ просвѣщенію. Крестовые походы сообщили ей свѣдѣнія и художества Востока; оживили, распространили ея торговлю. Селенія и города откупались отъ утѣснительной власти Бароновъ; Государи по собственному движенію давали гражданамъ права и выгоды, благопріятныя для общей пользы, для промышлености и для самыхъ нравовъ; лучшая Исправа (Полиція) земская начинала обуздывать силу, ограждать безопасностію пути, жизнь и соб-

ственность. Обрѣтеніе Іустиніанова Кодекса въ Амальфи было счастливою эпохою для Европейскаго правосудія: понятія людей о семъ важномъ предметѣ гражданства сдѣлались яснѣе, основательнѣе. Всеобщее употребленіе языка Латинскаго доставляло способъ и Духовнымъ и мірянамъ черпать мысли и познанія въ твореніяхъ древнихъ, уцѣлѣвшихъ въ наводненіе варварства. Однимъ словомъ, съ половины XI вѣка состояніе Европы явно перемѣнилось въ лучшее; а Россія со временъ Ярослава до самаго Батыя орошалась кровію и слезами народа. Порядокъ, спокойствіе, столь нужные для успѣховъ гражданскаго общества, непрестанно нарушались мечемъ и пламенемъ Княжескихъ междоусобій, такъ, что въ XIII вѣкѣ мы уже отставали отъ Державъ Западныхъ въ государственномъ образованіи.

Нашествіе Батыево испровергло Россію. Могла угаснуть и послѣдняя искра жизни; къ счастію, не угасла: имя, бытіе сохранилось; открылся только новый порядокъ вещей, горестный для человѣчества, особенно при первомъ взорѣ: дальнѣйшее наблюденіе открываетъ и въ самомъ злѣ причину блага, и въ самомъ разрушеніи пользу цѣлости.

Сѣнь варварства, омрачивъ горизонтъ Россіи, сокрыла отъ насъ Европу въ то самое время, когда благодѣтельныя свѣдѣнія и навыки болѣе и болѣе въ ней размножались,

народъ освобождался отъ рабства, города входили въ тѣсную связь между собою для взаимной защиты въ утѣсненіяхъ; изобрѣтеніе компаса распространило мореплаваніе и торговлю; ремесленники, художники, Ученые ободрялись Правительствами; возникали Университеты для вышнихъ Наукъ; разумъ пріучался къ созерцанію, къ правильности мыслей; нравы смягчались; войны утратили свою прежнюю свирѣпость; Дворянство уже стыдилось разбоевъ, и благородные витязи славились милосердіемъ къ слабымъ, великодушіемъ, честію; обходительность, людскость, учтивость сдѣлались извѣстны и любимы. Въ сіе же время Россія, терзаемая Моголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: намъ было не до просвѣщенія!

Если бы Моголы сдѣлали у насъ то же, что въ Китаѣ, въ Индіи, или что Турки въ Греціи; если бы, оставивъ степь и кочеваніе, переселились въ наши города: то могли бы существовать и донынѣ въ видѣ Государства. Къ счастію, суровый климатъ Россіи удалилъ отъ нихъ сію мысль. Ханы желали единственно быть нашими господами *издали*, не вмѣшивались въ дѣла гражданскія, требовали только серебра и повиновенія отъ Князей. Но такъ называемые *Послы Ординскіе* и Баскаки, представляя въ Россіи лице Хана, дѣлали, что хотѣли; самые купцы, самые бродяги Могольскіе обходи-

Слѣдствіе нашего ига.

лись съ нами какъ съ слугами презришельными. Чшо долженсшвовало бышь слѣдсшвіемъ? нравсшвенное униженіе людей. Забывъ гордость народную, мы выучились низкимъ хишросшямъ рабсшва, замѣняющимъ силу въ слабыхъ; обманывая Ташаръ, болѣе обманывали и другъ друга; ошкупаясь деньгами ошъ насилія варваровъ, сшали корысшолюбивѣе и безчувсшвеннѣе къ обидамъ, къ сшыду, подверженные наглосшямъ иноплеменныхъ ширановъ. Ошъ времень Василія Ярославича до Іоанна Калишы (періодъ самый несчасшнѣйшій!) ошечесшво наше походило болѣе на шемный лѣсъ, нежели на Государсшво: сила казалась правомъ; кшо могъ, грабилъ: не шолько чужіе, но и свои; не было безопасносши ни въ пуши, ни дома; шашьба сдѣлалась общею язвою собсшвенносши[342]. Когда же сія ужасная шьма неусшройсшва начала проясняшься, оцѣпененіе миновало, и законъ, душа гражданскихъ общесшвъ, воспрянулъ ошъ мершваго сна: шогда надлежало прибѣгнушь къ сшрогосши неизвѣсшной древнимъ Россіянамъ. Нѣшъ сомнѣнія, чшо жесшокія судныя казни означаюшъ ожесшоченіе сердецъ, и бываюшъ слѣдсшвіемъ часшыхъ злодѣяній. Добросердечный Мономахъ говорилъ дѣшямъ: «не убивайше виновнаго; жизнь Хрисшіанина священна:» не менѣе добросердечный побѣдишель Мамаевъ, Димишрій, усшавилъ шоржесшвенную смершную казнь, ибо не видалъ инаго способа усшрашашь невинниковъ. Легкія дене-

Введеніе смершной казни и шѣлесныхъ наказаній.

жныя пени могли нѣкогда удерживать нашихъ предковъ отъ воровства; но въ XIV столѣтіи уже вѣшали татей. Россіянинъ Ярославова вѣка зналъ побои единственно въ дракѣ: иго Татарское ввело тѣлесныя наказанія; за первую кражу клеймили, за вины государственныя сѣкли кнутомъ. Былъ ли дѣйствителенъ стыдъ гражданскій тамъ, гдѣ человѣкъ съ клеймомъ вора оставался въ обществѣ? — Мы видѣли злодѣянія въ нашей древней Исторіи: но сіи времена представляютъ намъ черты гораздо ужаснѣйшаго свирѣпства въ изступленіяхъ Княжеской и народной злобы[343]; чувство угнѣтенія, страхъ, ненависть, господствуя въ душахъ, обыкновенно производятъ мрачную суровость во нравахъ. Свойства народа изъясняются всегда обстоятельствами; однакожь дѣйствіе часто бываетъ долговременнѣе причины: внуки имѣютъ нѣкоторыя добродѣтели и пороки своихъ дѣдовъ, хотя живутъ и въ другихъ обстоятельствахъ. Можетъ быть, самый нынѣшній характеръ Россіянъ еще являетъ пятна, возложенныя на него варварствомъ Моголовъ.

Нѣкоторые думали, что суевѣріе обезоруживало насъ противъ сихъ тирановъ; что Россіяне видѣли въ нихъ бичь гнѣва Небеснаго и не дерзали возстать на исполнителей Вышней мести, подобно какъ чернь донынѣ мыслитъ, что не льзя обыкновенными средствами угасить пожара, произве-

деннаго молніею. Исторія не доказываетъ того: Россіяне неоднократно изъявляли самую безразсудную дерзость въ усиліяхъ свергнуть иго; недоставало согласія и твердости. Но замѣтимъ, что вмѣстѣ съ иными благородными чувствами ослабѣла въ насъ тогда и храбрость, питаемая народнымъ честолюбіемъ. Прежде Князья дѣйствовали мечемъ: въ сіе время низкими хитростями, жалобами въ Ордѣ. Древніе Полководцы наши, воспаляя мужество въ воинахъ, говорили имъ о стыдѣ и славѣ: Герой Донской битвы о вѣнцахъ Мученическихъ[344]. Если мы въ два столѣтія, ознаменованныя духомъ рабства, еще не лишились всей нравственности, любви къ добродѣтели, къ отечеству: то прославимъ дѣйствіе Вѣры; она удержала насъ на степени людей и гражданъ, не дала окаменѣть сердцамъ, ни умолкнуть совѣсти; въ уничиженіи имени Русскаго мы возвышали себяименемъ Христіанъ, и любили отечество какъ страну Православія.

Благое дѣйствіе Вѣры.

Измѣненіе гражданскаго порядка.

Внутренній государственный порядокъ измѣнился: все, что имѣло видъ свободы и древнихъ гражданскихъ правъ, стѣснилось, исчезало. Князья, смиренно пресмыкаясь въ Ордѣ, возвращались оттуда грозными властелинами: ибо повелѣвали именемъ Царя верховнаго. Совершилось при Моголахъ легко и тихо, чего не сдѣлалъ ни Ярославъ Великій, ни Андрей Боголюбскій, ни Всеволодъ III: въ Владимірѣ и вездѣ, кромѣ Новаго-

рода и Пскова, умолкъ Вѣчевый колоколъ, гласъ вышняго народнаго законодательства, столь часто мятежный, но любезный потомству Славяно-Россовъ[345]. Сіе отличіе и право городовъ древнихъ уже не было достояніемъ новыхъ: ни Москвы, ни Твери, коихъ знаменитость возникла при Моголахъ. Только однажды упоминается въ лѣтописяхъ о Вѣчѣ Московскомъ, какъ дѣйствіи чрезвычайномъ, когда столица, угрожаемая свирѣпымъ непріятелемъ, оставленная Государемъ, видѣла себя въ крайности безъ начальства. Города лишились права избирать Тысячскихъ, которые важностію и блескомъ своего народнаго сана возбуждали зависть не только въ Княжескихъ чиновникахъ, но и въ Князьяхъ.

Происхожденіе нашихъ Бояръ теряется въ самой глубокой древности: сіе достоинство могло быть еще старѣе Княжескаго, означая витязей и граждан знатнѣйшихъ, которые въ Славянскихъ Республикахъ предводительствовали войсками, судили и рядили землю. Хотя оно не было, кажется, никогда наслѣдственнымъ, а только личнымъ; хотя въ Россіи давалось послѣ Государемъ[346]: но каждый изъ древнихъ городовъ имѣлъ своихъ особенныхъ Бояръ, какъ знатнѣйшихъ чиновниковъ народныхъ, и самые Княжескіе Бояре пользовались какимъ-то правомъ независимости: такъ въ договорныхъ грамотахъ XIV и XV вѣка обыкновенно подтвер-

ждалась законная свобода Бояръ переходить изъ службы одного Князя къ другому; недовольный въ Черниговѣ, Бояринъ съ своею многочисленною дружиною ѣхалъ въ Кіевъ, въ Галичь, въ Владиміръ, гдѣ находилъ новыя помѣстья и знаки всеобщаго уваженія[347]. Однимъ словомъ, сіи государственные сановники издревле казались народу мужами верховными, и занимая вездѣ первыя мѣста вокругъ престоловъ, составляли у насъ нѣкоторую Аристократію. Но когда южная Россія обратилась въ Литву; когда Москва начала усиливаться, присоединяя къ себѣ города и земли; когда число Владѣтельныхъ Князей уменьшилось, а власть Государева сдѣлалась неограниченнѣе въ отношеніи къ народу: тогда и достоинство Боярское утратило свою древнюю важность. Гдѣ Бояринъ Василія Темнаго, имъ оскорбленный, могъ искать иной службы въ отечествѣ? Уже и слабая Тверь готовилась зависѣть отъ Москвы. — Власть народная также благопріятствовала силѣ Бояръ, которые, дѣйствуя чрезъ Князя на гражданъ, могли и чрезъ послѣднихъ дѣйствовать на перваго: сія опора исчезла. Надлежало или повиноваться Государю, или быть измѣнникомъ, бунтовщикомъ: не оставалось средины и никакого законнаго способа противиться Князю. — Однимъ словомъ, раждалось Самодержавіе.

Начало Самодержавія.

Сія перемѣна, безъ сомнѣнія непріятная

для тогдашнихъ гражданъ и Бояръ, оказалась величайшимъ благодѣяніемъ Судьбы для Россіи. Удержавъ нѣкоторыя обыкновенія свободы, естественной только въ малыхъ областяхъ, предки наши не могли обуздывать ими воли Государя Единодержавнаго, каковъ былъ Владиміръ Святый или Ярославъ Великій, но пользовались оными во время раздробленія Государства, и бореніе двухъ властей, Княжеской съ народною, еще болѣе ослабляло силу его. Если Римъ спасался Диктаторомъ въ случаѣ великихъ опасностей, то Россія, обширный трупъ послѣ нашествія Батыева, могла ли инымъ способомъ оживиться и воскреснуть въ величіи? Требовалось единой и тайной мысли для намѣренія, единой руки для исполненія: ни шумные сонмы народные, ни медленныя думы Аристократіи не произвели бы сего дѣйствія. Народъ и въ самомъ уничиженіи ободряется и совершаетъ великое, но служа только орудіемъ, движимый, одушевляемый силою Правителей. Власть Боярская производила у насъ *Боярскія смуты.* Совѣтъ Вельможъ иногда внушаетъ мудрость Государю, но часто волнуется и страстями. Бояре не рѣдко питали междоусобіе Князей Россійскихъ; не рѣдко даже судились съ ними въ Ордѣ, обнося ихъ предъ Ханами[548]. Самодержавіе, искоренивъ сіи злоупотребленія, устранило важныя препятствія на пути Россіи къ независимости, и такимъ

образомъ возникало вмѣстѣ съ Единодержавіемъ до временъ Іоанна III, которому надлежало совершить то и другое.

Медленные успѣхи Единодержавія.

Исторія свидѣтельствуетъ, что есть время для заблужденій и для истины: сколько вѣковъ Россіяне не могли живо увѣриться въ томъ, что соединеніе Княженій необходимо для ихъ государственнаго благоденствія? Нѣкоторые Вѣнценосцы начинали сіе дѣло, но слабо, безъ ревности достойной онаго; а преемники ихъ опять все разрушали. Даже и Москва, болѣе Кіева и Владиміра наученная опытами, какъ медленно и недружно двигалась къ государственной цѣлости! Уставилось лучшее право наслѣдственное; древніе Удѣлы возвращались къ Великому Княженію: но оно, снова раздробляясь на части между сыновьями, внуками, правнуками Іоанна Калиты, въ истинномъ смыслѣ все еще не было единымъ Государствомъ; даже судное право, пошлины, доходы Московскіе принадлежали имъ совокупно. Такъ называемое *братское старѣйшинство* Великаго Князя состояло въ томъ, что Удѣльные Владѣтели, имѣя свои особенные гражданскіе уставы, законы, войска, монету, обязывались имѣть съ нимъ одну политическую систему, давать ему войско и серебро для Хановъ. Но сіе обязательство было условное: если онъ нарушалъ договоръ, всегда обоюдный; если утѣснялъ ихъ, то они могли, возвративъ крестныя гра-

моты, законно искать управы мечемъ. Народъ, граждане, Бояре Удѣльные знали только своего Князя, не присягали Государю Московскому, и въ случаѣ междоусобной войны лили кровь его подданныхъ, не заслуживая имени бунтовщиковъ. Такъ было еще и при Василіи Темномъ. Однакожь Великій Князь имѣлъ уже столько перевѣса въ силахъ, что могъ легко сдѣлаться единовластнымъ: все зависѣло отъ рѣшительной воли и твердаго характера; все изготовилось къ счастливой перемѣнѣ: теперь означимъ или напомнимъ Читателю, какими средствами?

Постепенная знаменитость Москвы.

Москва, будучи однимъ изъ бѣднѣйшихъ Удѣловъ Владимірскихъ, ступила первый шагъ къ знаменитости при Даніилѣ, которому внукъ Невскаго, Іоаннъ Димитріевичь, отказалъ Переславль Залѣсскій, и который, побѣдивъ Рязанскаго Князя, отнялъ у него многія земли. Сынъ Даніиловъ, Георгій, зять Хана Узбека, присоединилъ къ своей области Коломну, завоевалъ Можайскъ и выходилъ себѣ въ Ордѣ Великое Княженіе Владимірское; а братъ Георгіевъ, Іоаннъ Калита, погубивъ Александра Тверскаго, сдѣлался истиннымъ Главою всѣхъ иныхъ Князей, обязанный тѣмъ не силѣ оружія, но единственно милости Узбековой, которую снискалъ онъ умною лестію и богатыми дарами.

Предложимъ замѣчаніе любопытное: *иго Татаръ обогатило казну Великокняжескую*, исчисленіемъ людей, установленіемъ поголо-

вной дани, и разными налогами, дотолѣ неизвѣстными, собираемыми будто бы для Хана, но хитростію Князей обращенными въ ихъ собственный доходъ: Баскаки, сперва тираны, а послѣ мздоимные друзья нашихъ Владѣтелей, легко могли быть обманываемы въ затруднительныхъ счетахъ[349]. Народъ жаловался, однакожь платилъ; страхъ всего лишиться изыскивалъ новые способы пріобрѣтенія, чтобы удовлетворить корыстолюбію варваровъ. Такимъ образомъ мы понимаемъ удивительный избытокъ Іоанна Даніиловича, купившаго не только множество селъ въ разныхъ земляхъ, но и цѣлыя области, гдѣ малосильные Князья, подверженные наглости Моголовъ и тѣснимые его собственнымъ властолюбіемъ, волею или неволею уступали ему свои наслѣдственныя права, чтобы имѣть въ немъ защитника для себя и народа. Сіи такъ называемые *Окупные Князьки* оставались между тѣмъ въ своихъ проданныхъ владѣніяхъ, пользуясь нѣкоторыми доходами и выгодами[350]. Угличь, Бѣлоозеро, Галичь, Ростовъ, Ярославль сдѣлались снова городами Великокняжескими, какъ было при Всеволодѣ III.

Такъ возвеличилъ Москву Іоаннъ Калита, и внукъ его, Димитрій, дерзнулъ на битву съ Ханомъ... Сей Герой не пріобрѣлъ почти ничего, кромѣ славы; но слава умножаетъ силы — и наслѣдникъ Димитріевъ, ласкаемый, честимый въ Ордѣ, возвратил-

ся оттуда съ милостивымъ ярлыкомъ или съ жалованною грамотою на Суздаль, Городецъ, Нижній; возстановилъ такимъ образомъ *древнее Суздальское Великокняженіе Боголюбскаго* во всей полнотѣ онаго, и мирнымъ присвоеніемъ бывшихъ Удѣловъ Черниговскихъ — Мурома, Торусы, Новосиля, Козельска, Перемышля — распространилъ Московскую Державу, которая, съ прибавленіемъ Вятки, составляла уже знатную часть древней единовластной Россіи Ярослава Великаго, будучи сверхъ того усилена внутри твердѣйшимъ началомъ Самодержавія. Рюрикъ, Святославъ, Владиміръ брали земли мечемъ: Князья Московскіе поклонами въ Ордѣ — дѣйствіе оскорбительное для нашей гордости, но спасительное для бытія и могущества Россіи! Ярославъ обуздывалъ народъ и Бояръ своимъ величіемъ: смиренные тиранствомъ Хановъ, они уже не спорили о правахъ съ Государемъ Московскимъ, требуя отъ него единственно покоя и безопасности со стороны Моголовъ; видѣли прежнихъ Владѣтельныхъ Князей слугами Донскаго, Василія Димитріевича, Темнаго, и менѣе жалѣли о своей древней вольности.

Исторія не терпитъ Оптимизма и не должна въ происшествіяхъ искать доказательствъ, что все дѣлается къ лучшему: ибо сіе мудрованіе несвойственно обыкновенному здравому смыслу человѣческому, для коего она пишется. Нашествіе Батыево, ку-

чи пепла и труповъ, неволя, рабство толь долговременное, составляютъ конечно одно изъ величайшихъ бѣдствій, извѣстныхъ намъ по лѣтописямъ Государствъ; однакожь и благотворныя слѣдствія онаго несомнительны. Лучше, если бы кто нибудь изъ потомковъ Ярославовыхъ отвратилъ сіе несчастіе возстановленіемъ Единовластія въ Россіи, и правилами Самодержавія, ей свойственнаго, оградилъ ея внѣшнюю безопасность и внутреннюю тишину: но въ два вѣка не случилось того. Могло пройти еще сто лѣтъ и болѣе въ Княжескихъ междоусобіяхъ: чѣмъ заключились бы оныя? вѣроятно, погибелію нашего отечества: Литва, Польша, Венгрія, Швеція могли бы раздѣлить оное; тогда мы утратили бы и государственное бытіе и Вѣру, которыя спаслися Москвою: Москва же обязана своимъ величіемъ Ханамъ.

Зло имѣетъ и добрыя слѣдствія.

Одним изъ достопамятныхъ слѣдствій Татарскаго господства надъ Россіею было еще возвышеніе нашего Духовенства, размноженіе Монаховъ и церковныхъ имѣній. Политика Хановъ, утѣсняя народъ и Князей, покровительствовала Церковь и ея служителей; изъявляла особенное къ нимъ благоволеніе; ласкала Митрополитовъ и Епископовъ; снисходительно внимала ихъ смиреннымъ моленіямъ, и часто, изъ уваженія къ Пастырямъ, прелагала гнѣвъ на милость къ паствѣ. Мы видѣли, какъ Св. Алексій Митрополитъ успокоивалъ отечество своимъ

Выгоды Духовенства.

ходатайствомъ въ Ордѣ. Знатнѣйшіе люди, отвращаемые отъ міра всеобщимъ государственнымъ бѣдствіемъ, искали мира душевнаго въ святыхъ Обителяхъ, и мѣняя одежду Княжескую, Боярскую, на мантію Инока, способствовали тѣмъ знаменитости духовнаго сана, въ коемъ даже и Государи обыкновенно заключали жизнь. Ханы подъ смертною казнію запрещали своимъ подданнымъ грабить, тревожить монастыри, обогащаемые вкладами, имѣніемъ движимымъ и недвижимымъ[351]. Всякой, готовясь умереть, что нибудь отказывалъ Церкви, особенно во время язвы, которая столь долго опустошала Россію. Владѣнія церковныя, свободныя отъ налоговъ Ординскихъ и Княжескихъ, благоденствовали; сверхъ украшенія храмовъ и продовольствія Епископовъ, Монаховъ, оставалось еще не мало доходовъ на покупку новыхъ имуществъ. Новогородскіе Святители употребляли Софійскую казну въ пользу государственную[352]; но Митрополиты наши не слѣдовали сему достохвальному примѣру. Народъ жаловался на скудость: Иноки богатѣли. Они занимались и торговлею, увольняемые отъ купеческихъ пошлинъ. — Кромѣ тогдашней набожности, соединенной съ высокимъ понятіемъ о достоинствѣ Монашеской жизни, одни мірскія преимущества влекли людей толпами изъ селъ и городовъ въ тихія, безопасныя Обители, гдѣ слава благочестія награждалась не только

Характеръ нашего Духовенства.

уваженіемъ, но и достояніемъ; гдѣ гражданинъ укрывался отъ насилія и бѣдности, не сѣялъ и пожиналъ! Весьма не многіе изъ нынѣшнихъ монастырей Россійскихъ были основаны прежде или послѣ Татаръ: всѣ другіе остались памятникомъ сего времени.

Однакожь, не смотря на свою знаменитость и важность, Духовенство наше не оказывало излишняго властолюбія, свойственнаго Духовенству Западной Церкви, и служа Великимъ Князьямъ въ государственныхъ дѣлахъ полезнымъ орудіемъ, не спорило съ ними о мірской власти. Въ раздорахъ Княжескихъ Митрополиты бывали посредниками, но избираемыми единственно съ обоюднаго согласія, безъ всякаго дѣйствительнаго права; ручались въ истинѣ и святости обѣтовъ, но могли только убѣждать совѣсть, не касаясь *меча мірскаго*, сей обыкновенной угрозы Папъ для ослушниковъ ихъ воли; отступая же иногда отъ правилъ Христіанской любви и кротости, дѣйствовали такъ въ угодность Государямъ, отъ коихъ они совершенно зависѣли, ими назначаемые и свергаемые[333]. Однимъ словомъ, Церковь наша вообще не измѣнялась въ своемъ главномъ, первобытномъ характерѣ, смягчая жестокіе нравы, умѣряя неистовыя страсти, проповѣдуя и Христіанскія и государственныя добродѣтели. Милости Ханскія не могли ни задобрить, ни усыпить ея Пастырей: они въ Батыево время благословляли Россіянъ на смерть

великодушную, при Димитріи Донскомъ на битвы и побѣду. Когда Василій Темный ушелъ изъ осажденной Москвы, старецъ, Митрополитъ Іона, взялъ на себя отстоять Кремль или погибнуть съ народомъ, и наконецъ, буде вѣрить лѣтописямъ, въ восторгѣ духа предвѣстилъ Василію близкую независимость Россіи[354]. — Исторія подтверждаетъ истину, предлагаемую всѣми Политиками - Философами, и только для однихъ легкихъ умовъ сомнительную, что Вѣра есть особенная сила государственная. Въ Западныхъ странахъ Европейскихъ Духовная власть присвоила себѣ мірскую отъ того, что имѣла дѣло съ народами полудикими — Готѳами, Лонгобардами, Франками - которые, овладѣвъ ими и принявъ Христіанство, долго не умѣли согласить онаго съ своими гражданскими законами, ни утвердить естественныхъ границъ между сими двумя властями: а Греческая Церковь возсіяла въ Державѣ благоустроенной, и Духовенство не могло столь легко захватить чуждыхъ ему правъ. Къ счастію, Святый Владиміръ предпочелъ Константинополь Риму.

Такимъ образомъ имѣвъ вредныя слѣдствія для нравственности Россіянъ, но благопріятствовавъ власти Государей и выгодамъ Духовенства, господство Моголовъ оставило ли какіе иные слѣды въ народныхъ обычаяхъ, въ гражданскомъ законодательствѣ, въ домашней жизни, въ языкѣ Россі-

Мы не приняли обычаевъ Татарскихъ.

ять? Слабые обыкновенно заимствуютъ отъ сильныхъ. Князья, Бояре, купцы, ремесленники наши живали въ Улусахъ, а Вельможи и купцы Ординскіе въ Москвѣ и въ другихъ городахъ. Но Татары были сперва идолопоклонники, послѣ Магометане: мы называли ихъ обычаи *погаными*; и чѣмъ удобнѣе принимали Византійскіе, освященные для насъ Христіанствомъ, тѣмъ болѣе гнушались Татарскими, соединяя ихъ въ нашемъ понятіи съ ненавистнымъ зловѣріемъ. Къ тому же, не смотря на униженіе рабства, мы чувствовали свое гражданское превосходство въ отношеніи къ народу кочующему. Слѣдствіемъ было, что Россіяне вышли изъ-подъ ига болѣе съ Европейскимъ, нежели Азіатскимъ характеромъ. Европа насъ не узнавала: но для того, что она въ сіи 250 лѣтъ измѣнилась, а мы остались, какъ были. Ея путешественники XIII вѣка не находили даже никакого различія въ одеждѣ нашей и западныхъ народовъ[355]: то же безъ сомнѣнія могли бы сказать и въ разсужденіи другихъ обычаевъ. Какъ въ Италіи, Франціи, Англіи съ паденія Рима, такъ у насъ съ призванія Князей Варяжскихъ все въ главныхъ чертахъ сдѣлалось Нѣмецкимъ, смѣшеннымъ съ остатками первобытныхъ обычаевъ Славянскихъ: къ чему послѣ присоединилось занятое нами отъ Грековъ. Древній характеръ Славянъ являлъ въ себѣ нѣчто Азіатское; являетъ и донынѣ: ибо они,

вѣроятно, послѣ другихъ Европейцевъ удалились отъ Востока, кореннаго отечества народовъ. Не Татары выучили нашихъ предковъ стѣснять женскую свободу и человѣчество въ холопскомъ состояніи, торговать людьми, брать законныя взятки въ судахъ (что нѣкоторые называютъ Азіатскимъ обыкновеніемъ): мы все то видѣли у Славянъ и Россіянъ гораздо прежде. Въ языкѣ нашемъ довольно словъ Восточныхъ; но ихъ находимъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ; а нѣкоторыя особенныя могли быть заимствованы нами отъ Козаровъ, Печенѣговъ, Ясовъ, Половцевъ, даже отъ Сарматовъ и Скиѳовъ: напрасно считаютъ оныя Татарскими, коихъ едва ли отыщется 40 или 50 въ Словарѣ Россійскомъ[336]. Новыя понятія, новыя вещи требуютъ новыхъ словъ: что народъ гражданскій могъ узнать отъ кочующаго?

Татары не вступались въ наши судныя дѣла гражданскія. Во всѣхъ Московскихъ владѣніяхъ Государь давалъ законы и судилъ чрезъ своихъ Намѣстниковъ и Дворянъ: недовольные ими жаловались ему; ни въ лѣтописяхъ, ни въ грамотахъ сего времени не упоминается о Приказахъ. Отъ Намѣстника зависѣли Дворскіе и Сотники: первые судили холопей, вторые поселянъ; такъ было и въ Удѣлахъ. Тяжбы между подданными двухъ разныхъ Княженій рѣшились Боярами, съ обѣихъ сторонъ избираемыми: въ случаѣ ихъ несогласія назначался посредникъ, или *Третейскій судъ*, коего

Правосудіе.

рѣшеніе уже всегда исполнялось. Правосудіе тогдашнее не имѣло, по видимому, твердаго основанія и большею частію зависѣло отъ произвола судящихъ. *Русская Правда* лишилась достоинства и силы общаго народнаго уложенія, вмѣсто коего давали судьямъ наказы или грамоты Княжескія, весьма краткія, неопредѣлительныя[357]. Кромѣ Двинской судной грамоты Василія Димитріевича мы имѣемъ еще двѣ пятаго-надесять вѣка: Псковскую и Новогородскую. Въ обѣихъ говорится о *законныхъ поединкахъ* въ случаѣ доноса сомнительнаго. Такое странное обыкновеніе господствовало въ цѣлой Европѣ нѣсколько вѣковъ, заступивъ мѣсто *искушеній посредствомъ огня и воды*. Въ *Русской Правдѣ* нѣтъ еще ни слова о сихъ поединкахъ; но въ 1228 году они уже были въ Россіи способомъ доказывать свою невинность предъ судіями, и назывались *Полемъ*. Искусство и сила казались дѣйствіемъ суда Небеснаго: одолѣть въ бою значило оправдаться. Тщетно Духовенство противилось столь несогласному съ Христіанскою Вѣрою уставу: Митрополитъ Фотій (въ 1410 году) писалъ къ Новогородскому Архіепископу Іоанну, что поединщики не должны вкушать тѣла и крови Христовой; что всякой, кто умертвитъ человѣка въ бою, отлучается отъ Церкви на 18 лѣтъ, и что Іереи не могутъ отпѣвать убитыхъ[358]: но древній обычай былъ сильнѣе убѣжденій Ду-

ховенства, церковной казни и разсудка. Въ грамотѣ Псковской опредѣлены нѣкоторыя судныя пени[359]; на примѣръ, за вырваніе бороды надлежало платить 2 рубля. Далѣе назначаются разныя денежныя взысканія: на примѣръ, за барана хозяину 6 денегъ, за овцу десять, а судьѣ три; объявляются недѣйствительными купля, продажа и мѣна, совершаемыя въ пьянствѣ; запрещается Княжескимъ людямъ держать корчмы и продавать медъ, а женщинамъ нанимать за себя судныхъ поединщиковъ, и проч. Сія грамота есть только отрывокъ или прибавленіе къ инымъ уставамъ; Новогородская же именно ссылается на другія, намъ неизвѣстныя грамоты, и содержитъ въ себѣ единственно особенныя постановленія, изъ коихъ явствуетъ, что Архіепископъ въ судахъ церковныхъ руководствовался Номоканономъ, а Посадникъ и Намѣстники Великокняжескіе старыми уставами Новогородскими; что они брали пошлину съ дѣлъ; что Тысячскій имѣлъ свою особенную управу; что судьи ѣздили по городамъ, обязанные рѣшить всякое дѣло въ опредѣленный срокъ или заплатить пеню; что вмѣстѣ съ судьями и *Докладчиками* засѣдали Присяжные, знаменитые граждане, Бояре и Житые люди; что дѣло предлагалось такъ называемыми *Разсказщиками* или Стряпчими, а записывалось Дьякомъ или Секретаремъ съ приложеніемъ ихъ печатей; что мужья отвѣтствовали въ су-

дахъ за женъ, а за вдовъ сыновья; что жены Боярскія и людей Житыхъ присягали дома; что холопи могли свидѣтельствовать только на холопей, а *Псковитяне* никогда; что прежде законнаго осужденія никто не могъ быть лишаемъ свободы, и всякому обвиняемому давался срокъ; что истецъ и отвѣтчикъ подвергались тяжкому взысканію, если беззаконно обносили другъ друга или судей; что уличенный въ насильственномъ владѣніи платилъ пеню Великому Князю и Новугороду, Бояринъ 50 рублей, Житый двадцать, а *Младшій* гражданинъ десять: слѣдственно наказаніе умножалось по мѣрѣ знатности или богатства преступниковъ. Къ суду Святительскому относились, кромѣ церковныхъ преступленій, всѣ дѣла Іереевъ, Иноковъ, людей монастырскихъ и проч.; а буде они имѣли дѣло съ мірянами, то Намѣстники и судьи Епископскіе рѣшили оное вмѣстѣ съ Княжескими или городскими чиновниками[360]. Въ Новѣгородѣ Святительскія денежныя пени были гораздо тягостнѣе иныхъ; на примѣръ, отъ суднаго рубля получалъ Владыка, Намѣстникъ или Ключникъ его за печать гривну, а Посадникъ, Тысячскіе и судьи ихъ только семь денегъ. Такъ ли было и въ другихъ Княженіяхъ Россійскихъ, мы не знаемъ; но видимъ, что Духовенство наше вездѣ старалось умножать свои права судебныя, доказывая ихъ древность мнимыми церковными уставами

Св. Владиміра и Ярослава Великаго. Послѣднимъ рѣшителемъ въ судахъ церковныхъ былъ Митрополитъ: Новогородцы въ 1385 году отняли у него сіе доходное право, уставивъ, чтобы Архіепископъ и главные ихъ чиновники вершили всѣ дѣла независимо или безъ отчета.

Вообще съ XI вѣка мы не подвинулись впередъ въ гражданскомъ законодательствѣ; но, кажется, отступили назадъ къ первобытному невѣжеству народовъ въ сей важной части государственнаго благоустройства: чему виною были замѣшательство и непостоянство въ Правленіи внутреннемъ. Князья, не увѣренные въ твердости своихъ престоловъ, судя народъ по необходимости и для собственнаго прибытка, старались уменьшать для себя затрудненія: совѣсть, присяга, здравый умъ естественный казались самымъ простѣйшимъ способомъ рѣшить тяжбы, согласно съ древними обыкновеніями и безъ всякихъ письменныхъ, общихъ правилъ. Законодатель опредѣлялъ единственно родъ наказаній и денежныя пени для главныхъ преступленій: смертоубійства, воровства и проч. Судъ духовный, основанный на Кормчей Книгѣ или Номоканонѣ, былъ не лучше гражданскаго: ибо сіи законы Греческіе во многомъ не шли къ Россіи и долженствовали часто уступать мѣсто произволу судей. Въ такомъ состояніи находилось правосудіе и въ другихъ земляхъ Европейскихъ около

десятаго вѣка; но въ пятомъ-надесять, имѣя училища законовѣдѣнія и Римское Право, Европа въ семъ отношеніи уже далеко насъ опредила.

Искусство ратное.

Не менѣе отстали мы и въ искусствѣ ратномъ: Крестовые походы, духъ Рыцарства, долговременныя войны и наконецъ образованіе строевыхъ, всегдашнихъ войскъ произвели великіе успѣхи онаго во Франціи и въ другихъ земляхъ[361]: а мы, кромѣ пороха, въ теченіе сихъ вѣковъ не узнали и не пріобрѣли ничего новаго. Составъ нашей рати мало измѣнился. Всѣ главные чиновники государственные: Бояре *Старшіе*, *Большіе, Путные* (или помѣстные, коимъ давались земли, доходы казенные, *путевые* и другіе), *Окольничіе* или ближніе къ Государю люди, и Дворяне, были истиннымъ сердцемъ, лучшею, благороднѣйшею частію войска, и собственно именовались *Дворомъ Великокняжескимъ*. Второй многочисленнѣйшій родъ записныхъ людей воинскихъ назывался *Дѣтьми Боярскими*: въ нихъ узнаемъ прежнихъ Боярскихъ Отроковъ; а Княжескіе обратились въ Дворянъ. Всякой древній, областный городъ, имѣя своихъ Бояръ, имѣлъ и Дѣтей Боярскихъ, которые составляли воинскую дружину первыхъ[362]. Купцы и граждане безъ крайности не вооружались, а земледѣльцы никогда[363]. Герой Донскій умѣлъ вывести въ поле 150,000 ратниковъ; но для сего требовалось усилій необыкновенныхъ. Часто войско не успѣвало собраться, когда непріятель уже спо-

ялъ подъ Москвою. Древніе обычаи не скоро уступаютъ мѣсто лучшимъ. Чтобы имѣть всегда полки готовые и не распускать ихъ, надлежало бы опредѣлить имъ жалованье: Государи наши скупились или не могли сдѣлать того безъ отягощенія подданныхъ налогами.

Иностранные Писатели говорятъ, что Россіяне сего времени сражались подобно Моголамъ: «не стоя на мѣстѣ, а на скаку дѣйствуя стрѣлами и копьями, то нападая, «то вдругъ отступая[364].» Но лѣтописи наши доказываютъ противное: хотя главное и лучшее войско состояло всегда изъ конницы, однакожъ мы имѣли и пѣхоту: становились въ ряды сомкнутые; отдѣляли часть войска впередъ, чтобы открыть или удерживать непріятеля, а другую скрывали въ засадѣ; одни полки начинали битву, другіе ждали времени и случая ударить на врага; въ срединѣ находились обыкновенно такъ называемыя *большія* или Княжескія знамена подъ защитою Дворянъ. Мы умѣли пользоваться мѣстомъ; располагались станомъ за оврагами и дебрями. Полководцы наши изъявляли иногда смѣлую рѣшительность великаго ума воинскаго, какъ Герой Донскій, быстрымъ движеніемъ предупредивъ соединеніе Мамая съ Ягайломъ. Куликовская битва достопамятна не только храбростію, но и самымъ искусствомъ. Александръ Невскій также показалъ оное въ сра-

женіи со Шведами и съ Ливонскими Меченосцами. Лѣтописцы отмѣнно славятъ ратный умъ Димитрія Волынскаго, побѣдителя Болгаровъ, Олегова и Мамаева: чѣмъ въ государствованіе Темнаго отличались Князь Василій Оболенскій и Московскій Дворянинъ Θеодоръ Басенокъ[365]. — Однакожь Россіяне XIV и XV вѣка вообще не могли равняться съ предками своими въ опытности воинской, когда частыя битвы съ непріятелями внѣшними и междоусобныя не давали засыхать крови на ихъ мечахъ, и когда они, такъ сказать, жили на полѣ сраженія. Кровь лилася и во время ига Ханскаго, но рѣдко въ битвахъ: видимъ много убійствъ, но гораздо менѣе ратныхъ подвиговъ.

Происхожденіе Козаковъ.

Замѣтимъ, что лѣтописи временъ Василія Темнаго въ 1444 году упоминаютъ о *Козакахъ* Рязанскихъ, особенномъ легкомъ войскѣ, славномъ въ новѣйшія времена. И такъ Козаки были не въ одной Украйнѣ, гдѣ имя ихъ сдѣлалось извѣстно по Исторіи около 1517 года[366]; но вѣроятно, что оно въ Россіи древнѣе Батыева нашествія, и принадлежало Торкамъ и Берендѣямъ, которые обитали на берегахъ Днѣпра, ниже Кіева. Тамъ находимъ и первое жилище Малороссійскихъ Козаковъ. Торки и Берендѣи назывались *Черкасами*[367]: Козаки также. Вспомнимъ *Касоговъ*, обитавшихъ, по нашимъ лѣтописямъ, между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ; вспомнимъ и страну *Казахію*, полагаемую Императоромъ

Константиномъ Багрянороднымъ въ сихъ же мѣстахъ; прибавимъ, что Оссетинцы и нынѣ именуютъ Черкесовъ *Касахами*[368]: столько обстоятельствъ вмѣстѣ заставляютъ думать, что Торки и Берендѣи, называясь *Черкасами*, назывались и *Козаками*; что нѣкоторые изъ нихъ, не хотѣвъ покориться ни Моголамъ, ни Литвѣ, жили какъ вольные люди на островахъ Днѣпра, огражденныхъ скалами, непроходимымъ тростникомъ и болотами; приманили къ себѣ многихъ Россіянъ, бѣжавшихъ отъ угнетенія; смѣшались съ ними, и подъ именемъ *Козаковъ* составили одинъ народъ, который сдѣлался совершенно Русскимъ, тѣмъ легче, что предки ихъ, съ десятаго вѣка обитавъ въ области Кіевской, уже сами были почти Русскими. Болѣе и болѣе размножаясь числомъ, питая духъ независимости и братства, Козаки образовали воинскую Христіанскую Республику въ южныхъ странахъ Днѣпра, начали строить селенія, крѣпости въ сихъ опустошенныхъ Татарами мѣстахъ; взялись быть защитниками Литовскихъ владѣній со стороны Крымцевъ, Турковъ, и снискали особенное покровительство Сигизмунда I, давшаго имъ многія гражданскія вольности вмѣстѣ съ землями выше Днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ городъ *Черкасы* названъ ихъ именемъ. Они раздѣлились на *сотни* и *полки*, коихъ Глава или Гетманъ въ знакъ уваженія получилъ отъ Государя Польскаго,

Стефана Батори, знамя Королевское, бунчукъ, булаву и печать[369]. Сіи-то природные воины, усердные къ свободѣ и къ Вѣрѣ Греческой, долженствовали въ половинѣ XVII вѣка избавить Малороссію отъ власти иноплеменниковъ и возвратить нашему отечеству древнее достояніе онаго.—Собственно такъ называемые Козаки *Запорожскіе* были частію Малороссійскихъ: Сѣча ихъ, или земляная крѣпость ниже Днѣпровскихъ пороговъ, служила сперва сборнымъ мѣстомъ, а послѣ сдѣлалась жилищемъ холостыхъ Козаковъ, не имѣвшихъ никакого промысла, кромѣ войны и грабежа. — Вѣроятно, что примѣръ Украинскихъ Козаковъ, всегда вооруженныхъ и готовыхъ встрѣтить непріятеля, далъ мысль и сѣвернымъ городамъ нашимъ составить подобное земское войско. Область Рязанская, наиболѣе подверженная нападенію Ординскихъ хищниковъ, имѣла и болѣе нужды въ такихъ защитникахъ. Люди молодые, бездомовные, записывались въ Козаки, побуждаемые къ тому или нѣкоторыми особенными, гражданскими выгодами — можетъ быть, освобожденіемъ отъ всякихъ податей — или прелестію добычи воинской[370]. Въ Исторіи слѣдующихъ временъ увидимъ *Козаковъ Ординскихъ, Азовскихъ, Ногайскихъ* и другихъ: сіе имя означало тогда *вольницу, наѣздниковъ, удальцевъ*, но не *разбойниковъ*, какъ нѣкоторые утверждаютъ, ссылаясь на лексиконъ Турецкій[371]: оно безъ сомнѣнія не бранное, когда витязи

мужественные, умирая за вольность, отечество и Вѣру, добровольно такъ назвалися.

Россія, не смотря на всѣ бѣдствія, нанесенныя ей Моголами, въ XIV и въ XV вѣкѣ имѣла знатное купечество. Древній, славный *путь Греческій* для насъ закрылся: открылись новые пути торговли, съ Востокомъ чрезъ Орду, съ Константинополемъ и съ Западомъ чрезъ Азовъ посредствомъ рѣки Дона. Купцы, торгующіе шелковыми тканями, назывались въ Москвѣ *Сурожанами*, по имени Сурожскаго или Азовскаго моря[372]: ибо онѣ привозились къ намъ изъ Азова. Сіи купцы были главными, вмѣстѣ *съ суконниками*, которые продавали Нѣмецкія сукна, получая оныя изъ Новагорода, гдѣ цвѣла торговля Ганзейская. За сіи иностранныя произведенія мы платили мѣхами. Россія была тогда привольемъ звѣрей, птицъ и ловцевъ. Еще непроходимые, дремучіе лѣса осѣняли большую часть земли: тишина, царствуя въ глубокомъ уединеніи пустынь, благопріятствовала размноженію всякаго рода животныхъ. Какъ въ XI столѣтіи дикіе кони, буйволы, вепри, олени стадами гуляли въ лѣсахъ южной Россіи, такъ въ сѣверной около пятаго-надесять вѣка бобры, козы, лоси витали на свободѣ: лебеди стаями плавали на рѣкахъ и озерахъ[373]. Россія скудная людьми — отъ недавности своего населенія, отъ меча, отъ плѣненія, отъ частыхъ голодовъ и язвы — тѣмъ болѣе изобиловала дикими сокровищами Природы, ко- Купечество

ихъ источники всегда изсякаютъ отъ возрастающаго многолюдства. Ординскіе купцы живали въ Москвѣ, въ Твери, въ Ростовѣ; они доставляли намъ товары ремесленной Азіи и лошадей, а брали въ обмѣнъ (сверхъ драгоцѣнныхъ мѣховъ, нашихъ собственныхъ и Пермскихъ) множество ловчихъ птицъ, кречетовъ, привозимыхъ въ Великое Княженіе изъ Двинской земли. Вѣроятно, что Россіяне передавали Моголамъ и Нѣмецкія сукна, такъ же, какъ Нѣмцамъ плоды Азіатскаго ремесла. Казань заступила мѣсто древняго Царства Болгарскаго: купцы Московскіе и другіе торговали въ ней съ Востокомъ. — Ханы для своихъ выгодъ покровительствовали у насъ торговлю, чтобы мы, обогащаясь ею, тѣмъ исправнѣе платили Ординскую дань. Славный Венеціянскій путешественникъ, Марко Пауло, бывъ около 1270 года въ Великой Татаріи, въ Персіи и на берегахъ Каспійскаго моря, говоритъ о *хладной* Россіи, сказывая, что ея жители бѣлы, вообще хороши лицемъ, и что она богата *собственными серебряными рудниками*[374]: мы не имѣли ихъ, но дѣйствительно могли хвалиться знатнымъ количествомъ серебра, получаемаго нами отъ Нѣмецкихъ купцевъ и черезъ Югру изъ Сибири. Новогородцы обѣщали Михаилу Тверскому 6000 фунтовъ серебра, а Витовту дѣйствительно заплатили около шестидесяти пудовъ: что прежде открытія Америки было весьма много. Не зна-

емъ за-подлинно, сколько мы ежегодно давали Ханамъ; однакожь извѣстно, что въ 1384 году съ каждой *деревни* собиралось для нихъ около 12 золотниковъ серебра; а *деревня* состояла тогда обыкновенно изъ двухъ или трехъ дворовъ. Города платили иногда и золотомъ[575]. Кромѣ сего земледѣльцы вносили въ казну Великокняжескую по гривнѣ съ сохи; кузнецы, рыбаки, лавочники также по гривнѣ (что составляло болѣе двухъ золотниковъ серебра). Дань Ханская отчасти возвращалась къ намъ изъ Орды торговлею. Наконецъ мы столько имѣли серебра, что могли отмѣнить мордки или *куны*, древнія наши *ассигнаціи*, бывшія не менѣе пяти сотъ лѣтъ въ обращеніи, и весьма полезныя для успѣховъ промышлености за недостаткомъ въ металлахъ. Казна, соблюдая умѣренность въ выпускѣ сихъ кожаныхъ знаковъ, умѣла держать ихъ въ цѣнѣ до самаго нашествія Батыева: тогда упали куны, ибо Моголы не брали ихъ вмѣсто серебра; онѣ ходили еще нѣсколько времени въ Новѣгородѣ и Псковѣ, не имѣвшихъ тѣсной связи съ Ордою; но скоро и тамъ исчезли отъ затрудненія въ торговыхъ счетахъ съ другими Россіянами, которые уже не признавали достоинства *мордокъ*: что прежде называлось *кунами*, стало называться *деньгами*[576] — и древняя кожаная гривна, оцѣненная на серебро, обратилась въ десятую часть рубля. Нѣтъ сомнѣнія, что сія пере-

мѣна имѣла вредныя слѣдствія для внутренней торговли, вдругъ уменьшивъ въ Россіи количество денегъ. Города купеческіе имѣли серебро; но другіе, менѣе торговые, долженствовали нуждаться въ знакахъ для оцѣнки вещей: такъ въ землѣ Двинской, по уничтоженіи кожаныхъ лоскутковъ, называемыхъ кунами и векшами, опять ходили дѣйствительныя шкуры куницъ и бѣлокъ вмѣсто денегъ, какъ было у насъ въ самую глубокую древность; то есть, возобновилась непосредственная мѣна вещей, обыкновенная въ состояніи полудикихъ народовъ.

Касательно нашей внутренней торговли замѣтимъ, что ея свобода и выгоды обыкновенно входили въ условія государственныхъ постановленій. Владѣтельные Князья, определяя легкія законныя пошлины съ купеческихъ возовъ и лодокъ, прибавляли въ договорныхъ грамотахъ: «а купцамъ торговать безъ *рубежа* или безъ *зацѣпокъ*[377]. Кромѣ перевоза иностранныхъ вещей изъ мѣста въ мѣсто, жители нѣкоторыхъ областей промышляли своими особенными произведеніями: Новогородскіе хмѣлемъ и льномъ, Новоторжскіе кожами, Галичане и Двиняне солью. Соль Галицкая уже славилась при Донскомъ. Псковитяне въ 1364 году также завели-было соляныя варницы, но скоро оставили. Хлѣбъ и рыба составляли знатнѣйшій изъ торговъ внутреннихъ. Частые неурожаи, бѣдственные для народа, обогащали купцевъ прозорливыхъ.

Изобрѣтенія, художества, роскошь, познанія, словесност.

Хотя Моголы какъ бы заградили насъ отъ Европы; хотя уже Вѣнценосцы ея не вступали съ нашими въ брачные союзы, и кромѣ Иннокентіева Посольства къ Александру Невскому, кромѣ Исидорова путешествія въ Италію, не было у насъ никакихъ государственныхъ сношеній съ Западомъ; хотя вообще иностранныя лѣтописи сего времени почти не упоминаютъ о Россіи: однакожь, черезъ торговыя связи Новагорода съ Германіею, Москвитяне довольно скоро узнавали важнѣйшія Европейскія открытія, какъ-то изобрѣтеніе бумаги и пороха. Въ XV вѣкѣ мы уже перестали употреблять хартію или пергаменъ, замѣнивъ его гораздо дешевѣйшею тряпичною бумагою, покупаемою у Нѣмцевъ, которые доставляли намъ и снарядъ огнестрѣльный[378]. Москва и Галичь оборонялись пушками; но въ описаніи полевыхъ битвъ говорится только о стрѣлахъ, мечахъ и копьяхъ: кажется, что пушки и пищали употреблялись единственю для защиты городовъ. — Къ художествамъ Русскимъ прибавилось одно новое: монетное; по крайней мѣрѣ со временъ Ярослава или со XII вѣка мы, кажется, не имѣли онаго. Монетчики назывались *денежниками*. — Памятниками тогдашняго зодчества остались нѣкоторыя довольно красивыя церкви, въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ. По лѣтописямъ извѣстно, что Св. Ольга жила въ каменномъ дворцѣ: въ Москвѣ же, кромѣ цер-

квей и городскихъ стѣнъ, не было ни одного каменнаго зданія до XV вѣка: ибо Князья и Вельможи предпочитали деревянные домы; какъ благопріятнѣйшіе для здоровья. Сверхъ того частые мятежи и государственныя неустройства отвращали самыхъ богатыхъ людей отъ мысли строить долговременное прочно; гдѣ нѣтъ твердаго порядка гражданскаго, тамъ рѣдко бываютъ и твердыя зданія. Новогородскій Архіепископъ Евфимій въ 1433 году поставилъ у себя на дворѣ *каменную съ тридцатью дверями палату*, украшенную живописью и боевыми часами, а Митрополитъ Іона такую же въ 1449 году, съ домовымъ храмомъ Положенія Ризъ; первую строили Нѣмецкіе Архитекторы. — Среди нынѣшней Москвы находилось еще не мало рощей и луговъ. Князья, Бояре имѣли свои мельницы, разные сады и домы загородные. Роскошь состояла во множествѣ слугъ, въ богатой одеждѣ, въ высокомъ домѣ, въ глубокихъ погребахъ, наполненныхъ бочками крѣпкаго меда; а всего болѣе въ созиданіи храмовъ и въ драгоцѣнныхъ окладахъ иконъ. Упомянувъ о слугахъ, замѣтимъ, что Великіе Князья, умирая, обыкновенно давали своимъ холопямъ волю[379]: такъ поступали и другіе знатные люди.

Нѣтъ сомнѣнія, что древній Кіевъ, украшенный памятниками Византійскихъ художествъ, оживляемый стеченіемъ купцевъ

иностранныхъ, Грековъ, Нѣмцевъ, Италіянцевъ, превосходилъ Москву пятаго-надесять вѣка во многихъ отношеніяхъ. Мы загрубѣли, однакожь не столько, чтобы умъ лишился всей житворной силы своей и не оказывалъ ни въ чемъ успѣховъ. Греція до самаго ея паденія не переставала дѣйствовать на Россію: брала отъ насъ серебро, но давала намъ вмѣстѣ съ мощами и книги. Основаніемъ Московской Патріаршей библіотеки, извѣстной въ ученой Европѣ, была Митрополитская, заведенная во время господства Ханскаго надъ Россіею и богатая не только церковными рукописями, но и древнѣйшими твореніями Греческой Словесности[380]. Знаніе Еллинскаго языка составляло ученость, почти необходимую для знатнѣйшаго Духовенства, которое находилось въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ Царемградомъ. Такимъ образомъ церковная наша зависимость, вредная въ смыслѣ Политики, благопріятствовала у насъ просвѣщенію; то есть, не давала ему совершенно угаснуть, по крайней мѣрѣ въ Духовенствѣ. Любопытные міряне искали свѣдѣній въ монастыряхъ: вопрошали Иноковъ о предметахъ Христіанства и нравственности, о самымъ государственныхъ дѣяніяхъ временъ минувшихъ: ибо тамъ жила Исторія Россійская, какъ и прежде; тамъ, усерднымъ перомъ Черноризцевъ, она изображала плачевную судьбу отечества, мѣшая повѣствованіе съ наставле-

ніями. Волынскій Лѣтописецъ приводитъ мѣста изъ Гомера: Московскій упоминаетъ о Пиѳагорѣ и Платонѣ[381]. Кромѣ церковныхъ или душеспасительныхъ книгъ, мы имѣли отъ Грековъ всемірныя лѣтописи и разныя историческія, нравственныя, баснословныя повѣсти; на примѣръ: о *храбрости Александра Македонскаго*, переводъ Арріана — о *Синагрипѣ, Царѣ Адоровѣ* — о *витязяхъ древности* — о *богатствахъ Индіи*[382], и проч. Вторая изъ сихъ повѣстей есть Арабская (изданная на Французскомъ языкѣ въ продолженіи *Тысячи одной ночи*): вѣроятно, что она въ XIII или въ XIV вѣкѣ была переведена на Русской съ Греческаго. Между тогдашними произведеніями собственной нашей Словесности достопамятны піитическое изображеніе Куликовской битвы и похвала Димитрію Донскому. Первое, сочиненное Рязанцемъ, Іереемъ Софроніемъ, многими чертами напоминаетъ *Слово о полку Игоревѣ*, хотя и менѣе стихотворно. На примѣръ[383]: «Князь Владиміръ такъ говоритъ Димитрію: Воеводы наши крѣпки, «витязи Русскіе славны, кони ихъ борзы, «доспѣхи тверды, щиты червленые, копья «злаченыя, сабли булатныя, *курды* Ляцкія, «колчаны Фряжскіе, сулицы Нѣмецкія; всѣ «пути знакомы имъ, берега Оки свѣдомы. «Хотятъ витязи положить свои головы за «Вѣру Христіанскую и за обиду Великаго «Князя Димитрія.... Великая Княгиня Евдо-

«кія съ женами Воеводскими сидитъ печаль-
«но въ злащоверхомъ теремѣ, подъ окнами
«южными, смотритъ въ слѣдъ супругу ми-
«лому, льетъ слезы ручьями, и приложивъ
«руки къ персямъ, такъ вѣщаетъ: Боже
«великій! умоляю Тебя смиренно: сподоби
«меня еще видѣть моего друга, славнаго
«между людьми, Князя Димитрія! Помоги
«ему на враговъ рукою крѣпкою! Да не па-
«дутъ Христіане отъ Мамая невѣрнаго, какъ
«пали нѣкогда отъ злаго Батыя! Да спа-
«сется остатокъ ихъ и да славитъ имя
«Твое святое! Уныла земля Русская: толь-
«ко на Тебя уповаемъ, Око Всевидящее! Имѣю
«двухъ младенцевъ беззащитныхъ: кому за-
«крыть ихъ отъ вѣтра бурнаго, отъ зноя
«палящаго? Возврати имъ отца, да цар-
«ствуютъ во вѣки!....

«Славный Волынецъ, мужъ исполненный
«ратной мудрости, на канунѣ битвы, въ
«глубокую ночь, зоветъ Великаго Князя въ
«чистое поле, да узнаетъ тамъ судьбу оте-
«чества. Впереди станъ Мамаевъ: за нимъ
«Россійскій. *Внимай!* сказалъ Волынецъ.... и
«Димитрій, обратяся къ Мамаеву стану,
«слышитъ стукъ и кличь, подобный шуму
«многолюднаго торжища или созидаемаго
«града, или звуку трубъ безчисленныхъ.
«Далѣе грозно воютъ звѣри и кричатъ во-
«роны; гуси и лебеди плещутъ крылами
«по рѣкѣ Непрядвѣ и предвѣщаютъ грозу
«необычайную. *Обратися къ Стану Русско-*

«*му!* говоритъ Волынецъ — *что слышишь?*....
«*Все тихо*, отвѣтствуетъ Димитрій: *вижу*
«*только сліяніе огней небесныхъ съ блестящи-*
«*ми зарями*... Волынецъ сходитъ съ коня; у-
«хомъ приникаетъ къ землѣ; слушаетъ дол-
«го; встаетъ и безмолвствуетъ. Великій
«Князь требуетъ отповѣди. *Добро и зло ожи-*
«*даетъ насъ*, говоритъ ему сей мудрый ви-
«тязь: *плачутъ обѣ страны, единая какъ*
«*вдовица, другая какъ дѣва жалобнымъ гла-*
«*сомъ свирѣли. Ты побѣдишь, Димитрій;*
«*но много, много падетъ нашихъ!* Димитрій
«пролилъ слезы....

«Сходятся рати подъ густою мглою. Зна-
«мена Христіанскія воспрянули; кони подъ
«всадниками присмирѣли; звучатъ трубы
«наши громко, Татарскія глухо. Стонетъ
«земля на Востокъ до моря, на Западъ до
«рѣки Дуная. Поле отъ тягости переги-
«бается; воды изъ береговъ выступаютъ....
«Часъ насталъ. Каждый воинъ, ударивъ по
«коню, воскликнулъ: *Господи! помози Хри-*
«*стіанамъ!* и быстро впередъ устремился....
«Сразились, не только оружіемъ, но и *сами*
«*о себя избивая другъ друга;* умирали подъ
«ногами конскими; задыхались отъ тѣсноты
«на полѣ Куликовѣ. Зари кровавыя блиста-
«ютъ отъ сіянія мечей; лѣсъ копій тре-
«щитъ и ломается. Удалые витязи наши
«какъ величественная дубрава склонялись
«на землю. О чудо! разверзлось небо надъ
«полками Димитрія; видимъ свѣтлое обла-

«ко, исполненное рукъ человѣческихъ, которыя держатъ лучезарные вѣнцы для побѣдителей.... И се воины Князя Владиміра «рвутся изъ засады на Мамая, какъ соколы «на стадо гусиное, какъ гости на пиръ «брачный; ударили, и врагъ бѣжитъ, восклицая: *увы тебѣ, Мамай! вознесся до «небесъ, и въ адъ нисходишь!*» и проч.

Въ похвальномъ словѣ Димитрію есть сила и нѣжность. Описывая добродѣтели сего Великаго Князя, сочинитель говоритъ[384]: «Нѣкоторые люди заслуживаютъ похвалу въ «юношествѣ, другіе въ лѣта среднія, или «въ старости: Димитрій всю жизнь совершилъ во благѣ. Принявъ власть отъ Бога, «онъ съ Богомъ возвеличилъ землю Русскую, «которая во дни его княженія *воскипѣла* «славою; былъ для отечества стѣною и «твердію, а для враговъ огнемъ и мечемъ; «кротковелителенъ съ Князьями, тихъ, «*увѣтливъ* съ Боярами; имѣлъ умъ высокій, «сердце смиренное; взоръ красный, душу «чистую; мало говорилъ, разумѣлъ много; «когда же говорилъ, тогда Философамъ заграждалъ уста; благотворя всѣмъ, могъ «назваться *окомъ слѣпыхъ, ногою хромыхъ,* «*трубою спящихъ въ опасности*.... Когда же «Великій *Царь* земли Русскія, Димитрій, заснулъ сномъ вѣчнымъ: тогда *аэръ* возмутился, земля потряслася, люди ужаснулись. «О день скорби и *туги*, день мрака и бѣдствія, вопля и захлипанія! Народъ вѣщалъ:

«*о горе намъ*, *братіе! Князь Князей пре*-
«*ставился; звѣзда*, *сіяющая міру, склонилась*
«*къ западу!*» — О супружеской взаимной любви Димитрія и Великой Княгини Евдокіи сказано такъ: «Оба жили единою
«душею въ двухъ тѣлахъ; оба жили еди-
«ною добродѣтелію, какъ *златоперсистый*
«голубь и *сладкоглаголивая* ласточица съ
«умиленіемъ смотряся въ чистое зерцало со-
«вѣсти... Видя же его мертваго на одрѣ,
«Княгиня горько восплакала, проливая *сле*-
«*зы огненныя*; гласъ ея какъ утреннее щеп-
«таніе ласточицы, какъ органы сладкозву-
«чные. Такъ вѣщаетъ горестная: Зашелъ
«свѣтъ очей моихъ; погибло сокровище
«моей жизни! Гдѣ ты, безцѣнный? Почто
«не отвѣтствуешь супругѣ?..... Цвѣтъ
«прекрасный! для чего увядаешь столь
«рано? виноградъ многоплодный! уже ты не
«дашь плода моему сердцу, ни сладости
«душѣ моей!... Воззри, возри на меня; обра-
«тися ко мнѣ на одрѣ своемъ; промолви
«слово! Не уже ли забылъ меня? Се жена
«и дѣти твои!... Кому супругу приказы-
«ваешь? на кого сиротъ оставляешь?.... Царь
«мой милый! какъ обниму тебя? какъ послу-
«жу тебѣ? Гдѣ честь твоя и слава? Былъ
«Государемъ всей земли Русской: нынѣ мертвъ
«и ничѣмъ не владѣешь! Побѣдитель на-
«родовъ побѣжденъ смертію! Измѣнилась
«твоя слава вмѣстѣ съ лицемъ твоимъ!...
«О жизнь души моей! не знаю, какъ ласкать,

«какъ миловать тебя!... Багряницу многоцѣнную промѣнялъ ты на сіи ризы бѣдныя! Не моего наряда одежду на себя возлагаешь!... Отвергнувъ Княжескій вѣнецъ, «худымъ плащомъ главу покрываешь! Изъ «палаты красной въ сей гробъ переселяешься!... Ахъ! если бы Господь услышалъ «молитву мою!... Молися и ты за свою «Княгиню, да умру съ тобою, бывъ неразлучна съ тобою въ жизни!... Еще юность «насъ не оставила; еще старость насъ не «постигла! Ахъ! не долго я радовалась моимъ другомъ! За веселіе пришли слезы, за «утѣхи скорбь несносная!... Почто я родилася? или почто не умерла прежде тебя? «Тогда я не видала бы твоей кончины, а «своей погибели!... Не слышишь жалкихъ «рѣчей моихъ; не умиляешься моими слезами горькими! Крѣпко уснулъ, Царь мой; «не могу разбудить тебя! Съ какой войны «пришелъ ты, любезный? Отъ чего столь «утомился? Звѣри земные идутъ на ложе «свое, а птицы небесныя летятъ ко гнѣздамъ: ты же, любезный, отходишь навѣки отъ своего дому!... Кому уподоблю, «какъ назову себя? Вдовою ли? ахъ! не знаю «сего имени! Женою ли? но Царь оставилъ «меня!... Вдовы старыя! утѣшайте меня! «Вдовы юныя! плачьте со мною! Горесть «вдовья жалостнѣе всѣхъ горестей... Боже «великій, Царь Царей! Ты единъ буди мнѣ «истиннымъ утѣшителемъ!» — Сіи приве-

денныя нами мѣста суть, кажется, лучшіе памятники тогдашняго краснорѣчія. Люди всегда находили сильныя черты для описанія воинскихъ ужасовъ и горестей любви: воображеніе и сердце дѣйствуютъ и въ то время, когда умъ дремлетъ.

Сверхъ церковнаго наставленія и мудрыхъ изрѣченій Св. Писанія, которыя врѣзывались

Пословицы.

въ память людей, Россія имѣла особенную систему нравоученія въ своихъ народныхъ пословицахъ. Многія изъ оныхъ несомнительно относятся къ сему времени; на примѣръ: *гдѣ Царь, тамъ и Орда*; или: *такали, такали Новогородцы, да и протакали*[385]. Нынѣ умники пишутъ: въ старину только говорили; опыты, наблюденія, достопамятныя мысли въ вѣкъ малограмотный сообщались изустно. Нынѣ живутъ мертвые въ книгахъ: тогда жили въ пословицахъ. Все хорошо придуманное, сильно сказанное, передавалось изъ рода въ родъ. Мы легко забываемъ читанное, зная, что въ случаѣ нужды можемъ опять развернуть книгу: но предки наши помнили слышанное, ибо забвеніемъ могли навсегда утратить счастливую мысль или свѣдѣніе любопытное. Добрый купецъ, Бояринъ, рѣдко грамотный, любилъ внучатамъ своимъ твердить умное слово дѣда его, которое обращалось въ семейственную пословицу. Такъ разумъ человѣческій въ самомъ величайшемъ стѣсненіи находитъ какой нибудь способъ дѣйствовать, подобно какъ

рѣка, запертая скалою, ищетъ тока хотя подъ землею, или сквозь камни сочится мелкими ручейками. — Вѣроятно, что и нѣкоторыя народныя пѣсни Русскія, въ особенности историческія о благословенныхъ временахъ Владиміра Святаго, были сочинены въ вѣки нашего рабства государственнаго, когда воображеніе, унывая подъ игомъ невѣрныхъ, любило ободряться воспоминаніемъ прошедшей славы отечества. Русской поетъ въ веселіи и въ печали. — Вообще языкъ нашъ отъ XIII до XV вѣка пріобрѣлъ болѣе чистоты и правильности. Оставляя употребленіе собственнаго Русскаго, необразованнаго нарѣчія, Писатели тщательнѣе держались Грамматики церковныхъ книгъ или древняго Сербскаго, коего памятникъ есть наша Библія[386], и коему слѣдовали они не только въ склоненіяхъ и въ спряженіяхъ, но и въ выговорѣ или въ изображеніи словъ; однакожь, подобно Лѣтописцу Нестору, ошибались иногда и на употребленіе: отъ чего въ слогѣ нашемъ закоренѣла пестрота, освященная древностію, такъ, что мы и нынѣ въ одной книгѣ, на одной страницѣ пишемъ *злато* и *золото*, *гладъ* и *голодъ*, *младость* и *молодость*, *пію* и *пью*. Еще не время было для Россіянъ дать языку ту силу, гибкость, пріятность, тонкость, которыя соединяются съ выспренними успѣхами разума въ мирномъ благоденствіи гражданскихъ обществъ, съ богатствомъ мыслей

Пѣсни.

Языкъ

и знаній, съ образованіемъ вкуса или чувства изящности: по крайней мѣрѣ видимъ, что предки наши трудились надъ яснѣйшимъ выраженіемъ своихъ мыслей, смягчали грубые звуки словъ, наблюдали въ ихъ теченіи какую-то плавность[387]. Наконецъ, не ослѣпляясь народнымъ самолюбіемъ, скажемъ, что Россіяне сихъ вѣковъ въ сравненіи съ другими Европейцами могли по справедливости казаться невѣждами; однакожь не утратили всѣхъ признаковъ гражданскаго образованія и доказали, сколь оно *живуще* подъ самыми сильными ударами варварства!

Человѣкъ, преодолѣвъ жестокую болѣзнь, увѣряется въ дѣятельности своихъ жизненныхъ силъ и тѣмъ болѣе надѣется на долголѣтіе: Россія, угнетенная, подавленная всякими бѣдствіями, уцѣлѣла и возстала въ новомъ величіи, такъ, что Исторія едва ли представляетъ намъ два примѣра въ семъ родѣ. Вѣря Провидѣнію, можемъ ласкать себя мыслію, что Оно назначило Россіи быть долговѣчною.

Конецъ V Тома.

(1) См. *Никон. Лѣт.* г. 1363, стр. 5, и *Ростовск.*

(2) Іоаннъ Іоанновичь преставился въ 1364 г. Окт. 23, а мать его, Вел. Княг. Александра, названная въ Монашествѣ Маріею, Дек. 27; первый погребенъ въ Архангел. Соборѣ, а вторая въ придѣлѣ монастыря Спасскаго или Преображенскаго.

См. договорн. грамоту въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 74.

(3) Сей Андрей построилъ тамъ близъ дворца своего каменную церковь Св. Архистр. Михаила. Въ *Троицкой:* «Княгиня же Василиса, много плакавше «по Князи своемъ, пребысть вдовою 4 лѣта; пострижена бысть отъ Діонисья Архимандрита Печерскаго, и наречено бысть имя ей Ѳеодора. — Бысть «ей тогда отъ роженья лѣтъ 40, и раздавала все «имѣнье свое церквамъ и монастыремъ и нищимъ, а «слугы своя и рабы и рабыни распустила на свободу, «а сама нача жити въ монастырѣ у Св. Зачатья, «иже сама создала при Князи своемъ; живяще же въ «молчаніи, тружаяся рукодѣльемъ, постомъ, поклоны «творя, молитвами и слезами, стояніемъ нощнымъ «и неспаніемъ; многажды и всю нощь безъ сна пребываше, овогда чрезъ день, овогда чрезъ два, иногда же «и пять дней не ядяше; въ мовню не хожаше, въ срачицѣ не хожаше, но власяницу на тѣлѣ своемъ ношаше; пива и меду не пьяше, на пирѣхъ и на свадьбахъ «не бываше, изъ монастыря не исхожаше; злобы ни «на коего же не держаше; ко всѣмъ любовь имѣяше. «Таковое же доброе и чистое житье ея видѣвше, мнози Болярыни, жены и вдовици и дѣвици постригошася «у ней, яко бысть ихъ числомъ и до девяноста, и «вси общее житье живяху. Княгиня же Василиса, поживши въ Черницахъ восемь лѣтъ и поболѣвши нѣколико дній, преставися ко Господу.» — Сынъ Димитрія Константиновича, Василій, ѣздившій въ Орду, прозывался Кирдяпою.

(4) См. *Псков.*, *Троицк.* и *Ростов.* — Въ *Никон.*: «Преставись Княг. Вел. *Настасья* Александрова,

«таже Княг. *Авдотья* Константинова, таже К. «Семенъ Константиновичь, а отчины своей удѣлъ и «Княгиню приказа Князю Михаилу Александровичу. «Таже преставись Княгиня Всеволожа Софея, и по«томъ самъ Князь Всеволодъ, таже братъ его К. «Андрей, таже Княгиня его Евдокія, и К. Володи«меръ Александровичь.» — Въ Смоленскѣ язва была въ 1377, 1386 и 1387 г., а во Псковѣ еще въ 1389.

(5) См. *Троицк. Лѣт.* г. 6873 (1365).

(6) Тагай выжегъ Рязань въ 1365 г. Сраженіе было подъ Шишевскимъ лѣсомъ, на Войновѣ. Тагай ушелъ съ малымъ числомъ своихъ. Не отъ сего ли Мурзы городъ Тагай получилъ имя? — Упоминаемый здѣсь Титъ Козельскій названъ въ Родословныхъ Книгахъ *внукомъ* Св. Михаила Черниговскаго (что невѣроятно по времени).

(7) По *Ростов.* Новогородцы сражались съ Двинянами, а по *Троицк.* Двиняне вмѣстѣ съ ними ходили тогда воевать къ предѣламъ Сибири.—См. *Новогород. Лѣт.*

(8) См. *Никон. Лѣт.* IV, 5 и 12. Еще въ 1365 г. К. Василій Михайловичь ходилъ съ войскомъ къ Микулину, но помирился съ Михаиломъ. — Удѣломъ Іеремеевымъ былъ *Дорогобужъ*, нынѣ село *Дорожево* въ Тверской Губерніи.

(9) См. ниже мирный договоръ сего Князя съ Димитріемъ.—См. *Троиц.*, *Никон.* и *Русск. Лѣт.* Львова.

(10) Въ Родословныхъ Книгахъ сей Василій несправедливо названъ бездѣтнымъ, вмѣсто его внука, также Василія Михайловича.

(11) См. *Никонов. Лѣт.* IV, 5, и *Больш. Чертежъ*, стр. 162. Стриковскій пишетъ (*Хрон. Литов.* кн. XII, гл. 2), что Ольгердъ съ племянниками своими, Александромъ, Константиномъ, Георгіемъ и Ѳеодоромъ Коріатовичами, близъ Синей Воды, въ Подоліи, разбивъ трехъ Князей Могольскихъ, Кутлубака Солтана, Качибейкирея и Димейтера Солтана (будто бы еще въ 1331 г.) прогналъ Татаръ въ Крымъ и за Донъ; что Коріатовичи, завладѣвъ Подоліею,

основали тамъ города *Бекоту*, Смотричь, *Каменецъ*, *Брацславъ*, *Межибожъ*, *Теребовль*, (развѣ только *возобновили?* ибо о сихъ городахъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ XI, XII, XIII вѣка) Винницу, Брезаницу, Хмѣльникъ; что Волохи избрали себѣ Георгія Коріатовича въ Господари, но отравили его въ Сочавѣ и погребли въ каменномъ Васильевѣ монастырѣ за Берладомъ, и проч. Братья Коріатовичи, недовольные послѣ дядею, прибѣгнули къ Королямъ Венгерскому и Польскому. Ѳеодоръ со многими Россіянами переселился въ Венгрію, въ Мункачъ, гдѣ, называясь тамошнимъ Герцогомъ, основалъ монастырь и церковь Греческой Вѣры (см. Базиловича Notit. Fundationis Theodori Koriatovits pro Religiosis Ruthenis in monte Csernek ad Munkaes) — Далѣе: см. Нарушевича *Таврикію*, 108, и нашей *Исторіи* Т. IV, прим. 137. — Литовцы взяли Ржевъ въ 1363 г. — О Витовтѣ см. Стриков. *Литов. Хрон.* кн. XII, гл. 10. Онъ называетъ его обыкновенно *Витольдомъ*.

(12) Князь Симеонъ убитъ въ области *Холхлъ*. Онъ былъ праправнукъ перваго Князя Стародубскаго, Іоанна Всеволодовича. — Городъ Оболенскъ (нынѣ слобода въ Калуж. Губ., на рѣкѣ Нарѣ) принадлежалъ къ древней странѣ Вятичей, и слѣдственно къ областямъ Черниговскимъ. Отецъ Константина Оболенскаго, Юрій Торусскій, въ Родословныхъ Книгахъ названъ сыномъ Св. Михаила Черниговскаго!! Довольно, что онъ происходилъ отъ Михаила. — Тростенское озеро находится въ Москов. Губ., въ Рузскомъ уѣздѣ.

(13) См. *Троицк.*

(14) См. *Лѣт. Псков.* и *Новогород.* — Въ одной краткой лѣтописи сказано: «Въ лѣто 6882 (1374) «прибѣже К. Александръ *Полотскій* въ Плесковъ.» Болѣе ничего не знаемъ о семъ Князѣ, вѣроятно, происшедшемъ отъ древнихъ Князей Рогнѣдина племени. Арнтъ, (Lief. Chr.) повѣривъ Бреденбаху, сочинившему Bellum Livonicum anni MDLVIII, пишетъ,

что *Московскій Царь* въ 1581 г. съ 300,000 воиновъ осаждалъ Нейгаузенъ.

(15) *Никонов. Лѣт.* — Имя *Золотой* Орды находится въ *Большомъ Чертежѣ*, а въ лѣтописяхъ его нѣтъ. — Посломъ Ханскимъ съ Михаиломъ (въ 1370 г.) былъ Сарыхожа.

(16) См. *Никон. Лѣт.* г. 1369, и Стриков. *Литов. Хрон.* кн. XII, гл. 3. — Ольгердъ приступилъ къ Волоку 26 Ноября 1370 г.: *Никон. Лѣт.* ставитъ здѣсь годъ 1371, начиная его съ Сентября мѣсяца; а современные Лѣтописцы все еще продолжаютъ оный до Марта. — Вопреки Родослов. Книгамъ, Березуйскіе происходятъ не отъ Юрія Святославича Смоленскаго, княжившаго при сынѣ Донскаго.

(17) До Петрова дни. — О замыслахъ Ордена см. *Никон. Лѣт.* IV, 28. Тамъ же о тогдашней зимѣ.

(18) *Никон. Лѣт.* г. 1371. — Сарыхожа уѣхалъ отъ Михаила съ Мологи, а Михаилъ возвратился въ Тверь чрезъ Бѣжецкъ Маія 23.

(19) Съ Димитріемъ поѣхалъ въ Орду Князь Андрей Ростовскій.

(20) См. *Троицк.* — Такая же засуха была и въ 1384 г. Въ *Никон.* сказано, что Михаилъ, взявъ и Кострому, оставилъ тамъ своихъ Намѣстниковъ.

(21) Когда Мамай, передъ Донскою битвою, объявилъ Димитрію, чтобы онъ платилъ Хану дань временъ Чанибековыхъ, тогда Великій Князь отвѣтствовалъ, «готовъ платить, но единственно ту дань, въ «коей мы съ тобою условились:» слѣдственно меньшую. —Далѣе см. *Никон. Лѣт.* IV, 30, и *Троицк.* Сынъ Михаиловъ безъ сомнѣнія уже былъ свободенъ, когда Димитрій въ 1372 г. заключилъ миръ съ Ольгердомъ и Тверью подъ Любутскимъ: ибо въ договорѣ (см. ниже) не упоминается объ Іоаннѣ.

(22) Сраженіе было на Скорнищевѣ. — Войско Димитріево вышло изъ Москвы 14 Дек.

(23) Въ *Троицк. Лѣт.*: «Литва и Ляхи и Жемоть «придоша изгономъ (къ Переславлю) по Велицѣ дни «на другой недѣли во Вторникъ» (или въ Среду на

Θоминой недѣлѣ, какъ въ другихъ лѣтописяхъ) «на «заутріе по *Радуницѣ*, въ то время, егда обѣдню «поютъ.» *Радуницею* назывался, думаю, какой нибудь языческій праздникъ у нашихъ древнихъ Славянъ въ началѣ Апрѣля: ибо Пасха была въ семъ году 28 Марта.

(24) Договоръ Новогородцевъ съ Михаиломъ Александровичемъ находится въ Архивѣ Иностран. Коллегіи подъ No 8. Сверхъ обыкновенныхъ условій тамъ сказано: «безъ Новогородьскаго ти слова, Княже, «войны не замышляти... А что ти грамотъ крест-«ныхъ Новугороду съ всими городы съ Нѣмечкыми, «на тѣ ти грамоты, Княже, не наступатися; а «Новгородьской ти души блюсти.» Къ грамотѣ привѣшены двѣ печати свинцовыя: Посадникова и Тысячскаго, Матвѣя *Фалелевича*. Въ началѣ не упомянуто о Владыкѣ: «Поклонъ отъ Посадника и отъ Ты-«сячьскаго и отъ всихъ,» и проч.

(25) «Совокупишася подъ *Любутскомъ*: нынѣ село Любудское въ Калужскомъ уѣздѣ.

(26) См. сію грамоту въ *Древн. Рос. Вивліоθ.* I, 88. Кромѣ Олега и Владиміра Пронскаго (умершаго въ томъ же году по *Ник. Лѣт.*), въ ней упоминается о Князѣ Рязанскомъ *Романѣ*, для насъ неизвѣстномъ; а Кн. Димитрій Брянскій былъ сынъ Ольгердовъ. Съ Литовской стороны заключили миръ Кн. Борисъ Константиновичь, Кн. Андрей Ивановичь, Кн. Юрій Владиміровичь, Димитрій Обиручевъ, Меркурій, Петръ и Лукьянъ; а съ Московской стороны Димитрій Михайловичь (Волынскій), Иванъ Михайловичь, Дмитрій Александровичь, Иванъ Θеодоровичь.

(27) Стриковск. *Литов. Хрон.* кн. XII, гл. 3. Онъ называетъ Великаго Князя Димитріемъ *Семечкомъ* (Симеоновичемъ?) и полагаетъ, что Ольгердъ ходилъ къ Москвѣ въ 1352 году!!

(28) См. *Троицк. Лѣт.*

(29) См. сей *Исторіи* Т. III, стр. 200, и Т. IV, въ гл. XI. Въ лѣтописи Некоматъ названъ *Сурожаниномъ*: такъ именовали у насъ купцевъ торгующихъ

шелковыми тканями, привозимыми изъ Азова, отъ Генуэзцевъ: море Азовское, какъ мы уже замѣтили, называлось въ старину *Сурожскимъ*, отъ города *Сурожа* или Судака (см. ниже, примѣч. 116). Донынѣ рядъ, гдѣ продаются шелковыя матеріи, извѣстенъ въ Москвѣ подъ именемъ *Суровскаго*.

(30) Съ братьями Борисомъ и Димитріемъ Ногтемъ (см. *Троиц. Лѣт.*), и съ сыномъ Симеономъ. — Іоаннъ Васильевичь Смоленскій долженъ быть сыномъ Василія Іоанновича, брата Святославова. — Василій Васильевичь Ярославскій есть внукъ Давидовъ. Меньшій братъ сего Василія, Романъ, какъ сказано въ Родослов. Книгахъ, построилъ городъ Романовъ. — Князь Ѳеодоръ Моложскій былъ сынъ Михаила Давидовича, слѣдственно двоюродный братъ Василія Васильевича Ярославскаго. — Ѳеодоръ Бѣлозерскій внукъ Михаила и правнукъ Глѣба Васильковича, перваго Князя Бѣлозерскаго. — Михаилъ Васильевичь Кашинскій преставился въ 1373 году. — Андрей Ѳеодоровичь Стародубскій внукъ Іоанна Калистрата Стародубскаго.

(31) *Никон. Лѣт.* IV, 5.

(32) *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 78. Сія грамота находится въ Архивѣ не подлинная, и списокъ ея даже неисправенъ; а въ печатной прибавлены еще нѣкоторыя ошибки.

(33) Сихъ грамотъ три. Первая: «Отъ Посадника «отъ Михаила, отъ Тысячкого отъ Матѳея, отъ «Бояръ и отъ *Житьихъ людей*» — вмѣсто древнѣйшихъ *Огнищанъ:* см. нашей *Исторіи* Т. II, пр. 67 и Т. IV, пр. 276 — «и отъ чорныхъ людей, и отъ «всего Новагорода.» (Къ сей грамотѣ приложены одиннадцать печатей свинцовыхъ).—Вторая и третья грамоты напечатаны въ *Рос. Вивл.* I, 31, 33.

(34) См. *Троицк. Лѣт.*

(35) См. Родослов. Книги о родѣ Волынскихъ. Потомки Святополка-Михаила имѣли свои Удѣлы въ Волыніи, въ Туровѣ, Пинскѣ.

(36) См. *Сказаніе о Царствѣ Казанскомъ.* — О зна-

ченіи слова *Казань* см. Лызлова *Скиѳск. Исторію.* Онъ говоритъ, что Казань строили наши работники.

(37) Hist. des Tat. 452. — Впрочемъ и другіе новѣйшіе Ханы прилагали къ имени своему названіе *Саинъ*, которое видимъ на монетахъ Татарскихъ XIV вѣка (см. St. Petersburg. Journ. г. 1781, II, 34).

(38) « А *Дарагу* и таможника посадиша.» Въ ярлыкахъ Ханскихъ часто упоминается о чиновникахъ-*Дарагахъ* или собирателяхъ пошлины.

(39) Въ *Нижегор. Лѣт.* Симеонъ названъ *Димитріевичемъ.*

(40) См. *Никон. Лѣт.* IV, 51.

(41) Абульгази (Hist. des Tat. 495) говоритъ, что Ханъ Фулатъ, который господствовалъ между Яикомъ и Сыромъ, имѣлъ сына Arab-Schah, вѣроятно, сего Арапшу. — См. *Лѣт. Нижегор.*

(42) Имя *Окольничаго* произошло отъ слова *около*: то есть, сіи чиновники были *около* Государя. Изъясненія Татищева несправедливы. Окольничій могъ быть и воиномъ и судьею и Министромъ, уступая въ старшинствѣ однимъ Боярамъ. — Упоминаемый здѣсь Даніилъ Пронскій намъ неизвѣстенъ по Родослов. Книгамъ.

(43) Кн. Моис. IV, 14, 10. — См. *Троицк.*

(44) «Княгиня же Іуліанія, видя мужа своего, Олгер«да, послѣднее дышуща, и зѣло печаловашеся о его «спасеніи, и созва сыны своя, и отца своего духов«наго призва, Давида Архимандрита Печерскаго, и «увѣща своего мужа, и Божіемъ поспѣшеніемъ спо«доби его святаго крещенія.... и святою Схимою «того украсивше... и по малѣхъ днехъ преставися, «и положиша тѣло его въ церкви Пресв. Богороди«цы въ Вилнѣ, юже *самъ созда.* По семъ же супруж«ница его Іуліанія преставися, и въ той же церкви «погребоша тѣло ея... Бысть у Олгерда отъ пер«выя жены 5 сыновъ: Корибутъ, Скиригайло, Кири«сайло, Свитригайло, Минигайло; отъ вторыя жены «7 сыновъ: Андрей Полоцкій, Владиміръ Бѣльскій «(послѣ Кіевскій), Иванъ Острожскій, Яковъ (Ягайло),

«Легбенъ (Лугвеній) Волынскій, Василій Черторижскій, Оленко (Олелько) Кіевскій.» Стриковскій же называетъ сыновей первой Олгердовой супруги такъ: Владиміръ, Іоаннъ Зедзевитъ Подольскій, Симеонъ Лингвеній Мстиславскій, Вигунтъ, Андрей Полоцкій, Константинъ Чарторійскій, Өеодоръ Сангуско; а сыновей Іуліаніи: Ягайло-Владиславъ, Скиргайло-Казиміръ, Свидригайло-Болеславъ, Корибутъ-Димитрій, Димитрій, Вигунтъ-Василій.

Далѣе въ лѣтописи: «Того же году (1347) убіенъ «бысть отъ Олгерда Круглецъ, нареченный во св. «крещеніи Евстафій, за Вѣру Христіанскую, и по«ложенъ бысть у Св. Николы въ Вильнѣ со сродни«ки своими во гробѣ, съ великими Мученики Анто«ніемъ и Іоанномъ, иже пострадаша за правовѣрную «же Вѣру.» См. ихъ житіе въ Минеяхъ, Апр. 14; см. также Стриков. *Литов. Хрон.* кн. XII, гл. 3. Кестутій призналъ Ягайла Великимъ Княземъ Литовскимъ; свѣдавъ же тайныя злоумышленія сего неблагодарнаго племянника, плѣнилъ его въ Вильнѣ; но возвратилъ ему свободу и далъ Княжество Витебское, оставивъ за собою Литву. Вѣроломный Ягайло скоро нашелъ способъ заманить дядю въ сѣти, и Кестутій былъ удавленъ въ темницѣ.

(45) Князь Волынскій, ходившій на Литву съ Владиміромъ, былъ Димитрій Михайловичь, супругъ сестры Великаго Князя, Анны.

(46) То есть съ правомъ рѣшить дѣла тяжебныя и пользоваться доходами.

(47) См. *Степен. Кн.* I, 465, и *Новогород. Лѣт.*

(48) См. житіе Св. Сергія въ *Никон. Лѣт.* IV, 233. Далѣе въ *Троицк.* г. 6885.

(49) «Тое же зимы, промежу говѣнья, Февр. во 12, въ «Пятокъ, въ Завытреную годину, преставися Преосв. «Алексій Митрополитъ всея Руси, въ старости честнѣ «и глубоцѣ, бывъ въ Митрополитѣхъ лѣтъ 24, и поло«женъ бысть на Москвѣ въ церкви Св. Архангела Миха«ила, честнаго его Чуда, иже самъ созда обчій мона«стырь... Бяху же Епископи ставленья его Игнатій Ро-

«стовскій, Василій Рязанскій, Θеофилактъ Смоленскій, «Иванъ Сарайскій, Парθеній Смоленскій, Филимонъ Ко-«ломенскій, Петръ Ростовьскій, Θеодоръ Тферьскій, «Нафанаилъ Брянскій, Аθанасій Рязанскій, Алексій Су-«ждальскій, Алексій Новогородьскій, Василій Тферьскій, «Данило Суждальскій, Матθей Сарайскій, Арсеній Ро-«стовскій, Евфимій Тферьскій, Діонисій Суждальскій, «Герасимъ Коломенскій, Григорій Черниговскій, Данило «Смоленскій... Бысть всѣхъ лѣтъ житія его 85; и за-«повѣда Князю Великому положити внѣуду церкви за «олтаремъ, конечнаго ради смѣренья. Князь же Вел. «не всхотѣ положити кромѣ церкви таковаго госпо-«дина честна Святителя, но въ церкви близъ олтаря «положиша его. Князь же Вел. самъ стояше надъ «нимъ, такоже и братъ его, К. Володимеръ Андр., «К. Василій, сынъ Кн. Великаго, шести лѣтъ су-«щу ему, а Князю Юрью Дмитріевичу три лѣтъ «сущу.»—Въ Синод. библ., No 473, въ собраніи ра-зныхъ твореній есть списокъ грамоты Алексіевой.

(50) См. *Троицк. Лѣт.*

(51) См. тамъ же.

(52) Сей ярлыкъ напечатанъ, вмѣстѣ съ другими, въ *Древн. Рос. Вивліоθ.*—Содержаніе онаго есть то, что Ханъ, слѣдуя законамъ предковъ, освободилъ церковныхъ людей въ Россіи отъ всякой дани, съ условіемъ, чтобы Митяй или Михаилъ, будущій Митрополитъ, молился за него Богу, и проч.

(53) Великій Князь по *Троицк.*, *Ростов.* и всѣмъ лѣтописямъ, кромѣ *Никонов.*, послалъ за Кипріаномъ уже во время Царя Тохтамыша, и Кипріанъ пріѣхалъ въ Москву въ 1381 году.

(54) О Буртанахъ или Буртасахъ говоритъ Карпинъ Brutaques qu'on tient être Juifs, et qui portent la tête toute rase (см. Бержерон. изд. стр. 8). Донынѣ находится много Жидовъ въ землѣ Черкесской; а Буртанами называется теперь особенный, неизвѣстнаго происхожденія народъ между Кубанью и Актаромъ, богатый мѣдью и серебромъ. — Генуэзцы всегда именуются въ нашихъ лѣтописяхъ Фрягами.

(55) См. выше, стр. 38.

(56) См. *Ростов. Лѣт.* — Мы имѣемъ два описанія сей войны: одно дѣйствительно историческое и современное, находящееся въ *Ростов.* и другихъ достовѣрныхъ лѣтописяхъ, а другое напечатанное съ разными отмѣнами въ Кіевскомъ *Синопсисѣ* и въ *Никон. Лѣт.*, баснословное и сочиненное, можетъ быть, въ исходѣ XV вѣка *Рязанцемъ, Іереемъ Софроніемъ*, какъ то именно означено въ одномъ спискѣ его, хранящемся въ Библіотекѣ Графа Ѳ. А. Толстаго подъ титуломъ: *Исторія или повѣсть о нашествіи безбожнаго Царя Мамая съ безчисленными Агаряны*, и проч. Не говоря о сказочномъ слогѣ, замѣтимъ явную ложь въ сей второй повѣсти. Тамъ сказано, что Димитрій, готовясь къ походу, совѣтовался въ Москвѣ съ Кипріаномъ Митрополитомъ; что онъ прикладывался къ образу Св. Богоматери, написанному Евангелистомъ Лукою, и что въ Донскомъ сраженіи убито *восемь* или даже *пятнадцать* Князей Бѣлозерскихъ: но Кипріана еще не было тогда въ Москвѣ (см. выше примѣч. 53) — образа написаннаго Лукою, также (см. ниже стр. 142) — и Кн. Ѳедоръ Романовичь Бѣлозерскій, убитый на Дону вмѣстѣ съ сыномъ, не имѣлъ иныхъ родственниковъ, кромѣ брата, именемъ Василія, коего сыновья сдѣлались, уже *гораздо послѣ*, родоначальниками Князей Андомскихъ, Кемскихъ, Бѣлосельскихъ и другихъ (см. *Родосл. Книгу*, II, 163.) Кн. Щербатовъ и Штриттеръ повторили сію сказку. Слѣдуя во всемъ *Рост. Лѣтописцу*, мы впрочемъ не отвергаемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ вѣроятныхъ и сбыточныхъ, въ ней находящихся: ибо думаемъ, что Авторъ ея могъ пользоваться преданіями современниковъ.

(57) Прежде они назывались *Дѣтскими* или *Отроками Боярскими*.

(58) Лѣт. Синодал. библіот. No 365.

(59) См. *Никон. Лѣт.* IV, 99 и 100, и Синодал. лѣт. No 365, *л.* 203 на обор.

(60) Такъ въ *Ростов. Лѣт.* Въ *Никон.* сказано, что

Св. Сергій далъ имъ «крестъ Христовъ, нашитый «на Схимахъ.» О сихъ Димитріевыхъ сподвижникахъ упоминается и въ житіи Св. Сергія.

(61) Ворота давно задѣланныя, первые отъ Флоровскихъ или Спасскихъ къ Москвѣ рѣкѣ. Нынѣшнія башни Кремлевскія строены уже при Вел. Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ въ исходѣ XV вѣка, но сохранили имена древнѣйшихъ, то есть построенныхъ Донскимъ.

(62) Такъ въ *Ростов Лѣт.;* а по Никоновской сказкѣ Ольгердовичи соединились съ Димитріемъ уже близъ Дона на мѣстѣ Березѣ. Они названы пасынками второй жены Ольгердовой, будто бы *Анны* (вмѣсто Іуліаніи), воспитавшей ихъ въ Христіанской Вѣрѣ. См. *Синод. Лѣт.* № 365, *л.* 210.

(63) См. *Ростов. Лѣт.* Послѣ того Димитрій идетъ въ церковь и принимаетъ благословеніе Епископа Коломенскаго, Герасима.

(64) Въ сказкѣ о войнѣ Мамаевой подробно описывается замѣшательство Олега, гнѣвъ Ягайла (будто бы уже Католика) на Князя Рязанскаго, и пр.

(65) См. въ Синодал. Лѣт. № 365, *л* 217.

(66) Въ Синодал. Лѣт. № 365, и въ *Никон.* сказано, что сей Воевода, Димитрій Боброкъ, пріѣхалъ тогда къ Вел. Князю съ Ольгердовичами; но онъ есть самый тотъ, который въ 1371 г. разбилъ Олега, а послѣ ходилъ въ Болгарію: зять Вел. Князя, Дим. Мих. Волынскій Бобpоковъ (см. *Родословн. Книгу*, II, 85).

(67) Синодал. Лѣт. № 365, *л.* 220. Тутъ сказано, что сіе происходило еще на канунѣ битвы; но Димитрій, по *Ростов. Лѣтописцу*, распорядилъ войско въ самый ея день, перешедши за Донъ, въ *Ординскую землю*. Слѣдующую басню выписываемъ для любопытныхъ изъ *Никон. Лѣт.*, *Синопсиса* и другихъ.

«Рече Дмитрей Волынецъ Вел. Князю: повѣмъ «тебѣ, Княже, примѣту свою искусную; уже бо долго «нощи вечерняя заря потухла. Князь же Великій поимъ «съ собою брата Володимера и Литовскіе Князи еди-

«ны, и выѣхаша на поле Куликово, и ставъ посреди «обоихъ полковъ, и обратися на полкъ Татарской и «слыша стукъ великъ и кличь, аки торги снимают-«ся, аки гради зиждуще, аки трубы гласяще. И бысть «назади ихъ грозно волци воюще. По десной же стра-«нѣ вороии кличють, и бысть гласъ великъ птичь; «вранове же играють по рѣцѣ той по Непрядвѣ; гу-«си и лебеди, непрестанно крылѣ плещуще, необыч-«ную грозу подають. И рече Волынецъ: *слышасте ли* «*сія? обратитеся на полкъ Русскій.* И бысть ти-«хость велика... токмо огневи мнози и заря снима-«хуся... И сниде (Волынецъ) съ коня и паде на дес-«ное ухо и приниче на землю, и предлежа на долгъ «часъ, и воста, и абіе пониче. И рече ему Князь «Великій: что есть, брате? Онъ же не хотѣ ска-«зати. Князь же много нудивъ его; онъ же рече: «едина ти есть на пользу, а другая не на пользу. Слы-«шахъ землю плачущуся на двое: едина страна аки «вдовица нѣкая, а другая аки дѣвица, аки свирѣль... «Азъ чаю побѣды, а нашихъ много падетъ. Князь же «Великій прослезися. И рече Волынецъ: не подобаетъ «сего въ полцѣ повѣдати никому же... Выѣде изъ «полку Татарск. Печенѣгъ, богатырь великъ зѣло и «никто же не смѣяше противу его. Тогда Пересвѣтъ «Чернецъ, *Любчанинъ* (по *Ростов. Лѣт.* Брянчанинъ) «родомъ, иже бѣ въ полку у Владимера у Всеволожа, «двигся изъ полку вонъ и рече: азъ хощу съ нимъ «видѣтися. И бѣ на немъ шеломъ Архангельскаго обра-«за, вооруженъ бѣ Скимою; и рече: отци и братія! «простите мя грѣшнаго, и братъ мой Ослябя моли «Бога за мя... И напусти на Печенѣга, и рече: Игу-«менъ Сергій помози молитвою своею. Крестьяне же «вси воскликнуша: Господи помози рабу своему! и «ударишась крѣпко; мало что земля подъ ними не «проторжесь; и спадоша съ коней оба и умроша.»

(68) Синодал. Лѣт. № 365, *л.* 26, и *Ростов. л.* 370.

(69) Древняя наша верста состояла изъ 1000 саженей, какъ показано въ старинныхъ Русскихъ Ариѳметикахъ.

(70) См. Синодал. Лѣт. No 365 и *Ростов.*

(71) См. Синодал. Лѣт. No 365. Нѣмецкій Историкъ Кранцъ, писавшій свою *Вандалію* въ концѣ XV вѣка, говоритъ о сей Донской битвѣ (Wandal, кн. IX, 207). — См. Линденблатову рукоп. Нѣмецкую Хронику, которая идетъ до 1420 г. — Въ *Больш. Чертежѣ* 161: «Вверхъ по рѣкѣ Бокгу (Бугу) 50 верстъ (отъ «его устья) пала въ Бокгъ рѣчка Синяя Вода, а (на «ней) городъ Синяя Вода, 70 верстъ отъ Бокга.» Но Непрядва и Донъ такъ не назывались.

(72) Въ приходск. церкви Рождества Богоматери, разбирая колокольню сей церкви, называемой *Старымъ Симоновымъ* (ниже прим. 106), въ царствованіе Екатерины II нашли древнюю гробницу подъ камнемъ, на коемъ были вырѣзаны имена Осляби и Пересвѣта: нынѣ она стоитъ въ трапезѣ; а камень закладенъ въ стѣнѣ. Въ *Арханг. Лѣт.* сказано, что Ослябя также убитъ въ Донскомъ сраженіи, вмѣстѣ съ богатыремъ Григоріемъ Капустинымъ, и что Вел. Князь, стоявъ 8 дней на мѣстѣ битвы, велѣлъ тѣла нарочитыхъ людей везти къ Москвѣ въ колодахъ.

(73) Между 18 и 26 числомъ Октября.

(74) Въ особенной исторіи Высоцкаго Серпуховскаго монастыря (см. *Опытъ Историч. Словаря монаст.* стр. 82) хранящейся въ сей Обители, именно сказано, что Владиміръ былъ прозванъ *Храбрымъ.*

(75) По *Никон. Лѣт.* и другимъ В. Князь прибылъ съ Куликова поля въ Коломну 21 Сент., отдыхалъ тамъ 4 дни, былъ встрѣченъ Митрополитомъ въ Андроньевѣ монастырѣ, Великою Княгинею во Флоровскихъ воротахъ, молился съ нею въ Соборахъ, вошелъ наконецъ *въ свое знамя въ бережные сѣни*, ѣздилъ изъ Москвы вь Троицкую Лавру и заставилъ Св. Сергія отслужить панихиду за избіенныхъ на берегу Дона.

(76) См. *Древн. Росс. Вивліоѳ.* I, 90. Сія грамота есть списокъ, а не подлинникъ. Въ началѣ упоминается о Митрополитѣ *Кипріанѣ*, а послѣ о *Дон-*

скомъ сраженіи: слѣдственно она писана въ 1381 или въ 1382 г., т. е. прежде изгнанія Кипріанова.

(77) См. Абульгази Hist. des Tatars и Эрбелот. Bibliotb. Orient. подъ словомъ Timour. — Урусъ царствовалъ до 1360 г.

(78) См. *Троицк. Лѣт.*

(79) См. *Рост. Лѣт.*

(80) См. тамъ же.

(81) Въ *Ростов.* «друзіи же *тюфяки* пущаху на «ня, иніи изъ самострѣлъ стрѣляху, и пороки шибаху, иніи *пушки* великія пущаху.» *Тюфяками* и *пушками* назывались тогда, какъ надобно думать, особенныя махины, употребляемыя для защиты городовъ.

(82) См. *Архангельск. Лѣт.*

(83) См. *Троицк. Лѣт.*

(84) См. *Ростов. Лѣт.*

(85) Въ *Арханг. Лѣт.* сказано, что Владиміръ побилъ 6000 Татаръ. — Коломенскій Епископъ Герасимъ уѣхалъ тогда въ Новгородъ. — Тохтамышъ, выходя изъ Россіи, вмѣстѣ съ посломъ своимъ отправилъ къ Димитрію Констaнтиновичу Суздальскому сына его, Симеона Димитріевича, а другаго сына, Василія Димитріевича, взялъ съ собою въ Орду.

(86) См. *Троицк. Лѣт.*

(87) Такъ въ *Ростов.*, а по *Троицк.* вдвое менѣе.

(88) Михаила Морозова и Симеона Тимоѳеевича. Кипріанъ выѣхалъ изъ Твери Окт. 3, а пріѣхалъ въ Москву Окт. 7.

(89) См. *Троицк.*—*Деревня* означала прежде *одно* жилище крестьянское и состояла обыкновенно изъ малаго числа дворовъ: въ доказательство привожу слѣдующія мѣста изъ книги Помѣстнаго Приказа XVI вѣка, найденной мною въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ: «По старому письму деревня два двора, «три человѣка. — Всѣхъ деревень по старому пись«му 15, а дворовъ въ нихъ 40 и 8, а людей 50 и 3 «человѣка. — Деревень по старому письму 21, а «дворовъ въ нихъ 45, а людей 48, а *обежъ* 47, а *сохъ*

«16 безъ трети.» *Обжею* называлось тягло; въ каждой считалась треть *сохи*. Слово *полтина* происходитъ отъ глагола *располоть*: ибо она состояла изъ половины рубля или серебрянаго прута, *вдоль* раздвоеннаго. Въ семъ смыслѣ донынѣ употребляется слово *полоть* (ветчины) и *полотокъ*.

(90) Димитрій въ условіяхъ съ К. Владиміромъ Андреевичемъ (ниже, прим. 101) говоритъ: «а оже ны Богъ ослободитъ изъ Орды.»

(91) См. *Ростов. Лѣт.* — Въ сіе время только однажды (въ 1377 г.) ходили Новогородцы за границу къ Нѣмецкому (Шведскому) Новому городку на Овлѣ (въ *Ростов.* Олвѣ) рѣкѣ: думаю Нейшлоту или Олофсбургу, хотя Бишингъ и говоритъ, что сей городъ построенъ уже въ 1475 г.

(92) Городъ Хазиторокань или Астрахань есть, можетъ быть, древній Ашель или Балангіаръ (см. сей *Исторіи* Т. I, стр. 42). Въ старыхъ Грузинскихъ Исторіяхъ Астрахань именуется *Хозаремъ*, какъ пишетъ Грузинскій Царевичь Сакаръ Вахтанговичь въ отвѣтахъ на вопросы Г. Татищева, бывшаго Астраханскимъ Губернаторомъ. Сіи отвѣты, писанные въ 1743 г., найдены мною въ бумажникахъ Г. Миллера, хранящихся въ Арх. Иностр. Кол. No 316. Послѣ Козаръ господствовали Ясы отъ устья Волги къ Дербенту и далѣе. — Сообщимъ здѣсь и другіе замѣчательные отвѣты упомянутаго Царевича: «Имя *Грузіи* извѣстно только Россіянамъ. Мы на«зываемъ свое отечество *Картли*, по имени *Кар«тлоса*, нашего праотца, сына Ноева. Персіяне на«зываютъ Грузію *Гургистаномъ*, Дагестанцы *Гур«жемъ*, Греки *Георгіею*, отъ Св. Великомученика «Георгія, коему Богъ особенно поручилъ защиту «оныя. Картлосъ имѣлъ 6 сыновей: Мцхетоса, Кахоса, «Бардоса, Кавказоса, Лесгоса и Егроса, коихъ име«нами назывались разные предѣлы. Отъ чего роди«лось имя Кабарды, неизвѣстно. Она принадлежала «нѣкогда Грузинскимъ Царямъ, исповѣдуя Вѣру Хри«стіанскую, истребленную Татарами и Князьями

«вышедшими изъ Египта (Аравитянами).»

(93) См. *Ростов. Лѣт.*

(94) См. тамъ же, и Длугоша Hist. Polon. кн. X, 108, и Стриков. *Хроник. Литов.* кн. XIII, гл. 5.

(95) См. *Ростов. Лѣт.*

(96) См. Кранц. Wandalia г. 1382, Кельх. Liefländ. Gesch., *Псков. Лѣт.* и *Ростов.* Въ Кенигсберг. Архивѣ есть харат. списокъ грамоты Андреевой, коею онъ въ 1385 г. торжественно уступилъ все *Полоцкое* Княжество Рыцарямъ Ливонскимъ, съ условіемъ, чтобы ему и наслѣдникамъ его княжить тамъ въ качествѣ Орденскихъ присяжниковъ. Слова сей грамоты: de regno Ploscoviensi, regnum in Plockow, заставили думать ученаго Геппига, что здѣсь рѣчь идетъ о *Псковѣ.* См. между моими Кенигсберскими бумагами No 280.

(97) См. *Ростов. Лѣт.* То же говоритъ и Стриковскій, кн. XIII, гл. 4. Линденблатъ въ своей Хроникѣ (выше примѣч. 71) пишетъ, что Литовцы, убивъ *Короля* Смоленскаго, взяли въ плѣнъ *четырехъ* сыновей его, въ 1386 г., а не въ 1387, какъ означено въ *Ростов. Лѣт.*

(98) Въ *Ростов. Лѣт:* «въ Подольскую землю, въ «Великіе Волохи, къ Петру Воеводѣ.» Слѣдственно и Молдавію называли у насъ Подольскою землею.

(99) См. *Нижегородск. Лѣтоп.* и въ концѣ харатейнаго Пушкинскаго Несторова списка.

(100) См. *Ростов.* и *Никон. Лѣт.*

(101) См. договорн. грамоту въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 94. Въ сей грамотѣ упоминается о Боярахъ *Путныхъ*: такъ назывались Бояре, коимъ давались земли съ правомъ собирать на *путяхъ* или дорогахъ пошлину.

(102) См. *Никонов.* подъ годомъ 6889. — Въ Архивѣ (см. *Др. Рос. Вивл.* I, 86 и 100) хранятся двѣ духовныя грамоты Димитріевы: одна безъ начала, писанная еще при Алексіи Митрополитѣ между годами 1371 и 1377 (ибо въ ней уже говорится о Василіи Димитріевичѣ), а вторая на длинномъ харатейномъ свиткѣ, сочиненная передъ смертію Великаго

Князя; первая съ печатію Св. Алексія, на коей изображена Богоматерь, и съ Княжескою (обѣ серебряныя, вызолоченныя): другая же только съ печатію Димитріевою, на коей вырѣзанъ образъ Св. Димитрія Селунскаго и слова: *Князя Вел. Дмитрія Ивановича всея Руссіи.*

(103) Въ лѣтописяхъ сказано, что у Димитрія былъ еще старшій сынъ Даніилъ, но скоро умеръ. Пятый сынъ, Іоаннъ, скончался черезъ нѣсколько дней послѣ отца. — Марія была жена Вас. Васил. Веніаминова и мать казненнаго Ивана Васильевича. О Константинѣ Димитріевичѣ см. ниже, пр. 106.

(104) Они такъ названы въ лѣтописяхъ: Димитрій Михайловичь, Тимоѳей Васильевичь, Іоаннъ Родіоновичь, *Димитрій Константиновичь*, Симеонъ *Іоанновичь*, Іоаннъ Ѳедоровичь, *Никита* Ѳедоровичь, *Ѳедоръ* Андреевичь, Іоаннъ Ѳеодоровичь *Квашнинъ*—почти всѣ тѣ же, которые были свидѣтелями Димитріева завѣщанія.

Описываемыя здѣсь подробности взяты изъ *Слова о житіи и о преставленіи Вел. Кн. Димитрія Іоанновича Московскаго.* Оно, какъ твореніе современное, внесено въ *Ростовскую* и другія лѣтописи.

(105) Димитрій въ своихъ договорныхъ грамотахъ пишетъ, что Князья Ростовскіе и Ярославскіе съ *нимъ одинъ человѣкъ:* то есть, они признавали его своимъ верховнымъ Государемъ, хотя и пользовались наслѣдственными правами Князей Владѣтельныхъ до самыхъ временъ Іоанна III. О сихъ потомкахъ Св. Ѳеодора Ростиславича Чернаго сказано такъ въ *Родословной Книгѣ*: «У К. Ѳеодора Чернаго два сына, «Давидъ и Константинъ, прозвищемъ Улемцъ. У «Давида 2 сына: К. Василій, прозвищемъ Грозной; «служилъ въ Ордѣ, а былъ на большомъ Княженіи «на Ярославлѣ; да К. Михайло сѣлъ на удѣлѣ на «Молозѣ. У К. Василія 3 сына: Василій, а былъ по«слѣ отца на большомъ Княженіи на Ярославлѣ; да «К. Глѣбъ, да Романъ: тотъ Романовъ городокъ «поставилъ. У К. Василія Васильевича 5 сыновъ:

«К. Иванъ, да К. Ѳедоръ, который послѣ отца «былъ на большомъ Княженьи на Ярославлѣ; да К. «Семенъ Новленской, да К. Дмитрій Заозерской, да «К. Воинъ.»

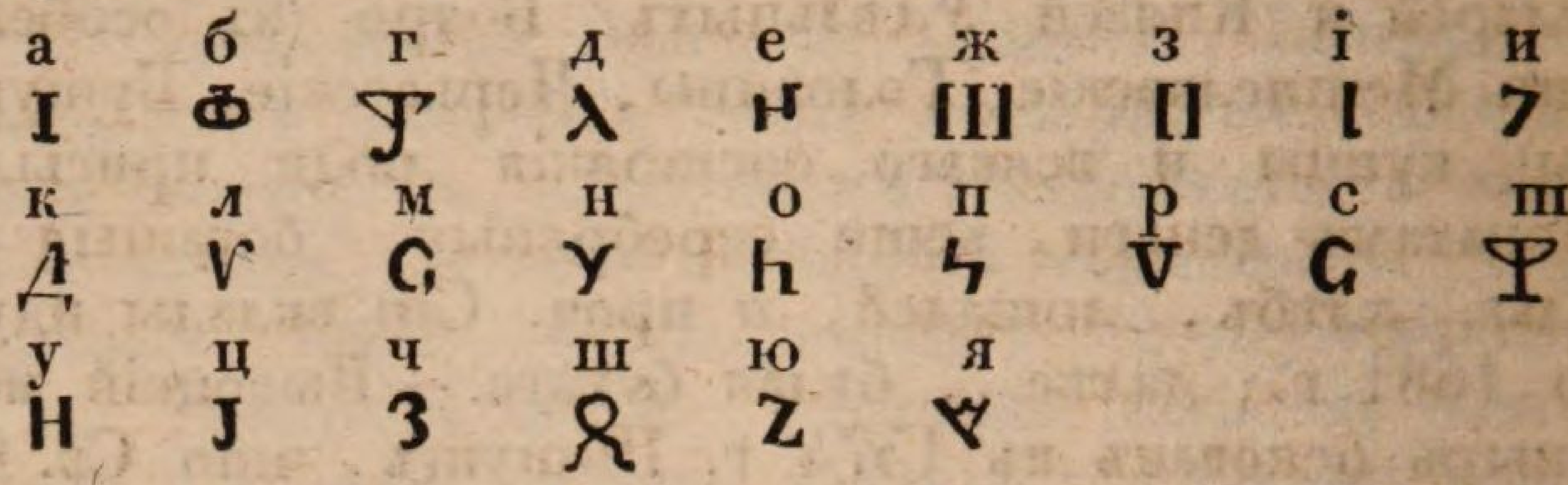
(106) Сынъ брата Сергіева, Стефана, Іоаннъ, на 13 году отъ рожденія былъ постриженъ дядею, названъ Ѳеодоромъ, сподобился Священства и вздумалъ основать для себя особенный монастырь. Сергій желалъ, чтобы онъ по кончинѣ его игуменствовалъ въ Троицкой Лаврѣ; однакожь далъ ему благословеніе и вмѣстѣ съ нимъ избралъ мѣсто для новой обители близъ Москвы, называемое *Симоновымъ*, гдѣ Ѳеодоръ построилъ каменную церковь во имя Успенія Богоматери. Митропол. Алексій поставилъ сего добродѣтельнаго Инока въ Игумены, а Патріархъ Нилъ (въ 1383 г.) въ Архимандриты. «Нилъ, бесѣ«довавъ съ нимъ любезно, зѣло возлюби его и учини «монастырь Симоновскій во имя Патріарше, и гра«моты свои даде Ѳеодору, дабы Митрополиту не «владѣти Симоновскимъ ничимъ.... По малѣ же време«ни Великій Князь и Святитель умолиша Ѳеодора, «дабы былъ Епископъ граду Ростову... и бывшу «ему въ Царѣградѣ, даде ему Антоній Патріархъ «честь велію называтися *Архіепископомъ* Ростов«скимъ: изначала же тамо Епископи быша до лѣта «6898» (1390).—Въ Симон. монастырѣ хранится такъ называемая *Кормовая Книга* съ надписью Іосифа Патр. Москов. и всея *Русіи*. Въ сей книгѣ сказано: «Далъ Кн. Константинъ, Инокъ Касіянъ, Доньскаго «сынъ, въ Ржевскомъ уѣздѣ во своемъ селѣ въ Сижкахъ «по вся годы по 20 кадей ржи, да по 10 кадей овса, «да по 5 кадей пшеницы, да по 10 сыровъ, да по «пуду масла по своей душѣ на поминокъ.» Слѣдственно Кн. Константинъ Димитріевичь скончался Инокомъ Симонова монастыря: чего мы не знали. По сей книгѣ извѣстенъ день его смерти: Маія 9. — Вел. Кн. Василій Васильевичь и наслѣдники его также дарили сію Обитель, а всѣхъ болѣе Царь Іоаннъ Васильевичь. Однажды прислалъ онъ 15 руб. и на *Старое Симо-*

ново, гдѣ нынѣ приходская древняя церковь Рождества Богоматери (выше, прим. 72). Вѣроятно, что тамъ былъ застроенъ Симоновъ монастырь, а послѣ перенесенъ на его нынѣшнее мѣсто. — Кромѣ Государей и Князей Удѣльныхъ, Бояре (въ особенности Мстиславскіе, Головины, Черкасскіе, Бутурлины) купцы и всякаго состоянія люди присылали Монахамъ деньги, вещи серебряныя, богатыя одежды, хлѣбъ, лошадей, и проч. Сіи вклады идутъ до 1681 г.; далѣе... бѣлая бумага. — Высоцкій монастырь основанъ въ 1374 г. Пишутъ, что Св. Сергій пришелъ изъ Троицкой Обители въ Серпуховъ пѣшкомъ: ибо, желая трудовъ, не любилъ ѣздить. — Въ 1379 г. онъ учредилъ еще монастырь на рѣкѣ Дубенкѣ по волѣ Вел. Князя (*Троицк. Лѣт.*), назвавшаго оный своимъ *присным* монастыремъ. Въ житіи Сергія сказано, что Димитрій передъ битвою съ Мамаемъ обѣщался посвятить сію новую Обитель Богоматери. Первымъ Игуменомъ былъ въ ней Леонтій (а не Савва) Іерей Троицкаго монастыря. Объ Аѳанасіи см. *Троицк. Лѣт.*

(107) См. выше, стр. 52, также *Ростов.* и *Троицк.*

(108) См. *Ростов.* г. 1375, также *Никон. Лѣт.* IV, 46, и Св. Димитрія *Розыскъ*. — О Діонисіи см. *Новогород.* и *Никон. Лѣт.* г. 1382. Въ *Розыскѣ* напечатана грамота Патріаршая ко Псковитянамъ; но Патріархъ названъ въ ней Филоѳеемъ, который умеръ еще въ 1376 г. Другая извѣстная намъ грамота о Стригольникахъ (см. *Посланіе Рос. Митрополитовъ*, въ Синод. библ. No 164, *л.* 316) писана отъ имени Патріарха *Антонія*, правившаго Константинопольскою Церковію отъ 1387 до 1396 г. Тамъ сказано: «Посла наше смиреніе и Великій Сборъ боголюбив. Архіепископа Суждалскаго Діонисія къ вамъ «съ грамотами (къ Псковитянамъ), мужа честна и благочестива, и священныхъ каноновъ *извѣстахранителя*.» и проч. — Посланія Митропол. Фотія къ Псковитянамъ доказываютъ, что ересь Стригольниковъ была и въ его время (см. ниже, примѣч. 261).

(109) Въ Архивскихъ бумажникахъ Миллера, No 199 я нашелъ сію любопытную азбуку, взятую изъ древней рукописи о житіи и дѣлахъ Стефановыхъ. Вотъ сіи буквы:

Пермскія ихъ имена: *Анъ, Баръ*, *Гай*, *Дой*, *Е*, *Жой, Зата*, *И*, *Коке*, *Лей*, *Мено*, *Нено*, *О*, *Пей*, *Рей*, *Си*, *Тай*, *Цю*, *Чоры*, *Шой*, *Ю*, *Я*. Въ другомъ спискѣ сей азбуки еще прибавлены ъı, Є, ꙍ, и нѣкоторыя буквы изображены иначе. — Герасимъ былъ Намѣстникомъ Митрополіи послѣ кончины Митяевой. — Всѣ подробности взяты мною изъ житія Стефанова; (см. *Минеи Чет*. Апр. 26; см. также *Степ. Кн*. I, 524 — 525, и *Рост. Лѣт*. подъ год. 1396). Отецъ Стефана, прозваннаго *Храпомъ*, именовался Симеономъ, а мать Маріею. Арсеній, Еписк. Ростовскій, посвятилъ его въ Діаконы, а Герасимъ Коломенскій въ Священники. Древній Ростовскій монастырь Григорія Богослова уже не существуетъ нынѣ. — Въ *Степен. Кн*. такъ именованы народы Перміи и другихъ окрестныхъ земель: «Двиняне, «Устюжане, Вилежане, Вычегжане, Пенежане, Южа«не, Серьяне, Гангане, Вятчане, Лопь, Корела, «Югра, Печера, Вогуличи, Самоядь, Пертасы, Пермь, «Гамаль Чюсовая.» Объ идолѣ *Золотой Бабы* см. рукописную Новогород. лѣтопись подъ г. 1398. Гваньини Rer. Polon II, 205, и Герберштеина Rer. Moscov. Comment. 61. Объ идолѣ *Воипелѣ* упоминается въ грамотѣ Митроп. Симона къ Пермякамъ (см. *Посланіе Рос. Митрополитовъ*, въ Синод. библ. No 164).

(110) См. *Ростов*., г. 6884.

(111) См. выше, стр. 53.

(112) Здѣсь говорится въ первый разъ о Епископахъ Московскаго Звенигорода.

(113) Сіи города могли быть Рязанскіе, опустошенные Татарами.

(114) У насъ были Князья *Кривоборскіе*; но они произошли отъ Стародубскихъ.

(115) Не было ли тутъ кладбища Татарскаго? Въ *Больш. Чертежѣ* упоминается о семъ мѣстѣ такъ: «ниже устья Сосны, на Дону, *Донская беспда*, ка«менной столъ и каменные съсуды.»

(116) Сіе городище *Серкліи* (или Козарскаго *Саркела*) было слѣдственно въ землѣ Донскихъ Козаковъ, около Качалинской Станицы, гдѣ Волга и Донъ сближаются, гдѣ находилась Царицынская Линія, и гдѣ Козары всего удобнѣе могли основать крѣпость для защиты своихъ владѣній отъ Волжскихъ Печенѣговъ (см. сей *Исторіи* Т. I, пр. 87). «Пройдохомъ *устіе* Азов«скаго моря (Воспоръ Киммерійскій); въ шестый же «день въ Субботу, минухомъ Кафинскій Лимень и «Сурожъ.» Здѣсь *Сурожемъ* названъ городъ Судакъ, гдѣ въ VIII вѣкѣ Св. Стефанъ былъ Архіепископомъ; такъ называлось и море Азовское (*Воскр. Лпт.* II, 286). Далѣе путешественникъ разсказываетъ, что ихъ занесло вѣтромъ къ Синопѣ; что тамошніе граждане угостили Россіянъ пищею и виномъ; что они 15 дней пробыли въ Пандораклін, и взявъ *сандаліи*, отправились на оныхъ въ Астравію, гдѣ старались развѣдать о Турецкомъ Султанѣ Амуратѣ, который воевалъ съ Сербскимъ Царемъ Лазаремъ. Авторъ былъ въ Константинополѣ до 1391 г., и собственными глазами видѣвъ коронованіе Царя Мануила, описываетъ оное.—За тѣмъ Сочинитель описываетъ свое путешествіе въ Іерусалимъ.

(117) Сія грамота находится въ собраніи Двинскихъ.

(118) Монетъ Ханскихъ у насъ довольно въ Кабинетахъ, съ разными Татарскими надписями. На многихъ изображены орлы, павлины, лебеди, тигры, львы, всадники, человѣческія головы, и слова: «Алкабъ «Саинъ Ханъ, халеде аллагу муккугу;» то есть: «Ал«кабъ Саинъ Ханъ, коего царствованіе да продлитъ

«Божія милость» (см. Petersburg. Journ. г. 1781, Ч. II, стр. 24). Абульгази именуетъ *Саиномъ* Батыя: но можетъ быть и другіе Ханы такъ прозывались. На иныхъ вырѣзано имя Абул-Хаиръ-Хана или изрѣченія взятыя изъ Алкорана. Восемь или девять такихъ монетъ составляютъ вѣсомъ около золотника; иногда болѣе и менѣе. О тангѣ и пулѣ см. Абульгази Hist. des Tatars, 542, и Дженкинсон. Путешествіе въ Бухарію, въ *Гайклутъ* или въ Allgem. Reis. VII, 527; см. также въ Бержерон. Voyage de Marc Paul, 79, и Voyage de Mandeville, 19. Герберштеинъ сказываетъ, что въ Московской серебряной деньгѣ считалось 60 *пулъ*. Сіе имя сохранилось въ названіи *полушки*.

Въ Кабинетѣ С. П. Академіи Наукъ, у Г. Круга и Гр. А. И. Мусина-Пушкина есть нѣсколько пулъ или мѣдныхъ монетъ съ надписью: *Великаго Князя Ива... Иван...*: На серебряныхъ монетахъ Донскаго видимъ изображеніе всадника съ словами: *Великій Князь Дмит....* или птицы съ надписью: *Князя Великого Дмитрея*, и съ другою Татарскою, неясною. Мнѣ извѣстны еще двѣ монеты Удѣльныхъ Князей Димитріева времени: *Кашинская* и *Ростовская;* на первой изображенъ всадникъ, держащій на рукѣ птицу, и слова: *Князя Василья Михайлов....* а на второй человѣкъ съ сѣкирою, дерево, птица, голова какого-то звѣря и слова: *печать Княя. .. Ондр... Ф....* то есть, Андрея Θеодоровича Ростовскаго. Я видѣлъ также монеты съ словами: *Волод....* (можетъ быть, К. Владиміра Андреевича *Храбраго* или Владиміра Пронскаго и: *Князь Данило* (вѣроятно, не сынъ Невскаго, а *Борисовичъ*, К. Нижегородскій, внукъ Константиновъ). Спрашивается: *сколько* такихъ *денегъ* было въ *рублъ?* Герберштеинъ пишетъ, что при *Вел.* Кн. Василіи Іоанновичѣ считалось въ рублѣ 200 Московскихъ денегъ (см. Rer. Moscov. Comment. стр. 41; но монеты сего времени гораздо легче Димитріевыхъ: ихъ болѣе 10 въ золотникѣ. Мы говорили о вѣсѣ рублей

до 1535 г. (см. нашей Ист. Т. IV, прим. 228): Герберштеинъ цѣнитъ оные въ два червонца Венгерскіе: слишкомъ дорого по нынѣшнему отношенію серебра къ золоту! Древнія монеты, собранныя нашими любителями древностей — въ Кабинетѣ Академ., Гр. А. И. Мусина-Пушкина, Г. Круга, Ив. Петр. Бекетова, Гр. Ѳ. А. Толстаго и другихъ—раздѣляются на четыре класса: однѣ безъ надписи, съ изображеніемъ разныхъ звѣрей; вторыя съ Татарскою надписью (тѣ и другіе не наши, вопреки мнѣнію Кн. Щербатова); третьи съ Русскою и Татарскою (битыя, какъ вѣроятно, для платежа дани Ханамъ); четвертыя съ одною Русскою надписью.—Замѣтимъ, что въ Галиціи еще около 1355 г. ходили такъ называемые *Русскіе* гроши, Grossi Ruthenicales (см. Энгеля Gesch. v. Halitsch, стр. 601).

(119) Италіянецъ Полидоръ Виргилій, умершій въ 1555 г., въ книгѣ своей de Inventoribus rerum, сказываетъ, что порохъ и ружейной стволъ изобрѣтены Бартольдомъ, и что сей человѣкъ сообщилъ свое открытіе Венеціанамъ, безъ сомнѣнія не въ 1380 г., какъ многіе утверждали, а прежде, когда Эдуардъ III въ 1346 г. имѣлъ пушки, и когда во Франціи порохъ извѣстенъ былъ съ 1338 г. (см. Рапин. Hist. l'Angl. III, 196, и Даніеля Hist. de France III, 467) Нѣкоторые пишутъ, что порохъ и пушки, изобрѣтенные около XII вѣка въ землѣ Ахемской или Ашамской, употреблялись сперва въ Пегу, Китаѣ и проч. (Шульц. Gesch. des Osm. Reichs, II, 486). Авторъ XIII вѣка, Секретарь Египетскаго Царя Салеха, упоминаетъ о громѣ пушечномъ. Абу Абдала Эбнъ Алькатибъ, Испанскій Мавръ, пишетъ о снарядѣ огнестрѣльномъ Короля Гренадскаго, въ 1312 г. осаждавшаго Базу (Fortgesetzt Betracht. über die neuest. historisch. Schrift. II, 480). Пельцель въ своей Богемской Исторіи доказываетъ, что ружейный стволъ изобрѣтенъ Бераунскимъ гражданиномъ въ царствованіе Короля Іоанна, между 1310 и 1346 г. — Рогеръ Баконъ, умершій въ 1294 г. въ упомянутомъ

сочинении de nullitate magiae пишетъ такъ: «Вы можете произвести громъ и молнію, когда хотите, «если возмете сѣры, селитры, угольевъ; смѣшаете «ихъ и вложите въ какой нибудь заткнутый «стволъ,» и проч. (см. Encyclopédie подъ словомъ Poudre). — О *живомъ огнѣ* Харазскаго Турка см. нашей *Исторіи* Т. III, пр. 68. О томъ, когда и какъ вошло въ Россію искусство огнестрѣльное, нашелъ я извѣстіе въ лѣтописи Голицынской, полученной мною отъ Гр. Ѳ. А. Толстаго. Она писана полууставомъ, въ листъ, при Царѣ Алексіи Михайловичѣ. Въ ней сказано, *л.* 215: «въ лѣто 6897 вывезли изъ «Нѣмецъ арматы на Русь и огненную стрѣлбу, и «отъ того часу уразумѣли изъ нихъ стрѣляти.» За симъ слѣдуетъ описаніе нашествія Тамерланова и чудо Богоматерина образа въ 1395 г. Въ Княженіе Василія Димитріевича сгорѣло въ Москвѣ нѣсколько дворовъ отъ дѣланія пороха.

(120) См. *Троицк. Лѣт.* (см. Comètographie г. 1368 и 1382).... — Случаи Димитріева времени, о коихъ мы не упоминали: Въ 1362 г. преставились Романъ, Митроп. Литовскій и Волынскій, Даніилъ Еписк. Суздальскій и Еписк. Аѳанасій въ Костромѣ (*Ник. Лѣт.*) Въ 1363 зимою Архіеп. Моисей преставился. Въ 1365 Алексій Митроп. заложилъ въ Москвѣ кам. церковь во имя Архангела Михаила или бывшаго чуда его въ Хонѣхъ; она совершена въ то же лѣто. Митроп. Алексій отнялъ *Новогород*. Архіепископію у Владыки *Алексія* (Алексій *Суздальскій* умеръ въ 1364 г.) Въ 1367, Марта 20, скончался Тверскій Епископъ Ѳеодоръ въ Отрочѣ монастырѣ, и положенъ въ малой церкви Введенія въ одномъ мѣстѣ съ Владыкою Андреемъ. Постриглись въ Нижнемъ вдовствующая супруга Кн. Андрея Константиновича, Анастасія (по *Никон.;* тамъ же: «преставись Вел. Княгиня «*Софья* Михаила *Ярославича* Тверскаго...) Въ 1369 преставился Кн. Левъ Смоленскій. Въ 1371 у Вел. Кн. Димитрія родился сынъ Василій 30 Декабря. Въ 1373 по *Никон.* зимою преставились Князья Вла-

диміръ Димитріевичь или Ярославичь Пронскій и Іеремей Тверскій. Въ 1364 г., въ I Недѣлю Вел. поста, Митроп. Алексій поставилъ въ Москвѣ Епископомъ Суздалю Діонисія Архимандрита Печерскаго. Родился у Вел. Кн. Димитрія сынъ Юрій въ Переславлѣ, Ноября 26; крестилъ его Игуменъ Сергій при Кн. Дим. Конст. Суздальскомъ, его братьяхъ, супругѣ и дѣтяхъ, также другихъ Князьяхъ и многихъ Боярахъ. (По *Никон. Лѣт.* Митроп. Алексій поставилъ Евфимія Епископомъ Твери въ день Сорока Мучениковъ на *Средокрестной* недѣлѣ въ *Четвертокъ*, и вмѣстѣ съ посломъ Патріаршимъ, Кипріяномъ, отправился оттуда въ Переславль). Въ 1375 по *Никон.* пріѣхала изъ Литвы Кестутіева дочь, Марія, невѣста Іоанна Михайловича Тверскаго: Еписк. Евфимій окрестилъ ее въ церкви Воздвиженія и на другой день обвѣнчалъ съ Іоанномъ въ Соборной церкви Св. Спаса, къ радости Михаила Тверскаго, отца Іоаннова. Въ 1376 Кипріанъ поставленъ въ Митрополиты. Въ 1377 по *Никон.* Князь Өеодоръ *Звѣнигородскій*, мужественный великанъ, побилъ многихъ Татаръ. Сей Лѣтописецъ называетъ его сыномъ Андреяна Звѣнигородскаго, внукомъ Тита, правнукомъ Мстислава Карачевскаго, праправнукомъ Св. Михаила Черниговскаго, сказывая, что мать Өеодорова была дочь Князя Литовскаго, Гаманта, и что дядя Өеодоровъ, Святославъ Титовичь, женился на Өеодорѣ, дочери Ольгердовой отъ Тверской Княжны, а третій сынъ Титовъ, Кн. Иванъ Козельскій, на дочери Олега Рязанскаго. Въ 1379 Сент. 11, въ Воскресенье преставился сынъ Вел. Кн., Димитрія, Симеонъ. — Въ 1381 у Кн. Владиміра Андр. родился сынъ Іоаннъ: крестили его Митрополитъ и Св. Сергій. Въ 1382 преставился Князь Вас. Михайловичь Кашинскій, Маія 6, и погребенъ въ Собор. церкви Воскресенія. Авг. 14 родился у Вел. Кн. Димитрія сынъ Андрей. Зимою Пименъ Митроп. поставилъ въ Переславлѣ Сарайскаго Епископа Савву. Въ 1383, Генв. 1, скончался Павелъ Высокій Печер-

скій Старецъ (въ Нижнемъ) книжный и чудный, о коемъ плакалъ и самъ Архіепископъ Суздальскій Діонисій. Митрополитъ зимою поставилъ въ Москвѣ двухъ Епископовъ, Михаила Смоленскаго и Стефана Пермскаго. — Въ 1384, (въ *Ник. Лѣт.*): «Тоя же «осени Кн. Вел. Михайло Тверскій женилъ сына сво«его Кн. Бориса, у Вел. Кн. Святослава Ивановича «Смоленскаго. Тояжь зимы К· В. Михайло женилъ «сына своего, Кн. Василья, у Кн. Владимера Ольгер«довича у Кіевскаго.» Въ 1385 Іюня 29 родился Вел. Князю Димитрію сынъ Петръ: Игум. Сергій крестилъ его. Скончался Епископъ Ростов. Матѳей Грекъ, погребенный въ Соборн. церкви съ его предмѣстниками. Въ 1387 весною преставился Кн. Ѳеодоръ Ѳоминскій въ Схимѣ, названный въ Монашествѣ Симеономъ. Въ 1388 Генв. 8 родилась Вел. Кн. Димитрію дочь Анна. Зимою скончался добродѣтельный ученикъ Св. Сергія, Исаакій Молчальникъ. Авг. 15 Пименъ Митрополитъ въ Владимірѣ поставилъ Рязанск. Епископа Ѳеогноста. Скончался Коломенскій Владыка Герасимъ. Въ 1389 году «поставленъ бысть Іоаннъ «Архіеп. въ преименитѣй церкви Св. Архистр. Ми«хаила Генв. въ 17, въ Недѣлю.» Генв. 18 у Кн. Владиміра Андр. родился въ Дмитровѣ сынъ Ярославъ-Аѳанасій. Пріѣхалъ въ Россію за милостынею Трапезунтскій Митрополитъ Грекъ Ѳеогностъ. Въ Вербную Недѣлю Пименъ Митрополитъ поставилъ Павла, бывшаго Архимандрита Рожественскаго монастыря въ Владимірѣ, Епископомъ на Коломну.

(121) Борисъ уже не засталъ Тохтамыша въ Сараѣ, догналъ его на пути, и ѣхалъ съ нимъ 30 дней. Ханъ велѣлъ ему возвратиться въ Сарай отъ мѣста называемаго Уруктанъ.

(122) Договорная Владимірова грамота съ Василіемъ напечатана въ *Собр. Гос. Грам.* I, 62. Городъ Ржева или нынѣшній Ржевъ принадлежалъ отчасти Московскимъ Князьямъ, отчасти Тверскимъ.

(123) Линденблатъ пишетъ, что Витовтъ отправилъ дочь свою въ Россію изъ Данцига на кораблѣ;

что въ семъ же году искали убѣжища въ Пруссіи наши Князья, изгнанные Литовскимъ: *Иванъ* съ женою и дѣтьми, и *Іорге* von der Belse; что Магистръ Нѣмец. Ордена долженъ былъ въ 1391 г. послать къ Витовту *Короля* Смоленскаго, находившагося аманатомъ въ Маріенбургѣ: вѣроятно, К. Глѣба Святославича: см. выше стр. 94, г. 1387.

(124) См. о Вяткѣ сей Исторіи Т. III, стр. 30.

(125) *Никонов. Лѣт.* IV, 239.

(126) См. *Троицк. Лѣт.*

(127) См. *Новогород. Лѣт.*

(128) См. *Троицк.* и *Новог. Лѣт.*

(129) Темиръ или Тимуръ значитъ на Турецкомъ языкѣ *желѣзный*, а Ленкъ *хромый*: Европейцы изъ сихъ двухъ именъ составили имя *Тамерлана*, въ Русскихъ лѣтописяхъ называемаго Темиръ-Аксакомъ.

Извѣстія, сообщаемыя здѣсь о Тамерланѣ, взяты нами изъ Эрбелотовой Biblioth. Orientale и Hist. de Timur-Bec (т. е. Тимура Князя), connu sous le nom du Grand Tamerlan, сочиненной на Персид. языкѣ Шерефеддиномъ Али, Писателемъ современнымъ, и переведенной Гм. Пети де-ла-Круа.

(130) Histoire de Timur-Bec, I, 205 — и III, 10.

(131) Histoire de Timur-Bec, III, 259. Сіе письмо украшено всѣми цвѣтами Восточнаго краснорѣчія. Назвавъ Баязета матросомъ, Тамерланъ говоритъ: «корабль твоей безмѣрной гордости носится въ пу-«чинѣ твоего самолюбія: подбери же парусы своей «дерзости и брось якорь раскаянія въ пристани «искренности, да буря нашей мести не погубитъ «тебя въ морѣ наказанія!»

(132) Histoire de Timur-Bec, II, 127 и 355.

(133) См. выше, стр. 112. Вопреки Татищеву, до сего времени нигдѣ въ нашихъ лѣтописяхъ не упоминалось о *Князьяхъ Елецкихъ*. Родъ ихъ по *Родословной Книгѣ* начинается съ сего Ѳеодора, можетъ быть Юрьева сына.

(134) *Древн. Лѣт.* II, 270.

(135) Hist. de Timur-Bec, II, 363. Шерефеддинъ пи-

шетъ здѣсь несправедливо, что Тамерланъ, завоевавъ всю Россію, взялъ и столицу ея, Москву.

(136) См. *Троицк. Лѣт.* Въ *Никон.* и въ *Древн. Лѣт.* разсказывается, что въ тотъ самый день и часъ, когда жители Московскіе встрѣчали икону Маріи, Тамерланъ дремалъ въ шатрѣ своемъ и видѣлъ сонъ ужасный: «высокую гору и съ ея вершины идущихъ къ нему многихъ Святителей съ золотыми жезлами; надъ ними, въ сіяніи лучезарномъ, явилась жена, благолѣпія и величія неописаннаго, окруженная тмами молніеобразныхъ воиновъ, которые всѣ грозно устремились на Тамерлана. Онъ затрепеталъ, проснулся, и созвавъ Вельможъ, спрашивалъ о смыслѣ такого сновидѣнія. *Сія величественная жена* — отвѣтствовали мудрѣйшіе изъ нихъ — *есть Богоматерь защитница Христіанъ*. И такъ мы не одолѣемъ ихъ, сказалъ Монархъ Чагатайскій, и велѣлъ полкамъ своимъ итти обратно.»

(137) Andreas de Redusiis de Quero, въ Chron. Tarvasiano, въ Мураторы Script. Rerum Italicarum T. XIX. стр. 802—805. Далѣе см. Hist. de Timur-Bec, T. II, 379.

(138) Въ нашихъ лѣтописяхъ сей послѣдній именуется Темиръ-Кутлуемъ.

(139) Въ нашихъ лѣтописяхъ сказано, что онъ прежде крестился въ Вѣру Греческую, а послѣ сдѣлался Католикомъ. Далѣе см. Стриков. Хроник. кн. XIV, гл. 2.

(140) Стриковскій называетъ сего Игумена или Архимандрита Печерскаго Намѣстникомъ Митрополита кн. XIV, гл. 2.)

(141) См. Стриков. кн. XIV, гл. 2 и 3. Подолія, какъ говоритъ сей Историкъ, два раза была завоевана Ольгердомъ въ 1339 г. и Витовтомъ въ 1395, при двухъ Ѳеодорахъ Коріатовичахъ, въ ней княжившихъ. Витовтъ продалъ оную Королю Ягайлу за 200,000 копъ, или за 40,000 червонцевъ, а Ягайло Пану Спепку; но когда Татары убили сего Пана, Витовтъ за ту же цѣну опять взялъ Подолію себѣ. Поляки

снова овладѣли ею по смерти Витовта. — Далѣе см. также Стриков. кн. XIV, гл. 2.

(142) См. его же кн. XV, гл. 7: «Витольду (Витов-«ту) первая жена Анна, Князя Сванпослава (Свято-«слава) Смоленского дщерь, иже его изъ заключенія «свободила.»

(143) Стриков. кн. XIV, гл. 4. Смоленскъ былъ взятъ Сент. 28, во Вторникъ.

(144) См. *Родосл. Книги.* О Великихъ Лукахъ и Ржевѣ см. *Пск.* г. 1406, и другія лѣтописи подъ годомъ 1436. Далѣе см. Стриков. кн. XIV, гл. 4.

(145) Князь Василій Іоанновичь Смоленскій и Патрикій Нариманповичь пріѣхали къ Новогородцамъ въ 1397 г.

(146) См. наши лѣтописи и Сарторія Gesch. des Hans. Bundes, II, 461.

(147) См. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 296.

(148) См. *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна.

(149) См. сей *Исторіи* Т. III, страп. 173 и *Лѣт. Арханг.* стр. 98. Въ *Лѣт. Новогород.* сказано, что рать Новогородская состояла только изъ 3000.

(150) См. лѣтопись Попа Іоанна и *Новогородск. Лѣт.*

(151) См. *Никон. Лѣт.* г. 6905, а въ *Троицк.* г. 6906 или 1398.

(152) См. Стриков. кн. XIV, гл. 4 и 5 — Нарушевича *Таврикію* стр. 110 — Длугоша Hist. Pol. кн. X, стр. 153, и Кромера кн. X.

(153) См. *Троицк. Лѣт.* О разореніи Нижняго см. выше, стр. 124. По *Троицк. Лѣт.* и другимъ Симеонъ взялъ Нижній въ 1399 г., а по нѣкоторымъ еще въ 1395: первое лѣтосчисленіе достовѣрнѣе.

(154) См. *Троицк.* и *Ростов. Лѣт.* — Герберштеинъ въ своихъ извѣстіяхъ о Москвѣ говоритъ, что завоеваніе Болгаріи было достопамятнѣйшимъ дѣломъ Василія Димитріевича.

(155) См. *Троиц. Лѣт.*

(156) См. Длугош. Hist. Polon. кн. X, стр. 156.

(157) См. *Никон. Лѣт.*

(158) На примѣръ, Тамерланъ требовалъ подобной же чести отъ Монарховъ, имъ побѣждаемыхъ (Hist. de Timur-Bec)

(159) См. Длугош. Hist. Polon. кн. X, стр. 157.

(160) См. *Новгород. Лѣт.* Въ *Псков. Лѣт.*: Того «же лѣта (1393) Князь Андрей Олгердовичь пріѣха «изъ Литвы, убѣжавъ отъ братьи изъ нятья Іюля «въ 18.» Андрей оставилъ во Псковѣ сына, именемъ Іоанна, который въ 1400 г. выѣхалъ оттуда, *сложивъ крестное цѣлованіе*. Іоаннъ Борисовичь есть, кажется, Іоаннъ Ольшанскій, бывшій Намѣстникъ Витовтовъ въ Кіевѣ.

(161) Преставленіе Михаила Александровича описано кѣмъ-то по желанію Владыки Кирилла. Сей Князь занемогъ 15 или 16 Авг., постригся 20 Авг. и скончался 26 числа того же мѣсяца (см. *Лѣт. Никон.*, *Ростов.* и другія). Далѣе: «Тое же зимы «(1397 г.) К. Іоан. Михайл. Тферскій, зять Кестутіевъ, ѣздилъ въ Литву къ шурину своему, и со «Княгинею и съ дѣтьми.» См. выше примѣч. 120, г. 1375. — Между рукописями, находящимися въ Имп. Библіотекѣ, есть *списокъ* договорной грамоты К. Михаила Тверскаго съ В. К. Василіемъ Димитріевичемъ. Она такъ начинается: «*Божіею милостію*... «по благословенію отца нашего, Кипреяна Митрополита.» Замѣтимъ, что слова: *Божіею милостію*, не встрѣчаются въ Архив. грамотахъ до 1433 г. (см. ниже стр. 255): древнѣйшія обыкновенно такъ начинаются: «по благословенью отца нашего, Митро«полита.» «Того же лѣта (1397) К. Іоаннъ Всеволо«дичь отъѣха со Тфери къ Москвѣ, и къ дяди сво«ему сложилъ цѣлованіе. Вел. же Князь пріятъ его «съ любовію и даде ему городъ Торжекъ. Тое же «осени, Сент. въ 23 день, К. Іоаннъ Всев. поя се«стру Великаго Князя Анастасію.»

(162) См. *Троицк. Лѣт.*

(163) См. *Никон. Лѣт.*

(164) См. тамъ же подъ годомъ 1401, и ниже

письмо Эдигеево къ Вел. Князю, и *Троицк. Лѣт.*

(165) См. *Лѣт. Троицк.* г. 6907. Марію погребли въ Москов. церкви Св. Лазаря.

(166) Олегъ скончался въ 1402 г., Іюля 5 (см. *Троицк. Лѣт.*)

(167) См. *Троицк.* и Архив. *Кіевскую лѣтопись*, гдѣ сказано, что Лугвеній плѣнилъ въ Вязьмѣ и другаго Князя, Александра Михайловича. Далѣе см. *Лѣт. Троиц.*, *Архангел.* и *Никон.* Витовтъ отступилъ отъ Смоленска послѣ Святой недѣли, Линденблатъ пишетъ, что Витовтъ и Король Ягайло посылали къ Смоленску Свидригайла, который въ отступленіи своемъ лишился многихъ людей...

(168) См. *Никон. Лѣт.* — О битвѣ съ Нѣмцами см. Гадебуш. Livländ Jahrbücher, г. 1410, стр. 23.

(169) См. *Арханг. Лѣт.* Напротивъ того въ Архивской *Кіев. лѣтописи* сказано, что Великій Князь, доброхотствуя Витовту, нарочно остановилъ Юрія въ Москвѣ: извѣстіе невѣроятное.

(170) См. *Новгород. Лѣт.* Попа Іоанна.

(171) Въ *Троицк. Лѣт.* «Въ монастырѣ у *Св.* «*Николы у Стараго*:» на Перервѣ, по мнѣнію Митрополита Платона; но сей Никола Старый находился между Котлами и Москвою (см. *Никон. Лѣт.* подъ г. 1390).

(172) Такъ въ *Никон. Лѣт.*

(173) См. *Троицк. Лѣт.*, г. 1407. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, въ *Ростов.* и другихъ, сказано, что Юрій убилъ Іуліанина супруга уже послѣ неудачи своей въ насиліи; но мы слѣдуемъ здѣсь *Архангельской*, гдѣ обстоятельства разсказаны яснѣе, съ прибавленіемъ, что Юрій владѣлъ половиною Торжка, а другою Князь Вяземскій. См. *Родословн. Книгу*, гдѣ означены Княжескіе и Дворянскіе роды, происшедшіе отъ Владѣтельныхъ Князей Смоленскихъ.

(174) Псковъ сдѣлался независимымъ въ Княженіе Симеона Гордаго (Т. IV, примѣч. 313). См. *Новгород. Лѣт.*, выше примѣч. 160, и *Псков. Лѣт.*

(175) См. *Никон.* и *Троицк. Лѣт.* подъ годомъ

1406. — О возобновленіи дружества съ Ордою см. *Никонов. Лѣт.* V, 21. Линденблатъ упоминаетъ о семъ походѣ Витовта, сказывая, что съ нимъ были и союзники его, Нѣмецкіе Рыцари, которые возвратились домой черезъ XV недѣль, воевавъ Россію 14 дней; что Государь Московскій собралъ множество Татаръ и всѣхъ Князей Россійскихъ.

176) Въ *Родослов. Книгѣ* I, 180: «у Князя Семена «Глуховского и Новосильского» (Михаилова сына) «одинъ сынъ, Князь Романъ, а пришелъ изъ Ново-«сили жити въ Одоевъ отъ насилія Татарскаго.» Одоевъ возвратился къ Россіи уже при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ.

(177) См. *Троицк. Лѣт.* г. 1406.

(178) См. тамъ же г. 1408. Въ другихъ лѣтописяхъ прибавлено, что Василій Димитріевичь отдалъ Свидригайлу едва не половину своего Великаго Княженія.

(179) См. Стриков. *Хроник.* кн. XIV, гл. 8. — О городахъ см. ниже въ завѣщаніи Князя Владиміра Андреевича *Храбраго.*

(180) См. *Псков. Лѣт.* г. 1410.

(181) Въ Кенигсб. Архивѣ находится договоръ *Болеслава-Свидригайла*, *Князя и наслѣдника Литвы* и *Россіи*, и *Владѣтеля Подоліи*, съ Орденомъ въ 1402 г. Согласно съ договоромъ, заключеннымъ между Вел. Маг. Нѣмецкимъ и Витовтомъ, Свидригайло уступаетъ Псковъ Ордену, когда сей городъ будетъ завоеванъ, Литовцами или Рыцарями. — См. между моими Кенигсб. бумагами No 300, 316, 317, 318, 319. Послѣднія содержатъ въ себѣ мирный договоръ Псковитянъ съ Орденомъ. Василій Димитріевичь названъ *великимъ Королемъ* и даже *Императоромъ*: grotmechtighe Here, de grote Konyng von Moskowe, de Rushce Keyser. Условія были слѣдующія: 1) «Жить съ обѣихъ сторонъ въ мирѣ и доброжела-«тельствѣ. 2) Купцамъ торговать свободно. 3) Въ «обидахъ искать управы судомъ, а не мечемъ. 4) «Россіянамъ не пропускать чрезъ свою землю вра-

«говъ Ордена, а Нѣмцамъ враговъ Россіянъ.» Магистръ Шпангеймъ писалъ къ Вел. Магистру Прусскому, что сей миръ нуженъ для безопасности Ливонскаго Ордена, коему Витовтъ угрожаетъ войною.

(182) См. *Троицк. Лѣт.* О хитрыхъ отговоркахъ Вел. Князя см. ниже въ письмѣ Эдигеевомъ; о смерти Тохтамыша въ *Архан. Лѣт.* (онъ убитъ въ 1406 г.); о сношеніяхъ Эдигея съ Василіемъ въ *Никон.* V, 20, 21; объ изгнаніи Шадибека въ *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна, г. 1408.

(183) Приметы къ крѣпостямъ дѣлались обыкновенно изъ сухаго лѣса, зажигаемаго осаждающими, чтобы огнемъ и дымомъ удалить осажденныхъ отъ стѣнъ. Далѣе см. *Никон. Лѣт.* V, 23.

(184) См. *Троицк. Лѣт.*

(185) См. тамъ же, и *Никон. Лѣт.* V, 22, 24, 29.

(186) См. тамъ же. — Описаніемъ Эдигеева нашествія заключается харатейный *Троицкій Лѣтописецъ*. Видно, что сочинитель умеръ. Съ того времени до самой кончины Василія Димитріевича всѣ извѣстія кратки и неполны въ другихъ лѣтописяхъ.

(187) См. *Троицк. Лѣт.*

(188) См. *Ростов.* и *Никонов. Лѣт.*

(189) См. *Собраніе Госуд. Грамотъ*, I, 69, 74.

(190) См. *Никон. Лѣт.* г. 1410.

(191) Озеро *Свято* и нынѣ извѣстно въ Владимірской Губерніи, также и село *Санжаны*, гдѣ, какъ вѣроятно, были *Сенежскія* пустыни.

(192) См. *Никон. Лѣт.* г. 1411.

(193) См. тамъ же г. 1412.

(194) Длугош. Hist. Polon. кн. XI, стр. 394. Длугошъ называетъ Керимбердея сыномъ Зелени-Салтана (Zolthan Seledin). — *Никон. Лѣт.* г. 1415, 1422, 1423. — Абульгази называетъ Барака сыномъ Койричака или Каверцика, а 8 Тохтамышевыхъ сыновей слѣдующими именами: Dsalaludin, Dsabarbirdi, Kajuk, Karim-birdi, Iskander, Abusait, Chodsa, Kadirbirdi.

(195) Длугош. Hist. Polon. кн. XI, стр. 375 и 409.

(196) См. *Псков. Лѣт.* г. 1422, и Гадебуша Livl. Jahrbüch. г. 1422, стр. 54.

197) См. *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна. — Стриковскій напротивъ того пишетъ басню, что въ семъ году Псковитяне и Новогородцы признали Витовта своимъ Государемъ и проч.

(198) См. *Новог. Лѣт.* и Арнта Liefländ. Chron. г. 1420. Къ мирной грамотѣ были привѣшены 6 печатей. Я нашелъ Нѣмецкій переводъ сей или другой грамоты между Архив. Кенигсб. бумагами No 320. Здѣсь Королемъ названъ Князь, Бургграфомъ Посадникъ, а *Герцогомъ* Тысячской. Въ договорѣ сказано, что рѣка Нарва служитъ границею; что Нѣмцы не должны на другой сторонѣ ея рубить лѣса, косить сѣна и проч.; не должны также изъ Выборга и Ревеля пропускать хлѣба сухимъ путемъ въ Россію, ни Шведскаго войска; что купцы наши свободно ѣздятъ и торгуютъ въ Ливоніи. Года не поставлено.

(199) См. *Новогород. Лѣт.* г. 1418.

(200) См. *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна, г. 1419. Константинъ пріѣхалъ въ Новгородъ Февр. 25 въ 1420 г., а возвратился въ Москву въ 1421.

(201) Кранц. Wandal. кн. XI, 251, также *Псков.*, *Новог.*, *Ростов.*, *Троицк.* и Cométogr., г. 1402.

(202) См. Голиц. *Новогор. Лѣт.* г. 6910, и *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна.

(203) См. *договор. грамоту* Василія Димитріевича съ Ѳеодоромъ Ольговичемъ Рязанскимъ (въ *Собран. Государст. Грамотъ* I, 65). Перемышль и Козельскъ находились въ числѣ городовъ Кн. Владиміра Андреевича *Храбраго* (см. въ его завѣщаніи). — Князья Ростовскіе были Намѣстниками во Псковѣ и Двинской землѣ, какъ мы выше сказали. Кн. Ряполовскій ходилъ къ Вяткѣ уже при Темномъ.

(204) См. *Собраніе Государ. Грамотъ* I, 82.

(205) См. тамъ же. Василій отказалъ сыну изъ

селъ Московскихъ Островское, Орининское, Костянтиновское, Малаховское, деревни Жирошкины, Копотенское, сельцо подъ Москвою надъ Великимъ прудомъ, Хвостовское, и проч.

(206) См. *Собран. Грамотъ* I, 72. — Сія духовная писана по кончинѣ Митрополита Кипріана, но еще при жизни Василіевой матери, супруги Донскаго, умершей въ 1407 г.; Іоаннъ же, сынъ Василія Димитріевича, преставился въ 1417 г. лѣтомъ. Въ Архивѣ находится еще договорная грамота Василія Димитріевича съ братьями Андреемъ и Петромъ, въ которой онъ утверждаетъ за ними и за ихъ дѣтьми данные имъ отъ Донскаго Удѣлы, и проч.

(207) См. выше, примѣч. 2, 3.

(208) См. *Троицк. Лѣт.*

(209) См. Русской переводъ Кедрина, въ продолженіи его Исторіи; также Memor. Popul. II, 1033, и Дюканж. Famil. Aug. Byzant. 245.

(210) См. *Троицк. Лѣт.* и харатейный *Церковный Уставъ*, находящійся въ Синод. библіотекѣ подъ No 216.

(211) См. Горюшкин. лѣтопись.

(212) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 454, и Т II, прим. 103.

(213) См. *Книгу Степен.* I, 483.

(214) Любопытные найдутъ сію грамоту въ *Степ. Книгѣ* и въ лѣтописяхъ. Замѣтимъ только, что Митрополитъ именуетъ Василія Димитріевича Великимъ Княземъ *всея Руси*, другихъ же *Князей Великихъ* просто *Русскими*, и въ особенности говоритъ о Князьяхъ *Мѣстныхъ* или Помѣстныхъ.

(215) На примѣръ, въ духовн. завѣщаніи Василія Димитріевича. Далѣе см. *Ник. Лѣт.* V, 33, 34, 51.

(216) См. *Никон. Лѣт.* подъ годомъ 1414.

(217) См. тамъ же V, 59. — Митрополитъ Григорій Цамблакъ называется также Семивлахомъ, Цемивлакомъ, Самблакомъ и Чамьблакомъ.

(218) Здѣсь разумѣется, можетъ быть, насильственная смерть Митяева.

(219) Сіе письмо внесено въ нѣкоторыя лѣтописи. (см. въ Синодал. библ. лѣтопись въ листъ, No 349.

(220) См. *Каталогъ Митрополитовъ Кіевскихъ* подъ именемъ Григорія. Линденблатъ (см. выше, примѣч. 71) пишетъ, что лживый Витовтъ въ 1417 г. посылалъ на Соборъ въ Констанцію своихъ Епископовъ, будто бы желавшихъ *сдѣлаться Христіанами*; но что они, удививъ всѣхъ странностію своей одежды, не захотѣли покориться Римской Церкви.

(221) Въ *Каталогѣ. Рус. Митр.* сказано, что правовѣрные Россіяне Литовскіе, считая Григорія Папистомъ, на мѣсто его выбрали Герасима. Вотъ извѣстіе современное, найденное мною въ *Псков. Лѣт.* Синодальномъ: «Въ лѣто 6941 (1433) Смоленскый «Владыка Герасимъ иде къ Царюграду, и Патріархъ «постави его Митрополитомъ.»

(222) См. въ Пушкинск. собраніи Двинскихъ грамотъ.

(223) См. *Новогород.* и *Псков. Лѣт.* Въ *артугѣ* — Шведской монетѣ, ходившей съ XIV вѣка — было 8 пфенинговъ; а 24 артуга составляли марку.

(224) Въ концѣ Кипріанова завѣщанія по древнему Троицкому списку означено *Сентября* 12, *Индиктъ* 15, лѣто 6915; слѣдственно годъ начался съ Сентября.

(225) Въ описаніи временъ Донскаго упоминали мы о Кореевѣ, *Мининѣ* и проч. Въ Княженіе Василія встрѣчаются родовыя имена *Жадовскаго*, *Разсохина*, *Неелова*, и проч. — Послѣдній Князь Славянскаго имени въ Москвѣ былъ сынъ Владиміра Андреевича Храбраго, Ярославъ.

(226) См. лѣтописи въ описаніи годовъ 1393, 1405, 1408 и 1420.

(227) См. *Троицк. Лѣт.*

(228) См. лѣтописи въ описаніи 1394 года.

(229) Въ *Троицк. Лѣт.* г. 6898: «тое же зимы по «Рожествѣ Христовѣ на третій день Осей Кормиличичь Князя Великаго поколотъ бысть на Коломнѣ «въ игрушкѣ.»

(230) См. *Посланіе Рос. Митрополитовъ*, въ Синод. библіот. No 164, и ниже примѣч. 261.

(231) См. въ слѣдующемъ примѣч. г. 1393, и Степен. Кн. I, 510.

(232) *Степен. Кн.* I, 512. Слѣдуетъ выписка изъ лѣтописей о разныхъ случаяхъ Василіева княженія: Въ 1389 г. преставилась Княгиня Марія, супруга Андреева, мать Владимірова, въ Черницахъ и въ Схимѣ, названная въ Монашествѣ Маѳою. Въ 1390 Генв. 26, род. у Кн. Владиміра Андреевича сынъ Ѳеодоръ. Въ 1391 «женись Кн. Юрьи «Всеволодичь Холмской, внукъ Александровъ. Женилъ Кн. Михайло Александровичь Тферскій «сына своего на Москвѣ у Ѳедора у Кошки, «Ондреева сына, у Собакина, и вѣнчанъ бысть въ «Тфери.» — Въ л. 6900 (1392) «преставися въ Литвѣ Княг. Олгердова Ульяна, въ Мнишенскомъ чину «Марина, и положена въ Кіевѣ въ печерѣ. Преставися Евфимей Висленъ бывый Еписк. Тфер. въ монаст. Св. Чюда на Москвѣ. Кипріанъ Митрополитъ поставилъ Ѳеодосія Епископомъ въ Полоцкъ. «Преставися Святитель Архіеп. Матѳей Грѣчинъ, «Митрополитъ Андреанопольскій, и положиша въ «церкви Св. Арханг. Михаила, Честнаго Его Чуда, «идѣ же гробъ Алексія Митрополита. Того жь лѣта «преставися Павелъ, Епископъ Коломенскій . . . «Кипріанъ Митрополитъ постави Григорія Архимандрита Епископомъ на Коломну, . . Сент. въ 5 убіенъ бысть отъ Тохтамыша Царевичь Озибаба въ «Ордѣ.» Въ 1393 г., Іюля 29 «преставися Кн. «Иванъ, сынъ В. Кн. Дмитріевъ, братъ Василіевъ, «во Мнишьскомъ чину Іоасафъ, и положенъ бысть «въ монастырѣ на Москвѣ у Св. Спаса въ притворѣ.» Въ 1394 г. Іюля въ 9 д., Кн. Володимеру «Андреевичу родися сынъ Василій. Ноября въ 28 д. «преставися Ѳеодоръ Архіеп. града Ростова и «Ярославля, Бѣлаозера и Устюга, Углича Поля, Мологи, и положенъ бысть въ Сборной церкви Св. «Богородица. Въ лѣто 6903 (1395), Марта въ 30,

«Кн. Вел. Василью родися сынъ Георгій. . . Іюля «въ 19 преставися Кн. Борисъ Михайл. Тферскій «въ Кашинѣ и привезоша тѣло его на Тферь Іюля «22, и положено бысть въ Сборной церкви Спаса... «Тое же зимы преставися Княгини Иванова Всево-«лодича Тферскаго. . · Въ лѣто 6904 (1396), Марта «въ 19, Кипріянъ Митроп. на Москвѣ поставилъ «Григорія Епископомъ Ростову. Преставися Кня-«гини Васильева Михайловича, дщи Кн. Володимера «Олгердовича Кіевскаго, и положена бысть у Св. «Спаса въ Тфери. . . Генв. въ 15 (г. 1397) Кн. Ве-«ликому, Василью Дмитріевичу, родися сынъ Иванъ. «Мѣс. Марта, преставися Епископъ Данилей, «Владыка Смоленскій. Тое же весны преставися «Семенъ Васильевичь. Того же лѣта Кн. Александръ «Ивановичь, внукъ Княжь Михайловъ Тферьского, оже-«нися у Кн. Ѳедора Михайловича у Моложьского. . . «Генв. 20 (въ 1398 г.) Кипріанъ Митр. постави «Исакія Епископомъ въ Пермь. — Марта въ 27 (въ «1399 г.) преставися Княгини Великая Марья Семе-«новая» (супруга Симеона Іоанновича, внука Даніило-«ва) въ Черницахъ, во Мниш. чину Фетинія, и поло-«жена на Москвѣ въ Монастырѣ Св. Спаса. Убіенъ «бысть (по *Никон. Лѣт.*) Кн. Романъ Юрьевичь «на Шелонѣ и погребенъ бысть у Св. Спаса въ Пор-«ховѣ. — Ноября въ 30 д. (1400 г.) въ Недѣлю на «вечеръ преставися Кн. Юрьи, сынъ Кн. Вел. Ва-«силья Дмитріевича, 6 лѣтъ сущу ему, и положенъ «въ церкви Св. Михаила . . . Въ лѣто 6909 (1401) 6 «Дек. Кн. Вел. Василью родился сынъ Данило, да не «долго жилъ: толико 5 мѣсяцъ, и умре. . . Въ лѣто «6910 (1402) Маія въ 6 преставися Михайло, Вла-«дыка Смоленскій, бывъ въ Епископствѣ лѣтъ 19. Въ «лѣто 6911 (1403) Іюня въ 9 преставися Сава, Еписк. «Сарайскій, и былъ въ Епископствѣ 20 лѣтъ. Окт. «въ 8, Кн. Андрей Дмитріевичь оженися на Москвѣ «у Кн. Александра Патрикеевича у Стародубскаго, «поя за ся дщерь его Огрофену. Тое же зимы предъ «Великимъ заговѣньемъ Кн. Иванъ Михайловичь Тфер-

«скій ожени сына своего, Князя Ивашка, у Князя. — Въ «лѣто 6912 (1404) Іюня въ 22 день, Кипріянъ Митроп. Тимоѳея Игумена отъ Св. Бориса и Глѣба «постави Епископомъ въ Сарай. Тое же осени на «Тфери преставися Княгини Марія Княжя Иванова «Михайловича дчи Кестутьева, во Мнишеск. чину «Марѳа, и положена въ Соборной церкви Св. Спаса. «Тое же зимы (г. 1405) Генв. въ 13 Кн. Вел. Василью родися сынъ Кн. Семенъ, да жилъ 12 не«дѣль и умре. Тое же зимы Кн. Володимеръ Андре«евичь на Москвѣ ожени сына своего, Кн. Семена, «у Князя у Новосильского. Февр. въ 13 преставися «Григорій Владыка Коломенскій. Кипріянъ Митр. по«стави Попа Гоголя во Владыки, и тотъ бысть «Епископъ граду Володимерю. Ноября въ 1 день пре«ставися Княгини Великая Евдокія Михайловая Алек«сандровича Тферскаго, и положена бысть во Св. «Спасѣ. Дек. въ 5 д. преставися Княгини Евпрак«сія Ольговая Рязанского . . . Преставися Ѳедосья, «Матѳеева мать, Маія въ 18. Кн. Григорій Псков«скій пострижеся въ Великыхъ Пустыняхъ. . . Авг. «въ 26 день (1406 г.) Кипріянъ Митр. Ларивона Ар«химандрита Симонова постави Епископомъ на Ко«ломну. По семъ поставленъ бысть Митрофанъ Епи«скопомъ Суждалю . . . Ноября въ 14 преставися Кн. «Родславъ Ольговичь Рязанскій. . . Тое жь осени во «Тфери преставися Кн. Дмитрей Еремеевичь и Кня«гиня Настасія Еремеевна, мати его. Генв. въ 16 «(г. 1407) Кн. Петръ Дмитр. оженися, поя за ся «Полуектову дщерь Васильева сына Васильевича Ты«сячьского. Въ день Благовѣщенія преставися Ефро«синъ, Еписк. Суждальскій. Тое же весны преста«вися Кн. Василей, сынъ Княжь Ѳедоровъ Ольго«вича Рязанского. Іюня въ 7, преставися Княгини «Великая Овдотья Дмитреевая, и положена въ цер«кви Св. Взнесенья. Преставися Ѳеогностъ, Епи«скопъ Рязанскій. Кн. Иванъ Михайловичь» (зимою въ «1408 г.) оженися на Тфери, поятъ за ся дщерь «Княжь Дмитріеву Еремеевича. Тое же зимы Кн. Во-

«лодимеръ Андреевичь ожени сына своего Ярослава у «Ярославского Князя, и бысть свадьба на Москвѣ. «Марта въ 9, въ Пятокъ, преставися Епископъ Ларіонъ Смоленскій и положенъ въ Сборной церкви «на Коломнѣ. Апрѣля въ 7, въ Субботу Лазареву, «преставися Кн. Θедоръ Михайловичь Моложскій во «Мнишеск. чину Θеодоритъ, и положенъ въ своей «отчинѣ въ градѣ Мологѣ въ Соборной церкви. Повелѣньемъ Князя Великого срубиша городъ деревяный Ржеву, а Воевода бѣ у нихъ Кн. Юрій Козельскій, «да Юрьи Васильевичь. Въ лѣто 6917 (1409), Марта во 2, преставися Владыка Тферскій, Арсеній. «Въ лѣто 6918 (1410) пріиде изъ Царяграда на Москву Митрополитъ Фотій Апр. 22 на Великъ день, «поставленъ Патріархомъ Матθеемъ. Въ лѣто 6919 «(1411) Фотій постави Антонія Епископа Тфери «Февр. 2. Тое жь весны преставись Княгиня Овдотія Вел. Князя Ивана Мих. Тферскаго, другая дщи «Кн. Дмитрея Еремеевича, Апр. въ 13 въ Понедѣльникъ, и положена у Св. Спаса. . . Родися Лугвеню «на Копорьи сынъ Ярославъ, а въ крещеніи Θедоръ. «Родися Матθею сынъ Кипріянъ. Въ лѣто 6920 «(1412) Генв. въ 17 Кн. Иванъ Васил. Ярославскій «выдалъ дщерь свою Марію за Кн. Александра Θедоровича. Въ лѣто 6922 (1414) пострижеся Владыка «Іоаннъ въ Скиму. Генв. въ 20 (1415) сънде Владыка «Новог. Іоаннъ съ Владычества, бысть въ Владычествѣ 30 лѣтъ безъ трій. Марта въ 10 день родись «Вел. Князю Василью Дмитріевичу сынъ Василій. «Февр. въ 15 (1416) Фотій постави Самсона Діакономъ, а въ Субботу третью постави Попомъ, а «въ Недѣлю Средокрестную въ 22 Архіепископомъ «въ церкви Св. Архистр. Михаила, и нареченъ бысть «отъ Митрополита Симеономъ. Градъ Кострома «заложена бысть. Маія въ 3 преставися Григорій, «Архіеп. Ростовскій. Въ лѣто 6925 (1417) Іюня въ «24 преставися Владыка Іоаннъ и положенъ у Св. «Въскресенія въ притворѣ; а на Москвѣ преставися «Кн. Иванъ, сынъ Кн. Вел. Василія, ѣдучи съ Ко-

«ломны. Преставися Кн. Григорій (Псковскій), на «Снетной горѣ постригся. Поставленъ Ростову Епи«скопъ Діонисій. . . Преставися Кн. Александръ Ива«новичъ *Брюхатой* Суждальской, зять Вел. Князя: «Кн. же Вел. дасть дочь свою Василису за другова «мужа, за Кн. Александра *Взметня* Даниловича Суж«дальского и Нижегородского; а другую дочь свою «Марью Кн. Вел. дасть за Кн. Юрья Патрскеевича «Наримантовича. Въ л. 6929 (1421) Іюня въ 15 пре«ставися Архіеп. Новогор. Симеонъ. . . Тое жь зимы «Князь Юрьи Ивановичь Тферскій женись у Ивана «Дмитріевичь. Въ л. 6930 (1422) преставися Кня«гини Настасія Юрьева Дмитріевича въ Звенигородѣ, «а положена на Москвѣ у Вознесенья. Въ л. 6931 «(1423) Авг. въ 30 сослаша Новогородци Өеодосія, «нареченнаго ихъ Епископа, со Владычня двора въ «его монастырь, и возведоша на дворъ Владыченъ «по жребію Инока Емельяна. Въ л. 6932 (1424) Ми«трополитъ Фотій на Москвѣ постави въ Новго«родъ Емельяна Инока въ Епископы, и нареченъ «бысть Евфимій.

(233) См. Лѣтописи подъ годомъ 1415.

(234) См. *Никон. Лѣт.* (1426).

(235) См. *Псков. Лѣт.* — Ливон. Лѣтоп. говоритъ, что Псковитяне ссорились тогда съ Епископомъ Дерптскимъ, Дитрихомъ, который убѣдилъ Витовта итти на нихъ войною (Гадебуш. Livl. Jahrbüch. г. 1426). См. *Новог. Лѣт.* г. 1428, и Длугош. Hist. Polon. 509—510, гдѣ онъ говоритъ о характерѣ Новогородцевъ. — *Тюфяками* назывались особеннаго роду пушки. — Объ осадѣ Порхова см. *Никон. Лѣт.*

(236) См. *Новог. Лѣт.* — Въ Имп. Библіотекѣ есть *списокъ* присяжной грамоты, около сего времени данной Княземъ Рязанскимъ Витовту.

(237) Длугош. Hist. Polon. кн. XI, Стриков. кн. XV, гл. 13, и *Никон. Лѣт.* г. 1430.

(238) Длугош. Hist. Polon. 559.

(239) См. *Никон. Лѣт.* г. 1440, Стриков. кн. XVII, гл. 5—8, и Кромера гл. XXII, 337. — По-

длинная Свидригайлова договорная грамота (1431 г.) находится въ Архивѣ Иностр. Коллегіи, но такъ ветха, что нельзя разобрать ни одной цѣлой строки: видно только, что говорится о свободной торговлѣ въ обѣихъ земляхъ, и проч. — Свидригайло въ 1432 заключилъ миръ и съ Псковитянами. Съ обѣихъ сторонъ утвердили старую границу, какъ было при Витовтѣ (см. *Псков. Лѣт.*).

(240) См. *Никон. Лѣт.* г. 1426, 1429 и 1430.

(241) См. *Собр. Гос. Грам.* 86.

(242) Но въ такомъ единственно случаѣ, когда бы Василій не оставилъ сыновей; и притомъ въ завѣщаніи нѣтъ имени Юрьева, а сказано только: «кто «будетъ подъ тѣмъ (Василіемъ), ино тому сыну мо«ему Княжь Васильевъ удѣлъ.»

(243) Вел. Князь не былъ доволенъ тѣмъ, что Ханъ отдалъ Юрію Дмитровъ.

(244) Въ *набережныхъ* сѣняхъ.

(245) См. *Собр. Госуд. Грам.* I, 99, также *Арханг.*, *Новог.* и *Псков. Лѣт.*

(246) Въ 1433 г. К. Иванъ и братъ его К. Михайло Андреевичи заключили союзъ съ Василіемъ, жившимъ тогда въ Коломнѣ: см. ихъ договоръ въ *Собр. Госуд. Грамотъ*, I, 92.

(247) См. *Собр. Госуд. Грамотъ* стр. 90. Въ обѣихъ грамотахъ Юрій называется *Великимъ Княземъ*. Въ *Родосл. Книгѣ* (II, 239) сказано о *Мещерскихъ Князьяхъ* такъ: «Въ лѣто 6706 (1198) Кн. Ширин«ской Бахметъ, Усеиновъ сынъ, пришелъ изъ Боль«шіе Орды . . . и Мещеру воевалъ, и засѣлъ ее, «и родился у него сынъ Беклемишъ, и крестился «Беклемишъ, и названъ Михайломъ. . . У Кн. Ми«хайла сынъ Кн. Ѳедоръ, у Ѳедора Юрьи, и Кн. «Юрьи былъ на Дону, пришелъ изъ Мещеры къ В. «К. Дмитрію Ивановичу съ своимъ полкомъ. У Юрьи «сынъ Кн. *Александръ:*» сей-то Александръ есть *Уковичь*, продавшій Мещеру Димитрію Донскому (см. выше, стр. 122); но Кн. Ширинской Бахметъ

вышелъ изъ Орды безъ сомнѣнія гораздо послѣ 1198 г., когда еще и Большой Орды не было.

(248) *Собр. Госуд. Грамотъ*, 105. Юрій отказываетъ Косому Звенигородъ, разныя села, и между прочимъ Тамашенскіе луга на Перервѣ: Шемякѣ Рузу, а Красному Галичь съ соляными варницами (кромѣ церковныхъ), Вышегородъ, и между прочими деревнями Подмосковное сельцо *Сущевское* съ *Ходынскимъ* лугомъ: Московскіе же доходы, Дмитровъ, Вятку, дворъ, загородный садъ и садикъ всѣмъ тремъ вмѣстѣ. По всѣмъ лѣтописямъ онъ скончался въ 6942 г., а по *Арханг. Лѣт.* 6 Іюня.

(249) См. о Константинѣ выше, прим. 106, а грамоту въ *Собр. Госуд. Грам.*, 107.

(250) См. Синод. *Псков. Лѣт.* Между рукописями Имп. Библіотеки находится списокъ мирнаго договора, заключеннаго тогда между Вел. Княземъ и Косымъ.

(251) См. *Псковск. Лѣт.*

(252) См. *Арханг. Лѣт.* стр. 122.

(253) *Собр. Госуд. Грамотъ*, 118. Сія грамота писана въ Москвѣ, Іюня 13, съ означеніемъ Индикта XIV. — Косой умеръ въ 1448 г.

(254) См. въ Пушкинскомъ собраніи Двинскихъ грамотъ.

(255) См. *Никон. Лѣт.*

(256) См. *Новог.* и *Псков. Лѣт.*

(257) Сіе извѣстіе находится не во всѣхъ лѣтописяхъ: оно внесено въ *Степен. Книгу* (II, 99). — По тогдашнему обыкновенію давали младенцу имя Святаго, коему празднуютъ въ день его рожденія, а при крещеніи другое.

(258) См. Лызлова и *Казанск. Исторію*, стр. 77. Но въ договорѣ, заключенномъ между Вел. Княземъ и Шемякою въ 1436 г., говорится о дани Ханской. — Махметъ, какъ мы описали, утвердилъ Василія на Великомъ Княженіи. Братъ его именуется въ грамотѣ 1434 года (см. выше, примѣч. 249) Кичимъ-Ахметъ, а въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ Кичи-Махметъ.

(259) См. выше, стран. 159. *Казанск. Лѣт.* въ *Казанск. Ист.* Рычкова стр. 81, и Лызлова *Скиѳ. Ист.* I, 86.

(260) *Собр. Госуд. Грам.* 130.

(261) *Степен. Кн.* II, 40. Мы имѣемъ разныя сочиненія Фотіевы, въ коихъ видны умъ, знанія богословскія и краснорѣчіе: 1) *Посланія во Псковъ о Стригольникахъ*, которые въ его время снова явились (см. выше, прим. 230); 2) *Слово къ Іереямъ и Монахамъ;* 3) *Слово къ Епископамъ*; 4) *Посланіе къ народу*, *Правительству и Духовенству Псковскому*, въ коихъ Митрополитъ жалуется, что Іереи въ крещеніи употребляютъ муро *Латинское*, а не *святое*, и передъ судіями гражданскими даютъ присягу въ полномъ Священническомъ одѣяніи, и проч.; 5) *Посланіе въ Новгородъ къ Архіепископу Іоанну* и къ мірскимъ чиновникамъ о соблюденіи добродѣтелей, и проч. (см. въ Синод. библ. книгу подъ No. 164). — О Герасимѣ см. *Новог. Лѣт.*, выше прим. 221 и *Псков. Лѣт.* — Объ Іонѣ *Степен. Кн.* II, 69 — 71. Въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* (Синод. библіот. No 164, *л.* 104) есть такъ называемое *порученіе Митрополиту Московскому* — вѣроятно, избранному тогда Іонѣ — *на Кіевскую Митрополію отъ Короля* Казимира. Въ сей грамотѣ сказано: «Какъ бывало за отца нашего, Короля Володислава, «и В. К. Витовта, мы Казимиръ, Божіею милостію «и проч. гадавше и добрѣ смотривше съ нашимъ «братомъ, съ В. Княземъ, и съ нашими Князьми и «Паны, и съ нашею Радою, полюбили есмо собѣ отцемъ Митрополитомъ. . .» Имени нѣтъ. Далѣе: «и «дали есми ему столецъ Митрополичь Кіевскій и «всея Руси, какъ бывало по уставленію. . . . Про то «же Князи наши, Епископи и Бояре, и Архимандриты, и Игумени, и Попове, и весь Посполитый на«родъ имѣете его и чтите. . . Притомъ во избраньи «были стрыйко нашъ, К. Швитригайло, братъ Кн. «Александро Володимеровичъ, Князь Матей Бискупъ «Виленскій, Воевода Виленьскій Панъ Кгаставтъ,

«Воевода Троцкій Панъ Монивидъ, Воев. Новогород-«скій, Маршалокъ Земьскій, Панъ Петрашъ Мон-«шикгирдовичь, Панъ Судивой Намѣстникъ Ковень-«скій, Панъ Виленскій, Намѣстникъ Смоленскій, «Панъ Семенъ Күгедикголъдовичь, Панъ Ондрей Не-«мировичь, Панъ Ондрей Исаковичь, Намѣст. По-«лоцкій, Панъ Юрша Старостa Бряславскій, Панъ Ми-«хайло Канцлеръ, и иныхъ многихъ нашихъ Князей «и Пановъ. А дана въ Вильнѣ.»

(262) См. Флёри Hist. Eccl. XV, 593, г. 1463 и *Степен. Кн.* II, 71.

(263) См. Райнальд. Annal. Eccl. г. 1437 — 1440 — Грека Сильвестра Сгуропула Hist. Concilii Florentini, переведенную на *Латинскій* языкъ Робертомъ Крейтономъ (Creyghton) — Льва Аллація (Allacii) Exercitationes in Creyghtoni Apparatum, versionem et notas ad Historiam Con. Flor. scriptam a Sguropulo — Мозгейма Kirchengeschichte, V, 50 — Флёри Hist. Eccl. XV — *Никон. Лѣт.*, *Степен. Кн.* II и двѣ рукописи, Синод. библіотеки No 364 и Архив. No 10, гдѣ сказано въ заглавіи: *Повѣсть Симеона Суздальскаго о осьмомъ Соборѣ.*

(264) *Степен. Кн.* II, 72 и *Псков. Лѣт.* г. 1435. — Исидоръ пріѣхалъ въ Москву во Вторникъ Святой Недѣли (въ 1437 г.).

(265) Сіе описаніе находится въ Синод. библ. No 329 и напечатано въ *Древ. Рос. Вивліоѳ.* VI, 27. Совѣтуемъ любопытнымъ прочитать его.

(266) См. *Псков. Лѣт.* Письмо Вел. Магистра Нѣмецкаго къ Исидору сообщено мнѣ изъ Кенигсб. Архива подъ No 736. Оно такъ начинается: Alehrwirdigster Vater und Grosmechtiger, besunder lieber Herr! Между рукописями Іосифова Волоколамскаго монастыря, No 665, л. 352, есть переводъ *опасной грамоты*, данной Папою Тверскому Боярину Ѳомѣ для его возвращенія въ Россію, «въ лѣто Воплощеніа Господня 1438» (1439?).

(267) Соборъ Базельскій склонялъ и Грековъ на свою сторону, отводя ихъ отъ Папы.

(268) Наши Лѣтописцы говорятъ, что Греки, а не Паписты сидѣли на правой сторонѣ.

(269) Сгуропул. Hist. Conc. Florent. гл. VII.

(270) Сгуропул. H. C. Fl. и рукоп. Син. библ. № 364.

(271) См. *Древн. Рос. Вивліоѳ.* VI, 43.

(272) См. ихъ имена въ Синод. рукописи № 364, стр. 1473 — 1476. — Повѣсть Симеона Суздальскаго о Флорент. Соборѣ (см. выше, примѣч. 263) заключается такъ: «Посла Папа Бископа своего Христофора къ Епископу Суздалскому, дабы и онъ подписалъ; ему же не хотящу сего сотворити, Митрополитъ Исидоръ ятъ его и заключи въ темницу и сидѣлъ недѣлю, и той подписалъ нуждею. Видѣвшу же мнѣ такую прелесть, и Митрополиту многажды глаголахъ вопреки: онъ же мене укоряше, и наединѣ многажды томляше мя; мнѣ же укрѣпльшуся и не послушалъ его ни въ чемъ, но идохъ ко Св. Марку Митрополиту Ефесскому (еще убо ему за стражи сѣдящу) и поклонихся ему, и вся сказа, яже о мнѣ; онъ же благослови мя, и оттолѣ никакова зла не пріяхъ. Потомъ же Папа даде Царю честь велію и дары многія, не прихода ради, но подписанія ради, и пойде Царь отъ града того Августа въ 26 день, и пріѣха въ Венецыю: Венеція же градъ стоитъ среди моря; и пребысть Царь въ Венеціи 53 дни, и оттолѣ пойде моремъ, и на томъ пути постиже его смертный часъ, и погребенъ на земли, его же и земля трижды изрину изъ себе. Исидоръ же Московскій Митрополитъ похвалися Папѣ, сице рече, яко вси Князи и люди въ моей рукѣ суть и Епископи; ни единъ противу мене не можетъ глаголати; а Князь Великій младъ есть, и той въ моей воли; а нынѣ вси Князи боятся мене. И того ради Папа даде ему область Православныхъ Патріарховъ въ первыхъ не поминати, ни православныхъ Царей въ началѣ не поминати; а на томъ Исидоръ Папѣ приклякнулъ. Папа же даде ему много злата, и пойде Исидоръ отъ Папы Септемвріа

«въ 14 день, и пріѣха въ Венецыю, и пребысть хо-
«дя по божницамъ, и приклякая какъ и Фрязи; и
«намъ тако же повелѣваше. Пойде изъ Венецыи по-
«солъ Ѳома; азъ же видѣвъ такую великую ересь, и
«пойде съ посломъ Декемвріа въ 9 день и пріиде въ
«Великій Новъградъ, и все лѣто пребысть у Влады-
«ки Евфиміа.»

(273) Императоръ прибылъ въ Константинополь 1 Февр. 1440.

(274) Скандербегъ помогалъ Фердинанду Аррагонскому противъ Графа д'Анжу. Исторія сего Албанскаго Героя издана Іезуитомъ дю-Понсе (Poncet) въ 1700 г.

(275) Исидоръ получилъ Кардинальское достоинство 18 Дек. 1439 г. — Евгеній пишетъ (въ Райнальд. Annal. Eccl.) къ Исидору: Venerabili fratri Isidoro *Кіеи* ac totius Russiae Metropolitae in Lituaniae, Livoniae et Russiae provinciis, ac in civitatibus, dioecesibus, terris et locis Lechiae, quae tibi jure Metropolitico subesse noscuntur, Apostolicae sedis Legato salutem, и проч.

(276) См. *Никон.* (г. 1441, стр. 155) и *Новогород. Лѣт.* — Въ *Каталогѣ Рос. Епископовъ* сказано несправедливо, что Кіевское Духовенство выгнало Исидора: оно не отреклось повиноваться и преемнику его, Григорію.

(277) См. Ходык. Dissert., *Псков.* и *Никон. Лѣт.*, также Райнальд. Annal Eccl. г. 1458. Исидоръ назывался *Митрополитомъ Россійскимъ* и *Епископомъ Сабинскимъ.*

(278) См. *Архивск. Лѣт.* No 8, г. 6951, л. 97.

(279) См. *Степен. Кн.* II, 77.

(280) См. *Архивск. Лѣт.* No 8, л. 102, и *Степен. Кн.* II, 78. Патріархъ Константинопольскій, Григорій IV Мамма, ревностный защитникъ Флорентійскаго Собора, въ 1452 г. уѣхалъ изъ Греціи въ Римъ, гдѣ, какъ вѣроятно, онъ и посвятилъ Митрополита Григорія (см. ниже, примѣч. 282). — Въ *Каталогѣ* упоминается еще о Лжемитрополитѣ Спиридо-

нѣ, названномъ *Сатаною* и будто бы посвященномъ въ Турецкой области согласно съ волею Амурата II, около 1443 г.

(281) Райнальд. Annal. Eccl. г. 1443, No 22.

(282) См. *Архив. Лѣт.* No 8, л. 105. — Литовскія Епархіи именованы въ Буллѣ Пія II, писанной въ 1458 г. Весьма неясный переводъ ея внесенъ въ *Архивск. Лѣт.* No 8, л. 102. Въ ней сказано: «Хва«лебный у Бога братъ нашъ, Исидоръ, Бискупъ Са«бинскій, Архіепископство Кіевское и всея Руси, «Церкви той подданное, которое опеканіе держа, въ «руцѣ доброе памяти Калиста Папы, намѣстника «(предмѣстника) нашего, двоенадесятного дне Календъ «Августовыхъ, *четвертаго лѣта*, добровольнѣ пу«стилъ. . . и потомъ того же дня милого сына «Григорья Олекта Кіевскаго, тогда Опата (Аббата) «монастыря С. Димитрея Костянтинопольскаго, за«кона святаго Божія Капляна . . . Архіепископомъ «уставилъ и Пастыремъ, яко въ нашихъ грамотахъ «выписано есть,» и проч. Слѣдственно уже при Каллистѣ III Григорій сдѣлался Митрополитомъ Кіевскимъ, въ *четвертый* годъ его Первосвященства или въ 1458? — Мы имѣемъ *Рукописаніе Даніила, Епископа Владимірскаго* (Волынскаго) и Берестійскаго (1452 г.), въ коемъ онъ признаетъ Исидора еретикомъ Латинскимъ, а Митрополита Іону единственнымъ законнымъ Первосвятителемъ Церкви Россійской. Сія рукопись находится въ библіотекѣ Новогород. Соф. Собора.

(283) См. *Новог. Лѣт.*

(284) См. Синод. *Новог. Лѣт.* No 349, л. 150.

(285) Сіе было въ 1444 г. Далѣе см. Синод. *Новог.* и *Псков. Лѣт.*

(286) Гадебуш. Livl. Jahrbüch. г. 1442 и *Псков. Лѣт.* г. 1443, 1444, 1445.

(287) См. Синод. *Новог. Лѣт.* — Изъ Кенигсб. Архива получилъ я болѣе двѣнадцати бумагъ, относящихся къ сей войнѣ и писанныхъ старымъ Нѣмецкимъ языкомъ: 1) No 737, Письмо В. Магистра Прусскаго

къ Кн. Юрію Лугвеніевичу о Клевскомъ Принцѣ. 2) No 743, Наставленіе того же В. Магистра Коммандору Б*, отправляемому къ Герц. Литовскому Казимиру въ 1444 г., съ порученіемъ отвести его отъ союза съ Новогородцами. 3) No 796, Записка въ 1444 г. поданная Вел. Магистру Нѣм. Ордена Секретаремъ Ливон. Магистра, Павломъ, о причинахъ войны между Новымгородомъ и Ливоніею, съ прозьбою, чтобы онъ на сеймѣ въ Криспмемелѣ отвратилъ Вел. Герц. Литовскаго отъ союза съ Россіянами. 4) No 756, Записка Литов. посла, врученная Вел. М. Прусскому, и отвѣтъ Магистра о ссорѣ Ливонцевъ съ Новымгородомъ въ 1444 г. 5) No 759, Наставленіе Вел. М. Прусскаго послу его, отправляемому въ 1445 г. на свадьбу Короля Датскаго и Шведскаго Христофора, чтобы склонить его къ содѣйствію противъ Новогородцевъ. 6) No 760, Записка Литов. посла врученная Вел. М. Прусскому о войнѣ Ливон. Ордена съ Новымгородомъ въ 1445 г. 7) No 761, Запросы Вел. Магистра Нѣмецкаго къ Ливонскому о правѣ Новогородцевъ на половину рѣки Наровы въ 1445 г. 8) No 763, Письмо Вел. М. Нѣм. къ городу Любеку о непосыланіи хлѣба къ Новогородцамъ въ 1446 г. 9) No 772, Письмо о томъ же къ Королю Датскому и Шведскому въ 1446 г. 10) No 784, Письмо Вел. М. Нѣм. къ Ливонскому, чтобы онъ пропустилъ къ нему посольство *Герцога* Новогород. Юрія Лугвеніевича, въ 1447 г. 11) No 785, Письмо Вел. М. Нѣм. къ Ливонскому въ 1447 г., въ коемъ онъ увѣдомляетъ его, что Кн. Новогородскій Юрій Лугвеніевичь ѣдетъ на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ въ Вильснакъ (zcum heiligen Blute) и требуетъ свободнаго пропуска черезъ Ливонію и Пруссію. 12) No 787, Письмо Вел. М. Нѣм. къ Ливонскому въ 1447 г. о знатномъ витязѣ ѣдущемъ изъ Моравіи въ Новгородъ въ 600 всадниками. 13) No 791, Письмо Вел. М. Нѣм. къ Ливонскому въ 1447 г., съ увѣдомленіемъ, что онъ посылаетъ къ нему Фогта Роггаузенскаго, Вольфганга Зауэра, витязя искуснаго, съ нѣ-

которымъ числомъ воиновъ. 14) No 792, Письмо Вел. М. Нѣм. къ Ливонскому въ 1447 г. о посланіи къ нему войска изъ Данцига моремъ въ Нарву, а другаго изъ Мемеля сухимъ путемъ; онъ приказываетъ заготовить все нужное для ихъ продовольствія. 15) No 793, Письмо Вел. М. Нѣм. къ Ливонскому въ 1447 г. о посланіи къ нему Рыцаря Генриха, eynen Buchsenschutczen. 16) No 794, Письмо Вел. М. Нѣм. къ Ливонскому въ 1447 г. о томъ, что противные вѣтры не дозволяютъ отправить къ нему помощи въ Ревель, но что люди уже на судахъ, и что съ ними ѣдетъ и Рыцарь Генрихъ. 17) No 798, Вел. М. Нѣм. пишетъ въ 1446 г. къ Ливонскому, чтобы онъ задержалъ Прусскія суда, которыя взяли хлѣбъ и медъ въ Россію, и чтобы сообщилъ ему имена сихъ купцевъ, дабы они были наказаны. 18) No 804, Письмо Вел. М. Нѣм. въ 1447 г. къ Прокуратору Двора Римскаго о томъ, чтобы онъ склонилъ Папу уступить Ордену церковные сборы въ Пруссіи и въ Ливоніи для войны съ Русскими отступниками, и чтобы Св. Отецъ вмѣстѣ съ Кардиналами молился о побѣдѣ. 19) No 807, Вел. М. Нѣм. въ 1447 г. увѣдомляетъ Ливонскаго, что онъ соглашается пропустить Кн. Юрія Лутвеніевича черезъ Орден. владѣнія, но безъ многочисленной свиты. 20) No 817, Вел. М. Нѣм. посылаетъ къ Ливонскому въ 1446 г. проектъ дружественнаго союза съ Корол. Датскимъ и Шведскимъ, но совѣтуетъ ему лучше не заключать его, напоминая худыя слѣдствія бывшаго союза съ Литов. Княземъ, Свидригайломъ. 21) No 820, Установленіе Вел. М. Нѣмецкаго для всей Пруссіи о молебствіи и ходахъ церковныхъ. — Всѣ любопытныя бумаги, полученныя мною изъ Кенигсбергскаго Архива, намѣренъ я отдать въ нашъ Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

(288) Арнта Liefländ. Chr. стр. 135.

(289) См. *Псков.* и Синод. *Новог. Лѣт.*

(290) См. *Псков. Лѣт.* г. 1447 и 1448, и Синод. *Новогород. Лѣт.* г. 1445.

(291) См. тамъ же, и Стриков. *Хрон. Литов.* кн. XVII, гл. 7.

(292) См. Нижегор. Лѣт. подъ год. 1422.

(293) См. *Степен. Кн.*

(294) См. Синод. *Новог. Лѣт.*

(295) См. *Архив. Лѣт.* No 8, *л.* 114, *Никон. Лѣт.* VII, 233, *Синод. Новог.*, *Архив. Псков. Лѣт.* и *Степен. Кн.*

(296) Вел. Князь сказалъ въ Троицкой Лаврѣ (см. ниже), что Шемяка и Можайскій жили съ нимъ тогда въ мирѣ. См. ихъ договоры въ *Собр. Гос. Грам.* I, 107 и 133. Шемякина несправедливо отнесена къ 1434 г.

(297) См. *Синод. Новог. Лѣт.* Въ Импер. Библіотекѣ есть *списокъ* договора, заключеннаго К. Борисомъ съ Василіемъ Темнымъ около 1437 г.: ибо въ сей грамотѣ (и только въ ней одной изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ) названъ Митрополитъ *Исидоръ*.

(298) См. *Ростов. Лѣт.*

(299) См. Синод. *Новог. Лѣт.*

(300) Ряполовскіе происходили отъ Стародубскихъ Князей.

(301) К. Василій Ярославичь Боровскій, въ 1433 г. заключивъ договоръ съ Вел. Княземъ, какъ съ *отцемъ* своимъ и съ Государемъ Московскимъ, (см. *Собр. Госуд. Грам.*, I, 90), оставался ему вѣрнымъ во всѣхъ перемѣнахъ судьбы его.

(302) *Собр. Госуд. Грам.* 135.

(303) См. Хронографы.

(304) См. *Арханг. Лѣт.* г. 6955.

(305) См. также *Степен. Кн.* II, 19. Въ *Архангел. Лѣт.*: «Царевича два *Кайсимова*, Трегубъ да Ягупъ.»

(306) См. въ *Собр. Госуд. Грам.*, стр. 149, договорную грамоту Шемяки и Можайскаго съ Кн. Михаиломъ Верейскимъ и Василіемъ Ярослав. Боровскимъ. — Договорныхъ грамотъ съ К. Іоанномъ Андр. четыре (см. *Собр. Г. Г.* 138—154). — О примиреніи Велик. Князя съ Можайскимъ см. *Арханг. Лѣт.* г. 6957.

(307) См. *Архив. Лѣт.* No 8, *л.* 127 на обор. и *Степен. Кн.* II, 79. Въ книгѣ названной *Посланіемъ Росс. Митрополитовъ* (Синод. библ. No 164) есть письмо Василія Темнаго къ Греческому Царю о поставленіи Іоны. — См. выше, примѣч. 282. Въ Буллѣ Пія II сказано: «отщепенца и противника, злочестиваго сына, Іону.» Папа совѣтуетъ Королю схватить и заключить нашего Митрополита въ темницу, буде онъ пріѣхалъ бы въ Литву. Письмо Іоны о Григоріи къ Литов. Князьямъ, Панамъ, Боярамъ и Воеводамъ находится въ *Посл. Рос. Митрополитовъ* (Синод. библ. No 164, *л.* 42). Тамъ же (*л.* 90) есть грамота его къ Мисаилу, Еписк. Смоленскому.

(308) См. *Собр. Г. Г.* 171, Синод. *Новог. Лѣт.* г. 6954. и Пушкин. собр. Двин. грам. No I.

(309) См. въ *Собр. Г. Г.*, договоръ К. Суздал., *Ивана Васильевича*, съ *В. К. Васильемъ Васильевичемъ* (стр. 185), договоръ В. К. съ Рязанскимъ Княземъ (стр. 142), договоръ съ Тверск. Княземъ (стр. 171), договоръ съ Васил. Ярослав. (стр. 168, 177) и договоръ съ Михаиломъ Верейскимъ. — Въ *Посланіи Рос. Митроп.* (Синод. библ. No 164, л. 153) есть грамота Іоны къ Королю Казимиру *о братствѣ и о любви съ Велик. Княземъ.*

(310) См. *Посл. Рос. Митроп. л.* 70.

(311) См. *Арханг. Лѣт.* о второмъ нашествіи Седи-Ахметовыхъ Татаръ г. 6963. Сія Орда называлась послѣ Улусами Ногайскими, Большими и Малыми. См. *Больш. Черт.* стр. 93 и 229.

(312) Въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* есть письмо Митрополита Іоны къ Литовск. Князьямъ и Панамъ о вѣроломствѣ Шемяки.

(313) См. *Архангел. Лѣт.*

(314) См. *Казан. Лѣт.* Вѣроятно, что братья Мамутековы, Касимъ и Ягупъ, боясь подобной же участи, ушли тогда въ Черкасскую землю (см. выше, примѣч. 305). — См. также *Арханг.* и *Архив. Лѣт.*

(315) См. Синод. *Псков. Лѣт.* — Вина К. Іоанна Можайскаго изъяснена въ грамотѣ Митроп. Іоны къ

Смоленск. Еписк. Мисаилу (см. *Посл. Рос. Митр.* л. 151).

(316) См. лѣтописи, г. 1448, и грамоту, о коей въ примѣч. 318.

(317) См. *Псков. Лѣт.*

(318) Сей договоръ нашелъ я въ Пушкинскомъ собраніи Двинскихъ грамотъ. Тамъ же и грамота о платежѣ денегъ. — См. также *Псков. Лѣт.*

(319) *Собр. Г. Г.* 195. Сія грамота подписана Митрополитомъ Іоною. — Въ *Арханг. Лѣт.* сказано, что Великій Князь взялъ своего шурина подъ стражу *съ супругою и съ дѣтьми.*

(320) См. въ Пушкин. собр. Двинскихъ грамотъ. *Списокъ съ докончальные грамоты со Княжы съ Ивановы Можайского, что кончали въ Литвѣ со Княземъ съ Иваномъ съ Ярославичевымъ сыномъ, а привезъ сесь списокъ Володя Давыдовъ лѣта* 70 (то есть г. 6970).

(321) Василій Темный по завѣщанію своему (см. ниже) отдалъ Суздаль и Нижній Новгородъ одному изъ сыновей своихъ: слѣдственно тамъ уже не было Князей особенныхъ.

(322) См. *Арханг. Лѣт.* — Увидимъ послѣ, что Вятчане до временъ Іоанна Васильевича оставались народною державою.

(323) Борисъ умеръ въ Февралѣ мѣсяцѣ. Между Новогор. грамотами есть одна договорная съ симъ Княземъ о рубежѣ и судахъ (*Собр. Г. Г.* 23).

(324) См. *Псков. Лѣт.*

(325) Ахматъ приходилъ въ 1460; миръ съ Казан. Царемъ заключенъ въ 1461 г.

(326) Во многихъ лѣтописяхъ: «не даша ему воли.» Василій началъ лечиться въ Пятницу на первой недѣлѣ Великаго поста, а скончался Марта 17, въ Субботу, въ третьемъ часу ночи, и погребенъ въ Воскресенье. — «Іюня въ 15 преставися В. К. Софія, и положена «того же дни въ монастыри въ Возънесеніи, идѣ«же и свекры (свекровь) ея, Вел. Княгиня Евдокія.» Духовная сей Княгини напечатана въ *Собр. Г. Г.* 191.

За 16 лѣтъ до кончины Софіиной преставилась вдовствующая супруга Кн. Владиміра Андреевича (Евпраксія), оплакавъ смерть всѣхъ сыновей своихъ. Ея завѣщаніе см. въ *Собр. Г. Г.* 189.

(327) См. тамъ же, 202. — Василій написалъ и другое завѣщаніе (стр. 207); оно служитъ единственно прибавленіемъ къ первому. — Въ лѣтописи объ Іонѣ: «Марта въ 31, во вторый часъ дни, во Вторникъ Страстныя недѣли (въ 1461 г.) преставился «Іона Митрополитъ и положенъ бысть въ церкви «Успенія за лѣвымъ крылосомъ противъ Митрополитовъ Кипріяна и Фотія: Князю жь Великому «сущу тогда въ Володимерѣ; заратилъ бо ся съ Царемъ Казанскимъ» (см. выше). — О чудесахъ Св. Іоны Митрополита см. въ *Степен. Кн.* II.

(328) Герберштейнъ въ *Rer. Moscov.*: Post Wolodimerum Monomach usque ad hunc Basilium Russia carebat Monarchis.

(329) Ослѣплены Василій Косой и самъ Вел. Князь; отравлены Шемяка и Кн. Литовскій Михаилъ, племянникъ Витовтовъ (см. выше). Вспомнимъ также, что Косой, братъ Шемякинъ, отсѣкъ руку и ногу Князю Переславскому Роману. — Чернь злодѣйствовала въ Новѣгородѣ въ 1442 г.; плѣнниковъ терзали въ Опочкѣ, въ 1426 г., какъ мы описали. О Кн. Иванѣ Андр. Можайскомъ см. лѣтописи, г. 1444.

(330) См. Синод. *Новогород. Лѣт. л.* 152.

(331) См. тамъ же No 347 и 349.

(332) См. *Арханг. Лѣт.* г. 6963.

(333) См. *Лѣт. Соловецк. Монастыря.* Зосима пришелъ въ Соловки въ 1438 г. съ Аввою Германомъ. Іона былъ Архіепископомъ Новогород. отъ 1458 до 1471 г. Первымъ Игуменомъ Соловецкимъ именуется Павелъ, вторымъ Ѳеодосій, третьимъ Іона, четвертымъ Зосима (съ 1452 г.)

(334) Memor. popul. III, 531. О Торкахъ Россійскихъ мы часто упоминали въ Исторіи отъ X до XIII вѣка.

(335) См. Ист. Палеологовъ, описанную Дукою,

Францову Hist. Byzant., напеч. въ Венеціи въ 1733 г., и Кантемирову Оттоманской Имперіи.

(336) *Никон. Лѣт.* г. 1453, стр. 266 — 277.

(337) Райнальд. Annal. Eccl. T. XVIII, г. 1453, No. 5. Сіе громозвучное посланіе начинается такъ: Audite haec, audite omnes gentes; auribus percipite qui habitatis orbem. . . . universi quoque Reges et Principes Christocolae ac universus Domini populus cum religiosis cunctis audite. Описавъ взятіе Константинополя, Исидоръ прибавляетъ: Eorum actus et opera propriis oculis vidi, et una cum aliquibus Constant. viris, plura perpessus sum mala et pericula, licet de manibus eorum me eripuerit Deus, ut Jonam de ventre ceti. Въ заключеніи: Licet enim in multitudine confidat (т. е. Магометъ) et feritate suorum, plures tamen sunt, qui nobiscum sunt, immo Dominus ipse omnium militiarum, pro cujus fide et religione pugnatis, ita quod centum ex vobis persequi et superare valeant mille ex illis, et mille ex vobis decem millia, и проч. — О погребеніи Исидора см. Флёри Hist. Eccl. XV, 593. По кончинѣ Исидора былъ названъ Латинскимъ Патріархомъ Царяграда Кардиналъ Виссаріонъ.

(338) См. Лызлова *Скиѳ. Ист.* I, 66, гдѣ разсказывается сказка о стрѣлахъ, которая гораздо древнѣе Эдигеевыхъ временъ.

(339) См. Нарушев. *Таврикію*, 119 и 128 — Дегина кн. XVIII, 375 — Абульгази Hist. des Tat. 467 — Лызлова II, 2. Такъ называемый *Михаилъ Литовецъ* (Michal. Litv. de moribus Tartarorum) жившій въ XVI вѣкѣ, именно пишетъ: Aczkirei apud Troki natus, et hinc a divo Withowdo ad Imperium illiud missus.

(340) По извѣстію Михаила Литовца (см. Нарушев. *Таврикію*, 128).

(341) Нарушевичь. Папа въ 1465 г. прислалъ Антіох. Патріарха Людовика уговаривать Ази-Гирея, чтобы онъ объявилъ войну Туркамъ; а сей Ханъ отвѣтствовалъ ему, что онъ готовъ во всемъ слушаться Короля Польскаго (см. Кромера de Reb. Po-

Іоп. 382). — Кромеръ (339) пишетъ, что Седи-Ахметъ, около 1452 г. прибѣжавъ въ Литву съ девятью сыновьями и съ Вельможами, хотѣлъ уйти оттуда въ Кіевъ, но взятый подъ стражу, умеръ въ Ковнѣ.

Разные случаи сего Княженія:

Въ 1425 г. «преставись нареченный Владыка (Но-«вогор.) Ѳеодосій, Игум. Троицы.» — Въ 1427 «Іюня «въ 9 преставись Св. Игум. Кирилъ Бѣлоозерскій и «положенъ въ своемъ монастырѣ. — Въ 1429 пре-«ставись (въ Новѣгор.) Владыка Евфимій Ноября въ «1, а былъ Владыкою 5 л. и 5 нед., а Черньцемъ «на сѣнехъ годъ и 2 недѣли. Тогожь мѣс. въ 13 въ-«зведенъ бысть по жребію Священноинокъ Евфимій «съ Лисичей горки на сѣни.» - Въ 1432 «Княземъ «Литовскымъ бысть (Дек. 8) брань велія между со-«бою, Кн. Жидимонту съ Кн. Свитригайломъ, о «Велик. Княженіи . . . и одолѣ Жидимонтъ, а Свит-«ригайло побѣже къ Полотску.» — Въ 1433 г. «Бысть «побоище межю Кн. Жидимунтомъ и Свитригай-«ломъ . . . и не учиниша ничто же.» — Въ 1434 «Пріѣха въ Новгородъ Владыка Евфимій, поставленъ «Митрополитомъ Герасимомъ Смоленскымъ Маія въ «26.» Въ 1435 «Кн. Свитригайло, собравъ Смольня-«ны и Видьбляны, и Кіаны, и Полочаны, и Князя «Местера Ризьского съ силами и заморцовъ, пойде «на Жидимонта, а онъ съ Литвою и съ Ляхи, и «съступишась въ Жомонтьской земли Сент. въ 1, «и одолѣ Жидимонтъ, и Местера Рижского убиша; «а Свитригайло прибѣже въ Полотьско съ 30 мужь.» Въ 1436 «тоя же зимы пріѣха во Псковъ К. Борисъ «Васильевичь, и Псковичи пріяша его, чаяхуть его «пріѣхавша отъ В. Князя Намѣстникомъ, и послаша «къ В. Князю Ивана Ларіонова и Тимоѳея Поткина, «и съ ними К. Володимера . . . и дасть имъ отъ себе «Намѣстникомъ К. Володимера Даниловичь, а К. «Бориса выпроводиша изо Пскова, а онъ пролгался.» Въ 1437 «Сент. 15 преставися Евпраксія Княгини,

«и погребе ея Исидоръ Митрополитъ» (выше, прим. 326). «Окт. 9 пріиде въ Новгородъ съ Москвы Ми-«трополитъ Исидоръ. То же осени родися Велик. «Князю сынъ Князь Юрьи большой.» Въ 1439 «*обрѣ-«тено бысть тѣло Архіепископа Іоанна, при ко-«емъ были Суздальци подъ Новымгородомъ*» (во время Андрея Боголюбскаго). «Пріѣха въ Псковъ Кн. «Александръ Ивановичь, правнукъ Олгердовъ, съ «Тфери, и Псковичи посадиша его на Княженіи» (вѣ-«роятно съ дозволенія Великокняжескаго) «а К. Во-«лодимера Даньльевичь выгнаша.» — Въ 1441 «пре-«ставися Кн. Юрьи Васильевичь болшой, сынъ Вел. «Князя, а другій Юрьи Васильевичь родился Генв. «въ 22.» — Въ 1446 «родися Великому Князю на Уг-«личѣ сынъ Андрей Авг. въ 13» (по другимъ спискамъ 14). — Въ 1448 «Генв. 14 пріѣхалъ во Псковъ «изъ Новагорода К. Суздальскый, Василей Василье-«вичь *Гребенка*, и посадиша его на Княженіи во Св. «Троици.» — Въ 1449 «родися Іуля мѣс. сынъ Велик. «Князю Борисъ.» — Въ 1451 «былъ Кн. Семенъ Але-«шковичь (Олельковичь Кіевскій) у своей бабы, Вел. «Княгини Софіи, и у Вел. Князя Василія, дяди сво-«его:» ибо Олелько былъ женатъ на сестрѣ Васильевой и дочери Софіиной. О семъ бракѣ упоминается въ письмѣ Ливон. Магистра къ Вел. Магистру Прусскому 1417 (см. между моими Кенигсб. бумагами No 570). — Въ 1452 «Іюня въ 4 женилъ Кн. Великій сы-«на своего, Вел. Князя Ивана, у Вел. Князя Бориса «Тферскаго дщерію его Маріею. Родися Вел. Князю «сынъ Андрей Авг. въ 1.» — Въ 1454 «Марта въ 29 «преставися Архіеписк. Ростовскій Ефремъ. Того же «лѣта поставленъ бысть Ростову Архіеп. Митропо-«литомъ Іоною Ѳеодосій Бывальцевъ, бывый Архи-«мандритъ у Арханг. Михаила у Чюда. — Въ 1456 «Генв. пріиде изъ Смоленска на Москву Владыка Ми-«саилъ со многими мѣстичи» (гражданами) «бити че-«ломъ Велик. Князю, чтобы пожаловалъ отпу-«стилъ икону Богоматери, ея же плѣномъ взялъ «Юрга. Князь же Вел., помысливъ съ Митрополи-

«томъ и съ Бояры, сотворяетъ празднество на «отпущеніе. Проводи же В. К. Богоматерь Смоленскую, и съ чады своими, до Благовѣщенія на Дорогомиловѣ, два поприща за градъ. . . Бысть же сіе «Генв. въ 18, въ Недѣлю. — Въ 1458 «Февр. 15, въ «Среду на Ѳедоровѣ недѣли, егда начаша часы пѣти, «родися Вел. Князю Ивану Васильевичу сынъ Иванъ. «Марта 10 преставися Новог. Владыка Евфимій.» — Въ 1459 «мѣс. Февраля поставленъ бысть на Архі«епископію Новугороду Великому Священноинокъ Іона «Митрополитомъ Іоною.» (О семъ Св. Іонѣ, Архіеп. Новогородскомъ, см. въ Волоколам. монастырѣ книгу подъ No 666, л. 358). «И бысть на Архіепископствѣ «12 лѣтъ и 6 мѣсяцъ. Бысть же при его Святитель«ствѣ миръ со всѣми землями и тишина и гобзова«ніе плодомъ.» — Въ 1461 зимою «Князь Великій *по«ставилъ* на Москвѣ *церковь камену*, *Рожество Іо«анна Предтечи*, *у вратъ Боровицкихъ; а прежѣ «бѣ древяная: глаголютъ же, яко та первая цер«ковь на Москвѣ: на томъ-де мѣстѣ боръ былъ, и «та церковь въ томъ лѣсу срублена; таже-де тог«да и Соборная церковь была при Петрѣ Митропо«литѣ, и дворъ Митрополичь туто же былъ, гдѣ «нынѣ дворъ Княже Ивановъ Юрьевича.*» — Въ 1462 «преставись Епископъ Рязанскій Евфросимъ Звенецъ, «и поставленъ бысть въ его мѣсто Давидъ, иже «прежѐ былъ Казначей Іоны Митрополита, Февр. въ 1.»

(342) Іоаннъ Калита прославился уменьшеніемъ разбоевъ и воровства въ Москов. Великомъ Княженіи (см. сей *Ист.* Т. IV, около прим. 287).

(343) См. сей *Ист.* Т., II, въ *Поученіи* или въ духовной Владиміра Мономаха — также въ описаніи временъ Донскаго, г. 1375, и въ судной Двинской грамотѣ, о коей выше, около прим. 222. Добродушный Александръ Невскій и Темный рѣзали носы преступникамъ, Василій Димитріевичь отсѣкалъ руки и ноги, Юрій Смоленскій изрубилъ на части Княгиню Вяземскую, Опочане сдирали кожу съ Литовскихъ плѣнниковъ, и проч. и проч.

(344) См. на прим. рѣчь Изяслава II, Т. II, въ описанiи 1152 г., и рѣчь Донскаго передъ битвою съ Мамаемъ.

(345) Вѣчевый колоколъ еще былъ въ Владимiрѣ и при Iоаннѣ Калитѣ (см. сей *Ист.* Т. IV, пр. 302, выше, стр. 75 и въ описанiи временъ Донскаго, годъ 1375).

(346) Владимiръ Святый въ 993 г. сдѣлалъ одного храбраго юношу и отца его Великими Мужами или Боярами. Въ *Русской Правдѣ* Бояринъ называется *Мужъ Княжъ*. Владимiръ Мстиславичь сказалъ, что онъ переименуетъ своихъ Отроковъ въ Бояре (см. Т. II, въ описанiи 1167 г.) — О городскихъ Боярахъ см. въ описанiи войска собраннаго Димитрiемъ противъ Мамая въ 1380 г. Убiйца Св. Бориса и Глѣба, Святополкъ, прiѣхавъ въ Вышегородъ, призвалъ къ себѣ тамошнихъ Бояръ или *Боярцевъ* (см. Т. II, стран. 2): симъ уменьшительнымъ именемъ названы они въ отношенiи къ Княжескимъ Боярамъ.

(347) См. договоры Княжескiе въ *Собр. Госуд. Грам.* и сей *Исторiи* Т. IV, около прим. 292.

(348) См. Т. IV, стран. 30.

(349) См. Т. IV, въ описанiи 1318 г. Баскаки гнали Михаила Тверскаго, но уже доброхотствовали Василiю Темному (выше, въ описанiи 1431 г.)

(350) См. Т. IV, примѣч. 295.

(351) См. Т. IV, примѣч. 223.

(352) См. Т. IV, въ описанiи 1352 г. — Митроп. Платонъ нашелъ въ архивѣ Чудова монастыря собственноручную записку Св. Алексiя Митрополита слѣдующаго содержанiя: «Черкизово *сельцо* куплено «на мое *серебрецо.*»

(353) Такъ Димитрiй Iоанновичь изгналъ Кипрiана, а Василiй Темный Исидора. Мы видѣли, что Митрополитъ въ угодность Iоанну Калитѣ наложилъ клятву на Псковитянъ, и проч.

(354) См. *Степен. Кн.* II, 84, гдѣ сказано, что Митрополитъ вмѣстѣ съ Новогор. Архiепископомъ Iоною, склонивъ Василiя на милость къ Новогородцамъ, предсказали ему, что Великiе Князья уже не

будутъ ходить въ Орду для поклоненія Царямъ.

(355) Вотъ слова Рубруквиса по Французскому переводу: Les femmes Russiennes ornent leurs tetes, ainss que les notres, et bordent leurs robes depuis le bai jusques aux genoux de bandes de vair et d'hermines; les hommes portent des manteaux comme les Allemands.

(356) На примѣръ, конь назывался у насъ *лошадью* гораздо прежде завоеваній Батыевыхъ. Мономахъ въ своемъ Поученіи именуетъ хозяина *унеиномъ*; въ лѣтописяхъ XII вѣка находимъ *сайгатъ* и другія слова восточныя. Татарскія слова *Киличей*, *Дорогаминъ* и проч. исчезли; но остались *тамга*, *ямъ*, *карій*, *деньги*, и проч.

(357) См. грамоту, о коей выше, въ примѣч. 222. Въ *Древ. Рос. Вивліоѳ*. I, 402: «тѣ суды судятъ «наши Намѣстники; а которыи слуги потягли къ «Дворьскому, а черныи люди къ Сотскому,» и проч. Тамъ же, стр. 189: «А намъ Княземъ Великимъ въ «судъ въ обчей не вступатись:» слѣдственно Князья обязывались исполнять приговоры общаго Боярскаго суда.

Между рукописями Императорской Библіотеки есть судебная грамота XV вѣка, *или запись, что тянетъ душегубствомъ къ Москвѣ*.

(358) См. *Посланіе Рос. Митрополитовъ л.* 438.

(359) Сію грамоту нашелъ я въ Синод. лѣтописи подъ No 348 на первомъ листѣ. Судная грамота Новогородская находится въ Пушкин. собраніи Двин. грамотъ и писана въ 1471 г.

(360) См. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 296.

(361) Король Французскій, Карлъ VII, первый въ Европѣ учредилъ всегдашнее, нераспускное войско въ 1445 г.: оно состояло изъ 9000 всадниковъ и 16,000 пѣшихъ.

(362) См. выше, примѣч. 42 и 101, также въ описаніи Мишяева путешествія въ Грецію. О Городскихъ Боярахъ см. выше, въ примѣч. 346.

(363) На примѣръ, Василій Темный въ 1433 г. вооруж-

жилъ Московскихъ купцовъ для битвы съ дядею.

(364) См. Крапца Wandal., описаніе Куликов. битвы, похода Димитріева противъ Ольгерда въ 1372 г, и Василія Темнаго противъ Шемяки въ 1450.

(365) Димитрій Волынскій или Волынецъ находился въ засадѣ съ Владиміромъ *Храбрымъ* и рѣшилъ судьбу Куликов. битвы. Василій Оболенскій разбилъ Шемяку подъ Галичемъ въ 1450 г. Басенокъ отличился въ разныхъ случаяхъ.

(366) См. Окольскаго Ord. Polon. III, 318. Они ходили тогда подъ начальствомъ Предислава Ланцкоронскаго къ Турецкому Бѣлогороду или Акерману въ числѣ 1200 человѣкъ.

(367) См. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 192.

(368) Т. I, примѣч. 362.

(369) См. *Лѣтопись Малорос.*, Piasecii Chronicon, Hist. Belli Cosacco-Polonici, authore Samuele Grondsky, и Миллера Ursprung der Kosaken, въ Samml. Russ. Gesch. T. IV.

(370) Болтинъ пишетъ, что Ханскіе Баскаки имѣли при себѣ воиновъ, называемыхъ *Козаками*, и что города наши, подражая имъ, завели своихъ *Козаковъ*: въ лѣтописяхъ нѣтъ того.

(171) Сіе слово въ Турецкомъ языкѣ есть новое и произошло отъ разбоевъ Козацкихъ. — Нѣкоторые иностранные Писатели производятъ названіе Козакъ отъ *косы*, *козы*, *козявки*, *Козаровъ*, *Кипчака*, и проч. — Донынѣ *Козаки* именуютъ у насъ *вольныхъ* работниковъ или наемниковъ.

(372) См. Т. II, стран. 312 и выше примѣч. 29. Италіян. купецъ, І. Барбаро, отъ 1436 до 1452 г. жилъ въ Азовѣ и проѣзжалъ чрезъ Россію: путешествіе его, Viaggio di Messer Iosafa Barbaro alla Tana, напечатано въ собраніи историческихъ твореній, изданныхъ Рамузіемъ. Въ двухъ послѣднихъ главахъ пишетъ онъ о Россіи, но сказываетъ мало любопытнаго: всѣ мѣста отъ Москвы до границы Литовской казались ему печальною степью, гдѣ видны были развалины селеній и нѣсколько хижинъ.

(373) См. въ Т. II *Поученіе* или *Духовную Моно-*

маха, гдѣ онъ разсказываетъ дѣтямъ о своей ловлѣ. См. также въ концѣ описанія временъ Донскаго Путешествіе Митрополита Пимена въ Царьградъ. Ханы посылали къ намъ ловить лебедей (см. Т. IV, стр. 133). Въ *Уложеніи* Царя Алексія Михайловича еще говорится о бобровыхъ ловахъ близь Москвы.

(374) Въ Бержерон. Voyages, стр. 162. См. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 76, Сарторія Gesch. des Hanseat. Bundes, Ч. I, 189—198, и Ч. II, 428—474.

(375) Т. IV, около примѣч. 206. Новогородцы въ 1316 г. обязывались заплатить Михаилу Тверскому, по сказанію Лѣтописца, 50,000 гривенъ или 25,000 фунт. серебра; но въ грамотѣ означено только 12,000 гривенъ. Въ договорахъ и въ завѣщаніяхъ Княжескихъ часто опредѣляется соразмѣрность между общею и частною Ханскою данію, платимою Великимъ Княженіемъ; на примѣръ, Кн. Юрій Димитріевичь пишетъ въ завѣщаніи: «Звенигороду (платить) «*семитысячной* выходъ *пять сотъ рублевъ и оди*«*натцать рублевъ*, *а* Галичу *пять сотъ рублевъ и* «*полтритцать рублевъ*:» изъ чего Штриттеръ заключилъ, что Великіе Князья платили Ханамъ ежегодно 7000 р.; но вѣроятнѣе, что сіе количество серебра было только *частію* ежегодной дани, опредѣленною для срочнаго взноса въ Ханскую казну; можетъ быть взносили серебро по третямъ; можетъ быть также, что дань расчисляли по городамъ, и что одна Москва платила 7000 р. — О деревняхъ см. выше, примѣч. 89. Если на деревню полагать кругомъ 4 земледѣльца, то въ семъ году 7000 рублей собиралось съ 56,000 земледѣльцевъ (надобно вспомнить, что тогдашній рубль содержалъ въ себѣ 5 нынѣшнихъ *серебряныхъ*.

(376) Слово *деньги* въ смыслѣ пѣнязей употребляется у насъ съ XV вѣка. См. Новогор. грамоту 1471 г., о коей выше, въ прим 222.

(377) См. *Древн. Рос. Вивл.* I, 363. — При Димитріи Донскомъ существовали Галицкія соляныя варницы (см. *Кормов. книгу*, о коей выше, въ прим. 106). Двиняне вмѣсто денежныхъ пошлинъ давали

соль (см. грамоту, о коей выше, въ примѣч. 222). Жители Торжка платили Василію Темному съ кожевенныхъ чановъ (см. грамоту, о коей выше прим. 254). — О Псковскихъ варницахъ см. *Псков. Лѣт.* г. 1364.

(378) См. Т. IV, примѣч. 340. Въ *Словарѣ Академическомъ* несправедливо *хартія* названа *бумагою*. Греки называли Египетскій *папиръ Χάρτον*, а Римляне charta; но древній *папиръ* не бумага; у насъ же подъ именемъ *хартіи* всегда разумѣлся пергаменъ (*Περγάμης Χάρτον*): отъ того названіе *харатейный*, или на *пергаментѣ писанный*. Мы имѣемъ еще нѣсколько харатейныхъ рукописей XV вѣка, но весьма мало. См. выше, примѣч. 119; также въ описаніи 1451 г.

(379) Послѣ *Спаса на Бору* въ Кремлѣ, древнѣйшія церкви сего времени находятся въ Троицкой Лаврѣ, въ Симоновѣ монастырѣ, и проч. — Въ описаніи Московскаго пожара въ 1445 г. упоминается только о каменныхъ церквахъ и стѣнахъ. О палатахъ Архіепископа и Митрополита см. лѣтописи г. 1433, 1434, 1436 и 1449. Далѣе см. духовныя завѣщанія Вел. Князей въ *Собр. Госуд. Грам.*

(380) Ученымъ извѣстенъ любопытный каталогъ сей Библіотеки, сочиненный Г. Матеемъ.

(381) Въ *Волын. Лѣт.*: «О лесть, яко же Омиръ «пишетъ, до обличенья сладка есть; обличена же, зла «есть; и кто въ ней ходитъ, конецъ золъ пріиметъ.» Въ похвалѣ Донскому Сочинитель говоритъ: «мнози «бо Философи быша въ міру, по двѣма главѣ быша «Философомъ, *Платонъ* и *Пиѳагоръ*.

(382) См. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 230. Житіе Александра Великаго вписано въ Синодальную Псковскую лѣтопись No 349, подъ слѣдующимъ оглавленіемъ: *Повѣсть о храбрости Александра, Царя Македонскаго, къ воинствомъ устремляющимся полезно есть слышати. Створивый есть Аріанъ, ученикъ Епиктита Философа· Господи благослови отче!* Древность слога въ семъ переводѣ указываетъ на XIV или на XIII вѣкъ.

(383) См. выше, примѣч. 56, 67. Первое мѣсто такъ въ подлинникѣ: «Рече же Князь Владиміръ:

«Господине Княже! Воеводы у насъ вельми крѣпцы, «а Рускія удальцы свѣдомы, имѣютъ подъ собою «борзыя кони, а доспѣхи вельми тверды, злаченныя «колонтари» (латы) « и булатныя *банданы*, и кон- «чаны (кончары, мечи) Фряжскія и *курды* Ляцкія и «сулицы Нѣмецкія, а щиты червленыя, и копья зла- «ченыя, сабли булатныя; а дорога имъ вельми свѣ- «дома, а береги имъ по Оцѣ изготовлены; хотятъ «главы свои сложити,» и проч. Далѣе о плачѣ Евдо- кіи: «Великая Княгиня съ своею *снохою*» (которой не было) «и со инѣми Воеводскими женами взыде «на злашоверхій свой теремъ въ набережной и сяде «подъ южными окны и рече: убо конечное зрѣніе «зрю на тя, Великаго Князя... слези бо отъ очію «ея ліяхуся аки быстрина рѣчная, и воздохнувъ пе- «чально, приложивши руцѣ къ персемъ, и рече: Го- «споди Боже великій! призри на мя смиренную: спо- «доби мя еще видѣти славнаго въ человѣцѣхъ, В. К. «Димитрія Ивановича; даждь ему помощь на против- «ныя отъ крѣпкія руки твоея, да побѣдитъ. Не со- «твори, Господи, якоже прежде на Калкѣ рѣцѣ бы- «ло Христіаномъ отъ злаго Батыя.» (на Калкѣ не было Батыя....) «не даждь погибнути оставшему «Христіанству... Отъ тоя бо рати Руская земля «уныла... Азъ же имѣю два отрасли, но еще малы «суть: егда повѣетъ ихъ вѣтръ съ Юга или съ За- «пада, не могутъ терпѣти, и ни на чтоже опираяся; «или зной поразитъ ихъ, тако же имъ погибнути,» и проч.

(384) «Инѣмъ бо человѣкомъ въ началцѣхъ похва- «леніе бываетъ, инѣмъ бо во средовѣчіе, другимъ же «въ старость: сій же убо весь съ похвалою добро- «дѣтели вся лѣта живота своего свръши... Богомъ «дарованную пріимъ власть, и съ Богомъ веліе цар- «ство сътвори... и вскипѣ земля Русская въ дне «Княженіа его... Бываетъ же (Димитрій) другомъ «стѣна и твердь, противнымъ же мечь и огнь... «Князи Рускыя въ области своей крѣпляше, но тихъ «въ нарядѣ и Вельможамъ увѣтливъ бываше... Вы-

«сокый умъ, смиреный смыслъ... Красенъ бѣ взо-
«ромъ и чистъ душею... вмалѣ глаголаше, а много
«разумѣваше; предсѣданіемъ словесъ учитель препи-
«раше, и Философъ уста смотрѣніемъ заграждаше...
«Яко отецъ міру, око слѣпымъ, нога хромымъ, тру-
«ба спящимъ... Егда же успе вѣчнымъ сномъ великій
«Царь Дмитрій Рускыя земли, аэръ възмутися, зем-
«ля трясашеся и человѣци смятошася... день той
«день скорби и туги, день тмы и мрака, день захли-
«паніа и кричаніа; но токмо слышахъ народъ глаго-
«лющь: *о горе намъ, братье! Князь Княземъ успе;*
«*звѣзда сіяюща всему міру къ западу грядеть!*.....
«Обѣма» (Димитрію и супругѣ его) «едина душа бѣ,
«двѣ тѣлѣ носяще, и единое обѣма добродѣтельное
«житье, яко златопрьсистый голубь и сладкоглаго-
«ливая ластовица съ умиленіемъ смотряху своего спа-
«сеніа въ чистѣй совѣсти.» Здѣсь соединилъ я мѣ-
ста разсѣянныя въ подлинникѣ. Слѣдуетъ плачь Ев-
докіи: «Видѣвъ его Княгини (Княгиня) мертва на по-
«стели лежаща, въсплакася горкымъ гласомъ, огнен-
«ныя слезы отъ очію испущающе, въ перси своя
«рукама біющи, яко труба рать повѣдающи, яко
«ластовица рано шепчющи и арганы сладковѣщающи,
«и глаголюще: Зайде свѣтъ отъ очію моею! Гдѣ
«отходиши, сокровище живота моего? Почто не про-
«молвиши ко мнѣ, утроба моя, къ женѣ своей? Цвѣ-
«те прекрасный! что рано увядаеши? Винoградъ
«многоплодный! уже не подасть плода сердцу моему
«и сладости души моей! Чему, господине мой милый,
«не возриши на мя? Чему не обратишся ко мнѣ на
«постели своей? Уже ли мя еси забылъ, мене и дѣти
«свои? Чему имъ отвѣта не даси? Кому ли мене
«приказываеши?... Царю мой милый! како пріиму
«тя? како тя обойму? или како ти послужю? Гдѣ,
«господине, честь и слава твоя? Господинъ всей зем-
«ли Руской былъ еси: нынѣ мертвъ лежиши, никимъ
«же владѣеши! Многы страны примирилъ еси: ны-
«нѣ же смертью побѣжденъ еси! Измѣнися слава твоя

«и зракъ лица твоего превратися въ истлѣніе. Животе мой! како намилуюся тебе?... За многоцѣнныя багряница худыя сія и бѣдныя ризы пріемлеши; «не моего наряда одѣяніе на себе въздѣваеши, и за «Царскый вѣнецъ худымъ симъ платомъ главу покрываеши; за палату красную гробъ сій пріемлеши!... Аще Богъ услышитъ молитву твою, помолися о мнѣ, Княгини твоей: вкупѣ жихъ съ тобою, да вкупѣ нынѣ и умру! Уностъ не отъиде отъ «насъ, а старость не постиже насъ... Не много, «господине, нарадовахся съ тобою: за веселіе печаль «и слезы пріидоша ми, за утѣху и радость сѣтованіе и скорбь яви ми ся. Почто родихся? и родився «преже тебе како не умрохъ, дабыхъ не видѣла смерти твоея и своея погибели? Не слышишь ли бѣдныхъ моихъ словесъ? не смилятъ ли тя моя горкаа «слезы? Крѣпко еси, господине мой драгій, успулъ; «не могу разбудити тебе. Съ которыя войны еси «пришелъ? истомился еси вельми. Звѣри земніи на «ложе свои идутъ, а птица небесна ко гнѣздомъ своимъ летятъ: ты же, господине, отъ своего дому «не красно отходиши. Кому уподоблюся? како ся нареку? Вдова ли ся нареку? не знаю азъ сего. Жена ли ся нареку? остала есмь Царя. Старыя вдовы потѣшайте мене, а младыя вдовы поплачите «со мною, вдовья бо бѣда горчае всѣхъ... Великій «мой Боже, Царь Царемъ! заступникъ ми буди! Пречистая Богородице! не остави мене въ время печали «моея!»

(385) Новогородцы *протакали* свою вольность.— Въ рукописи XVI вѣка, принадлежащей Москов. купцу А. С. Шульгину, находится *Слово о Даниль Заточникѣ* (жившемъ во XII вѣкѣ), если и не достовѣрное, если и не имъ писанное, то по крайней мѣрѣ любопытное: оно имѣетъ признаки древности и напоминаетъ нѣкоторыя старыя, уже забытыя Русскія пословицы. Сообщаемъ его здѣсь (съ нѣкоторыми выпусками).

«Вострубимъ, братіе, яко въ златокованныя тру-

«бы, въ разумъ ума своего, и начнемъ бити сребре«ныя арганы, и возвѣемъ мудрости своя. Боже, Бо«же мой! вскую мя еси оставилъ? Востани, слава «моя, востани въ псалтыри и въ гуслехъ... Да раз«верзу въ притчахъ гаданіе мое.... Азъ бо есмь, «Княже Господине, яко трава блещанна, растуще «за стѣною, на ню же ни солнце сіяетъ, ни дождь «идетъ: тако и язъ, Княже Господине, всѣми оби«димъ есмь, зане огражeнъ есмь страхомъ грозы «твоея, яко оплотомъ твердымъ. Но не возри на мя «яко волкъ на ягня, но возри на мя, Господине, аки «мати на младенца... Мы, Княже, желаемъ твоея «милости: зане, Господине, кому любово,» (въ другомъ спискѣ: *Боголюбивое*), «а мнѣ горе лютое; кому «*Бѣло* озеро, а мнѣ *черные*» (въ другомъ спискѣ: *чернѣе*) «смолы; кому *Лачь* озеро, а мнѣ на немъ сѣдя, «*плачь* горки; кому ти есть *Новъ*-городъ, а мнѣ *углы* «*опали* зане не процвѣте часть моя.... Тѣмъ же «не иму другу вѣры.... Не лгалъ бо ми *Ростиславъ*» (сынъ Георгія Долгорукаго? см. ниже) «Князь: *лѣп«ши бы ми смерть, а не Курское Княженіе*. Такожь «и мужеви: лѣпше бы ми смерть, нежели продолженъ «животъ въ нищетѣ... Тѣмъ же вопію къ тебѣ, «Княже, мой Господине: одержимъ есть нищетою: «помилуй мя, *сыне великаго Царя Владиміра* (слѣдственно это писано къ сыну Владиміра Мономаха, Георгію Долгорукому, коему принадлежало Бѣлоозеро. Въ другомъ спискѣ Даніилова Слова сей Князь названъ *Ярославомъ*: Георгій могъ имѣть Славянское имя Ярослава)... «Аще кто человѣка въ печали при«зритъ, какъ студеною водою напоитъ въ знойный «день. Птица бо радуется веснѣ, а младенецъ ма«тери: тако и азъ, Княже Господине, радуюся тво«ей милости: весна бо украшаетъ цвѣты землю, «а ты оживляеши вся человѣкы своею милостью, «сироты и вдовицы, отъ Вельможъ погружаеми. «Княже Господине: яви ми зракъ лица твоего, яко «гласъ твой сладокъ и образъ твой Государевъ кра«сенъ, и лице твое свѣтло и благолѣпно, и разумъ

«твой яко же прекрасный рай многоплодовитъ. Азъ «же худый добрѣ дивлюся. Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни сухъ хлѣбъ ядущь, или «піеши сладкое питіе, а меня помяни теплу воду «пьющи, и праха нападша отъ мѣста завѣтреня. «Егда ляжеши на мягкыхъ постеляхъ подъ собольими «одѣялы, а мене помяни подъ единымъ платомъ лежаща и зимою умирающа, и каплями дождевными «яко стрѣлами сердце пронзающе. Да не буди, Княже, рука твоя согбена на поданіе убогимъ: ни чашею бо моря росчерпати, ни нашимъ иманіемъ «твоего дому истощити; яко же бо неводъ не удержитъ воды, но точію едны рыбы: тако и ты; «Княже, не воздержи злата и сребра, но раздай людемъ. Паволока, испещренна многими шелки, красно «лице являетъ; тако и Князь многыми людми честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ... Яко же похвалися Езикѣи Царь Посломъ Царя Вавилоньскаго, «и показаше имъ множество сребра и злата; они «же рѣша ему: нашъ Царь богатѣе тебя, не множествомъ злата, но множествомъ воя: зане же «мужи злато добудутъ, а златомъ людей не добыши. Яко же рече Святославъ Князь (сынъ) Игоревъ, «идый на Царя съ малою дружиною, и рече имъ: «*братіе! намъ ли отъ града* (Царяграда) *погинути*, «*или граду отъ насъ плѣнену быти? яко же Богъ повелитъ тако и будетъ* (сихъ словъ нѣтъ въ спи«скахъ Несторовой лѣтописи, намъ извѣстныхъ): «поженетъ бо единъ сто, а отъ ста двигнется тысяща; надѣяся на Господа, яко гора Сіонъ не по«движется во вѣкы» (не уже ли и это сказалъ Свя«тославъ язычникъ?). *Дивья* за буяномъ кони па«ствити, а за добрымъ Княземъ воевати; многажды «бо безнарядіемъ полцы погибаютъ. Видѣхъ великъ «звѣрь, а главы не имѣетъ: тако и добрыя полки «безъ добраго Князя погибають. Гусли бо строятся персты, а тѣло основается жилами, а дубъ крѣпится множествомъ коренія: тако и градъ нашъ «крѣпится твоею державою: зане Князь щедръ отецъ

«есть всѣмъ; слузи бо мнози отца и матери ли«шаются и къ нему прибѣгаютъ. Добру бо госпо«дину служа, дослужиться свободы; а злу господину «служа, дослужиться большіа работы. Зане Князь «щедръ аки рѣка безъ береговъ текуще всквозѣ ду«бравы, напаяюще не только человѣцы, но и скоти «и вся звѣри; а Князь скупъ аки рѣка, великъ брегъ «имущь каменны: нелзя пити, ни кони напоити. «Мужа бо мудра посылай, мало ему кажи (скажи); а «безумна посылай, самъ не лѣнися по немъ итти. «Княже мой Господине! не море топитъ корабли; «но вѣтри, а не огнь творитъ разженіе желѣзу, «но надыманіе мѣтное: тако же и Князь не самъ «впадаетъ во многіе въ вещи злыя, но думцы вводятъ; «зъ добрымъ бо думцею Князь высока стола доду«маетца, а съ лихимъ думцею думаетъ, и малаго «стола лишенъ будетъ... Не скотъ въ скотѣхъ «коза, а не звѣрь во звѣрехъ ежь, а не рыба въ ры«бахъ ракъ, не птица въ птицахъ нотопырь, а не «мужъ въ мужехъ, кѣмъ своя жена владѣетъ... Сіи «словеса азъ Даніилъ писахъ въ заточеніе на Бѣлѣ«озерѣ, и запечатавъ въ воску и пустихъ во озеро, «и веемъ рыба пожре, и ята бысть рыба рыбаремъ «и принесена бысть къ Князю, и нача ея пороти, и «узрѣ Князь сіе написаніе и повелѣ Данила свободити «отъ горкаго заточенія... Рѣчь продолжна не добро «продолжена паволока. Господи! дай же Князю на«шему силу Самсонову, храбрость Александрову, Іо«сифовъ разумъ, мудрость Соломоню, кропость Да«видову, и умножи вся человѣки подъ руку его. Лютѣ «бѣснующемуся дати ножь, а лукавому власть, паче«же всего ненавижь стороника перетерялива. Аминь.»

(386) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 256, и главу *о состояніи древней России*, гдѣ мы говоримъ о Словесности.

(387) Въ сіе время уже начинали писать *полкъ*, а не *плъкъ* — *перстъ*, а не *пръстъ* — *сверши*, а не *съвръши*, и проч.

Конецъ Примѣчаній V Тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ

V ТОМА.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ ІОАННОВИЧЬ ДОНСКІЙ.

Стран.

Гнѣвъ Ханскій. Стѣсненіе Князей Удѣльныхъ. Договоръ. Усмиреніе Князя Нижегородскаго. Язва. Великій пожаръ. Каменный Кремль. Частныя побѣды надъ Моголами. Разбои Новогородской вольницы. Междоусобія Тверскихъ Князей. Запустѣніе Херсона. Нашествіе Литвы. Война съ Орденомъ. Сила Мамая. Вторичное нашествіе Ольгерда. Благоразуміе Михаила Тверскаго. Любовь народная къ Димитрію. Знаменія. Возвращеніе Вел. Князя изъ Орды. Война съ Олегомъ. Новое впаденіе Литвы. Междоусобіе. Третіе нашествіе Ольгерда. Избіеніе Татаръ въ Нижнемъ. Послѣдній Тысячскій въ Москвѣ. Война съ Тверскимъ Княземъ. Первая смертная казнь въ Москвѣ. Походъ въ Болгарію. Начало Казани. Нашествіе Моголовъ. Пословица. Побѣда надъ Моголами. Успѣхи въ войнѣ съ Литвою. Дѣла церковныя. Нашествіе Мамаево. Измѣна Олегова. Славная битва Куликовская. Тамерланъ. Нашествіе Тохтамыша. Мужественный Князь Остей. Приступъ къ столицѣ. Вѣроломство Тохтамыша. Взятіе и разрушеніе Москвы. Скорбь Димитрія. Изгнаніе Олега. Возстановленіе Москвы. Изгнаніе Митрополита. Ненависть Князя Тверскаго къ Димитрію. Сынъ Димитріевъ въ Ордѣ. Тяж-

Стран.
кая дань. Миръ съ Олегомъ. Ссора и миръ съ Новымгородомъ. Крещеніе Литвы. Жестокость Князя Смоленскаго. Бѣгство сына Димитріева изъ Орды. Смерть Князя Нижегородскаго. Вражда между В. Княземъ и Владиміромъ. Ихъ примиреніе. Новый порядокъ наслѣдства. Кончина Вел. Князя. Свойства Димитріевы. Строеніе городовъ и монастырей. Дѣла церковныя. Ересь Стригольниковъ. Крещеніе Перми. Сношеніе съ Греціею. Путешествіе Пимена. Италіанцы въ нашей службѣ. Деньги вмѣсто кунъ. Огнестрѣльное искусство въ Россіи. Кометы. Зима до 20 Апрѣля. . . 1.
Г. 1363 — 1389.

ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ДИМИТРІЕВИЧЬ.

Великое Княженіе сдѣлалось наслѣдіемъ Владѣтелей Московскихъ. Характеръ Аристократіи. Договоръ. Политика Василіева. Бракъ. Великій Князь въ Ордѣ. Разореніе Вятки. Нижній Новгородъ и Суздаль присоединены къ Москвѣ. Дѣла съ Новымгородомъ. Нашествіе Тамерлана. Славная икона Владимірская. Бѣдствіе Азова. Дѣла Литовскія. Взятіе Смоленска. Свиданіе Вел. Князя съ Витовтомъ. Россія Литовская. Дѣла Новогородскія. Происшествія въ Ордѣ. Замыслы Витовта. Наши завоеванія въ Болгаріи. Война Витовтова съ Моголами. Эдигей. Кончина Князя Тверскаго. Временная независимость Велик. Княженія. Удача и неблагоразуміе Князя Смоленскаго. Политика Витовта. Неудовольствія Новогородцевъ. Злодѣйство Князя Смоленскаго. Разрывъ съ Литвою. Свидригайло. Войны съ Ливоніею. Наше-

Стран.
ствіе Эдигея. Письмо Эдигеево. Кончина Владиміра Храбраго. Происшествія въ Ордѣ. Дѣла Новогородскія. Язва. Голодъ. Мысль о преставленіи свѣта. Кончина и характеръ Василія. Завѣщаніе. Договоръ съ Рязанскимъ Княземъ. Дары посланные въ Грецію. Дочь Василіева за Императоромъ. Дѣла церковныя. Судная грамота. Разныя извѣстія. Добродѣтель супруги Донскаго . 117.

Г. 1389 — 1425.

ГЛАВА III.

В. К. ВАСИЛІЙ ВАСИЛІЕВИЧЬ ТЕМНЫЙ.

Чудо. Междоусобіе. Язва. Нашествіе Литвы. Съѣздъ въ Литвѣ. Характеръ Витовта. Происшествія Литовскія. Набѣги Татаръ. Судъ въ Ордѣ. Междоусобія. Злодѣйство. Распря съ Новымгородомъ. Рожденіе Іоанна Великаго. Дань Ординская. Изгнанный Ханъ въ Бѣлевѣ. Царство Казанское. Смерть Димитрія Краснаго. Соборъ Флорентійскій. Новая вражда. Дѣла Новогородскія. Войны. Храбрость Мустафы. Нашествіе Царя Казанскаго. Плѣнъ Великаго Князя. Ужасъ и бѣдствіе Москвы. Разбой Князя Тверскаго. Освобожденіе Василія. Землетрясеніе. Злодѣйство Шемякино. Ослѣпленіе Вел. Князя. Безразсудность Шемяки. Пословица. Вѣроломство. Смиреніе Василія. Обрученіе юнаго Іоанна. Изгнаніе Шемяки. Клятва. Благоразумное правленіе Василіево. Булла Папы. Іоаннъ Соправитель. Договоры. Достопамятное посланіе. Послѣдняя изъ знаменитыхъ битвъ Княжескаго междоусобія. Нашествіе Татаръ. Смерть Шемяки. Успѣхи Единовластія. Усми-

Стран.
реніе Новагорода. Рязанскій Князь воспитывается въ Москвѣ. Неблагодарность Василіева. Покореніе Вятки. Дѣла Псковскія. Набѣги Татаръ. Кончина и свойства Василіевы. Жестокость тогдашнихъ нравовъ. Суевѣріе. Перемѣна монеты въ Новѣгородѣ. Дѣла церковныя. Взятіе Константинополя Турками. Начало Крымской Орды 234.
Г. 1425 — 1462.

ГЛАВА IV.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ ОТЪ НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ ДО ІОАННА III.

Сравненіе Россіи съ другими Державами. Слѣдствіе нашего ига. Введеніе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній. Благое дѣйствіе Вѣры. Измѣненіе гражданскаго порядка. Начало Самодержавія. Медленные успѣхи Единодержавія. Постепенная знаменитость Москвы. Зло имѣетъ и добрыя слѣдствія. Выгоды Духовенства: характеръ нашего. Мы не приняли обычаевъ Татарскихъ. Правосудіе. Искусство ратное. Происхожденіе Козаковъ. Купечество. Изобрѣтенія. Художества. Словесность. Пословицы. Пѣсни. Языкъ. 256.

H. HUTMACHER
PAPIERHANDLUNG
BUCHBINDEREI
MÜNCHEN

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Istorija gosudarstva rossijskago

Bd.: 5

Sanktpeterburg' (1834)

Russ. 75 i-5
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10782850-9